

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ ЗАПАДА

ДЖ.С.МИЛЛЬ

**ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ**

I.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

**PRINCIPLES
OF
POLITICAL ECONOMY**
with
some of their applications
to
social philosophy
by
JOHN STUART MILL

edited by
Sir WILLIAM ASHLEY
[1909]

Augustus M. KELLEY Publishers
Fairfield 1976

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

Для научных библиотек

ДЖ.С.МИЛЛЬ

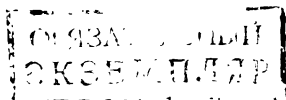
ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

I.

Перевод с английского

Общая редакция члена-корреспондента АН СССР
А. Г. МИЛЕЙКОВСКОГО

Вступительная статья члена-корреспондента АН СССР
А. Г. МИЛЕЙКОВСКОГО и кандидата экономических
наук Ю. Б. КОЧЕВРИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · ПРОГРЕСС · МОСКВА 1980

Редакционная коллегия серии «Экономическая мысль Запада»:
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ (руководитель редколлегии), *В. С. АФАНАСЬ-
ЕВ*, *В. В. ГОЛОСОВ*, *И. Е. ГУРЬЕВ*, *А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ*,
В. И. НЕЗНАНОВ, *С. М. НИКИТИН*, *И. М. ОСАДЧАЯ*, *М. Н. РЫН-
ДИНА*, *Р. М. ЭНТОВ*

Переводчики *А. А. КАЛИНИН*, *Р. И. СТОЛПЕР*

Редактор *О. Г. РАДЫНОВА*

Автор — известный английский эконо-
мист XIX века — предпринял попытку
дать развернутое и систематизированное
освещение основных положений класси-
ческой школы буржуазной политиче-
ской экономики в тесной связи с актуаль-
ным для своего времени социально-
политическими проблемами и идеями.

Подводя итоги сделанному А. Смитом
и Д. Рикардо, книга одновременно проде-
монстрировала невозможность дальнейше-
го научного прогресса в рамках традици-
онного подхода.

Влияние идей Милля, которые легли
в основу буржуазных и отчасти социал-
реформистских учений XIX века, и сейчас
еще живо ощущается в современном за-
падном обществоведении.

Рекомендуется специалистам.

Редакция литературы по экономике

© Перевод на русский язык и вступительная статья,
издательство «Прогресс», 1980

М 10702—353
006(01)—80

612741
56-ВИБА

0602000000

Издание серии «Экономическая мысль Запада» призвано удовлетворить растущие запросы советского читателя, как специалистов-экономистов, так и всех тех, кто стремится углубить свое образование в области политической экономии и ее истории. Одни произведения, включенные в эту серию, никогда не переводились на русский язык, а другие стали библиографической редкостью. Широкая, охватывающая более чем столетний период картина экономической мысли Запада, отраженная в основных произведениях крупнейших буржуазных экономистов, безусловно, сыграет свою роль в более глубоком овладении нынешним поколением советских людей культурными ценностями прошлого.

Настоящее издание преследует и другие цели. В истории развития экономической науки Запада, в опыте ее поисков, ошибок и заблуждений преломляется история развития самого капитализма, полная всякого рода коллизий, столкновений, подъемов и падений. В этом смысле серия произведений есть нечто большее, чем простое изложение эволюции экономической мысли. В такой серии не может не отразиться «драма идей», место действия которой — буржуазная цивилизация Запада, а время действия охватывает почти полтора столетия.

Серия открывается книгой Дж. С. Милля, одного из основателей буржуазно-реформистской концепции социального прогресса. Творчество Милля, последнего из крупных представителей английской буржуазной классической политической экономии, концепции которой явились одним из источников марксизма, выросло в условиях углубляющегося раскола западного общества и его культуры под влиянием классового антагонизма буржуазии и пролетариата. В дальнейшем такие известные экономисты, как К. Менгер, Л. Вальрас, А. Маршалл, Д. Кейнс, работавшие в русле ортодоксальной буржуазной теории, также оказались не в состоянии преодолеть в своих концепциях

этот глубинный раскол. Цели их изысканий не выходили за рамки простого улучшения буржуазного общества, в котором они жили. Но логика научного поиска такова, что их отдельные теоретические положения стали неотъемлемой составной частью буржуазного экономического анализа, учитываются в практике государственно-монополистического регулирования, и их знание составляет непременное условие образования любого экономиста.

Сложный и противоречивый процесс эволюции экономической мысли Запада ставит перед ее марксистской критикой непростую задачу — отделить «зерна от плевел», разоблачить буржуазную ограниченность ортодоксальной экономической науки, не упускать при этом из виду ее роль в обогащении экономических знаний.

Редколлегия

Джон Стюарт Милль — последний представитель классической буржуазной политэкономии. Он создавал свои «Основы политической экономии» в то время, когда в Англии — главной стране капитализма — все большую силу обретал рабочий класс, выдвинувший в период чартистского движения свои первые политические требования. Он был выдающимся ученым. Его монументальное экономическое исследование внимательно изучил К. Маркс, который в своем «Капитале» ссылаясь на верные и интересные наблюдения Милля, одновременно критикуя его за некоторые отступления от гениальных научных открытий Рикардо, составивших вершину достижений классической буржуазной политэкономии.

«Основы политической экономии», которые Милль начал писать в 1845 г., были опубликованы в 1848 г. В том же году К. Маркс и Ф. Энгельс издали свой бессмертный «Манифест Коммунистической партии». Эти две публикации определяют историческую дистанцию, отделяющую классическую политическую экономию — науку, выражавшую классовые интересы буржуазии, которая вступила в стадию своего заката, — от только что нарождавшейся политической экономии пролетариата.

К. Маркс и Ф. Энгельс, прошедшие через испытания классовых битв в Германии и во Франции, своей гениальной интуицией уловили, что время буржуазных революций в Европе подходит к концу. Они вместе с тем осознали, что пролетарская революция на континенте, не поддержанная рабочим классом Англии, «...только буря в стакане воды»¹. Вожди революционного рабочего класса перенесли свою деятельность в Англию, где начали вести борьбу за создание «Международного товарищества рабочих», которое в результате их титанической теоретической и организационно-практической деятельности было осно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 160.

вано в 1864 г. Пролетарская революция 1871 г. во Франции, создавшая Парижскую Коммуну, героическая борьба просуществовавшего всего 71 день первого государства диктатуры пролетариата подготовили предпосылки для грядущих побед рабочего класса. Зверская расправа контрреволюционной французской буржуазии с героическими коммунарами, которая использовала в этом грязном деле помощь прусской военщины, разгромившей армию Наполеона III, показала начавшийся закат европейской буржуазии, которая до этого была исторически прогрессивной силой, освобождавшей народы от гнета феодальной эксплуатации. Главной революционной силой, обеспечивающей социальный прогресс всего человечества, становится рабочий класс.

Дж. С. Миллю, при всей его необыкновенной одаренности, не дано было подняться до уровня гениальных научных открытий К. Маркса и Ф. Энгельса. Чуждой и непонятной осталась для него и их революционная деятельность. Однако этот кабинетный ученый, обладавший мощным аналитическим умом и широким кругозором, имел достаточное мужество, чтобы противостоять реакционным тенденциям в буржуазной политэкономии, оставаться прогрессивным человеком, проникнутым гуманистическими идеями. В годы, когда на книжном рынке господствовали сочинения вульгарных экономистов, которые отреклись от учения Д. Рикардо, вскрывшего экономические причины антагонизма между трудом и капиталом, и рассматривали это учение как источник возникновения опасных социалистических идей, Дж. С. Милль в своих «Основах политической экономии» с исключительной убедительностью и ясностью пропагандирует идеи Рикардо. Блестящая литературная форма, в которой Милль смог изложить учение Рикардо, сделала его более понятным и доступным широкому кругу читателей.

Если принять во внимание указанные обстоятельства, казалось бы, есть все основания считать Дж. С. Милля прямым преемником учения Д. Рикардо и без всяких оговорок внести его имя в список представителей славной плеяды создателей классической политэкономии, которая была подлинно научной для своего времени. Однако, несмотря на несомненные научные заслуги Милля, сделать это нельзя. Дж. С. Милля все же отделяет от них целая историческая эпоха. Дело в том, что А. Смит и Д. Рикар-

до были идеологами революционной буржуазии, вдохновителями бескомпромиссной борьбы с феодализмом и абсолютизмом, провозвестниками буржуазной демократии. Милль же создавал свой главный труд, переиздающийся и поныне, в то время когда английская буржуазия перестала быть революционной. Она нанесла чувствительные удары по феодализму, не прибегая к революционным действиям. Ее требования об отмене хлебных пошлин и введении свободной торговли были реализованы. В этом сыграли большую роль представители так называемой манчестерской школы свободной торговли Р. Кобден и Дж. Брайт, которые в 1845 г., когда Милль приступил к созданию своих «Основ политической экономии», одержали победу на выборах в парламент. На убыль шло и чартистское движение. Защита Дж. С. Миллем экономической теории Д. Рикардо уже не представляла серьезной опасности для буржуазии, тем более что он ни одного шага вперед по сравнению со своим учителем в анализе классовых антагонизмов капиталистического общества не сделал. Вся его книга была проникнута заботой о сохранении капиталистических порядков путем реформ. В этом причина ее популярности на Западе и в наши дни. Она была и остается фундаментальным, основополагающим трудом для всех сторонников буржуазного реформизма, а также идеологов социал-реформизма в рабочем движении.

Почему же в таком случае К. Маркс призывал не сваливать в одну кучу Дж. С. Милля с вульгарными экономистами-апологетами, считая, что такое отношение к нему «было бы в высшей степени несправедливо»². Прежде всего потому, что Милль в отличие от своих современников — буржуазных апологетов — оказался достаточно дальновидным, чтобы понять необходимость учитывать интересы пролетариата и идти на уступки рабочему движению путем реформ. Дж. С. Милль открыто осуждал эксплуатацию труда капиталом. Он не разделял идеи тех буржуазных экономистов, которые являлись сторонниками насильственных методов сохранения буржуазной диктатуры.

Для того чтобы оценить место Дж. С. Милля в буржуазной политэкономии и особое отношение к нему со стороны К. Маркса, надо учесть также, что главный труд

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 625.

К. Маркса «Капитал», имеющий подзаголовок «Критика политической экономии», направлен не только против вульгарной, но и классической политэкономии, которая по условиям своего времени не могла выйти за пределы гносеологического горизонта, обусловленного ее буржуазным мировоззрением. IV том «Капитала», специально посвященный анализу буржуазных теорий прибавочной стоимости и обоснованию К. Марксом закона прибавочной стоимости как абсолютного закона капитализма, — яркое воплощение стратегии К. Маркса в теоретической классовой борьбе. Для нее характерен дифференцированный подход к буржуазным экономистам.

К. Маркс отнюдь не считал характерным для всех буржуазных экономистов раболепие перед капиталом и полную утрату научной совести, несмотря на деградацию буржуазной политэкономии в целом и превращение ее в вульгарную, приспособленческую науку. К числу таких экономистов К. Маркс причислял Джона Стюарта Милля. Вместе с тем К. Маркс отмечал у некоторых экономистов и тенденции прямого разрыва с апологетикой капитализма, т. е. начавшийся процесс разложения буржуазной политэкономии. В качестве таковых К. Марксом характеризуются «пролетарские противники политико-экономов, исходившие из рикардовской теории»³. Однако социалисты-рикардианцы, несмотря на их заслуги в критике капитализма, не смогли преодолеть буржуазные предпосылки рикардовской теории и построить на ее основе учение о социализме. Обвиняя Рикардо в недооценке роли живого труда, они сами чрезмерно преувеличивали его значение, недооценивая роль прошлого труда, воплощенного в средствах производства⁴.

Критика, которой система Д. Рикардо подвергалась справа, наиболее ярко воплотилась в учении Мальтуса, представлявшего интересы землевладельческой аристократии и наиболее реакционной буржуазии. Если рассматривать «Теории прибавочной стоимости» ретроспективно, с точки зрения тенденции развития современной буржуазной политэкономии, то в исследовании К. Маркса мы можем обнаружить чрезвычайно интересные указания на особенности формирования принципов экономической поли-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, с. 245.

⁴ См. там же, с. 285—286.

тики, выдвигаемых отдельными группировками правящего класса, а также социальными слоями и группировками внутри классов.

Примером того, насколько теории прибавочной стоимости связаны с практическими вопросами экономической политики, может служить характеристика К. Марксом политики между Рикардо и Мальтусом по вопросу о ренте, т. е. одной из превращенных форм прибавочной стоимости. «На долю Рикардо, — пишет К. Маркс, — выпало сделать тот теоретический и практический шаг вперед, который вытекал из этой теории... против необходимости частной собственности на землю на основе буржуазного производства и, более непосредственно, против всех тех мероприятий государства, вроде хлебных законов, которые содействовали росту этой земельной собственности. Единственный практический вывод, сделанный Мальтусом, состоял в защите покровительственных пошлин, которых требовали в 1815 г. лендлорды, — сикофантская услуга аристократам, — и в новом *оправдании* нищеты производителей богатства, в новой апологии эксплуататоров труда. С этой стороны — сикофантская услуга капиталистам-предпринимателям»⁵.

Но спор между Рикардо и Мальтусом в то же время выходил далеко за пределы конкретных вопросов экономической политики и касался общих проблем и перспектив исторического развития. К. Маркс пишет, что уже первое сочинение Мальтуса о законах народонаселения «...преследовало *практическую* цель — «экономически» доказать, в интересах *существующего* английского правительства и *землевладельческой аристократии*, утопичность преобразовательных стремлений французской революции и ее сторонников в Англии. Словом, это был панегирический памфлет в защиту существующего строя против исторического развития; к тому же это было и оправданием войны против революционной Франции»⁶.

Тот факт, что политическая экономия Рикардо вскрывает, по словам К. Маркса, «самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития»⁷, делает ее объектом атаки всех реакционеров, стремившихся задержать это историческое развитие. Не случайно поэтому аме-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 122.

⁶ Там же, с. 124.

⁷ Там же, с. 179.

риканский экономист Кэри в книге, опубликованной в Филадельфии в 1848 г., по словам Маркса, «доносит на Рикардо, как на отца коммунизма»⁸. Приверженность теории Рикардо и защита ее в этих условиях Дж. С. Миллем, безусловно, достойны уважения.

Открытие классической политэкономией закона трудовой стоимости сыграло огромную роль в теоретическом и идеологическом обосновании буржуазной революции, обеспечившей становление капиталистического способа производства и буржуазного общественного строя. Однако движущей силой развития капитализма является не закон стоимости, а закон прибавочной стоимости. С методологической точки зрения нельзя не признать парадоксальным тот факт, что буржуазные экономисты не смогли выявить и теоретически объяснить существование этого закона. Буржуазные теории прибавочной стоимости ограничивались лишь анализом категорий прибыли, процента и ренты, т. е. внешних форм проявления прибавочной стоимости.

Честь открытия закона прибавочной стоимости принадлежит гению К. Маркса. В отличие от буржуазных экономистов К. Маркс, который исследовал общественное развитие с точки зрения интересов рабочего класса, обнаружил, что под оболочкой капиталистических производственных отношений в результате роста производительных сил создаются материальные и социальные предпосылки для перехода к социализму. Открытый им закон прибавочной стоимости доказал необходимость и неизбежность пролетарской социалистической революции. К. Маркс открыл закон прибавочной стоимости, не выходя за рамки закона стоимости. Именно поэтому буржуазная политэкономия предприняла попытки извратить сущность закона стоимости в интересах апологетики капитализма и борьбы с революционным движением рабочего класса, теоретическим выражением интересов которого явился марксизм.

К. Маркс в IV томе «Капитала» выявляет две важнейшие долговременные тенденции развития буржуазной политэкономии в связи с закономерностями классовой борьбы. Одна из них ведет к консолидации наиболее консервативных и реакционных буржуазных экономистов по мере того, как классовая борьба принимает угрожающие фор-

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 179.

мы. Другая, в результате действия этой же причины, ведет к размежеванию сил среди либеральных буржуазных экономистов. Некоторые из них, осознающие необходимость считаться с мощью рабочего класса и идти на уступки его требованиям, становятся глашатаями буржуазного реформизма. Другие, преодолевая узость и ограниченность своего классового кругозора, переходят на сторону рабочего класса и становятся участниками рабочего движения. К. Маркс отмечает, что после того, как буржуазия в Англии завоевала политическую власть, «...буржуазная политическая экономия как наука... сделалась невозможной. При таких обстоятельствах ее представители разделились на два лагеря. Одни, благоразумные практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорски гордые достоинством своей науки, последовали за Джоном Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое»⁹.

Но буржуазия Англии не могла безмятежно пользоваться плодами обретенной политической власти, ее пугала растущая политическая активность рабочего класса. «Континентальная революция 1848 г., — писал К. Маркс, — отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это — банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»¹⁰.

Как критик капитализма, Н. Г. Чернышевский значительно превосходил Дж. С. Милля, он видел слабости Милля по сравнению с Рикардо. Н. Г. Чернышевский критиковал Милля за его попытку разрешить противоречия между капиталом и трудом при помощи частичных исправлений в системе экономического строя капитализма. Н. Г. Черны-

---

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 18.

¹⁰ Там же, с. 17—18.

шевский не признавал возможности компромисса с представителями вульгарной буржуазной политэкономии, с которыми Милль старался поддерживать добрые отношения.

Дж. С. Милль, стремясь упрочить капитализм путем реформ, не затушевывал, однако, его противоречия. Но в отличие от Рикардо, который не видел путей примирения между трудом и капиталом и считал неизбежным спутником накопления капитала нищету масс, Милль старался поддерживать иллюзии о возможности постепенного уравнения доходов в результате государственного вмешательства в их перераспределение путем налогов. Он возлагал также надежды на то, что создание кооперативов и производственных ассоциаций может улучшить положение трудящихся, верил в возможность перехода к социализму путем нравственного совершенствования людей. Тем не менее критика Дж. С. Миллем капитализма была столь убедительной, что привлекла внимание Н. Г. Чернышевского, который в 1860—1861 гг. предпринял перевод труда Дж. С. Милля на русский язык, чтобы иметь возможность, комментируя отдельные его положения, высказать свои революционные взгляды.

В журнале «Современник» начиная с февраля и до конца 1860 г. печаталась первая книга Дж. С. Милля под названием «Основания политической экономии», которую переводчик сопровождал примечаниями, а также различными добавлениями, выделяя их в очерки-комментарии к отдельным главам. В 1861 г. «Современник» опубликовал «Очерки из политической экономии (по Миллю)», в которых рассматривалось содержание последующих четырех частей его труда. В них Н. Г. Чернышевский ограничивался приведением отдельных отрывков из труда Милля. Главное содержание «Очерков» составляли обширные систематизированные комментарии Н. Г. Чернышевского, в которых он излагал свою концепцию и вел пропаганду социалистических идей. Однако в результате вмешательства цензуры пришлось изъять первые две главы второй книги Дж. С. Милля, так как в них речь шла о коммунистической собственности, противопоставляемой частной собственности.

Перевод Н. Г. Чернышевским труда Дж. С. Милля представлял собой вместе с его примечаниями и дополнениями целостное произведение, в котором, по словам пе-

реводчика, экономической «теории капиталистов» противопоставлялась «теория трудящихся»¹¹. Н. Г. Чернышевский, будучи переводчиком, одновременно выступил рецензентом и критиком труда Дж. С. Милля¹². Н. Г. Чернышевского, как идеолога революционной демократии, глубоко понимавшего антагонизм общественных отношений, раздражало несколько снобистское отношение Дж. С. Милля к английским рабочим. Об этом можно судить по его реакции на утверждение Милля, что у английских работников голова кружится, когда «идея равенства входит в мысль». Чернышевский так комментирует это высказывание: «Нельзя оставить без замечания... слов Милля, что голова кружится у английских работников, когда они начинают мечтать о равенстве, и что они становятся наглыми, когда перестают быть раболепными. Так говорили еще римские патриции о плебеях, а прежде того греческие эвпатриды о демотах, а после того английские лендлорды о самих английских фабрикантах»¹³.

К. Маркс, изучая Дж. С. Милля, учитывал прагматический подход последнего представителя классической политической экономии к прочно укоренившемуся в Англии капитализму и ценил в нем искреннее стремление добиться облегчения участи рабочего класса путем реформ в рамках капитализма. С точки зрения К. Маркса, в этом сказался не столько снобизм Милля в отношении рабочего класса, сколько достойная уважения способность противостоять архиреакционной политике псевдоученых типа Мальтуса и Бастиа.

Таким образом, многоплановую работу Дж. С. Милля можно читать и интерпретировать по-разному. «Основы политической экономии» — книга, которая входит в круг чтения всех образованных экономистов капиталистического мира. Каждый из них прочитывает ее по-своему. В зависимости от политических позиций этих экономистов они в ней могут обнаружить факты в пользу апологетики капитализма и в такой же мере найти доводы против изживающего себя буржуазного общества, не оправдавшего многие благородные устремления Дж. С. Милля. Из

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, с. 43.

¹² См.: М. С. Черепанов. Н. Г. Чернышевский. М., «Мысль», 1977, с. 73—74, 91—92.

¹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, с. 173.

всех школ современной буржуазной политэкономии Дж. С. Милль оказал наибольшее влияние на социально-институциональное направление. Это, в частности, касается его трактовки роли государства.

Советскому читателю полезно ознакомиться с книгой, а также с основными вехами жизни, творчества и общественной деятельности ее автора, который был не только экономистом, но также философом, социологом и специалистом в области логики. Для этого мы включаем в предисловие довольно подробную биографию Дж. С. Милля, а также критический анализ важнейших разделов его книги.

Джон Стюарт Милль родился 20 мая 1806 г. в Лондоне в семье Джеймса и Гарриет Милль. Он был старшим из девяти братьев и сестер. Такие большие семьи не были редкостью в Англии того времени, и, хотя не все дети доживали до зрелого возраста, многочисленность потомства обрекала мать на пожизненные тяжелые домашние и семейные заботы. Для Дж. С. Милля образ матери навсегда остался символом женского бесправия и тяжелого труда, связанного с рождением и воспитанием детей. Впоследствии, став одним из основателей движения за женское равноправие, он не случайно связал это движение с пропагандой ограничения рождаемости.

Из этого обширного семейства история оставила нам две фигуры, ярко выделяющиеся на общем фоне многочисленных предков и потомков: Джеймс Милль и его сын Джон Стюарт Милль. Замечательный по своим интеллектуальным качествам отец воспитал не менее выдающегося сына — пример, не часто встречающийся в истории. Поэтому любая биография Дж. С. Милля не может обойтись без характеристики личности и заслуг его отца, воздающей должное его роли в формировании личности своего выдающегося сына.

Джеймс Милль был сыном бедного шотландского священника. Он рано отказался от духовной карьеры и собственным трудом пробил себе путь в научную и культурную элиту Англии. Среди тех, с кем он поддерживал постоянные научные и дружеские связи, были философ И. Бентам, политэконом Д. Рикардо, историк Д. Грот. Отдавая дань восхищения блестящему научному таланту своего современника и друга Д. Рикардо, Джеймс Милль написал под его влиянием «Элементарный курс полити-

ческой экономии» (1821), в котором задался целью изложить в стройной логической форме основные научные завоевания рикардianской школы политической экономии. Хотя впоследствии было показано, что Милль-отец кое в чем упростил и даже ухудшил Рикардо в духе Ж. Б. Сэя (в частности, он полностью поддерживал пресловутый закон рынков Сэя об автоматическом равенстве совокупных спроса и предложения), но его книга пользовалась большим авторитетом и он вошел в историю экономической мысли в качестве «малого классика» английской буржуазной политической экономии, на которого ссылались многие последующие ученые.

Вынужденный заботиться о прокормлении многочисленного семейства, Джеймс Милль лишь в конце жизни достиг относительного материального благополучия, став видным чиновником Ост-Индской компании, этого своеобразного, пользовавшегося широкими правами автономии министерства по делам Индии. Тяжелая, полная трудов жизнь закалила его характер, сделав из него человека непреклонного и сурового, требовательного к себе и другим, принципиального и последовательного в своих убеждениях. Противник косности и застоя, безгранично веривший в возможности человека и человечества на пути прогресса, Джеймс Милль стоял у истока многих демократических реформ Англии, в том числе реформы избирательного права, уничтожившей привилегии дворянства. Этот человек своим стоическим характером, несгибаемой волей, интеллектуальной энергией невольно напоминает нам образы философов древности.

Но среди всех превосходных качеств Джеймса Милля было одно, которое отличало его от многих других выдающихся людей. Он не просто любил своих детей — он посвятил свою жизнь их воспитанию. Прежде всего это относилось к его старшему сыну, Джону. Последний стал объектом уникального в истории педагогики эксперимента. Он не знал ни школы, ни университета, ни домашних учителей. Единственным его учителем был отец, а с восьми лет уже сам Джон Стюарт приступил к обучению своих младших братьев и сестер.

Оценивая результаты этого эксперимента, нельзя не учитывать, что его объектом был исключительно одаренный ребенок, в полном смысле слова вундеркинд. Джон Милль впоследствии писал, что его первые воспоминания

относятся к трехлетнему возрасту, когда он уже умел читать и писать по-английски и когда отец начал преподавать ему древнегреческий. Время обучения английскому он просто не запомнил — в столь раннем возрасте это происходило. Начиная с двенадцати лет мальчик перешел в основном на самообразование — в объеме, значительно превышавшем любые университетские курсы того времени. К четырнадцати годам это был блестящий, необычайно широко эрудированный юноша, обладавший глубокими познаниями в таких областях, как история, математика, логика, философия и политическая экономия. Кроме того, он владел древними и новыми языками (древнегреческим, латынью, французским, немецким), был начитан в древней и новой литературе. Некоторая разбросанность и несистематический характер, уклон в сторону так называемого классического образования (древние языки и т. д.) искупались тем, что эти знания были добыты самостоятельным трудом и усвоены критически.

Какую же роль сыграло своеобразное домашнее воспитание в формировании такого выдающегося ученого, каким стал Милль-сын впоследствии? Сам Милль придавал особенностям своего воспитания решающее значение. Он с осуждением писал о том экстенсивном и позднем обучении, которое является уделом большинства его сверстников. Будучи человеком чрезвычайно скромным, никогда не переоценивавшим своих достижений, он тем не менее считал, что к четырнадцати годам обогнал своих сверстников в объеме познаний на четверть века!¹⁴ Знакомаясь с объемом и уровнем его детских занятий, нельзя сказать, что он преувеличил дистанцию разрыва. Сомнение вызывает другое. Никакие десятилетия не позволили бы уму обыкновенному освоить те знания, которые за считанные годы впитал ум гениального ребенка. Такие интенсивные занятия в столь раннем возрасте имели и свою печальную сторону. С грустью отмечал Милль в зрелые годы: «Я никогда не был ребенком, никогда не играл в крикет; лучше было бы, если бы природа шла своим путем».

Впрочем, менее всего соответствует действительности представление о Милле как о далеком от жизни, замученном умственными занятиями книжнике. С детских лет и

---

¹⁴ A. Bain. John Stuart Mill: A Criticism. London, 1882, p. 21.

буквально до последних дней жизни он избрал свой способ сочетания умственных и физических занятий: длительные пешие прогулки и походы по живописным английским лугам, по горам Южной Франции, во время которых обдумывались и обсуждались его лучшие замыслы. Когда Миллю было тринадцать лет, отец изложил ему во время ряда пеших прогулок только что вышедшие в свет «Начала политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо. Это знакомство состоялось очень кстати; в скором времени молодой Милль уехал на год во Францию, где ему представился случай познакомиться со многими выдающимися учеными того времени. Во Франции он жил в семье брата английского философа Бентама. Эта семья много путешествовала. Круг ее интересов лежал в сфере общественной жизни и общественно-политической мысли Франции. Это обстоятельство позволило Миллю встретиться со сторонниками французского философа и социалиста Сен-Симона, с известным экономистом Ж. Б. Сэем. Перемены, связанные с путешествиями, позволили несколько отвлечь Милля от того сурового режима занятий, который стал для него привычным с ранних детских лет. Обычно он ежедневно занимался по 9—10 часов. История сменялась логикой, логика математикой, математика языками. Дневник, начатый во Франции, показывает, что первые недели проходили в столь же неукоснительном режиме¹⁵. Поражает объем прочитанного, глубина критических замечаний по ходу чтения. Уже в четырнадцать лет Милль был способен остро подмечать ошибки изложения, несовершенство логического построения доказательств. Но в дальнейшем светский образ жизни семьи Бентамов, переезды с места на место ломают этот изнурительный ритм занятий, что, безусловно, благотворно повлияло на будущее физическое и духовное здоровье Милля.

Однако по отношению к своим собеседникам Милль выступает как зрелый ум, поражая их глубиной и широтой познаний. Эти беседы завершали определенный этап воспитания юноши, готовили его к той практической социальной деятельности, в которую ему в скором времени предстояло окунуться. Вернувшись в Англию, Милль поселился в Лондоне и в скором времени приобщился к по-

---

¹⁵ A. Bain. John Stuart Mill: A Criticism, p. 13—23.

литической деятельности своей страны. Англия 20-х годов прошлого столетия давала богатую пищу для размышлений впечатлительной натуре молодого человека. Ужасающая бедность трудящихся слоев населения, скученность и антисанитария лондонских трущоб, вид бедных рабочих семей, в которых, как правило, было не менее десяти детей, — вот впечатления, вынесенные Миллем из его прогулок по Лондону. В сознании современного человека Англия того времени ассоциируется с романами Ч. Диккенса. Вспоминая его описания лондонских трущоб, невольно представляешь себе молодого Милля, размышляющего о возможных путях искоренения социального зла.

С непосредственностью молодости семнадцатилетний Милль занялся пропагандой ограничения рождаемости среди трудящихся женщин. Он раздавал составленные им самим листовки, в которых содержались рецепты сознательного ограничения размера семьи. В Англии того времени откровенный разговор на тему ограничения рождаемости был столь вызывающим нарушением благопристойности, что Милль даже попал на несколько дней под арест.

После бурного эпизода с пропагандой ограничения рождаемости Милль в скором времени с помощью отца занял место скромного чиновника Ост-Индской компании, где его отец к тому времени занимал видное положение. В это же время он приобщился к деятельности политического кружка молодых, радикально настроенных интеллигентов, издававших свой собственный журнал «Вестминстер ревью». Этот кружок не был удовлетворен сложившейся к тому времени в Англии двухпартийной борьбой тори и вигов, прежде всего потому, что не видел в ней перспектив для осуществления более широких политических реформ. Злободневные политические лозунги Англии того времени были направлены против так называемых «гнилых углов» — обезлюдевших избирательных округов, за счет которых тори получали места в парламенте, — а также против «хлебных законов», обрекавших трудящихся на дороговизну продовольствия.

Радикальный кружок, в который вступил Милль, стремился к большему: к подлинному расширению народного представительства в парламенте. По существу, его деятельность составляла ядро будущего движения за всеобщее избирательное право. К кружку примыкали Д. Рикар-

до и Джеймс Милль. Его идейным вдохновителем был философ и проповедник Иеремия Бентам. Этот человек был основателем утилитаризма — нравственно-философского учения, которое впитало в себя многие идеи английских рационалистов и французских просветителей.

И. Бентам разработал принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа людей», который он положил в основу нравственного разграничения между добром и злом. По его мысли, общество должно быть построено таким образом, чтобы чувство долга — понимаемого как социальный долг индивидуума перед обществом — и стремление к собственной выгоде не вступали в конфликт друг по отношению к другу. Одним из выводов его системы было требование представительного правительства, которое, выражая интересы большинства граждан, разрабатывало бы нравственный кодекс, обязательный для всех. Бентам также впервые предпринял попытку своеобразной анатомии понятия «счастье», рассмотрев его как сложный психологический объект, характеризующийся длительностью, интенсивностью, близостью или отдаленностью во времени, вероятностью и т. д.

Известно, что К. Маркс высмеивал нравственное учение И. Бентама, рассматривая его как квинтэссенцию буржуазного «здравомыслия»¹⁶. Однако политические выводы Бентама в пользу расширения избирательного права, безусловно, находились в русле прогрессивного буржуазного реформизма своего времени.

Характер политической направленности философии Бентама больше всего вдохновлял молодых радикалов на деятельность, поскольку сообщал ей конкретную социальную цель: борьбу за избирательную реформу. Но осознание этой цели шло чрезвычайно медленно, наталкиваясь на укоренившиеся предрассудки социальной среды, из которой вышли участники радикального кружка. Насколько сильны были эти предрассудки, можно судить по тому, что один из идейных вождей этого движения, Милль-старший, в своем «Эссе о правительстве» («Essay on Government», 1820) решительно вычеркнул женщин из состава буду-

---

¹⁶ «Ни в какую эпоху, ни в какой стране не было еще философа... который с таким самодовольством вещал бы обыденнейшие банальности», — писал К. Маркс о Бентаме. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 623.

щих избирателей. Так же он поступил и с большей частью рабочего класса.

По его мысли, избирательный корпус должен состоять из самостоятельных граждан: чиновников, буржуа, ремесленников, квалифицированных рабочих — отцов семейств старше сорока лет. Консервативный английский политический деятель Маколей в своем критическом обзоре этого сочинения не замедлил подметить его внутреннюю непоследовательность и противоречия. Критика Маколея произвела глубокое впечатление на молодого Дж. С. Милля, поскольку она обнажала слабость идейных позиций их движения. Отсутствие глубокой теоретической базы восполнялось в нем спорными нравственными установками, которые выдавались за знание законов человеческой природы. Помимо того что сочинение отца вызвало несогласие сына в политическом плане, поскольку он уже тогда значительно шире смотрел на задачи избирательной реформы, оно обнажило перед ним пороки философии утилитаризма, основанной на соединении эмпирического подхода к действительности с «вечными» нравственными нормами.

Эмпиризм восходил к традиции английской философии, связанной с именами Бэкона, Локка и Юма. Будучи перенесена на сферу нравственной жизни, эта традиция в утилитаризме Бентама достигла степени логического абсурда. Человек, согласно представлениям утилитаристов, рассматривался как своеобразная вычислительная машина, строго рассчитывающая «издержки» и «удовольствия» от всякого своего поступка ¹⁷.

Джон Милль никогда окончательно не порывал с философией утилитаризма, поскольку соображения всеобщего человеческого «блага» с юных лет и до конца жизни занимали центральное место в его мировоззрении. Но узкая трактовка этого вопроса в сочинениях Бентама стала для него совершенно неприемлемой. Крушение авторитета учителей, к которым относился и его отец, вызвало в душе двадцатилетнего юноши ощущение тягостной пустоты. К этому еще добавился ряд обстоятельств личного порядка. Он чувствовал, что все больше превращается в своего

---

¹⁷ Автор «Алисы в стране чудес» Льюис Кэрролл, подшучивая над принципами утилитаризма, заставляет свою героиню размышлять над тем, послужит ли удовольствие от сплетенного венка достаточной наградой за хлопоты, связанные с собиранием ромашек.

рода «рассуждающую машину». Он также чувствовал, что и окружающие все больше воспринимают его как эрудированного, но сухого логика и полемиста, готового даже поэзию, музыку, литературу разложить на составные элементы. Трагедия его воспитания, лишившая его живых жизненных впечатлений, тяготела над ним подобно проклятию.

Все это соединилось вместе, приведя двадцатилетнего Милля в состояние тяжелого душевного кризиса, поставившего молодого человека на грань полной психической катастрофы. Вспоминая этот период, Милль писал в своей «Автобиографии»: «Я был в подавленном душевном состоянии... состоянии, в котором, как мне кажется, обычно пребывают методисты, когда их впервые постигает «сознание греха». В этом душевном состоянии мне захотелось задать самому себе вопрос: «Предположим, что все цели твоей жизни осуществлены, что все изменения в учреждениях и воззрениях, которых ты добиваешься, могут быть реализованы в это самое мгновение: доставит ли это тебе полную радость и счастье?» И неумолимая совесть отчетливо сказала: «Нет!» Сердце во мне оборвалось, и основание, на котором покоилась моя жизнь, рухнуло»¹⁸.

Путь Дж. С. Милля к душевному выздоровлению был продолжителен и труден. Впоследствии сам он считал, что главную роль на этом пути сыграло проснувшееся в нем чувство сострадания к ближним. По-видимому, в той конструкции всеобщего человеческого счастья, которую возвел в своей душе молодой Милль, не хватало простого чувства участия к человеку. Вместе с пробуждением этого чувства пришел и бескорыстный интерес к поэзии, музыке. Одновременно происходит решительный поворот в направлении философских интересов. Милль обращается к немецкой философии. Здесь его глубоко интересует система Иммануила Канта. Этот интерес был реакцией на эмпиризм английской школы. Его привлекает мысль Канта о фундаментальной закономерности всего сущего: как физического, так и нравственного мира. Впоследствии учение Канта о трансцендентности объективного мира и об интуитивном постижении этого мира своеобразным образом преломилось в философии научного познания, раз-

---

¹⁸ J. S. Mill. *Autobiography*. Ed. by J. Stillinger. Boston, 1969; p. 80—81.

работанной Миллем. Соотношение между фундаментальными и эмпирическими законами науки, данное в этой философии, еще несет на себе следы кантианского подхода, но одновременно разрушает непроходимую стену между «вещью в себе» и «вещью для нас».

К этим же годам относится встреча и оживленная переписка Милля с видным последователем учения Сен-Симона д'Эйшталем. Это было первое серьезное обсуждение проектов социалистического переустройства общества; впоследствии Милль неоднократно возвращался к этой теме. К двадцатипятилетнему возрасту можно отнести завершающий этап формирования основных особенностей мировоззрения Милля. Свой основной девиз Милль заимствовал у Гёте — многосторонность. Он относил этот девиз не только к широте и многообразию познаний, но и к развитию самой личности.

Жизненная позиция Дж. С. Милля оформилась в основных чертах в десятилетие, следовавшее за описанным душевным кризисом. В этот период, в возрасте между двадцатью и тридцатью годами, в его жизни произошли события, завершившие тот процесс, который начался душевным кризисом и пересмотром утилитаристского нравственного идеала. В ряду этих событий важное место заняло посещение Франции в период революции 1830 г. Впечатление от этого посещения нашло свое выражение в серии статей под характерным названием «Дух времени» («The Spirit of the Age», 1831). Революционные события во Франции 1830 г., завершившиеся свержением короля Карла X, явились первой ласточкой, знаменовавшей грядущую череду революционных потрясений после длительного периода реакции, порожденной последствиями Великой французской революции. Под воздействием этих событий Милль разрабатывает свою философию истории, в которой черты необходимости, взаимосвязи отдельных исторических событий занимают центральное место. Эта, по сути дела, эволюционная концепция исторического процесса противостояла учителям Милля из лагеря утилитаристов, включая его отца, которые склонны были рассматривать историю как набор случайных, зачастую нелепых событий, в которые интеллектуальная элита призвана внести порядок, приведя человечество к Просвещенному Парламентаризму в духе английского прогрессивного идеала. Недаром один из последователей

Бентама заявил: «Счастлива та нация, у которой нет истории»¹⁹. Напротив, Милль полагал, что всякий исторический этап развития общества содержит в себе не только урок на будущее, но и несет определенное положительное содержание в процессе прогрессивного восхождения человечества. Рабство, средневековье, абсолютизм — необходимые звенья такого восхождения. На этом пути человечество постоянно претерпевает смену органических и переходных фаз развития. Именно в очередной переходной фазе оказалось европейское общество, по мнению Милля, в 30-е годы XIX в. В этот период, не отказываясь от попыток осмысления генеральных тенденций исторического развития, не следует пренебрегать возможностью даже небольшого продвижения по пути прогресса. По мысли Милля, развитие общей социологии не должно застревать в бесплодных спорах и мешать практическому социальному действию, коль скоро такое действие назрело.

Эти размышления были тесно привязаны к развитию событий в самой Англии. Начало 30-х годов было временем бурных рабочих выступлений, восстаний крестьян-арендаторов, смены правительственных кабинетов. Было очевидно, что тори не могли далее править страной. Пришедшие им на смену виги провели в 1832 г. через парламент «Билль об избирательной реформе». Говорить о значительной победе революционных сил не приходилось. Этот закон был явным компромиссом между буржуазией и дворянством. Ни рабочие, ни женщины не получили избирательных прав. Не был даже осуществлен умеренный проект избирательной реформы Милля-отца, поскольку наиболее населенные промышленные округа не получили пропорционального представительства. Но к этому времени Дж. С. Милль уже был достаточно умудрен житейским опытом, чтобы не ждать непредвиденных и крутых перемен на том пути эволюционного развития, который он считал желательным для Англии.

В публицистической деятельности Милля в 30-е годы проявляется тенденция противопоставлять различные идеологические течения, иногда противоположные, с тем чтобы из этого столкновения извлечь некий положительный результат. В двух биографических очерках его вид-

---

¹⁹ E. August. John Stuart Mill. A Mind at Large. New York, 1975, p. 37.

ных современников — Бентама и Кольриджа — противопоставлялись «разумный эгоизм» бентамовского толка и традиционализм известного поэта и философа Кольриджа. Попытка рассмотреть законы разумной организации человеческого общества в контексте исторических традиций своей страны и соотносить свои политические программы с силой этих исторических традиций — вот, собственно, тот конкретный философский и социальный опыт, который Милль извлек из столкновения Бентама и Кольриджа. Здесь как нельзя лучше проявилась та особенность методологии Милля, которую К. Маркс назвал «синкретизмом», т. е. сплавом, составленным из разнородных оснований. Вопрос состоит в том, насколько органичным был этот сплав, насколько в нем преобладали черты единства над чертами простой эклектики.

В той открытости, с которой Милль относился к различным философским и идейным традициям, существовала своя избирательность. Его увлечение консервативным радикализмом — историком Карлейлем, философом Кольриджем — было данью интересу к английской истории и английской традиции. В дальнейшем он решительно разошелся с этим идейным течением, имевшим откровенно реакционный политический оттенок. Зато постоянным и всевозрастающим был его интерес к социализму во всех тех проявлениях, которые были ему доступны (марксистское учение пришло в Англию, когда Миллю было уже за шестьдесят). Будучи последовательным защитником самой широкой представительной демократии, Милль одновременно извлек чрезвычайно важный для себя урок из особенностей развития США. Большое впечатление произвела на него книга французского историка де Токвилля «Демократия в Америке» (A. de Tocqueville. *La democratie en Amerique*, 1835). Милль рано осознал опасность «тирании большинства», когда оно направляется злой политической волей. Поэтому в его позднейших сочинениях, посвященных философии политической деятельности, в частности в трактате «О представительном правительстве» («*Considerations on Representative Government*», 1861), особое внимание наряду с защитой принципа представительной демократии уделено гарантии прав всякого рода политических меньшинств: по расовому, половому, возрастному, этническому и другим признакам. Фигура Милля, со всеми ее противоречиями, стоит у ис-

токов идеологии буржуазного реформизма — идейного течения, вобравшего в себя наиболее умеренные и осторожные силы буржуазии, объединенные в середине прошлого столетия непримиримым классовым антагонизмом европейского общества.

Крушение утилитаристского идеала, увлечение поэзией и музыкой, интерес к происхождению эстетического и этического идеала — все это было связано с одним событием в жизни Милля, определившим всю его последующую биографию, а во многом и развитие его мировоззрения. В 1830 г. он познакомился с женщиной, которой впоследствии, через двадцать лет, предстояло стать его женой. Это была Гарриет Тэйлор, жена состоятельного буржуа, мать двоих детей. Она интересовалась радикальными политическими идеями, и ее дом стал местом встреч для Милля и его друзей.

Духовное общение этих двух людей сообщило, по свидетельству Милля, новый стимул и новое качество всей его последующей деятельности. Более того, Милль утверждает, что от Г. Тэйлор непосредственно исходили наиболее глубокие идеи его сочинений в области логики, философии, политической экономии и т. д. К этому утверждению, высказанному Миллем на склоне лет в его «Автобиографии», необходимо отнестись с определенной осторожностью. Г. Тэйлор обладала блестящим умом, необычайно живым характером, глубоко эмоциональной натурой. Под ее влиянием Милль стал буквально апостолом знаменитого суффражистского движения, прокатившегося во второй половине XIX столетия по Европе, России и Америке.

Мысли Дж. С. Милля относительно необходимости гармоничного сочетания артистического и логического, или интуитивного и рационального, начал во всех областях деятельности прослеживаются во многих сочинениях, начиная с 40-х годов²⁰. Милль считал, что наука и искусство, как две взаимодействующие сферы духовной деятельности, необходимо дополняют друг друга. При этом за каждой из этих сфер закрепляются свои специфические задачи. Наука, будучи выражением рационального,

---

²⁰ Основные работы Дж. С. Милля, где раскрываются эти вопросы: «Система логики...» («The System of logic...», 1843), «Утилитарианизм» («Utilitarianism», 1863).

анализирующего начала человеческой психики, способна лишь на частичное освоение и объяснение действительности. Поэтому в области практической деятельности, где как перед человеком, так и перед обществом возникает вопрос цели, наука сама в себе не содержит ответа на этот вопрос. Всякая практическая задача есть интегральная цель деятельности, зависящая от такого понимания действительности, которое неизбежно включает в себя некий аналитически неразложимый остаток. Всякий переход от науки к практической деятельности, от исследования к постановке практической цели есть, пользуясь гегелевской терминологией, прыжок из царства необходимости в царство свободы и как таковой не может быть осуществлен методами науки. Практическая деятельность как в личном, так и в общественном плане выходя за рамки собственно науки, есть область искусства, понимаемого в самом широком значении, т. е. область, связанная со способностью к интуитивной интегральной оценке действительности²¹. Наука может дать лишь способы решения практических задач, которыми пользуется искусство, проверяя соответствие этих способов поставленным целям.

Всякая практическая деятельность человека начинается с постановки цели, но конечным основанием всякой цели служит достижение блага, т. е. определенного удовлетворительного результата. Однако то, что для одних представляется удовлетворительным результатом, для других может быть величайшим злом. Тем самым Милль приходит к обоснованию моральной стороны всякой практической деятельности. Этическая проблема, таким образом, состоит в нахождении критериев общественного блага. Вся деятельность Милля в конечном счете направлялась поисками этического идеала, критерия различения добра и зла в конкретно-историческом социальном аспекте. Его первоначальное разочарование в утилитаризме отнюдь не прекратило эти поиски, а, наоборот, придало им новую энергию.

Дж. С. Милль рано осознал, что применительно к обществу решающий вопрос состоит в том, что есть общее благо, является ли оно суммой индивидуальных благ либо

---

²¹ Английское слово «art» означает одновременно «искусство» и «мастерство».

же, напротив, индивидуальные блага есть лишь аспект единого, сознательно предпринятого социального действия. При решении проблемы общественного блага он пытался сочетать личностный подход с обобщенно-социальным подходом. Иными словами, его мысль в отношении общественного блага развивалась в сугубо этическом русле, лишь временами достигая уровня рекомендаций в области социальной политики.

Важность учитывать интересы разного рода меньшинств при решении задач достижения наибольшего общественного блага (о чем мы уже упоминали), разнокачественность различных благ и разное их значение для разных людей, что ведет к невозможности суммирования их и создания однозначного количественного выражения суммы благ, — вот лишь некоторые проблемы, с которыми столкнулся Милль при разработке своей этической концепции.

К примеру, что значит лозунг утилитаристов «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей», если учесть разнокачественный и несопоставимый характер разных видов «счастья», или «удовлетворения». Ведь с точки зрения этого лозунга футбольный матч следует явно предпочесть симфоническому концерту, поскольку первый приносит значительно более острое удовлетворение большему числу людей, чем второй. С другой стороны, может ли вообще «удовлетворение» или «удовольствие» входить в качестве ингредиента в понятие общего блага? Ведь сугубо «человеческое» в человеке стремится не к «удовольствию», а к духовному совершенствованию, к известной полноте жизни. Критикуя традиционный утилитаризм с этой стороны, Милль афористически пишет: «Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей»²². Отмечая все эти пункты критического осмысления этических проблем, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что изыскания Милля в области этики пролегли по очень узкому и опасному маршруту, ограниченному, с одной стороны, трясинной интуитивизма, а с другой — плоской равниной утилитаризма. Критикуя последний, Милль не отказывался от категории «общественное благо», как отражающей социальную дей-

---

²² J. S. Mill. *Utilitarianism, On Liberty and Considerations on Representative Government*. Ed. by H. B. Acton. London, 1972, p. 9.

ствительность, как имеющей реальное значение в качестве руководства к социальному действию. Однако эта категория перестает у него быть результатом наивного арифметического подсчета, а предстает в виде сложного, исторически подвижного идеала, постижение которого требует методов как искусства, так и науки.

В отстаивании своей позиции относительно объективного характера категории «общественное благо» Миллю, как это ни парадоксально, больше всего приходилось опасаться самого себя. Критика утилитаристского идеала относительно возможности подсчитать общее благо открыла дорогу разного рода интуитивистским и религиозным концепциям целей исторического процесса (так же, как в области политической экономии отступление от классической теории трудовой стоимости, как будет показано ниже, открыло дорогу «маржиналистской революции»).

На своем жизненном пути Дж. С. Милль отдал дань увлечения и историку Карлейлю с его теорией героев и толпы, и традиционалисту Кольриджу, и проповедникам идеалов доброй старой Англии поэтам Уордсворту и Теннисону. Но в то же время он решительно боролся с идеологией консерватизма и реакции, отрицавшей самое право на существование за понятиями «общее благо», «общая польза». Столь же решительно боролся он и с религиозными философами, стремившимися перенести проблему «добра и зла» в сферы «миров иных». Не стремясь упростить отношение Милля к религии — а оно было достаточно сложным, о чем свидетельствует одно из последних его сочинений «Три эссе о религии» (1873), — следует подчеркнуть его твердое убеждение в том, что борьба за благо человечества в этом мире составляет достойную цель деятельности моралиста, философа и политического активиста. Это убеждение послужило для Милля твердой основой его собственной научной и политической деятельности, снискавшей ему репутацию одного из основателей буржуазного реформизма, решительного противника консерватизма и реакции.

Период между 1836 и 1848 годами оказался, пожалуй, самым плодотворным для научной, теоретической деятельности Милля. В этот период временно затихли страсти вокруг избирательной реформы, столь возбуждавшие ранее политическую активность Милля. С другой стороны, еще не разразилась революционная буря в Европе, за-

ставившая Милля вновь обратиться к решению злободневных социальных проблем.

Служба в Ост-Индской компании оставляла время для научных занятий, и Милль со свойственной ему исключительной интеллектуальной энергией полностью воспользовался этими возможностями. Одновременно он отнюдь не пренебрегал своими обязанностями чиновника, принимая активное участие в решении разных вопросов, связанных с английским управлением Индией. Известно, что при разработке проекта реформы образования для Индии он решительно возражал против перевода всей системы образования на английский язык.

За эти годы Милль написал и опубликовал два своих наиболее фундаментальных произведения: «Система логики» и «Основы политической экономии». К написанию «Системы логики» он, можно сказать, готовился всю жизнь. Еще детские годы были посвящены штудированию курсов логики. В юности Милль непосредственно столкнулся со спорами вокруг проблемы эмпирической либо априорной природы общих понятий. Развитие эмпирической школы в европейской философии XVIII в. предшествовало бурному расцвету экспериментального естествознания и в известном смысле подготовило этот расцвет. В области логики эмпирическая школа отвергала метод дедукции, считая его схоластикой, не имеющей отношения к науке. Напомним, что дедуктивная логика состоит в построении силлогизмов, состоящих из большой посылки (тезы), малой посылки (антитезы) и вывода (синтеза). (Например: все люди смертны; Петр — человек; Петр смертен.) Со времен Аристотеля развитие логики сводилось к построению и анализу разных типов силлогизмов. Наибольшей «тонкости» эта наука достигла во времена средневековых схоластов, но тогда же она наиболее далеко ушла от каких бы то ни было практических задач. Выступая против метода силлогизмов, эмпирическая школа возражала прежде всего против того, что начало всякого научного знания в рамках данного метода постулируется в виде «большой посылки», т. е. вводится априорно. «Эмпирики» утверждали, что в «большой посылке» силлогизма содержится либо интуитивная истина (в частности, не подлежащее обсуждению религиозное откровение, что и являлось отправным пунктом для схоластов), либо некая очевидность, в скрытой форме служащая

обобщением «малой посылки» силлогизма. Но в последнем случае дедукция лишь прикрывает индукцию, т. е. обобщение суммы фактов, данных нам наблюдением или экспериментом. Таким способом «эмпирики» пытались отрицать значение априорных положений даже для таких наук, как геометрия и арифметика, считая, что и в этих науках исходные понятия суть не что иное, как обобщение множества наблюдений. В области логики эмпирическая школа добилась определенных успехов, разрабатывая правила индукции, т. е. правила обобщения частных положений.

Тем временем в образовании господствовала традиционная дедуктивная логика. Кроме того, распространение эмпирической школы вызвало реакцию со стороны «интуитивистов», утверждавших, что основные истины как физического, так и психического мира даны нам «от бога» и постигаются нами интуитивно, а не логически. Основную точку опоры «интуитивисты» находили в философии Канта, доказывавшей априорный характер исходных положений как естественных, так и моральных наук.

При написании своей «Логики» Милль поставил перед собой задачу известного обобщения и сплава двух упомянутых школ логического анализа. «Система логики» открывается изложением отношения языка к понятиям (первая книга) и традиционных законов дедукции, сформулированных еще Аристотелем (вторая книга). Однако третья книга этого капитального труда представляет фронтальную атаку против применения априорных положений в науке. Этим Милль не хочет отрицать продуктивность применения дедукции. Он стремится лишь ограничить этот принцип, найти ему подходящее место в процессе научного познания, в процессе установления фактов, их доказательства (проверки) и последующего обобщения. Согласно относительно наиболее фундаментальных, общих положений в любой науке, утверждает Милль, достигается не в начале развития науки, а в ее завершающей стадии, когда накоплен огромный эмпирический материал и достигнуты многие частные обобщения. Он писал: «Истины, которые в конечном счете принимаются в качестве первых принципов любой науки, в действительности являются последними результатами философского анализа, основанного на элементарных понятиях, с которыми данная наука хорошо знакома; их отношение к науке можно

сравнить не с отношением фундамента к зданию, но с отношением корней к своему дереву: они служат одинаково хорошо, если даже мы их не раскопали и не рассмотрели»²³.

В ходе развития научного знания необходимо признавать условность общих положений, их гипотетический характер и возвращаться к ним по мере накопления экспериментального материала. В области экспериментальных наук эти положения в дальнейшем стали общепризнанными. Вместе с тем положение Милля, что развитие всякой науки не зависит от выбора общих предпосылок и может плодотворно идти по пути эксперимента и накопления частных обобщений, вызвало ожесточенную критику.

Критику дедуктивного метода, проведенную Миллем, пужно оценивать на фоне достигнутого уровня развития естественных наук, где экспериментальный метод все более вытеснял прежние научные теории, основанные на априорных «законах» (теория флогистона, теория эфира). Поэтому не случайно, что наиболее разработанной частью сочинения Милля явилась его третья книга, трактующая законы индукции. В этой книге Милль выступает как подлинный преемник великих естествоиспытателей и философов естественнонаучного знания Ф. Бэкона, Дж. Локка, Д. Юма. Большое влияние в этой области на него оказала также книга его отца Джеймса Милля «Анализ человеческого мышления» (*«Analysis of the Phenomena of Human Mind»*, 1829). Милль формулирует и иллюстрирует многочисленными примерами четыре основных закона индукции в качестве методов установления причинной связи между явлениями и обобщения этой связи. Метод сходства состоит в установлении причинной зависимости (посредством повторного эксперимента) между двумя явлениями, следующими друг за другом, если при этом все другие сопутствующие явления меняются. Метод различия служит проверкой метода сходства: явление *В* отсутствует, когда исключается явление *А*. Затем следует метод остатков: «Если из явления вычесть ту его часть, которая, как известно из прежних индукций, есть следствие некоторых определенных предыдущих, то остаток данного явления должен быть следствием остальных».

²³ J. S. Mill. *Utilitarianism...*, p. 2.

ных предыдущих»²⁴. Последний метод, замечает Милль, оказывается чрезвычайно полезным при обнаружении неизвестного явления и дальнейшем его исследовании. Так, химический элемент литий был открыт при исследовании фосфатов с избыточным удельным весом. Поскольку удельный вес фосфата был известен из прежних исследований, то остаточный вес послужил указанием на неизвестную причину, которой оказался элемент литий.

Последним является метод сопутствующих изменений: «Всякое явление, изменяющееся определенным образом всякий раз, когда некоторым особым образом изменяется другое явление, есть либо причина, либо следствие этого явления, либо соединено с ним какою-либо причинною связью»²⁵. Предположим, согласно одному из примеров Милля, что мы желаем установить характер воздействия Луны на Землю. Мы не в состоянии устранить Луну и после этого посмотреть, что произойдет с Землей. Но мы можем сопоставить лунный календарь с графиком приливов и отливов. В результате мы придем к заключению, что Луна в целом либо частично есть причина этих явлений. Последний метод Милля тесно связан с получившими в дальнейшем большое распространение в ряде наук способами регрессионного анализа.

В период работы над своей «Логикой» Милль познакомился с книгой французского философа Огюста Конта «Курс позитивной философии» («Cours de philosophie positive», 1842). Затем последовала переписка этих людей и их многолетние противоречивые отношения. О. Конт представлял собой тип философа-пророка, считавшего себя призванным дать миру новую религию, открыть человечеству глаза на его конечные цели. В его первой книге содержалось много чрезвычайно метких наблюдений и обобщений относительно истории развития человеческого знания. Конт много сделал в области классификации наук и обобщения эволюционного характера их развития. Как достоинства, так и недостатки его «Курса» (последующие его работы носили значительно более догматический характер) были связаны с применением позитивного метода научного познания. Суть этого метода заключалась в том, чтобы идти от фактов к обобщению и рассматривать эти обобщения не в качестве объективных законо-

²⁴ Д. ж. С. Милль. Система логики. М., 1914, с. 361.

²⁵ Там же, с. 365.

мерностей, а лишь как относительные вехи на пути познания. Позитивный метод Конта явился в некотором роде логическим завершением односторонности эмпирического направления в философии, в рамках которого развивались естественные науки в предшествующие два столетия, начиная с Галилея и Ньютона. Однако если великим естествоиспытателям были свойственны стихийный материализм и преклонение перед объективными законами природы, то Конт на место природы ставил нечто безгласное и хаотичное.

Однако полное значение Конта раскрывалось в области общественных наук, чему главным образом и была посвящена его деятельность. Здесь, по его мнению, позитивный метод исследования оказывается особенно пригоден, поскольку обычная причинно-следственная связь явлений не может иметь место в человеческом обществе. Люди обладают свободной волей, и поэтому их действия не носят столь детерминированного характера, как это имеет место вне человеческого общества, в области живой и неживой природы. Методы частных наблюдений, их обобщение, типизация, количественное измерение должны, по его мысли, занять господствующее положение в новой науке об обществе, которую Конт назвал социологией. Эта наука придет на смену, по мысли Конта, прежним наукам об обществе, прежде всего политической экономии, которая строится на признании общих закономерностей общественного развития. Конт ввел в общественные науки понятия социальной статики и социальной динамики. Первое он трактовал как пространственную взаимосвязь социальных явлений, второе — как исторический процесс развития.

При знакомстве со взглядами Конта Милль был поражен совпадением в направлении их независимых усилий. Разработка, обобщение и уточнение законов индукции в качестве основы всех экспериментальных наук, предпринятые в «Системе логики», во многом совпадали с идеями позитивного метода Конта. В обоих случаях вывод состоял в том, что всякое знание подтверждается и исчерпывается опытом. Иными словами, в науке не должно быть места для таких положений, которые не были бы целиком извлечены из опыта, т. е. из наблюдений, эксперимента и т. д. Такая постановка проблемы научного знания вела к глубоким противоречиям, которые Милль час-

тично осознавал (что видно хотя бы из его попытки рассмотреть науку и искусство как взаимодополняющие области человеческой деятельности).

Поскольку любой опыт не может исчерпать многообразие реального мира, то и любое обобщение опыта, не стремящееся выйти за его пределы, в согласии с позитивным методом Конта или с последовательно проведенным методом индукции Милля, не может претендовать на значение объективного закона. В результате в философском плане ставится под сомнение сама возможность, основываясь на опыте, ответить на коренные вопросы относительно объективности и познаваемости мира. В этом отношении теория познания Милля и Конта наследует теоретические взгляды Д. Юма. В области точных наук стремление изгнать общие понятия либо изобразить их как обобщение личного опыта, например вывести понятие геометрической фигуры или числа из сопоставления ряда наблюдений или экспериментов с конкретными геометрическими фигурами и числами, вызвало решительное возражение со стороны ряда видных ученых и историков науки ²⁶.

Взгляды Конта и Милля легли в основу позитивизма — буржуазного философского течения второй половины XIX в. Вместе с тем нельзя не видеть глубокого различия в самой основе философских воззрений этих двух людей, — различия, приведшего к диаметрально противоположным социально-политическим позициям. Конту принадлежит в истории философии наиболее радикальная попытка изгнать категорию объективной закономерности из оценки опытных данных. В этом отношении он довел до логического завершения односторонность эмпирической школы, одновременно распространив ее выводы на общественные науки.

Совсем иначе следует оценить позиции Милля в философии научного знания. Его попытки сочетания индукции и дедукции в развитии знания, хотя и имели привкус контовского позитивизма, в целом представляли собой значительно более уравновешенный взгляд на методы науки, отражавший уровень достижений широкого круга естественных наук того времени. Кроме того, Милль решительно порвал с Контом при оценке методов научного позна-

²⁶ См.: Э. Кассирер. Познавание и действительность. СПб, 1912, с. 20—53.

ния человеческого общества. Его широкое знакомство с классической политической экономией, прежде всего с теорией Рикардо, не позволило ему признать правомерность изгнания методов дедукции и абстракции в качестве орудий познания закономерностей общественной жизни. Правда, знакомство с Контом натолкнуло его на необходимость изучения социального поведения людей в качестве самостоятельного раздела обществоведения. Известно, что он стремился к созданию особой науки о социальном характере и поведении человека, которую он называл этологией. Необходимость создания такой науки он усматривал в том, что в обществе поступки людей связаны с побудительными причинами иным способом, чем проявляется причинно-следственная зависимость в природе. При оценке социального поведения людей Милль в полной мере осознал и поставил проблему выбора. Если всякий социальный поступок человека, рассуждал он, мы можем оценить с точки зрения породившей его социальной причины, то такая ретроспективная оценка не означает возможности определенного (детерминированного) определения или предсказания поступка на основе той же самой причины. Всякая причина, проходя через волю и сознание человека, определяет лишь спектр выбора. Такая постановка вопроса привела Милля к решительному возражению против детерминистской теории социального характера, связанной в тот период с именем социалиста-утописта Р. Оуэна, согласно которой индивидуальный характер человека целиком определяется социальной средой. В этом же контексте Миллем был поставлен вопрос об индивидуальной ответственности человека за свое социальное поведение.

Но если Милль решительно выступал против механистического детерминизма при рассмотрении формирования человеческого характера в обществе, то не менее решительно он возражал «интуитивистам», выводившим характер из природных свойств человека. По мнению этой школы, женщины по природе зависимы, ирландцы по природе ленивы, негры по природе интеллектуально отстают. Однако, возражал Милль, то, что выступает на поверхности как отражение природных свойств различных социальных страт, на деле есть результат неравных условий, в которые они были поставлены ходом исторического развития.

Интерес к изучению социальной действительности, который всегда находился на первом плане в деятельности Милля, заставил его продолжить работу над «Системой логики» и написать дополнительную книгу, которая вошла в окончательный текст труда под названием «О логике в моральных науках». В этой части поставлен вопрос о методах научного познания общества. Поскольку экспериментальный метод, который имел решающее значение в естественных науках, может иметь в общественных науках лишь ограниченную сферу применения, то на место эксперимента Милль ставит метод конкретной дедукции. Суть его состоит в том, чтобы выдвигать в качестве общих постулатов в сфере социальных наук обобщение примеров социального поведения²⁷. Поскольку такое обобщение не может в силу особого характера общественной деятельности претендовать на характер точного закона, то его следует рассматривать как указатель **тенденций** социального движения. В помощь этому методу Милль привлекает так называемый исторический метод, или метод обратной дедукции. Из истории, по мнению Милля, можно извлечь эмпирические законы. Соединение этих законов с законами человеческого поведения по методу дедукции может служить целям создания науки о социальной динамике, т. е. о развитии общества.

Последняя книга «Системы логики» Дж. С. Милля оказалась наиболее неоконченной с точки зрения степени решения поставленных в ней проблем, поскольку она вышла далеко за пределы традиционной логики и коснулась широких мировоззренческих вопросов. В частности, здесь был подробно рассмотрен вопрос об ограниченности научных методов в познании действительности, в практической и общественной деятельности человека. Здесь же было намечено дальнейшее расхождение со взглядами Конта на задачи и цели социального развития, получившее более полное выражение в книге Дж. С. Милля «О. Конт и позитивизм» («August Comte and Positivism», 1865). Взгляды Конта на задачи социального прогресса и на будущую организацию общества, поначалу будучи развитием взглядов Сен-Симона, выросли в теорию элитарного общественного устройства, в котором господствующее положение

---

²⁷ Нельзя, в частности, не усмотреть связь этого положения с концепцией «homo economicus».

ние займет духовная и научная элита. Милль, соглашаясь с тем, что формирование морального кодекса должно исходить от просвещенных людей, считал, что доверить управление обществом любой организованной духовной элите означало бы подвергнуть общество невыносимому духовному деспотизму. Ничто не могло быть более далеким от политических идеалов Милля, состоявших во всемерном развитии децентрализма и парламентской демократии. Безусловно, в своем мировоззрении Милль придавал большое значение общественной роли просвещенных, образованных слоев, питая иллюзии относительно возможности исправления нравов, в том числе и социальных пороков, посредством воздействия одного просвещения. Но эти идеи, развитые наиболее полно в книге «О свободе» («On Liberty», 1859), были далеки от мертворожденной схемы элитарного общества Конта, согласно которой аристократия духа должна занять положение господствующего класса. В плане политической деятельности этот идеал означал борьбу за создание равных условий всеобщего образования. «Идея интеллектуальной аристократии, когда все остальные пребывают в невежестве, совершенно не соответствует моим устремлениям», — писал он своему сотруднику и будущему биографу А. Бейну²⁸. Выступая против подавления свободы духа и против «тирании большинства», угрозу которой в условиях буржуазной демократии он остро осознавал, Милль одновременно призывал к тому, чтобы общество заботилось о создании равных **начальных** возможностей для всех своих членов. В экономической области он выступал за ограничение права наследования, считая, что результаты предприимчивости родителей не должны переходить по наследству их детям.

После необычайно напряженного десятилетия 40-х годов, проведенного почти исключительно за письменным столом, 50-е годы представляются в биографии Милля временем раздумий, оценки того, что сделано, подготовки к заключительному, чрезвычайно напряженному и деятельному этапу жизни. В 1851 г. судьбы Джона Милля и Гарриет Тэйлор скрепились наконец узами формального брака (после того как в 1849 г. скончался муж последней). Супруги много путешествовали, проводя большую

---

²⁸ Цит. по: E. A u g u s t. Op. cit., p. 156.

часть времени на юге Франции и в Швейцарии. В эти годы под влиянием жены окончательно оформились социально-политические взгляды Милля. В продолжительных разговорах этих двух людей намечались и темы последующих произведений Милля, разрабатывались их основные идеи. Многие из написанного в эти годы подверглось дальнейшему обсуждению, выжидая часа для публикации. 1858 г. внес значительный перелом в этот жизненный уклад. В этом году умирает его жена. Тяжелую потерю друга и единомышленника, его alter ego, Милль перенес благодаря твердой решимости довести до конца все задуманное и в значительной мере разработанное совместно. Уже в 1859 г. выходит его сочинение «О свободе» с посвящением Гарриет Тэйлор и с указанием в тексте, что основные идеи этого произведения принадлежат ей. Содержание его состоит во всестороннем обсуждении вопроса о границах взаимоотношений государства и личности. Обсуждая правовые и моральные аспекты этой проблемы, Милль приходит к выводу, что государство имеет право ограничивать свободу личности лишь постольку, поскольку эта свобода сопряжена с ущербом для других. Чрезвычайно подробное обсуждение всех аспектов защиты прав личности и прав самых разных меньшинств в условиях «представительной» буржуазной демократии сделало эту книгу влиятельной в продолжение многих десятилетий.

Публикация «О свободе» стала для Милля своего рода этапом к тому, чтобы вновь, после многолетнего перерыва, тесно связать воедино политическую, публицистическую и научную деятельность. Оставив работу государственного чиновника в Ост-Индской компании, Милль получает право открыто включиться в политическую борьбу, в частности выставить свою кандидатуру в парламент (государственные чиновники были лишены этого права). Все острые политические коллизии викторианской Англии 60-х годов проходили при непосредственном его участии. Его политическая деятельность в парламенте служила поводом к написанию статей и брошюр и получала дальнейшее обоснование и обобщение в более серьезных политических, философских и социальных трудах. Многочисленные выступления Милля в парламенте и вне его по самым злободневным политическим вопросам становились достоянием общественности, поскольку к тому времени он

уже пользовался репутацией признанного метра в области социальных наук и философии. Среди его многочисленных политических выступлений этого времени отметим такие, как борьба за права местного и негритянского населения Британской Вест-Индии, кампания за привлечение к суду губернатора о. Ямайка, зверски расправившегося с восставшими сельскохозяйственными рабочими, кампания за объявление Гайд-парка в Лондоне местом свободных политических собраний и другие. Более многолетний характер носила его деятельность против помещичьего землевладения в Ирландии, за предоставление крестьянам помещичьих земель или закрепление их за крестьянами на условиях долговременной аренды. Реакционная печать обвинила Милля в «коммунизме», в пропаганде лозунга Прудона «Собственность — это кража!». Но за выступлениями Милля против системы лендлордизма стояли многолетние изыскания политэконома, убежденного в том, что лишь предоставление земли в собственность тем, кто ее обрабатывает, поможет решить проблему нищеты ирландской деревни, заставит крестьян заботиться о поддержании и умножении плодородия земли и о сознательном ограничении размера семьи. Многочисленное потомство нищих ирландских коттеров (крестьяне — мелкие арендаторы, вынужденные возобновлять свою аренду ежегодно) заполняло детские приюты Англии, составляя резерв бродяжничества и преступности.

Однако наиболее прочное место в политической деятельности Милля по-прежнему занимали вопросы расширения представительной демократии и избирательной реформы. В 1867 г. острое соперничество между двумя основными политическими партиями Англии позволило провести через парламент закон об избирательной реформе, значительно расширявший избирательные права населения Англии и положивший в основу выборов в нижнюю палату парламента принцип строго пропорционального представительства. Впервые в число избирателей была включена большая часть рабочего класса. Милль активно содействовал продвижению и принятию этой реформы. Вместе с тем его внимание было привлечено к обстоятельству, которое он считал важнейшим и глубочайшим пороком реформы, — к тому, что женщины, как и прежде, были лишены избирательных прав. Он усматривал в этом факте тесную связь с общим граждан-

ским и правовым положением женщин даже в просвещенных и развитых странах.

Плодом многолетних размышлений Дж. С. Милля над женским вопросом была книга «Угнетение женщин» («The Subjection of Women», 1869), за короткий срок переведенная на основные европейские языки и вызвавшая огромный интерес и бурную дискуссию во всем мире. Книга Милля была хорошо известна и в России. Вспоминая образ Веры Павловны из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», не следует забывать, что Н. Г. Чернышевский был прекрасно знаком с творчеством Милля, будучи его давним (с конца 50-х годов) переводчиком и критиком. В кругах «мужского истеблишмента» того времени книга Милля и возникшее в то время широкое суффражистское движение за равноправие женщин во всех областях вызвали крайне отрицательную и гневную реакцию. Нескончаемое число памфлетов, карикатур и пасквилей обрушилось на это движение и на Милля как его идеолога. Во всем этом Милля больше всего беспокоило то, что многие передовые люди проявили полное непонимание важности движения за гражданские права женщин. В этом он усматривал свидетельство глубоко укоренившегося социального предрассудка. Движение обвиняли в том, что оно ставит целью разрушить семью, лишить женщину всех тех качеств, которые делают ее привлекательной и ценной в обществе. За представительницами его закрепились презрительная кличка «синий чулок»; и действительно, простая и строгая одежда «суффражисток» как бы бросала вызов привычному кокетству «слабого пола». Конечно, в этой первой волне широкого движения за женское равноправие были, как и в любом другом широком общественном движении, свои крайности. Но выступление против движения за женское равноправие делало акцент не на крайностях, а на самом праве женщин на самостоятельную деятельность.

В позиции Дж. С. Милля как одного из признанных идеологов этого движения не было ничего такого, что призывало бы женщин к обязательному соперничеству с мужчинами во всех областях общественной и профессиональной деятельности. В своем подходе к проблемам женского равноправия, как и в других случаях, он подчеркивал необходимость создания равных начальных условий для мужчин и женщин. Между тем такие условия совер-

шенно отсутствовали в Англии и в других просвещенных странах. В области юридических отношений женщина сама по себе не могла выступать как правомочное лицо. Ее имущественные, семейные, гражданские и иные права регулировались через посредство отцов и мужей. Неравенство в области образования и политической жизни лишь завершало собой более всестороннее и глубокое неравенство женщины как личности. Милля возмущала гражданская и чисто человеческая незащитность женщин во многих семейных и общественных конфликтах. Он также считал, что, если создать соответствующие социальные условия, женщины смогут внести огромный вклад в дело всестороннего общественного прогресса. «...Принцип, регулирующий существующие социальные отношения между двумя полами — юридическое подчинение одного пола другому, — неверен сам по себе и составляет в настоящее время одно из главных препятствий для дальнейшего прогресса; его следует заменить принципом совершенного равенства, не признающим власть и привилегии на одной стороне и бесправие — на другой»²⁹.

Многое в движении за равноправие женщин XIX в. представляется теперь наивным. Но для своего времени это была чрезвычайно актуальная и болезненная социальная проблема. И в наши дни подъем движения за равноправие женщин на Западе свидетельствует о том, как много еще в этой области скрыто явного и неявного неравенства и угнетения.

Самые последние годы жизни Милль провел в своем имении во Франции, продолжая работать над рукописями, часть из которых была опубликована уже после его смерти. Умер он в мае 1873 г. после короткой болезни, простудившись во время одной из своих продолжительных прогулок.

Приступая к созданию фундаментального сочинения в области политической экономии, Дж. С. Милль уже имел за плечами «Очерки относительно некоторых нерешенных проблем политической экономии» («Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», 1843)³⁰. Однако на

²⁹ J. S. Mill. The Subjection of Women. London, 1869 (Цит. по: E. August. Op. cit., p. 211).

³⁰ Именно эти «Очерки...» подверглись критическому разбору в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса. Критикуя Милля за отступления от теории стоимости классической школы, К. Маркс

этот раз он поставил перед собой более сложную задачу систематического изложения предмета, включая ряд теоретических приложений для социальной философии и практические выводы для всех сфер общественной жизни. Время создания этого произведения в сильнейшей степени ускоряло работу Милля над «Основами политической экономии», придавая ей характер политической злободневности. Социальная обстановка 40-х годов уже предвещала революционные бури 1848 г. «Рабочий вопрос» повсюду выдвигался на передний план, хотя мало кто осознавал его как узловую проблему предстоящей социальной истории европейского капитализма. В Англии после нескольких неурожайных лет до предела обострились социальные отношения в деревне. Задача более справедливого распределения земельной собственности подталкивалась крестьянскими бунтами, массовым отъездом эмигрантов за границу. Из России доносились первые отголоски массового крестьянского движения за отмену крепостничества. Восстания в колониях поставили под вопрос «цивилизаторскую» миссию европейцев. Повсюду видимые проявления социальной несправедливости, эксплуатации и бедности трудящихся масс ставили перед наиболее либеральной настроенной частью европейской интеллигенции вопрос о дальнейших судьбах капиталистического общественно-экономического устройства.

В своем политико-экономическом трактате Дж. С. Милль хотел наметить пути как экономического, так и социального развития европейского общества, создать теоретическую основу для программы социальных реформ. Этим сознанием социальной ангажированности и можно, вероятно, объяснить ту энергию, с которой Милль выполнил поставленную перед собой задачу, написав свои фундаментальные «Основы...» за полтора года! Знаменательно и совпадение даты выхода этой книги, ставшей на долгие годы теоретическим фундаментом программы либеральных реформ, с публикацией «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, провозгласившего призыв к социалистической революции.

считает, что в ряде мест Милль поднимается над своими учителями, особенно там, где «капитал правильно рассматривается как производственное отношение». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, с. 244.

Характеристика собственно научного содержания «Основ...» наталкивается на определенные трудности, поскольку нигде в марксистской литературе такая задача в целостном виде прежде не ставилась. Правда, в России у Милля были пристрастные и глубокие критики, в первую очередь Н. Г. Чернышевский. О Милле писали и такие видные русские экономисты, как О. И. Остроградский, М. И. Туган-Барановский и др.³¹.

В ортодоксальной экономической теории на Западе отношение к Миллю постоянно менялось. В XIX в. его рассматривали как автора наиболее авторитетного учебника политической экономии, довершившего дело строительства здания «классической» политической экономии, начатое А. Смитом и Д. Рикардо. В XX в. фигура Милля-экономиста как бы отступает в тень, и крупнейший историк экономической мысли И. Шумпетер рассматривает его как систематизатора и классификатора классического направления, прежде всего научной школы, связанной с именем Д. Рикардо³². С этим мнением решительно спорят видные западные экономисты Дж. Стиглер и Л. Роббинс, которые подчеркивают научную оригинальность Милля в решении ряда проблем, в первую очередь связанных с теорией стоимости³³. Эту оригинальность они усматривают в том, что Милль, сам того не сознавая, подорвал логические основания теории трудовой стоимости классиков и тем самым проложил дорогу «маржиналистской революции» в буржуазной политической экономии. Дж. Кейнс критикует Милля за то, что он решает проблему экономического равновесия в духе Сэя³⁴. Роббинс возражает ему, считая, что Милль вполне сознавал проблему «недостаточности эффективного спроса», только не всегда последовательно ее формулировал³⁵.

---

³¹ О. И. Остроградский. Предисловие к кн.: Дж. С. Милль. Основания политической экономии. Киев—Харьков, 1896; М. И. Туган-Барановский. Дж. С. Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность. СПб., 1892.

³² J. A. Schumpeter. *History of Economic Analysis and Method*. New York, 1954.

³³ J. I. Stigler. *Essays in the History of Economics*. Chicago—London, 1955; L. Robbins. *The Evolution of Modern Economic Theory*. London, 1973.

³⁴ Дж. М. Кейнс. *Общая теория занятости, процента и денег*. М., 1978, с. 72—75.

³⁵ L. Robbins. *Op. cit.*, p. 122—123.

Нас не должны смущать эти разногласия. Новому прочтению книги Милля глазами советского читателя способствует ряд проникательных замечаний К. Маркса, который неоднократно обращался к экономическим сочинениям Милля³⁶. Задача систематизации и классификации также не может рассматриваться как чисто механическое соединение основных теоретических разработок классической школы. Сама по себе систематизация в отношении достаточно развитых научных идей, теорий, фактов несет на себе печать открытия, что наилучшим образом было доказано систематизацией химических элементов, приведшей к открытию Периодической таблицы Менделеева.

Здание, построенное Дж. С. Миллем из «кирпичей» своих великих предшественников и скрепленное им законами логики, требует целостного охвата, выявляющего его основные элементы.

Композиция «Основ политической экономии» содействует уяснению логической структуры этого произведения. Три первые книги посвящены соответственно производству, распределению и обмену. Они представляют как бы три последовательные ступени конкретизации закономерностей капиталистической экономики: от наиболее общих, связанных с производством богатства, через промежуточные, связанные с собственностью на элементы производства, к заключительным, связанным с процессом обмена, в ходе которого устанавливаются цены и реализуются доходы основных социальных классов — капиталистов, землевладельцев, рабочих и крестьян. В своей совокупности эти книги представляют собой очерк статике капиталистического производства. Напротив, четвертая книга специально посвящена рассмотрению влияния прогресса на производство и распределение. Эта книга содержит первое последовательное изложение взглядов классической школы на проблему экономического роста и пределов роста. И наконец, заключительная, пятая книга рассматривает уже ставший традиционным для классической школы вопрос о роли государства (правительства) в экономике.

Таким образом, сочинение Дж. С. Милля представляет

---

³⁶ См., например: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 624.

пример построения целого согласно правилам дедукции — от общего через особенное к частному, — развитым в формальной логике. В чем же сказывается здесь опыт Милля-эмпирика, Милля — социального философа? Влияние этого опыта несомненно. Оно присутствует и в том, что все общие положения даны как эмпирические закономерности, т. е. вводятся на основании обобщения большого исторического и фактического материала таким способом, чтобы читателю была очевидна их бесспорность. Оно, это влияние, присутствует и в том, что всякое общее положение рассматривается одновременно с точки зрения и реальности, и политической злободневности (например, производительность в земледелии связывается с анализом сравнительных преимуществ мелких и крупных сельских хозяйств и служит поводом политической атаки против помещичьего землевладения в защиту мелкой крестьянской собственности).

В этом победном шествии логики по страницам «Основ...» не так просто обнаружить ошибки и пробелы. И все же К. Маркс имел все основания утверждать, что автор «Логики» Милль грешит непоследовательностью, ученическим повторением ошибок своих предшественников и т. д. Характерным примером такой непоследовательности служит употребление ряда общих понятий в разном значении в зависимости от контекста. В первой книге анализируется процесс производства в его самых общих проявлениях, как процесс труда вообще. То, что Милль называет в этой связи капиталом, есть лишь средства производства и жизненные средства для трудящихся, необходимые для начала любого производственного процесса. Это тот же производственный запас Адама Смита, который последовательно свел понятие «капитал» к его вещной форме. Но в других разделах понятие «капитал» рассматривается в его социальной определенности, как накопленная стоимость, как основа капиталистической эксплуатации.

Столь же характерные пороки методологии сказываются и на обсуждении так называемого закона убывающей производительности в земледелии. Этой теме в первой книге «Основ...» уделено первостепенное внимание. Милль выступает здесь как верный последователь Рикардо и Мальтуса, защищающий и углубляющий аргументацию своих наставников. Делается это с полным вниманием к противоположным точкам зрения относительно законов

производительности в земледелии. Милль не замечает одного: что основная линия логических доказательств, которую он проводит в защиту своих позиций, состоит в том, что природа сведена к земле, а земля сведена к территории. Иначе говоря, в этой линии доказательств содержится аксиоматический, априорный подход, восходящий к объявлению самой природы ограниченным элементом производства и содержащий противоречие с эмпирическим способом доказательства своей правоты.

Всякий внимательный читатель раздела «Производство» найдет в нем много любопытных, поучительных и даже актуальных рассуждений. Тем более интересным он будет для историка экономической мысли. Обращает на себя внимание, в частности, такой вопрос, как обсуждение проблем производительного и непроизводительного труда. Позиция Милля здесь как будто укладывается целиком в рамки классической школы: он рассматривает производительный труд как такой, который запечатлевает себя в вещах, благах, в полезностях, подлежащих хранению, не исчезающих в момент их производства. Но и в рассмотрении этого вопроса он более последовательно по сравнению со своими предшественниками вносит критерий экономического роста, критерий производительности. Лишь тот труд производителен, по его мнению, который служит производству благ, способных в дальнейшем стать элементами капитала, основного и оборотного. В соответствии с вещной концепцией капитала он имеет в виду накопление производственных фондов, включая и фонды потребления для трудящихся. В историческом плане эта точка зрения оправдана тем, что она отделяла вопрос об общей полезности всех разнообразных видов деятельности от вопроса о накоплении производственных фондов для приложения труда.

Поистине крепким орешком для всех последующих комментаторов Милля была его трактовка вопроса о разном значении расходов на покупку товаров и расходов на покупку труда (т. е. рабочей силы) для накопления капитала и роста размеров занятости. Очевидно, в этом противопоставлении Милль имел в виду, что сбережение всегда означает накопление, т. е. привлечение дополнительного труда, тогда как расходование дохода на покупку товаров есть не более чем перемещение того, что уже произведено. В том чрезмерном внимании, которое уделено этому во-

просу, сказывается весь Милль, теоретик рачительности, бережливости и рациональности. Деление доходов на покупку капитала и покупку товаров в качестве критерия производительного применения прибавочной стоимости в рамках капиталистического способа производства впоследствии применял и К. Маркс³⁷. В XX в. эта тема (деление доходов на сберегаемую и потребляемую части) получила новый стимул в макроэкономической концепции Кейнса. По мнению Кейнса, все, что сберегается в условиях капитализма, то потеряно, а все, что потребляется, возмещается с избытком. В условиях массовой безработицы, наличия бездействующих производственных мощностей перераспределение доходов от «сберегателей» к «расточителям» действительно способно сообщить капиталистическому производству дополнительный стимул через посредство «совокупного платежеспособного спроса». Но дело в том, что такого рода перераспределение наталкивается на господствующие классовые интересы и не может быть реализовано.

Если на протяжении большей части первой книги своего сочинения Дж. С. Миллю удастся сохранить бесстрастный тон, то вторая книга сразу же погружает нас в центр самых злободневных проблем капиталистического общества, не потерявших своего значения и по сей день. Это вопросы распределения произведенного богатства, с которыми каждый участник социального процесса, кем бы он ни был, сталкивается повседневно. Почему именно так, а не иначе распределяется общее богатство? Почему богатеют капиталисты и беднеют рабочие? Почему землевладельцы могут, не утруждая себя никаким трудом, оставаться богатым и влиятельным классом общества? Почему крестьяне-арендаторы с каждым новым арендным договором оказываются в худшем положении, чем раньше, хотя их труд на земле не стал менее производительным? Заслуга классической школы политэкономии, наследником которой выступал Милль, состояла в том, что она перевела рассмотрение этих вопросов из аспекта этического, аспекта справедливости и несправедливости того или иного распределения богатства, в аспект объективных экономических отношений. Этим не снималась этическая сторо-

---

³⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, с. 226.

на проблемы, но политическая экономия, приступив к изучению объективных экономических отношений, встала на собственные ноги. Правда, у классиков понимание социальной действительности, социальной объективности не всегда осмысливалось исторически. Более того, то, что являлось объективностью и закономерностью лишь капиталистической общественно-экономической формации, зачастую рассматривалось как объективная закономерность производства вообще.

Вечные законы производства экономисты классической школы склонны были распространять и на вечные законы распределения. Учитель Дж. С. Милля, Давид Рикардо, наглядно обнажив противоположность между трудом и капиталом, видел в этой противоположности «вечное зло» экономического процесса, его, так сказать, первородный грех. Рабочий самими вечными законами производства и распределения обречен находиться на грани нищеты — таков был неизбежный вывод из политико-экономической системы Рикардо. Недаром поэтому политическая экономия после Рикардо получила название «мрачной науки»³⁸. Джон Милль, при всем его почтении к Рикардо, не мог уже безоговорочно признать фатальной неизбежности его выводов. Острое социальное чувство, предшествующий политический и научный опыт толкали его к исследованию конкретно-исторических условий преломления экономических законов.

Раздел «Распределение» открывается резким противопоставлением «законов производства» «законам распределения». Если первые «имеют характер истин, свойственный естественным наукам», то распределение богатства «всецело является делом человеческого учреждения» (т. I, с. 337—338). Чтобы еще больше подчеркнуть социальный характер законов распределения, Милль добавляет: «Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают мнения и желания правя-

---

³⁸ Таково было восприятие системы Рикардо многими из его современников, основанное на знакомстве с его главным произведением «Основания политической экономии и налогового обложения». В наше время многие исследователи Рикардо, основываясь на других его сочинениях и письмах, находят, что он отнюдь не так «мрачно» смотрел на последствия действия экономических законов. См.: S. Hollander. Ricardo and the Corn Laws: a revision.—History of Political Economy, 1977, p. 1—47.

щей части общества, и весьма различны в разные века и в разных странах...» (т. I, с. 338). Казалось бы, Милль здесь впадает в субъективизм, пытаясь вывести социальные законы распределения из «правил». Однако несколько ниже Милль уточняет свою позицию относительно характера законов распределения: «Здесь мы должны рассмотреть не причины, а следствия правил, в соответствии с которыми можно распределить богатство. Причины правил распределения по меньшей мере столь же мало зависят от воли и имеют в такой же значительной мере характер физических законов, как и законы производства. Люди способны контролировать свои собственные действия, но не последствия, которые их действия имеют для них самих или для других людей» (т. I, с. 339)³⁹. Итак, законы распределения «мало зависят от воли», имеют «характер физических законов», хотя они и восходят к правилам, созданным «мнениями и желаниями правящей части общества».

Следует признать, что разъяснения, какие дает Дж. С. Милль относительно различий в действии законов производства и законов распределения, достаточно хорошо поясняют его точку зрения. Она, эта точка зрения, состоит в том, что и те и другие носят объективный, пригодный для политико-экономического анализа характер. «...Это должно быть открыто, подобно любым другим физическим или отвлеченным истинам, посредством наблюдения и исследования» (т. I, с. 339). Но объективность в действиях этих двух видов законов как бы разного характера: в одном случае (производство) она создана действием физических причин (например, биологические свойства, определяющие плодородие почвы), а в другом (распределение) — действием психологических причин: мнениями и желаниями людей. Такое решение не может быть признано удовлетворительным, поскольку сами мнения и желания людей, как в других работах стремится

---

³⁹ В этой связи уместно вспомнить, как определяет Ф. Энгельс результаты социального поведения людей: «Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; по результатам, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 306.

показать Милль, не могут считаться независимыми от социальной среды. Неспособность выделить социальные законы и рассмотреть на этой основе производство и распределение (добавим — и обмен) как единый объект социального анализа привела к тому, что в схеме Милля эти понятия остались разорванными и противопоставленными.

Центральным понятием, из которого исходит Милль при рассмотрении отношений распределения, является собственность. Он подробнейшим образом характеризует атрибуты собственности, показывая, как изменяется содержание частной собственности в условиях капитализма по сравнению с рабовладельческим строем и феодализмом. Соответственно историческому изменению института частной собственности меняются и основные принципы распределения, поэтому рента, прибыль и заработная плата суть сугубо капиталистические формы распределения, связанные с капиталистической частной собственностью.

Способ теоретического видения Милля можно проиллюстрировать на примере теории ренты. Милль всячески подчеркивал свою зависимость от Рикардо в вопросе о ренте. И все же его понимание ренты позволяет судить о том направлении, в котором менялась его точка зрения на ренту по сравнению с чисто рикардианской. Если у Рикардо проглядывает тенденция характеризовать ренту как продукт земли, как внутренне присущую совокупному годовому продукту часть, связанную с дифференциальным плодородием почвы, то Милль рассматривает формы ренты, соответствующие формам собственности в земледелии. Делает он это так, чтобы отвести подозрение читателя, что он в чем-либо расходится с точкой зрения Рикардо, и все же исторический характер его взглядов на ренту выражен совершенно определенно. Он пишет: «Следовательно, рента, которую принесет любой участок земли, есть положительная разница между полученным с этого участка продуктом и тем доходом, который принес бы тот же самый капитал, будь он использован на возделывание самой худшей из обрабатываемых земель. Эта величина не является предельной величиной арендных платежей, уплачиваемых исполщиками или коттерами, да ее никогда и не считали пределом рент, выплачиваемых этими двумя категориями земледельцев. Но это предельная величина рент, уплачиваемых фермерами» (т. II, с. 155). Отметим, что фермерская рента — результат разви-

тых капиталистических отношений в земледелии, при которых фермер арендует у землевладельца землю и нанимает рабочих для ее обработки.

Направление, которое Милль придавал классической школе, видно также на примере трактовки теории «рабочего фонда». Эта теория была выдвинута еще А. Смитом, однако полной завершенности она достигла в общей теоретической схеме Д. Рикардо. Согласно последнему, «рабочий фонд» рассматривается с его натуральной и денежной стороны. Со своей натуральной стороны «рабочий фонд» есть запас жизненных средств, прежде всего продовольствия, который капиталистическое общество выделяет в порядке конкуренции между трудом и капиталом на содержание труда. В этом своем виде рост «рабочего фонда» зависит от законов производительности в земледелии и не может быть произвольно и быстро увеличен. С денежной стороны «рабочий фонд» есть часть авансированного капитала, говоря точнее, оборотный капитал, поскольку Рикардо и его школа сводили оборотный капитал к общей сумме авансов на заработную плату. Движение денежного «рабочего фонда» подчинено законам накопления капитала, причем эта связь, согласно классической школе, самая тесная и непосредственная, поскольку все накопление капитала в первую очередь сводится к росту денежного фонда заработной платы и лишь затем превращается в новый запас орудий и средств производства. Если рост денежного «рабочего фонда» обгоняет рост производства продовольствия, то неизбежно возрастают цены на продовольствие. Но если даже рост производства продовольствия совершается в соответствии с ростом денежного рабочего фонда, возрастание предложения труда за счет растущей рождаемости обуславливает распределение рабочего фонда на большее число «ртов». В любом случае подлинным регулятором реальной заработной платы является прожиточный минимум, поддерживающий рождаемость среди рабочего класса на уровне «простого воспроизводства»⁴⁰. Всякое отклонение заработной платы от этого прожиточного минимума порождает силы коррекции на стороне предложения труда, сводящего на нет достигнутый подъем средней заработной платы. Поэтому, несмотря на все оговорки Рикардо относительно различий

⁴⁰ Таково определение, данное Д. Рикардо «естественной нормы заработной платы».

в уровне заработной платы в разных исторических условиях и необходимости воспитывать в рабочих слоях «потребность в комфорте и развлечениях»⁴¹, общий его вывод относительно исторической тенденции заработной платы оставался пессимистическим и неумолимым: «При естественном поступательном движении общества заработная плата имеет тенденцию к падению, поскольку она регулируется предложением и спросом, потому что приток рабочих будет постоянно возрастать в одной и той же степени, тогда как спрос на них будет увеличиваться медленнее»⁴². В конечном счете в этом «железном законе заработной платы» слышится отзвук теории Мальтуса относительно особого отношения между ростом народонаселения и ростом жизненных средств существования (закон народонаселения Мальтуса). Теория Мальтуса оказала большое влияние на Дж. С. Милля, и в ряде мест его «Основ...» мы замечаем следы этого влияния еще в более неприкрытой форме, чем у Рикардо. Его призывы к регулированию рождаемости, полемическая страсть, с которой он призывает человечество регулировать и ограничивать свои привычки к воспроизводству потомства, свидетельствуют о том значении, которое он придавал ограничению рождаемости в качестве неперемennого условия будущего прогресса человечества.

Тем знаменательнее, что в ряде случаев, несмотря на несомненное влияние Мальтуса, Милль делает явные отступления от теории «рабочего фонда». Правда, в этих отступлениях Милль весьма непоследователен, что и дало К. Марксу все основания критиковать его за теорию «рабочего фонда» заодно с Мальтусом. Но поправки, которые вносит Милль в Рикардо, весьма примечательны. У Рикардо, при всех оговорках, величина рождаемости и предложение труда всегда сводят заработную плату к прожиточному минимуму. Милль считал, что прожиточный минимум, регулирующий уровень заработной платы, значительно более подвержен историческому и социальному воздействию. Предварительным условием разумного регулирования рождаемости следует, по его мнению, считать длительное (в течение целого поколения) повышение уровня жизни трудящихся классов. Таким образом можно

---

⁴¹ Д. Рикардо. Сочинения, т. I, М., 1955, с. 90.

⁴² Там же, с. 91.

достичь того, что сам прожиточный минимум, регулирующий рождаемость и предложение труда, возрастет. Реформатор Милль не боится в этом случае сослаться на опыт французской буржуазной революции, одним ударом и на длительный срок поднявшей уровень оплаты французских трудящихся классов. Он пишет: «Действительно, в тех случаях, когда свершается улучшение такого выдающегося порядка и вырастает поколение, навсегда привыкшее к повысившемуся жизненному уровню, привычки этого нового поколения в вопросах рождаемости и численности населения складываются на основе более высокого минимума, и улучшение положения трудящихся становится постоянным. Самый замечательный из примеров такого рода дает послереволюционная Франция» (т. II, с. 49). Обращая свой взор к Англии, Милль говорит об ответственности правительства (государства) за подъем общего благосостояния, под которым он понимает не только материальные условия жизни, но и рост народного образования, и создание условий для равноправия женщин в обществе. Только решительные меры, по его мнению, способны прервать порочный круг нищеты и чрезмерной рождаемости. «До тех пор, пока благосостояние нельзя сделать настолько же привычным для целого поколения трудящихся, насколько привычна теперь нужда, не будет достигнуто равным счетом ничего» (т. II, с. 96).

Однако если в вопросе повышения минимального прожиточного уровня в качестве средств регулирования рождаемости и предложения труда заметна эволюция взглядов Милля, то в вопросе определения самого содержания понятия «рабочий фонд» Милль еще долгое время оставался на ортодоксальных позициях классической школы. В его «Основах...» не заметно стремление отказаться от трактовки «рабочего фонда» в качестве строго фиксированного запаса средств существования, изменить размеры которого рабочий класс посредством классовой борьбы и сознательных, организованных действий не может. Именно эти стороны теории «рабочего фонда», разрушавшие рабочий класс в его борьбе с капиталом за лучшие условия трудового договора, вызвали особенно острую критику со стороны К. Маркса. К. Маркс показал, что общие размеры переменного капитала, определяющие спрос на рабочую силу, зависят от законов накопления капитала. В ходе этого накопления отставание в росте

переменного капитала по сравнению с совокупным капиталом определяет движение размеров занятости и развитие относительного перенаселения — относительного к размерам потребности капитала в накоплении. Но в целом в отношении общих размеров переменного капитала известна лишь минимальная и к тому же очень подвижная граница, в остальном же эти размеры определяются интенсивностью капиталистического накопления и накалом классовой борьбы. К. Маркс решительно выступал против сведения переменного капитала к неизменному либо жестко определенному законами конкуренции запасу средств существования⁴³.

Отметим, что в конце 60-х годов теория «рабочего фонда» дала трещину. В 1869 г., отвечая на критику теории «рабочего фонда» со стороны известного английского экономиста Г. Торнтона, Милль вынужден был признать, что не существует никакого фиксированного фонда заработной платы и что доля «богатства», достающаяся рабочему классу, определяется «ценой труда», которая в свою очередь есть результат социальных условий. Резюмируя теорию «рабочего фонда», Милль пишет: «Эта теория основана на том, что можно назвать доктриной фонда заработной платы. Предполагается, что в каждый данный момент имеется определенная часть богатства, безусловно предназначенная для выплаты заработной платы. Эта часть не рассматривается неизменной, ибо она увеличивается благодаря сбережениям и в силу роста самого богатства. Но в каждый данный момент она считается неизменной. Предполагается также, что получающие заработную плату не могут получить больше этой суммы. Они могут получить только эту сумму, но и не менее того. Поэтому, поскольку величина, подлежащая распределению, фиксирована, заработная плата каждого зависит только от делителя, т. е. от числа претендентов...» (т. III, с. 409—410). Далее идут возражения Милля, которые, по существу, представляют ревизию этой теории. В качестве фиксированного фонда предлагается рассматривать в каждый данный момент времени общий продукт, подлежащий распределению между производительным и непроизводительным трудом и капиталом (потребление капиталистов). Что же касается конкретного распределения между соци-

---

⁴³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 624—625.

альными классами, то оно зависит от сложного социально-го процесса, а не есть лишь результат фатальной предопределенности.

«...Вопрос о труде, — пишет Милль, — рассматриваемый в качестве одного из сугубо экономических вопросов, приобретает существенно иное звучание. Доктрина которую до сих пор проповедовали все экономисты или большинство из них (включая и меня) и которая отрицала возможность того, что профессиональные объединения могут поднять заработки... — эта доктрина лишается своего научного обоснования и должна быть отброшена» (т. III, с. 412). Эта точка зрения Милля вызвала целую бурю в среде ортодоксальной буржуазной политической экономии, которая к тому времени держалась скорее за букву учения классиков, чем за его дух. С другой стороны, критика теории «рабочего фонда» стала одним из проявлений крушения классической доктрины. Пришедшая ей на смену новая ортодоксия в лице маржинализма и школы «предельной полезности» совершенно иначе сформулировала все понятия производства и распределения. Способ, каким эта школа достигла объединения производства и распределения в рамках экономической теории, состоял в отрицании социально-исторических закономерностей и того и другого. Законы распределения сводились к законам производства, а законы производства в свою очередь трактовались как абстрактные закономерности «предельной производительности факторов». Полную завершенность эта новая ортодоксия получила в теории предельной производительности Дж. Б. Кларка, согласно которой заработная плата, процент (т. е. капиталистическая прибыль) и рента равняются предельным продуктам факторов производства: труда, капитала и земли — и в сумме исчерпывают весь чистый общественный продукт⁴⁴. В этой теории любое существующее капиталистическое распределение освящается и оправдывается законами производительности.

Однако традиция Рикардо — Милля, традиция рассмотрения законов распределения в социально-историческом контексте, не была окончательно утеряна. В современной политической экономии Запада продолжается острая теоретическая борьба вокруг проблем распределе-

---

⁴⁴ Дж. Б. Кларк. Распределение богатства. М.—Л., 1934.

ния и его законов. Обращает на себя внимание развитие рикардianской традиции в работах П. Стаффа, Дж. Робинсон и др., которые ведут широкую теоретическую атаку на позиции теории предельной производительности. К весьма интересным и значительным результатам теоретических изысканий этих экономистов следует отнести доказательство того положения, что законы производительности не могут однозначным образом определить относительные доли «факторов производства» в общем продукте (так называемая теорема Пазинетти)⁴⁵. Но если доли общего продукта не определены однозначно сочетанием технико-экономических взаимодействий, то распределение, согласно выводам этой школы, есть сфера приложения социальных сил. Теория распределения Рикардо — Милля, опровергаемая ортодоксальной экономической теорией на Западе в течение столетия с лишним, возрождается в новом обличье. С позиции сегодняшнего дня актуально звучит оценка, данная К. Марксом сильным и слабым сторонам теории Милля. Ссылаясь на позицию Милля в вопросах распределения, К. Маркс пишет: «Ум, более развитой, более критический, признает, правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем бóльшим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений»⁴⁶. И, развивая это противопоставление позиции Милля работам вульгаризаторов классической школы, К. Маркс продолжает: «То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной политической экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда...»⁴⁷.

Пожалуй, ни один из разделов обширного экономического сочинения Дж. С. Милля не содержит такого разительного противоречия между своими исходными посылами и объективным научным результатом, как третья

⁴⁵ L. Pasinetti. Growth and Distribution. Cambridge, 1974.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 450.

⁴⁷ Там же, с. 456.

книга этого сочинения, носящая заглавие «Обмен». Уже одно то, что Милль помещает рассмотрение стоимости в сферу обмена, в значительной мере определяет коренные методологические пороки его анализа. Эти рамки заставляют его трактовать стоимость как относительную обменную способность различных благ. Вполне поэтому логично, что для него стоимость есть целиком и полностью меновая стоимость, он отказывается в каком-либо научном значении понятию «абсолютная стоимость» или «абсолютная величина стоимости»: «Стоимость вещи означает то количество какой-то другой вещи или вещей вообще, на которое она обменивается» (т. II, с. 222).

В самом начале книга содержит знаменательное утверждение: «К счастью, в законах стоимости нет ничего, что осталось бы (1848 г.) выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой. Единственная трудность, которую нужно преодолеть, состоит в том, чтобы, формулируя теорию, заранее разрешить главные затруднения, возникающие при ее применении...» (т. II, с. 172). Однако дальнейшее изложение теории стоимости скорее нагромождает и усугубляет логические затруднения, оставленные в этой области классической школой, чем разрешает их.

Формально при изложении теории стоимости Милль исходит из наивысшего достижения классической школы — теории трудовой стоимости Рикардо. Он пишет: «Таким образом, стоимость товаров зависит главным образом... от количества труда, необходимого для их производства, включая в понятие производства доставку товара на рынок» (т. II, с. 198). Характерна здесь оговорка (главным образом!), ограничивающая влияние количества труда на стоимость. Она, эта оговорка, отнюдь не случайна. Милль незамедлительно сводит понятие «количество» труда к понятию «стоимость труда», а последнее заменяет понятием «заработная плата». Эта подмена понятий и представляет тот удобный переходный мостик, пользуясь которым Милль порывает с теорией трудовой стоимости и переходит на теорию издержек производства. Градации этого перехода весьма искусно замаскированы, в каждый момент изложения своей теории стоимости Милль пользуется целым рядом оговорок, внешне возвращающих эту теорию к первоисточнику — теориям классической школы. Тем не менее сущность этого перехода,

состоящая в отказе от трудовой теории стоимости, не меняется. Первый шаг на этом пути состоит в иной формулировке понятия «издержки производства» в качестве непосредственного основания «меновой стоимости».

«То, во что производство предмета обходится его производителю или ряду производителей, — это труд, затраченный на его производство. Если мы будем рассматривать в качестве производителя капиталиста, авансирующего свой капитал, слово «труд» может быть заменено словом «заработная плата»: то, во что обходится капиталисту продукция, — это заработная плата, которую он должен заплатить» (т. II, с. 197). Отметим, что это определение издержек восходит к «догме Смита», которая сводила всю стоимость продукции к сумме последовательных затрат живого труда, но дает эту теорию в еще более упрощенном и вульгаризованном виде — как сумму выплаченных заработных плат. Впрочем, Милль помнит уроки своего учителя Рикардо и его спор со Смитом по поводу влияния «стоимости труда» на стоимость продукта. Рикардо, пытаясь развить цельную и последовательную теорию определения стоимости размерами трудовых затрат, доказывал, что величина заработной платы не влияет на величину стоимости. Правда, изложив этот основной принцип, Рикардо сопровождал его оговоркой относительно «незначительного» влияния заработной платы на величину стоимости вследствие различий в размерах основного капитала в разных отраслях производства. В этих противоречиях нашли отражение мучительные поиски классической школы совместного решения проблемы источника стоимости (труда) и центра колебаний цен (издержек производства), — поиски, так и не увенчавшиеся успехом.

Памятуя об этом споре, Милль занимает в данном вопросе уже вполне двойственную позицию: «Поэтому, строго говоря, плата за труд имеет такое же влияние на стоимость, как количество труда, и ни Рикардо, ни кто-либо другой не отрицали этого факта» (т. II, с. 202).

Встав на путь определения стоимости величиной издержек производства, Милль вынужден был ввести в определение издержек и прибыль капиталистов. Ведь последовательное сложение заработных плат на разных этапах изготовления и транспортировки продукта, в отличие от последовательного сложения количеств труда, как это делали классики, не могло дать величину полных

издержек производства, и, пытаясь решить эту проблему, Милль вводит в определение издержек прибыль на капитал на разных этапах капиталистического производства. Впрочем, и здесь он, не желая окончательно порывать с теорией Рикардо, который выводил источник капиталистической прибыли из неоплаченного труда, рассматривает лишь отклонения от средней прибыли в качестве части стоимости. Именно таким образом можно трактовать следующее его положение: «До тех пор пока прибыль входит в издержки производства всех вещей, она не может влиять на стоимость ни одной из них. Она может оказать какое-либо влияние на стоимость, только входя в издержки производства одних вещей в большей степени, чем в издержки производства других» (т. II, с. 203).

В чем же состоит коренная причина этой двойственности, неясности Милля в вопросах теории стоимости? Усмотрев внутреннюю слабость классической теории стоимости, ее постоянные колебания между определением стоимости величиной трудовых затрат и величиной издержек производства, Милль сделал решительный шаг в сторону теории издержек. Но, сделав этот шаг, Милль тем самым обнажил внутреннюю слабость классической школы в трактовке общего основания стоимости, слабость, которая в категории «естественная стоимость», столь распространенной во всей классической школе, начиная с А. Смита, означает отказ от рассмотрения единого источника стоимости и переход к сложению отдельных элементов «естественной стоимости»: заработной платы и прибыли (а у Смита еще и ренты). Конечный вывод, который делает Милль из своей теории стоимости, лишний раз подчеркивает решительный характер его отхода от трудовой теории стоимости: «Естественная стоимость выступает синонимом стоимости издержек, а стоимость издержек некой вещи означает стоимость издержек производства самой дорогой части объема ее выпуска» (т. II, с. 223). По существу, это наиболее последовательное определение стоимости величиной наивысших издержек производства, независимо от сферы приложения труда и капитала. Но, отказавшись от определения стоимости величиной трудовых затрат и перейдя к сложению стоимости из двух (по меньшей мере) величин, которые всегда на практике даны как определенные количества, выраженные в ценах, Милль вынужден был для спасения логической стройности

своей теории перейти к рассмотрению конечных оснований стоимости, независимых от системы цен. В качестве таковых у него фигурируют труд как основание заработной платы и величина производственного периода (а также различия в структуре затрат на основной капитал) как основание прибыли. Однако теория разнородных оснований стоимости неизбежно влечет за собой вопрос о принципах ценового соизмерения этих оснований.

Возвращаясь к его теории распределения, можно утверждать, что Милль и не считал возможным однозначное соизмерение в ценах разнородных оснований стоимости, а напротив, считал это соизмерение определенным результатом сложения «социальных сил» в сфере распределения. Поскольку Милль даже не поставил вопрос о механизме ценового соизмерения разнородных оснований стоимости, то его позиция широко открывала двери для последующего отказа от классического наследия в области теории стоимости и перехода всей ортодоксальной политической экономии на Западе к теории предельной полезности, выведившей единое основание стоимости из сопоставления индивидуальных оценок полезности различных «благ».

В социальном аспекте теория стоимости Милля означала отход от теории эксплуатации труда капиталом, зачатки которой содержались в учении Рикардо, и переход на теорию воздержания Сэя и Сениора в качестве объяснения источника капиталистической прибыли.

Если в теории стоимости Милль оставался на позициях меновой концепции, то при рассмотрении принципов ценообразования на товарных рынках ему удалось сделать значительный вклад в эту прикладную область экономического анализа. Здесь как нельзя более пригодились развитые им методы индуктивного анализа, методы обобщения многочисленных наблюдений за особенностями движения цен. Положив в основу теории цен случай постоянных издержек плюс средняя прибыль на свободно воспроизводимые товары, Милль подробно рассматривает различные силы, отклоняющие цены от этой центральной тенденции. Действие этих сил он группирует относительно предложения товаров, зависящего от движения издержек производства, и спроса на товары. При рассмотрении последнего ему удалось вплотную подойти к определению понятия «эластичность», сыгравшего впоследствии значительную роль в прикладной сфере экономического анализа

и при изучении хозяйственной конъюнктуры. Он впервые с особой ясностью поставил вопрос о влиянии цены на спрос и о совместном рассмотрении предложения, спроса и равновесной цены в рамках функционального анализа. И хотя такая постановка не могла решить проблему общего уровня цен, она оказалась особенно пригодной при изучении движения цен на товарных рынках (см. кн. III, гл. II).

Развитые им методы совместного рассмотрения спроса и предложения оказались полезными и для изучения движения цен в международной торговле и в производстве товаров с общими издержками (кокс и каменноугольный газ, баранина и шерсть и т. д.). Чтобы установить, как слагаются цены в международном обмене при изменении издержек производства и спроса, Милль разработал своеобразную (словесную) модель международного обмена, в которой рассмотрены две страны (Англия и Германия) и два товара (сукно и полотно). (См. кн. III, гл. XVIII).

В период написания «Основ...» одним из наиболее злободневных вопросов были теория денег и практика государственного регулирования кредитно-денежной сферы. К концу 40-х годов в промышленно развитой Англии уже вполне обозначилось хроническое заболевание капитализма, впоследствии поразившее все капиталистические страны, — циклическое развитие экономики и периодические кризисы перепроизводства.

Для экономической мысли Англии того времени были характерны поиски объяснения причин кризиса в сфере товарно-денежного обращения и кредита. Даже употреблявшийся термин «коммерческий кризис» говорил о том, что анализ этого явления не выходил за пределы сферы обращения. Понятно поэтому, что денежно-кредитные теории этого периода были наиболее тесно связаны с развивавшейся практикой регулирования денег и кредита, где государство традиционно имело наиболее сильные позиции, позволявшие ему воздействовать на экономику.

Взгляды Милля на проблемы денег и кредита в общем отражают основные черты экономической теории того времени. Они тесно переплетены с задачами экономической политики государства в области денежного регулирования. Эта тесная связь особенно подогревалась тем обстоятельством, что незадолго до начала работы над «Основами...» в Англии в 1844 г. было принято новое

банковское законодательство (так называемый акт Роберта Пия), вызвавшее бурную дискуссию и породившее небывалый поток литературы (книг, статей, специальных докладов, материалов парламентских обсуждений и т. д.).

Под воздействием этой дискуссии Милль стремился последовательно изложить взгляды классической школы и сформулировать вытекающие отсюда выводы для экономической политики. Однако эта задача оказалась особенно сложной, поскольку теоретические взгляды «классиков» в отношении денег подвергались критике с самых разных сторон. Уже в период обсуждения банковского закона 1844 г. и непосредственно после его принятия в английской экономической науке сложилась так называемая школа обращения (Торренс, Оверстон).

Эта школа, под воздействием которой в основном и было принято банковское законодательство 1844 г., возводила предлагаемые ей принципы денежного регулирования к Д. Рикардо, который дал вариант количественной теории денег в условиях смешанного бумажноденежного и металлического обращения. Согласно рикардианскому варианту количественной теории, уровень цен в условиях смешанного обращения и беспрепятственного размена бумажных денег на золото регулируется общей массой средств, находящихся в обращении, а стоимость денежного материала, т. е. золота и серебра (в условиях биметаллизма), может лишь косвенно, посредством прилива и отлива золота, воздействовать на общий уровень цен. (Превосходное краткое резюме марксовой критики взглядов Рикардо в теории денег дал Ф. Энгельс на страницах III тома «Капитала»⁴⁸.) Школа обращения, толкуя теорию Рикардо на свой лад, предложила в качестве меры регулирования уровня цен и предотвращения спекулятивной раскачки экономики разделить деятельность Английского государственного банка на эмиссионную и банковскую функции. Это предложение и было реализовано в Банковском акте 1844 г. Эмиссия банкнот осуществлялась лишь в зависимости от движения золота из страны и в нее в соответствии с принципами количественной теории, тогда как обычная депозитная и учетная деятельность банка была отделена от золотых резервов эмиссионного отдела. Действие этих правил приводило к замо-

---

⁴⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 93—96.

раживанию резервов и сужению банковского кредита в моменты самой острой потребности в кредите, обычно предшествующие кризису. Таким способом авторы законодательства стремились как бы предвосхитить кризис и заранее сбить спекулятивную горячку. Однако на практике эффект этих мер настолько подрывал доверие к способности банковской системы обеспечить в момент стеснения кредита разменность банкнот на золото, что дважды правительство вынуждено было прекращать на время действие банковского акта и разрешать дополнительный выпуск банкнот, несмотря на отлив золота из страны. Критики школы обращения, среди которых наиболее известными были Т. Тук и Дж. Фуллартон, пытались уйти от слишком механистических предпосылок количественной теории денег. Хотя их деление денежного обращения на обращение дохода и обращение капитала было, как показал К. Маркс, теоретически неправомерно, в других отношениях их критика «била не в бровь, а в глаз» практическим рекомендациям школы обращения. В частности, они показали, что в условиях широкого развития кредита регулирование банкнотной эмиссии не способно скольконибудь эффективно воздействовать на размеры денежно-кредитной сферы и что в этих условиях общий объем кредита не столько определяет уровень и движение цен, сколько, напротив, определяется размерами и ценами реальных сделок. Движение реального оборота, по их мнению, само порождает кредит и не может быть серьезно ограничено со стороны банкнотной эмиссии, поскольку последняя занимает незначительное место среди различных платежных средств.

Будучи в самом центре этой дискуссии, Дж. С. Милль оказался перед трудной задачей. С одной стороны, он не решался порывать с творческим наследием Рикардо. Однако он не мог не видеть, что выводы, которые делает школа обращения из теории Рикардо, отличаются односторонностью и на практике ведут к вредным последствиям. Хотя Милль и не преодолел основные недостатки количественной теории денег, однако, включив в сферу рассмотрения этой теории основные орудия кредита, он смог значительно реалистичнее подойти к основным закономерностям денежного обращения. В теоретическом плане он решительно отверг позицию школы обращения. В интересной гл. XII, кн. III — «Влияние кредита на

цены» — он показал, что не орудия кредита и бумажно-денежного обращения сами по себе влияют на цены, а кредит как отражение общего уровня товарных сделок и уровня реального накопления воздействует на общий уровень цен.

В вопросах политики денежного регулирования Дж. С. Милль был далеко не так последователен и частично одобрял рекомендации Банковского акта. Как и во многих других случаях, Милль-теоретик вступал в этом вопросе в конфликт с Миллем-политиком. Хорошо понимая все недостатки банковского законодательства, он тем не менее считал, что практически оно может оказаться полезным как мера контроля за чрезмерной бумажно-денежной эмиссией в период наивысшего напряжения цикла. Эти воззрения подверглись весьма резкой критике со стороны К. Маркса, обвинявшего Милля в эклектизме в вопросах денежной теории ⁴⁹.

Не ограничиваясь лишь мерами регулирования банковой эмиссии, Дж. С. Милль вместе с Г. Торнтоном предлагал значительно активизировать политику Английского банка в области регулирования учетного процента и в сфере так называемых операций на открытом рынке. В работах этих двух людей впервые была поставлена крайне болезненная для любой капиталистической экономики проблема — сочетание стабильности платежного баланса со стабильностью внутренних цен. Решение этой задачи оказалось настолько трудно достижимым, что уже в XX в. она возродилась с новой силой в теориях «кредитного цикла» (И. Фишер, Д. Робертсон, Дж. Кейнс до написания книги «Общая теория занятости, процента и денег»). Все эти авторы возлагали особые надежды на активную политику центрального банка (в США — Федеральной резервной системы) в регулировании цикла вплоть до того, как в 30-х годах жестокий экономический кризис не подорвал окончательно этих надежд. Дж. Кейнс, учитывая уроки кризиса, призывал к непосредственному государственному регулированию реальных инвестиций. Огромная и длительная безработица этих лет показала, что, помимо платежного баланса и внутренних цен, государство вынуждено еще регулировать уровень занятости.

---

⁴⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 103—104.

Так капиталистическая действительность и крушение неоклассического идеала «автоматического» регулирования занятости привели к новой стратегии государственно-монополистического регулирования, включающей «магический треугольник»: занятость, уровень цен, платежный баланс.

Четвертая книга сочинения Дж. С. Милля составляет своеобразный очерк социально-экономического развития капитализма. Уже само по себе выделение этой темы в отдельную книгу свидетельствовало о процессе специализации экономического знания, поскольку ранее проблемы развития не выделялись в отдельную тему. Примечательно при этом само определение, какое дает Дж. С. Милль законам развития экономики. Он говорит, что предшествующий анализ касался статического состояния хозяйства, т. е. общая картина экономических феноменов в обществе рассматривалась в их состоянии на какой-либо данный момент (см. т. III, с. 7). Задача же состоит в том, чтобы исследовать изменения, которые претерпевает экономика, поэтому «мы дополним нашу теорию равновесия теорией движения — дополним раздел «Статика» политической экономии разделом «Динамика» (т. III, с. 7).

Характерно, что Дж. С. Милль рассматривает природные и технические аспекты экономической динамики в неразрывной связи с социальным развитием общества. Несмотря на то что кругозор Милля был ограничен лишь эволюционной концепцией, он дал действительно всестороннюю теорию развития. И в этом отношении его позиция представляет последнее слово классической школы, после которого ортодоксальная экономическая мысль на Западе больше не поднималась до синтетического рассмотрения проблемы социально-экономического прогресса человечества, взятой в единстве и взаимодействии всех основных сторон. Напротив, в XX в. экономическая динамика в качестве специализированной отрасли абстрактной теории превратилась в схоластические упражнения относительно различного сочетания основных «факторов» производства, взятых вне социально-экономической среды.

Наибольшую угрозу развитию представляет, по Миллю, исчерпание стимулов накопления капитала. В данной связи он весьма проницательно указывает на понижение нормы прибыли в качестве главного препятствия для капиталистического развития. В трактовке этого вопроса ему

не удалось преодолеть недостатки своих предшественников. В частности, основную причину тенденции прибыли к понижению (к «минимуму») он усматривает в одновременном воздействии растущего населения и закона понижающейся отдачи на капитал в земледелии. Над ним еще тяготеет тень Рикардо, предсказывавшего быстрое исчерпание резервов развития и установление статического состояния. Однако от Рикардо его отличает значительно больший опыт наблюдений за особенностями экономики в условиях быстрого распространения капиталистической фабрики и участвовавших кризисов перепроизводства. В соответствии с этим Милль большее значение придает техническому прогрессу как важнейшей стороне экономической динамики. С другой стороны, в тенденции нормы прибыли к «минимуму» он усматривает основную причину кризисной формы движения капиталистического воспроизводства («...а тот факт, что подобные спады стали почти периодическими, представляет собой следствие той самой тенденции прибыли к понижению...» (т. III, с. 60).

Милль не выделяет отдельно, при рассмотрении тенденции нормы прибыли к понижению, вопроса об органическом строении капитала, поскольку классическая школа не обладала научным аппаратом для рассмотрения этого вопроса. Напротив, для него технический прогресс выступает в качестве важнейшей противодействующей силы рассмотренной тенденции. В той мере, в какой технический прогресс идет в отраслях, производящих предметы потребления для рабочего класса, он способствует снижению издержек на заработную плату и соответственно росту прибыли. Милль не принимал во внимание, что, как показал К. Маркс, даже при этих обстоятельствах рост доли постоянного капитала может вести к понижению нормы прибыли.

В целом точка зрения Милля на возможности длительного экономического роста, особенно в условиях социальных реформ, была значительно более оптимистической, чем у Смита и Рикардо. Этот свой оптимизм он черпал в основном из наблюдений за возможностями безграничного роста «власти человека над природой» (т. III, с. 8). Однако эти возможности можно было реализовать, по его мнению, лишь в условиях социальной трансформации капитализма. Поэтому технический прогресс и экономический рост рассматриваются в книге, посвященной пробле-

мам динамики, неотрывно от тенденций социального развития капитализма.

Знаменательно, что при рассмотрении социальных проблем капитализма Милль на передний план выдвигает рабочий вопрос. К тому времени развитие рабочего движения в Англии и за ее пределами уже доказало свою силу и самостоятельность. По существу, значительная часть двух последних книг сочинения Милля посвящена рассмотрению разных аспектов рабочего движения. Здесь Милль решительно выступает против всех тех, кто еще пытался смотреть на рабочий класс как на «зависимый», «неразумный», кто еще надеялся ограничить его самостоятельную политическую активность жесткими рамками «законности и порядка». Напротив, по его мнению, следует считаться с реальной политической самостоятельностью рабочих и ясно осознанным ими классовым антагонизмом с буржуазией. «Трудящиеся классы взяли дело защиты своих интересов в собственные руки и неизменно проявляют свою убежденность в том, что их интересы не только не совпадают с интересами их работодателей, но и противоречат им» (т. III, с. 89). Одновременно Милль выражал надежду, что удастся ввести самостоятельную активность рабочего класса в русло реформистского и эволюционного направления общественных преобразований. «Любые наставления, увещевания и указания, предназначенные трудящимся классам, должны подаваться им как равным и восприниматься ими совершенно сознательно. Перспективы на будущее определяются тем, насколько удачными окажутся попытки превратить их в мыслящие существа» (т. III, с. 91).

Но, призывая рабочий класс к разумности, Милль основные надежды связывал с социальной трансформацией капитализма. Он понимал, что капиталистическая собственность на средства производства и растущий классовый антагонизм представляют совершенно неприемлемую основу для длительных перспектив общественного прогресса. Вопрос состоял в том, какими путями может осуществляться этот прогресс. Социальная революция совершенно не входила в идейный кругозор Милля. В отношении рабочего класса его надежды были связаны с широким просвещением рабочего населения при непосредственном участии государства, с организацией рабочих в тред-юнионы, с широким предоставлением рабочим политических

и социальных прав, включая право на забастовку. Особые надежды он возлагал и на государственное законодательство (что рассмотрено в последней, пятой книге его сочинения). Но как бы ни были крепки позиции рабочего класса в рамках капиталистической частной собственности, все же, писал Милль, «нельзя ожидать, что деление человечества на два неравноправных класса — нанимателей и наемных работников — может сохраняться постоянно» (т. III, с. 96). Поэтому Милль внимательнейшим образом искал в современной ему действительности признаки и формы, указывающие на возможность хотя бы частичного преодоления капиталистической частной собственности. Наличие этих форм он находил в довольно развитых к тому времени акционерных предприятиях, или, как их называли на английский лад, компаниях с ограниченной ответственностью. Распыление собственности среди многих владельцев, возможности участия рабочих в акционерном владении расценивались им как перспективный путь социальной трансформации отношений труда и капитала. Поэтому в четвертой и пятой книгах (о государственном законодательстве об акционерных товариществах) он уделил этим вопросам самое пристальное внимание.

Он предвидел, что развитие акционерных компаний означает огромный прыжок в концентрации капитала и будет содействовать значительному росту производительности труда. Внимательно рассмотрев все аспекты экономической эффективности, которые связаны с развитием акционерного предприятия, Милль решительно возражает против мнения, высказанного в свое время А. Смитом, о том, что акционерному предприятию суждена весьма узкая и ограниченная сфера деятельности и что деятельность капиталистов-хозяев во всех отношениях превосходит возможности акционерной собственности. Милль предсказал значительную роль, которую приобретет со временем профессиональное управление в рамках акционерной собственности (эту роль подчеркивал впоследствии и К. Маркс).

Однако Дж. С. Милль явно недооценил угрозу концентрации собственности и власти в руках «отсутствующего» капитала, реализованную в XX в. на основе развития системы участия и роста финансового капитала. Его иллюзии относительно акционерной собственности нельзя при-

знать случайными. Они питались его общей эволюционной концепцией социального развития. Там, где К. Маркс видел крайний предел концентрации капитала и призывал к «экспроприации экспроприаторов», Дж. С. Милль видел лишь этап превращения капиталистической собственности в «ассоциированную», этап ликвидации антагонизма между трудом и капиталом.

Еще большее значение Дж. С. Милль придавал развитию всех форм «рабочих ассоциаций», как в то время называли кооперативные предприятия. Основания для этих надежд были двоякого рода. Нельзя забывать, что Милль с детства весьма близко воспринял идеалы социалистов-утопистов, особенно Сен-Симона. В самих «Основах...» (во второй книге) содержится обширный очерк воззрений социалистов-утопистов на формы организации общества будущего. Миллю был особенно близок принцип социалистической собственности Сен-Симона: «От каждого — по способностям, каждому — по труду!», который, по его мнению, воплощался в деятельности производственных кооперативов. Кроме того, сама действительность, казалось, оправдывала надежды на широкое развитие кооперации в будущем. «Рочдельские потребительские товарищества рабочих» явились примером для подражания в других странах; повсюду в Европе возникали кооперативные фабрики.

Вторая половина XIX в. дала еще более значительное развитие кооперативного движения в кредитной, сбытовой, потребительской и даже производственной сферах. Однако постепенно, особенно к концу века, кооперацию все больше начали теснить акционерные товарищества. В условиях капиталистической собственности кооперация, особенно производственная, просто не выдерживала конкуренции со стороны мощных акционерных компаний, постоянно набиравших монопольную силу. Автор обширного исследования кооперации в Европе и в России русский экономист М. И. Туган-Барановский в начале XX в. признавал, что возможности производственной кооперации в условиях капитализма весьма ограничены и на нее не следует возлагать особых надежд⁵⁰.

Заключительная, пятая книга Милля посвящена влиянию правительства на экономику. Вопросы, рассмотрен-

⁵⁰ М. И. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. СПб., 1916.

ные здесь, носят во многом традиционный характер. Так, стало уже правилом завершать обширные сочинения по политической экономии главами, посвященными государственной системе налогообложения. Милль в этом отношении отличает лишь та обстоятельность, с которой он дает очерк теории налогообложения⁵¹. Его тонкое понимание практики налогообложения, особенностей рациональной организации взимания налогов и таможенных пошлин и в наше время не может оставить равнодушным экономиста любого профиля. И все же в этой области он остается верным последователем принципов «свободной торговли», призывавших со времен А. Смита ограничивать налоги лишь размерами, необходимыми государству для той деятельности, которая не могла осуществляться частными предприятиями. Правда, Милль значительно расширяет понимание границ такого рода деятельности. Однако его концепция определенно противостоит широко распространившейся уже в XX в. политике манипулирования налоговой системой с целью воздействия на общий платежеспособный спрос, — политике, связанной с экономической концепцией кейнсианства.

Но было бы неверно думать, что Милль ограничивает экономическую роль государства лишь вопросами налогообложения. Во многом его понимание этой роли предвосхищает те специфические противоречия, которые с особой силой дали о себе знать в современном капитализме нашего времени. Как нельзя более ясно он осознавал, что растущие материальные и духовные потребности человечества не могут удовлетворяться хозяйственной системой, основанной на принципах капиталистической прибыли и конкуренции. Решение этого противоречия он усматривал не в ликвидации товарно-капиталистического хозяйства, а в его дополнении деятельностью государства в самых разнообразных областях. Исходное положение, выставляемое им при этом, состоит в том, что «правительство должно брать на себя все то, выполнение чего желательно для общих интересов человечества и грядущих поколений или для текущих интересов членов общества, которые нужда-

---

⁵¹ «Его трактовка этих вопросов была настолько исчерпывающей, что протекшие 125 лет мало что добавили к ней», — пишут авторы современного курса истории экономической мысли. См.: R. B. Ekelund, R. F. Hebert. *A History of Economic Theory and Method*. New York, 1975, p. 131.

ются в помощи со стороны, если все это по природе своей не может вознаградить частных лиц или общество, приложивших свои усилия» (т. III, с. 386).

Здесь в сжатой форме предсказана необходимость развития как системы социального обеспечения, так и той области государственной деятельности, которая уже в наше время получила название социальной и экономической инфраструктуры. Милль указывает на многие конкретные сферы такого рода деятельности государства: образование, науку, организацию крупных научных экспедиций и т. д. Единственно, чего он не мог предвидеть, так это развития того парадокса «бедности посреди изобилия», который стал характерной чертой всех развитых капиталистических стран.

В той подробности, с которой Дж. С. Милль разрабатывает, особенно в двух последних книгах своего сочинения, вопросы формирования системы социально-экономических институтов: частнокапиталистических, кооперативных, рабочих (тред-юнионы) и, наконец, государственных, — призванных придать развитию капитализма прогрессивное направление, можно усмотреть истоки социально-институционной школы буржуазной политической экономии, которая стала особенно авторитетной на Западе в наше время. В рамках этой школы формируются в настоящее время многие теоретические положения как буржуазного, так и социал-демократического реформизма, которые все более смыкаются друг с другом, образуя общую идеологию экономического и политического «плюрализма». Интерес к Дж. С. Миллю, равно как и к другим представителям «классической школы» — А. Смиту, Д. Рикадро, — наблюдающийся в последние годы на Западе, нельзя объяснить лишь экономическими аспектами их произведений. В этом интересе проявляется своеобразная «ностальгия» по либерально-демократическому идеалу XIX в.

Для советского читателя интерес к основному произведению Дж. С. Милля определяется непреходящими сообщениями. Вклад, сделанный им в развитие научных представлений о законах капиталистического хозяйства, поистине значителен. В. И. Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма» писал, что марксизм не развивался «в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации», что марксово учение «воз-

никло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»⁵².

Дж. С. Милль в качестве философа, экономиста и социолога не только изложил учение А. Смита, Д. Рикардо и А. Сен-Симона как добросовестный их ученик, но, будучи выдающимся ученым, пытался с прогрессивных позиций дать ответ на вопросы, поставленные самим ходом классовой борьбы, в которой авангардной силой становился рабочий класс. Его труды, вне всякого сомнения, находятся на «столбовой дорожке развития мировой цивилизации».

А. Г. Милейковский,
Ю. Б. Кочеврик

---

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

Появление такого трактата, какой представлен здесь, и на тему, которой уже посвящено много весьма ценных работ, возможно, нуждается в известном объяснении.

Вероятно, достаточно было бы сказать, что ни один из существующих трудов по политической экономии не содержит новейших достижений, внесенных в теорию этого предмета. В дискуссиях последних нескольких лет родилось много новых идей и представлений о новом приложении старых, особенно по проблемам денежного обращения, внешней торговли и по важным вопросам, более или менее тесно связанным с колонизацией. Поэтому кажется целесообразным произвести полный пересмотр всей политической экономии хотя бы только для того, чтобы внести в нее результаты этих изысканий и гармонично соединить их с принципами, установленными ранее лучшими мыслителями данной науки.

Однако автор не ставил перед собой в качестве единственной или даже главной цели восполнить пробелы в прежних трактатах, носящих то же заглавие. Задача настоящей книги отличается от задач, которые решал любой трактат по политической экономии, появившийся в Англии после труда Адама Смита.

Самая характерная особенность работы Адама Смита, особенность, больше всего выделяющая ее из других,

---

* В своем предисловии к изданию книги Дж. Милля «Основы политической экономии» (1909 г.), с которого делается настоящий перевод, У. Дж. Эшли, редактор английского издания книги, отмечает: «Все редакционные примечания приведены в квадратных скобках, кроме того, так же отмечены даты всех сносок, которые сам Милль делал в последовавших за первым изданиях. Правка текста у Милля хотя и была довольно большой, но весьма отрывочной, ссылки на даты в ряде случаев сбивали с толку: слово «теперь» могло у него означать любое время между 1848 и 1871 гг. В каждом случае, когда представлялось необходимым установить и напомнить читателю время написания того или иного предложения, я включал дату в квадратные скобки в тексте».

В настоящем издании предисловие У. Дж. Эшли опущено.—
Прим. ред.

равных ей или даже превосходящих ее по уровню изложения общих принципов предмета, состоит в том, что она неизменно связывает теоретические положения с их практическим применением. Уже это обстоятельство само по себе предполагает исследование более широкого круга идей и тем, чем тот их круг, который включается в политическую экономию, рассматриваемую в качестве отрасли абстрактных наук. В своих практических приложениях политическая экономия неразрывно переплетается со многими другими отраслями социальной философии. Если не считать сугубо частных проблем, то едва ли найдутся практические вопросы, даже стоящие по своей природе ближе всего к чисто экономическим, которые можно решать, основываясь лишь на одних экономических посылах. Вот почему Адам Смит никогда не отступал от этой истины; вот почему в своих практических приложениях принципов политической экономии он неизменно обращается к другим, часто более широким обобщениям, чем позволяет себе чистая политическая экономия; он таким образом создал ту надежную основу для использования принципов этой науки в практических целях, благодаря которой «Богатство народов», единственный среди других трактатов по политической экономии, не только приобрел популярность у широкого читателя, но оказал также глубокое влияние на умы людей, как практиков, так и законодателей.

Автор полагает, что работа, по своему назначению и общей концепции подобная труду Адама Смита, но использующая более широкий круг знаний и более глубокие идеи нынешнего века, — это как раз тот вклад, в котором сегодня нуждается политическая экономия. Книга «Богатство народов» во многом устарела и в целом неудовлетворительна. Политическая экономия в ее надлежащем понимании была во времена Адама Смита еще в младенческом возрасте и с тех пор повзрослела, а наука об обществе, от которой этот выдающийся мыслитель практически никогда не отделял свою специфическую дисциплину, вышла далеко за пределы того состояния, в каком она находилась при нем, хотя все еще пребывает на ранних ступенях своего развития. Однако до настоящего времени не было предпринято попытки соединить его практический метод исследования политической экономии с возросшими с тех пор теоретическими представ-

лениями в данной области или установить связь между экономическими явлениями в обществе и лучшими социальными идеями современности, как это великолепно сделал Адам Смит по отношению к философии своего века.

Такова задача, которую поставил перед собой автор настоящей работы. Даже частичная ее успешная реализация оказалась бы столь полезным достижением, что он добровольно взял на себя риск возможной неудачи. Однако необходимо добавить, что, хотя автор вознамерился написать работу практического и, насколько допускает природа ее предмета, популярного характера, он ни в коей мере не пытался во имя достижения этих заманчивых целей жертвовать строго научным ходом рассуждения. Хотя он стремился к тому, чтобы его трактат оказался чем-то большим, нежели простым изложением абстрактных доктрин политической экономии, он вместе с тем хотел, чтобы такое изложение содержалось в работе ¹.

[Дополнение к предисловию во втором издании, 1849 г.]

Дополнения и изменения в настоящем издании, в общем, не столь существенны, но возросшее со времени написания данной работы значение спора о социализме сделало желательным расширение главы, в которой он рассматривается, тем более что содержащиеся в ней возражения против специфических схем, выдвигаемых некоторыми социалистами, были ошибочно восприняты как огульное осуждение всего, что подразумевается под термином «социализм». Полную оценку социализма и вопросов, которые он поднимает, можно дать лишь в самостоятельной работе.

Предисловие к третьему изданию [июль, 1852 г.]

Настоящее издание просмотрено от начала до конца, некоторые главы существенно дополнены или целиком пе-

¹ [Первоначальное предисловие оставалось неизменным во всех последующих изданиях. Но каждое новое при жизни автора содержало интересное само по себе добавление либо в виде дополнительного абзаца в первоначальном предисловии, либо в виде еще одного предисловия. Последние перепечатываются в настоящем издании.]

ределаны. Среди них можно отметить главу «Способы ликвидации коттерской аренды»; выдвигавшиеся в ней предложения относились исключительно к Ирландии, где обстановка значительно переменилась под влиянием последовавших событий. Внесено дополнение в теорию «интернациональных стоимостей», изложенную в гл. XVIII кн. III.

Глава о собственности почти целиком переписана. Я бы вовсе не хотел, чтобы содержащиеся в ней возражения против самых известных социалистических схем были восприняты как осуждение социализма, рассматриваемого в качестве конечного результата человеческого прогресса. Единственное возражение, которому в настоящем издании придается какое-то важное значение, — это неподготовленность человечества в целом и трудящихся классов в особенности, их крайняя непригодность для такого общественного устройства, которое предъявит сколько-нибудь значительные требования к их интеллекту или добропорядочности. Мне представляется, что великая цель социального прогресса должна заключаться в том, чтобы путем его культивирования сделать человечество пригодным для такого состояния общества, где сочетались бы наибольшая личная свобода с таким справедливым распределением плодов труда, которое нынешние законы собственности откровенно даже не ставят своей целью. Будет ли и когда достигнуто это духовное и нравственное совершенство, а индивидуальная собственность в какой-либо форме (хотя и в форме, весьма далекой от теперешней) или общественная собственность на средства производства и управляемое распределение продукта создадут наиболее благоприятные условия для счастья людей, для величайшего улучшения человеческой натуры — это вопрос, ответить на который мы, вполне очевидно, должны предоставить грядущим поколениям. Нынешнее не способно дать такой ответ.

Глава «О вероятном будущем трудящихся классов» обогащена полученным уже после публикации первого издания опытом кооперативных ассоциаций во Франции. Этот важный опыт показывает, что настало уже время для более быстрого и широкого распространения рабочих ассоциаций, чем это возможно было успешно осуществить до возникновения оклеветанных демократических движений в Европе, которые, хотя они временно и подавлены

жесточкой силой, обильно разбросали семена будущего прогресса. Я постарался более четко наметить тенденцию социальных преобразований, первым шагом которых и являются эти ассоциации; вместе с тем я стремился отделить кооперативное движение от преувеличенных или вовсе ошибочных декламаций против конкуренции, которыми столь широко злоупотребляют его сторонники.

[Дополнение к предисловию в четвертом издании, 1857 г.]

Данное издание (четвертое) целиком просмотрено, в необходимых случаях внесены дополнительные пояснения. Больше всего добавлений сделано в главах о влиянии кредита на цены и о регулировании обратимых бумажных денег.

[Дополнение к предисловию в пятом издании, 1862 г.]

Весь текст настоящего пятого издания просмотрен, по некоторым темам учтены фактические данные, появившиеся после предыдущих изданий. В необходимых местах приведены дополнительные аргументы и примеры, хотя, как правило, весьма немногословные.

[Дополнение к предисловию в шестом издании, 1865 г.]

Данное издание, как и все предыдущие, целиком просмотрено, в необходимых случаях включены дополнительные пояснения или ответы на новые возражения; как правило, они не заняли много места. Самые пространственные добавления сделаны в главе о норме процента; большая часть помещенного здесь нового материала и многие мелкие исправления появились благодаря предложениям и критическим замечаниям моего друга профессора Кэйрнса, одного из самых глубоких из современных политэкономов.

Настоящее издание — точная копия шестого, за исключением того, что все выдержки и большинство фраз на иностранных языках переведены на английский, а очень небольшое число цитат или частей цитат, которые сочтены ненужными, изъяты². Перепечатка старого спора с «Куортерли ревью» по вопросу о положении с земельной собственностью во Франции, вошедшая в виде приложения, здесь опущена³.

Предисловие к седьмому изданию [1871 г.]*

Настоящее издание, за исключением нескольких словесных исправлений⁴, точно соответствует последним «Библиотечному» и «Народному» изданиям. После их публикации состоялись поучительные дискуссии по теории предложения и спроса, а также относительно влияния стачек и профсоюзов на заработную плату, причем в освещение этих вопросов было внесено кое-что новое, но, по мнению автора, результаты оказались еще недостаточно зрелыми, чтобы их включать в общий трактат по политической экономии**. По этой же причине всякое упоминание об изменениях, внесенных в земельные законы Ирландии последним актом парламента, отложено до тех пор, пока накопится достаточно длительный опыт претворения в жизнь этой благонамеренной попытки справиться с величайшим существующим злом в экономическом устройстве страны.

---

² [Переводы на английский язык в «Народном издании» заменили иностранный оригинал также и в настоящем, «Студенческом издании», но все цитаты оставлены.]

³ [То же самое сделано и в данном, «Студенческом издании».]

* Это последнее прижизненное предисловие автора, оно воспроизводится в восьмом и девятом «Библиотечном изданиях».

⁴ [См., однако, т. III, с. 326—327.]

** О теперешнем состоянии дискуссии можно узнать из рецензии (данного автора) на книгу Торнтона «О труде», опубликованной в «Фортнайтли ревью» за май и июнь 1869 г., и из ответа Торнтонна на эту рецензию во втором издании его весьма поучительной книги [см. Приложение О. «Доктрина фонда заработной платы»].

В любой области человеческой деятельности практика намного опережает развитие науки: систематичное изучение законов проявления силы природы выступает как отстающий результат длинной цепи усилий по использованию этих сил в практических целях. Соответственно и концепция политической экономии как отрасли науки возникла совсем недавно, но сам предмет ее исследований во все века неизбежно оказывался в центре практических интересов человечества, а иногда даже неоправданно поглощал все его внимание.

Этим предметом является богатство. Авторы работ по политической экономии провозглашают своей целью преподавание или исследование сущности богатства, законов его производства и распределения. Прямо или косвенно сюда включается действие всех причин, обуславливающих процветание или прозябание человечества в целом и всякого сообщества людей в зависимости от степени достижения богатства — этого всеобщего предмета человеческих желаний. Разумеется, никакой трактат по политической экономии не в состоянии рассмотреть или хотя бы перечислить все подобные причины, но в каждом из них предпринимается попытка изложить в максимально полном объеме уже известные законы и принципы, на основе которых они действуют.

Каждый человек имеет достаточно верное для житейских целей представление о том, что подразумевается под понятием «богатство». Никому не придет в голову смешивать исследования о богатстве с исследованиями, посвященными каким-либо другим великим человеческим интересам. Все знают, что одно дело быть богатым, а другое быть образованным, храбрым или гуманным, что изучение вопроса о том, как нация становится богатой, коренным образом отличается от изучения путей ее превращения в свободную, или добродетельную, или в славящуюся литературой, искусством, воинской доблестью, государственным устройством. Правда, все эти вещи косвенно связаны и влияют друг на друга. Иногда народ обретает свободу в результате того, что стал богатым, или достигает богатства вследствие того, что раньше стал свободным. Вера и законы народа оказывают мощное влияние на его экономическое положение, а последнее, в свою

очередь, воздействуя на его духовное развитие и общественные отношения, сказывается на его вере и законах. Но при всей тесной связи этих факторов, между ними имеются существенные различия, которые никто никогда не отрицал.

В данном трактате не ставится задача давать метафизически строгие определения, если идея, выраженная каким-либо термином, уже получила четкое обозначение, отвечающее практическим целям. Но сколь ни трудно ожидать возникновения вредной путаницы по такому простому вопросу, а именно: что следует считать богатством, тем не менее сама история свидетельствует, что такая путаница существовала, ей были подвержены и теоретики, и практические политики, а одно время она даже получила всеобщее распространение, причем на протяжении многих поколений она придавала совершенно ложное направление политической жизни в Европе. Я имею в виду теоретическое направление, известное со времен Адама Смита под названием меркантилистской системы.

В период господства этой системы вся политика государств гласно или негласно основывалась на посылке, что богатство составляют только деньги или драгоценные металлы, которые, если они еще и не выступают в форме денег, можно прямо превратить в деньги. Согласно распространенным тогда теориям, все, что способствует накоплению в стране денег или слитков драгоценных металлов, обогащает ее. Вывоз же из страны драгоценных металлов делает ее беднее. Если в стране нет золотых и серебряных рудников, то единственная отрасль хозяйства, которая может ее обогатить, — это внешняя торговля, ибо только последняя может обеспечить приток денег. Всякая отрасль хозяйства, относительно которой считалось, что она вывозит больше денег, чем ввозит, рассматривалась как убыточная, как бы ни были велики и ценны ее доходы в иной форме. Экспорт товаров поддерживали и поощряли (даже такими способами, которые были чрезвычайно обременительны для реальных ресурсов страны), поскольку предусматривалось, что вывозимые товары оплачиваются деньгами, и, следовательно, можно было рассчитывать, что выручка действительно будет состоять из золота и серебра. Импорт любых товаров, кроме драгоценных металлов, расценивался как потеря страной всей суммы стоимости этих товаров. Исключение составляли лишь те

товары, которые можно было с прибылью реэкспортировать, или же материалы и оборудование для собственных отраслей промышленности, позволяющие производить экспортные товары с меньшими издержками и таким образом обеспечить большой объем экспорта. На мировую торговлю смотрели как на борьбу между государствами из-за того, какому из них удастся забрать себе самую большую долю из существующего в мире золота и серебра. В этом состязании ни одна нация не может что-либо приобрести, не заставив другие нации потерять или по крайней мере не помешав им приобрести столько же.

Часто случается, что всеобщее убеждение, свойственное людям какой-либо эпохи в истории человечества, — убеждение, от которого в то время никто, за исключением величайших гениев и храбрецов, *не был и не мог быть* свободен, — становится в последующую эпоху настолько очевидным абсурдом, что трудно даже вообразить, как можно было вообще когда-нибудь в подобное поверить. Так произошло и с теорией, согласно которой деньги служат синонимом богатства. Приписывание деньгам такого свойства выглядит слишком нелепо, чтобы относиться к этому мнению серьезно. Оно похоже на примитивные фантазии детства, мгновенно разрушаемые одним лишь словом взрослого. Но пусть никто не возомнит, что избежал бы этого заблуждения, живи он в то время, когда оно господствовало. Все представления, порождаемые обыденной жизнью и повседневной хозяйственной практикой, способствовали его распространению. Пока эти представления служили единственной основой для оценки роли денег, то, что мы сегодня считаем полным абсурдом, воспринималось тогда как само собою разумеющееся. Правда, как только такое понимание сущности денег было поставлено под сомнение, оно было обречено на исчезновение. Однако никому не приходило в голову усомниться в его правильности, пока не получили распространение определенные приемы характеристики и анализа экономических явлений, проложившие себе путь в широкий мир лишь под влиянием Адама Смита и его толкователей.

В житейской речи богатство выражается в деньгах. Если вы спросите, как богат такой-то, вам ответят, что у него столько-то тысяч фунтов. Все доходы и расходы, барыши и убытки, все, что делает человека богаче или беднее, расценивается как поступление или утрата столь-

ких-то денег. Правда, в опись состояния какого-либо лица включают не только деньги, фактически имеющиеся у него в наличии или ему причитающиеся, но и все другие обладающие ценностью предметы. Однако последние выступают при этом не в своем собственном качестве, а в виде некоторого количества денег, за какое их можно было бы продать; если же за них давали бы меньшую сумму, то их владельца сочли бы менее богатым, хотя сами эти предметы оставались бы неизменными. Верно также, что люди не становятся богаче, когда держат свои деньги без употребления, и что во имя получения прибыли они должны быть готовы идти на расходы. Те, кто обогащается посредством торговли, достигают этого, отдавая деньги за товары и отдавая товары за деньги; первая часть процесса столь же необходима, как и вторая. Но человек, покупающий товары с целью наживы, совершает такую куплю с тем, чтобы снова их продать за деньги, рассчитывая получить за них больше денег, чем сам отдал. Следовательно, получение денег представляется даже ему самому конечной целью операции. Зачастую ему платят не деньгами, а какими-либо другими товарами, стоимость которых равна той, за которую он продал свои. Однако он принимает их по денежной стоимости в надежде в дальнейшем выручить за них большую сумму денег, чем та, в которую они были оценены, когда он их брал. Торговец, ведущий крупное дело с быстрым оборотом капитала, в каждый данный момент располагает лишь небольшим его долей в виде наличных денег. Но ценность находящихся у него на руках товаров он видит только в том, что они могут быть обращены в деньги, никакую сделку он не считает завершенной до тех пор, пока ее конечный результат не выразится в уплате ему денег или в денежном долговом обязательстве. Когда торговец отходит от дел, все свое состояние он обращает в деньги и полагает, что лишь в таком виде обрел свою прибыль. Он руководствуется тем, будто только деньги составляют богатство, а другие ценности, которые можно обратить в деньги, служат лишь средством для его достижения.

Вопрос о том, для какой же цели нужны деньги, если не для удовлетворения потребностей и доставления удовольствий себе или другим, нисколько не смутит поборника этой системы. Правда, скажет он, именно в этом назначение богатства, причем весьма похвальное, когда оно огра-

ничено отечественными товарами, поскольку, приобретая их, вы обогащаете своих соотечественников ровно на ту сумму, какую вы израсходуете. Пожалуйста, тратьте, если вам угодно, свое богатство на удовлетворение каких угодно желаний по собственному вкусу, но ваше богатство образуют не сами эти желания, а та сумма денег или годовой денежный доход, с помощью которых вы их удовлетворяете.

В то время как существует много обстоятельств, придающих правдоподобие посылке, лежащей в основе меркантилистской системы, имеются также и некоторые, хотя далеко не достаточные, аргументы в пользу различия, которое столь настойчиво проводит эта система между деньгами и всеми другими видами ценной собственности. Мы действительно и по праву определяем выгоды, приносимые человеку богатством, не по количеству полезных и приятных вещей, которыми он на деле пользуется, а по той власти, какую он имеет над всей совокупностью полезных и приятных вещей, по его способности удовлетворять любую свою потребность, приобрести все, что пожелает. А такая сила заключена в деньгах, тогда как все другие вещи в цивилизованном государстве обнаруживают ее только своей пригодностью к обмену на деньги. Владеть каким-либо другим ценным предметом — значит владеть только этим предметом и ничем иным; если же вы пожелаете приобрести вместо него другой предмет, вам нужно сначала его продать или же, если это вообще возможно, обречь себя на неудобства и затяжки, связанные с поисками человека, который располагает тем, что нужно вам, и готов обменять это на вашу вещь. Но с помощью денег вы можете немедленно купить любую вещь, имеющуюся в продаже, и человек, чье состояние заключено в деньгах или в предметах, которые легко обратить в деньги, владеет, как представляется ему самому и другим, не одним только предметом, а сразу всеми вещами, какие деньги позволяют ему по своему усмотрению приобрести. Полезность подавляющей части богатства, за исключением весьма небольшой его доли, состоит не в возможности удовлетворять повседневные желания, а в находящейся в распоряжении его владельца скрытой в богатстве способности обеспечить достижение любых целей вообще. А такой способностью не обладают столь непосредственно никакие другие виды богатства, кроме

денег. Деньги — единственная форма богатства, пригодная не для какого-нибудь одного лишь конкретного употребления, а для всякого употребления вообще. Это их свойство не могло не привлечь внимания правительств, поскольку оно имеет для них существенное значение. Цивилизованное правительство извлекает сравнительно небольшую пользу из налогов, если они поступают не в виде денег. Когда у него возникает необходимость произвести крупные и внезапные платежи, особенно платежи за границу на ведение войны или на субсидии, будь то в завоевательных целях или для предотвращения собственного поражения (а в этом до последнего времени состояли две главные задачи национальной политики), то для этой цели едва ли найдется лучшее платежное средство, чем деньги. Все эти причины заставляют как отдельных лиц, так и правительства при оценке имеющегося в их распоряжении богатства придавать почти исключительное значение деньгам — *in esse* (наличным) или *in posse* (потенциальным) — и считать все другие вещи (рассматриваемые как часть их ресурсов) практически слишком сложным средством для приобретения того единственного, что, будучи приобретенным, мгновенно предоставляет безграничную власть над предметами желаний, т. е. того единственного, что лучше всего выражает понятие о богатстве.

Однако нелепость не перестает быть нелепостью даже в том случае, если выявлены внешние признаки, придающие ей правдоподобие. Вот почему подлинный смысл меркантилистской теории должен был неизбежно обнаружиться, когда люди начали, пусть и несовершенным способом, исследовать самую суть вещей и искать причины их возникновения в реальных фактах, а не в словах и выражениях обыденной речи. Как только люди спросили себя, что такое деньги на самом деле, какова их внутренняя сущность, какова подлинная природа выполняемых ими функций, они тотчас обнаружили, что деньги, как и другие вещи, мы стремимся приобрести лишь в силу их полезного назначения и что последнее вопреки обманчивой видимости отнюдь не беспредельно и имеет строго определенные и ограниченные рамки, а именно: способствует распределению результатов производства к выгоде тех, между кем они делятся. Дальнейшее исследование показало, что полезная роль денег ни в каком отношении

не возрастает от увеличения наличного и обращающегося в стране их количества; они в равной мере выполняют свою функцию и при малой и при большой совокупной массе. 2 млн. кварталов хлеба не в состоянии накормить столько же человек, сколько 4 млн., а на 2 млн. ф. ст. можно осуществить такой же объем перевозок, купить и продать такое же количество товаров, как и на 4 млн. ф. ст., но лишь по более низким номинальным ценам. Сами деньги, как таковые, не удовлетворяют никакой личной потребности; их ценность для человека заключается в том, что они представляют собой удобную форму получения им всякого рода доходов, которые он впоследствии, в наиболее подходящее для него время, превращает в другие могущие быть для него полезными формы. Сколь бы велико ни было различие между страной, имеющей деньги, и страной, вовсе не применяющей деньги, такое различие сводится лишь к проблеме удобства, к проблеме экономии времени и труда; вроде помола зерна на водяной мельнице вместо ручной или (если употребить пример, приведенный Адамом Смитом) вроде пользы от дорог; смешивать деньги с богатством — значит совершать такую же ошибку, как смешивать шоссе, представляющее самый удобный путь к вашему дому или полям, с самим домом или полями ⁵.

Деньги, являющиеся важным орудием в руках государства и частных лиц, справедливо считаются богатством; но и все другое, что служит для удовлетворения человеческих потребностей и что природа не отдает без приложения труда, также составляет богатство. Быть богатым — значит обладать большим количеством полезных предметов или денег, чтобы их купить. Следовательно, все, что имеет покупательную силу, образует часть богатства, за которую в обмен можно приобрести всякие полезные или приятные предметы. Вещь, за которую ничего нельзя получить взамен, как бы полезна или необходима она ни была, не является богатством в том смысле, в каком этот термин применяется в политической экономии. Например, воздух, хотя и является абсолютной необходимостью для человека, на рынке никакой цены не имеет, так как его можно получить безвозмездно, собирать же его в запас бессмысленно, так как это не принесет никому

---

⁵ [См. Приложение А. «Меркантилистская система».]

никакой прибыли или пользы; законы его производства и распределения составляют предмет не политической экономики, а совершенно иной науки. Но хотя воздух и не является богатством, человечество, получая его даром, становится намного богаче, поскольку труд, который пришлось бы затратить на удовлетворение этой самой насущной из всех потребностей, можно употребить на другие цели. Между тем вполне возможно представить себе обстоятельства, при которых воздух окажется частью богатства. Если бы стало обычным длительное пребывание в местах, куда воздух естественным путем не пропикает, как, например, в погруженный в море водолазный колокол, искусственно нагнетаемый туда воздух, подобно воде, подаваемой в дома, имел бы свою цену. В свою очередь если бы в результате какого-либо переворота в природе атмосферного воздуха оказалось бы слишком мало для потребления или его можно было бы монополизировать, то он мог бы обрести очень высокую рыночную цену. В этом случае владелец воздуха в количестве, превышающем его собственные потребности, располагал бы им как своим богатством, причем на первый взгляд общий размер богатства человечества возрос бы в результате столь великого для него бедствия. Ошибка здесь заключалась бы в игнорировании того обстоятельства, что, каким бы богатым ни стал владелец воздуха за счет остальной части общества, все другие люди стали бы беднее на ту сумму, какую они вынуждены были бы заплатить за то, что прежде получали бесплатно.

Отсюда вытекает важное расхождение в значениях слова «богатство» в его применении к собственности отдельного лица, страны или человечества в целом. В богатство всего человеческого рода включается только то, что может принести пользу или доставить удовольствие. Для отдельного человека богатством является все, что, будучи само по себе бесполезным, позволяет ему рассчитывать на получение взамен от других части их запаса полезных или приятных вещей. Возьмем, например, закладную в 1 тыс. ф. ст. на земельный участок. Она составляет богатство для того лица, которому она приносит проценты и который, вероятно, может продать ее на рынке за всю сумму долгового обязательства. Но для страны такая закладная не является богатством: при аннулировании сделки страна не станет ни беднее, ни богаче. Кредитор потеряет

1 тыс. ф. ст., а владелец земли выиграет ее. В масштабе страны закладная сама по себе не является богатством, она просто предоставляет *А* право на часть богатства *Б*. Она оказалась богатством для *А*, богатством, которое он мог передать третьему лицу, но то, что он таким образом передавал, на деле оставалось совместной собственностью — в размере 1 тыс. ф. ст. — на землю, единственным номинальным владельцем которой был *Б*. Положение держателей государственных ценных бумаг, т. е. владельцев долговых обязательств страны, аналогично. Они — кредиторы по закладным на общее богатство страны. Аннулирование этого долга не означало бы уничтожение богатства, а просто его передачу, несправедливое его изъятие у определенной части членов общества в пользу правительства или налогоплательщиков. Вот почему государственные ценные бумаги нельзя считать частью национального богатства. Это не всегда учитывают составители статистических расчетов. Например, при исчислении валового дохода страны, основанном на поступлениях подоходного налога, не всегда исключаются проценты по государственным облигациям, тогда как у налогоплательщиков учитывается весь их номинальный доход, включая ту его часть, которая у них изымается в виде налогов и образует доход держателей государственных облигаций. В результате такого исчисления часть общего дохода страны учитывается дважды и совокупный национальный доход выводится в сумме, почти ⁶ на 30 млн. превышающей его подлинный размер. Но в то же время страна может включать в состав своего богатства принадлежащие ее гражданам ценные бумаги других государств и иные долги, причитающиеся им из-за границы. Однако и эти суммы представляют для данной страны богатство лишь потому, что ее граждане являются совладельцами собственности других стран. Они не составляют части коллективного богатства всего человечества. Эти суммы образуют элемент распределения, а не действительную часть общей массы богатства.

⁷ Другим примером собственности, составляющей богатство для лица, которому она принадлежит, но не для страны или человечества, являются рабы. Лишь в силу

---

⁶ [В 1-м издании (1848 г.) «около»; в 5-м (1862 г.) — «почти».]

⁷ [Этот абзац добавлен в 6-е издание (1865 г.).]

странного смешения понятий «собственность на рабов» (как это именуется) включают, причем по численности рабов, в оценку богатства или капитала той страны, которая терпит существование подобного рода собственности. Если человеческое существо, рассматриваемое в качестве объекта, обладающего производительной силой, образует часть национального богатства, когда эта его сила находится в собственности другого человека, то оно в такой же мере должно составлять часть богатства страны, когда его производительная сила принадлежит ему самому. То, что раб стоит для своего хозяина, — это только отнятая у него собственность, и ее отчуждение не может ничего прибавить к совокупной собственности обоих — раба и хозяина — или к богатству страны, жителями которой оба являются. Но правильный подход к делу не допускает, чтобы народ страны включали в состав его богатства. Он, народ, и есть тот объект, ради которого и существует национальное богатство. Сам по себе термин «богатство» требуется для обозначения совокупности желательных предметов, которыми люди обладают, не только не включая сюда их собственные личности, а, наоборот, противопоставляя их этим предметам. Люди не являются богатством для самих себя, хотя они и служат инструментом его приобретения.

Предлагалось определять богатство как «орудия», причем включить в это понятие не только одни инструменты и машинное оборудование, а всю находящуюся во владении отдельных лиц или сообществ накопленную совокупность средств для достижения своих целей. Например, поле — это орудие, так как оно служит средством для получения зерна. Мука — орудие, поскольку она является средством получения хлеба. И хлеб — орудие, позволяющее утолять голод и поддерживать жизнь. Далее, однако, мы переходим уже к вещам, которые не есть орудие и служат предметом желания сами по себе, а не лишь как средство получения чего-то совсем другого. Такое понимание вопроса философски правильно, или, лучше сказать, эту формулировку можно с пользой употреблять наряду с другими, причем не потому, что она дает отличное от обычно принятого представление о нашем предмете, а потому, что она придает большую четкость и подлинность обычному понятию. Между тем приведенное определение слишком резко отличается от его традицион-

ного языкового значения, чтобы получить всеобщее признание или более широкое применение, нежели лишь для иллюстрации отдельных примеров.

Итак, богатство можно определить как понятие, охватывающее все полезные или приятные вещи, которые обладают меновой стоимостью, или, иными словами, все полезные или приятные вещи, за исключением тех, которые в желательном количестве можно приобрести без затрат труда или принесения чего-либо в жертву. Против этого определения можно возразить лишь то, что оно оставляет без ответа многократно обсуждавшийся вопрос: следует ли считать богатством так называемые нематериальные продукты? Нужно ли, например, причислять к богатству мастерство работника или любую другую природой данную или благоприобретенную способность тела или ума? Но этот вопрос не имеет очень большого значения, и, поскольку он требует подробного разбора, его лучше будет рассмотреть в другом месте *⁸.

После этих предварительных соображений о богатстве мы обратимся теперь к рассмотрению вопроса о чрезвычайно больших различиях в уровне богатства между отдельными странами и между разными эпохами в истории человечества. Различия эти заключаются как в размерах богатства, в его составе, так и в способе распределения имеющегося в данном обществе богатства между его членами.

Едва ли теперь найдется такой народ или такое общество, которые целиком поддерживали бы свою жизнь продуктами дикой растительности. Но многие племена все еще живут исключительно или почти исключительно за счет диких животных, продуктами охоты и рыбной ловли. Одеждой им служат шкуры зверей, а жилищем — грубо сложенные шалаши или кроны деревьев, которые можно мгновенно покинуть. Употребляемую ими пищу нельзя сколько-нибудь долго хранить, запасов ее у них нет, они часто подвержены большим лишениям. Богатство такого сообщества состоит лишь из шкур, в которые эти люди одеты, нескольких украшений, вкус к которым имеется у большинства дикарей, кое-какой примитивной

---

* См. ниже, кн. 1, гл. III.

⁸ [См. Приложение В. «Определение богатства».]

утвари, оружия для охоты и сражения со своими жестокими соперниками в борьбе за средства к существованию, челнов для переправы через реки и озера или для рыбной ловли на море, а также иногда из небольшого количества мехов или других даров дикой природы, собранных для обмена с цивилизованными людьми на одеяла, водку и табак, причем какую-то часть этих иностранных продуктов можно держать в запасе. К этому скудному перечню материального богатства следует добавить их землю — средство производства, которое они по сравнению с более оседлыми сообществами очень слабо используют, но которое тем не менее служит для них источником существования и которое может иметь рыночную стоимость, если по соседству окажется какая-либо сельскохозяйственная община, нуждающаяся в дополнительных землях. Это — состояние глубочайшей нищеты, в котором, как известно, пребывают целые сообщества людей. Однако имеются и гораздо более богатые общества, в которых условия жизни части населения — по средствам к существованию и житейским удобствам — не намного лучше, чем у дикарей.

Первым крупным шагом на пути преодоления такого состояния явилось одомашнивание наиболее полезных животных, приведшее к возникновению пастушеского или кочевого образа жизни, при котором человечество живет уже не охотой на диких зверей, а питается молоком и его продуктами, используя также ежегодный прирост поголовья овец и крупного рогатого скота. Это положение не только само по себе лучше прежнего, но благоприятствует дальнейшему прогрессу, при нем происходит гораздо более значительное накопление богатства. Пока обширные естественные пастбища на земле еще не захвачены человеком полностью, пока потребление не обгоняет стихийное воспроизводство продуктов, можно собирать и накапливать в запас большую и постоянно возрастающую массу средств к существованию, почти не прилагая никакого труда, помимо того, чтобы стеречь стада от нападений диких зверей и налетов грабителей. Поэтому со временем многочисленные стада овец и крупного рогатого скота оказываются во владении отдельных предприимчивых и бережливых людей в результате их собственных усилий или во владении вождей кланов и племен в результате использования труда зависимых от них людей. Таким образом в

пастушеских обществах возникает имущественное неравенство — явление, которое едва ли существовало у диких племен, где каждый располагал в основном лишь самым необходимым, а в случае отсутствия и этого должен был даже делиться последним со своими соплеменниками. У кочевых народов одни владеют огромными стадами, способными обеспечить пропитание множеству людей, тогда как другие не сумели присвоить и удержать какие-либо излишки, а некоторые и вовсе не имеют скота. Однако самые жизненно необходимые средства к существованию теперь уже перестали быть столь случайными и ненадежными, как прежде, поскольку наиболее преуспевающие скотоводы не могут использовать свои излишки иначе, как для того, чтобы кормить ими менее удачливых. При этом любое увеличение числа людей, существование которых связано с ними, означает также возрастание их безопасности и могущества. Таким образом, они оказываются в состоянии избавить себя от всякого труда, кроме управления и надзора, и приобретать себе подвластных, которые сражаются за них в войнах и служат им в мирное время. Одно из свойств такого состояния общества заключается в том, что часть его членов, а до известной степени даже и все они, располагают свободным временем. Только какая-то доля времени требуется на обеспечение пищи, остальное же не поглощается тревожными мыслями о завтрашнем дне или необходимым отдыхом от физического труда. Такой образ жизни весьма благоприятствует возникновению новых потребностей и открывает возможность их удовлетворения. Появляется желание иметь одежду, утварь, орудия труда лучше тех, какими довольствовались первобытные племена, а излишек пищи позволяет посвятить достижению этих целей усилия части племени. У всех или большинства кочевых народов мы находим грубые, а иногда и искусные изделия домашнего производства. Имеется много свидетельств тому, что, когда в тех районах мира, которые явились колыбелью современной цивилизации, люди еще вели кочевой образ жизни, уже было достигнуто значительное искусство прядения, ткачества и крашения шерстяной одежды, выделки кожи и — что представляется еще более сложным изобретением — обработки металлов. Даже первые зачатки отвлеченной науки обязаны своим зарождением досугу, присущему этой стадии общественного прогресса. Самые первые астроно-

мические наблюдения приписываются, согласно весьма правдоподобному преданию, пастухам Халдеи.

Переход от описанного выше состояния общества к земледельческому совершился отнюдь не легко (ибо никакие крупные перемены в образе жизни людей не происходят иначе, как в трудных формах, и они вообще носят либо болезненный характер, либо происходят очень медленно), но он осуществился, так сказать, в стихийном ходе событий. Увеличение численности населения и поголовья скота со временем начало превышать способность земли обеспечивать их достаточными естественными пастбищами. Это, несомненно, послужило причиной первой вспашки почвы, точно так же как позднее эта же причина заставила бесчисленные орды народов, еще остававшихся кочевыми, обрушиться на те народы, которые уже перешли к земледелию. А затем уже, когда последние обрели достаточную силу, чтобы отражать такие набеги, народы-захватчики, лишённые этой возможности, вынуждены были также заняться земледелием.

Но после того, как этот великий шаг был сделан, дальнейший прогресс человечества был вовсе не таким стремительным (за исключением редких случаев стечения особо благоприятных обстоятельств), как можно предположить. Количество продовольствия, какое способна дать земля даже при самой несовершенной системе земледелия, настолько превышает возможности чисто пастушеского хозяйства, что неизбежным результатом этого является громадный рост населения. Однако это добавочное продовольствие получается лишь путем больших дополнительных затрат труда. Между тем земледельцы не только не располагают таким свободным временем, как пастухи, но, применяя в течение длительного времени несовершенные орудия труда и методы обработки земли (которые на большей части нашей планеты применяются даже еще и теперь), они, за исключением случаев возникновения необычно благоприятных климатических и почвенных условий, не производят такого большого количества продовольствия сверх необходимого для их собственного потребления, чтобы можно было прокормить многочисленный класс работников, занятых в других отраслях производства. К тому же излишек, будь он мал или велик, обычно изымается у производителей либо правительством, которому они подвластны, либо частными лицами, которые,

пользуясь превосходящей силой или религиозными и традиционными чувствами подчинения, утвердились в качестве хозяев земли.

Первый из указанных способов присвоения, присвоение правительством, характерен для обширных монархических государств, с незапамятных времен занимавших азиатские равнины. В этих странах правительства, хотя они и различались между собой по своим достоинствам, обусловленным случайными особенностями личного характера, редко оставляли земледельцам что-либо сверх их насущных потребностей, а часто отнимали у них даже все без остатка, вследствие чего оказывались вынужденными, забрав у землепашца весь его урожай, вернуть ему часть в долг, чтобы обеспечить его семенами и дать ему возможность просуществовать до следующего урожая. При таком способе управления, хотя основная масса населения плохо обеспечена, правительство, собирая небольшую дань с большого числа людей, оказывается в состоянии, практикуя сколько-нибудь разумное управление, блистать богатством совершенно несоразмерно с общим положением страны. Вот откуда возникло укоренившееся превратное представление о несметном богатстве восточных государств, от которого европейцы лишь недавно избавились. Совладельцами этого богатства, не считая большой доли его, перепадающей тем, кто его собирает, являются, конечно, и многие лица, не принадлежащие ко двору повелителя. Значительная часть богатства распределяется среди различных чиновников правительства, раздается фаворитам, а также случайным людям по капризу монарха. Некоторая его часть время от времени направляется на сооружение общественно полезных объектов. Водоемы, колодцы и оросительные каналы, без которых во многих районах с тропическим климатом едва ли возможно было бы земледелие, дамбы, защищающие от разливов рек, базары для торговцев, караван-сарай для путешественников — все эти сооружения не могли быть созданы на скудные средства тех, кто ими пользовался, и обязаны своим существованием щедрости и просвещенному своекорыстию лучших из венценосцев или благотворительности, а то и тщеславию какого-нибудь богача, чье состояние, если проследить его происхождение, всегда оказывалось почерпнутым прямо или косвенно из государственных доходов, чаще всего в виде части их

непосредственно дарованной верховным властителем.

Правитель такого рода общества, обильно обеспечив себя и всех тех лиц, к кому он питает какой-то интерес, а также приняв на свое содержание столько солдат, сколько он сочтет необходимым для собственной безопасности или престижа, все еще располагает остатком средств, которые он рад обменять на отвечающие его склонностям предметы роскоши. Такой остаток оказывается в распоряжении целого класса людей, обогатившихся по милости правителя или в ходе сбора государственных налогов. В результате возникает спрос на искусные и дорогостоящие изделия, находящие сбыт на ограниченном, но богатом рынке. Этот спрос часто удовлетворяется почти целиком торговцами из более цивилизованных государств, но нередко вызывает к жизни в самой стране класс ремесленников, создающих такие великолепные изделия, какие могут явиться только плодом терпения, смекалки, наблюдательности и мастерства, хотя и без досконального знания свойств обрабатываемых материалов. Примером тому служат хлопчатобумажные ткани Индии. Такие ремесленники кормятся за счет того излишка продовольствия, который правительство и его агенты изымают, рассматривая указанный излишек как свою долю продукта. Дело обстоит буквально именно так. В некоторых странах работник, вместо того чтобы брать работу на дом и получать плату после того, как она выполнена, отправляется со своим инструментом в дом заказчика и кормится там, пока не завершит дело.

Однако опасности, угрожающие всякому имуществу в таком обществе, побуждают даже самых богатых покупателей отдавать предпочтение предметам, не подверженным порче, имеющим большую ценность при малом объеме, которые поэтому легко прятать или унести с собой. Вот почему золото и драгоценности составляют большую часть богатства этих народов, и многие богатые азиаты почти все свое состояние надевают на себя или на женщин из своего гарема. За исключением монарха, никто здесь и не думает о таких формах помещения богатства, которые исключают возможность его унести или увезти с собой. Монарх же, если чувствует себя прочно на троне и твердо рассчитывает передать его своим потомкам, иногда позволяет себе удовольствие возводить вековые сооруже-

ния, строить пирамиды, или Тадж-Махал, или мавзолей в Сикандре. Грубые изделия, предназначенные для нужд земледельцев, изготавливаются деревенскими ремесленниками, получающими вознаграждение за свой труд либо в виде предоставляемой им бесплатно земли для обработки, либо в натуре из той доли урожая, которую правительство оставляет крестьянам. Этот тип общества, однако, имеет и свой класс торговцев, подразделяющийся на два слоя: одни торгуют зерном, другие — деньгами. Торговцы зерном обычно покупают его не у производителей, а у правительственных чиновников, которые, получая налоги в натуре, предпочитают возлагать на других перевозку собранного зерна в населенные пункты, где размещаются сам монарх, его главные гражданские и военные сановники, основная часть его войск и ремесленники, обслуживающие нужды всех этих людей. Торговцы деньгами ссужают несчастных земледельцев, разоренных недородом или казенными поборами, средствами к существованию и для обработки земли, а затем из следующего урожая возвращают свою ссуду с огромными процентами. В более широких масштабах они предоставляют займы правительству или чиновникам, которым правительство выделило часть доходов, возмещенных либо из сумм, собранных сборщиками налогов, либо путем передачи в их распоряжение определенных округов, где они сами могут взыскивать налоги и таким образом возвращать себе следуемые им суммы. Чтобы они могли это осуществить, правительство обычно переуступает им значительную часть своих полномочий, которыми кредиторы пользуются там до тех пор, пока соответствующий округ не сдал все налоги или пока сумма сборов не погасила всю задолженность правительства. Таким образом, коммерческие операции этих двух разновидностей торговцев распространяются главным образом на ту часть продукта страны, которая образует доход правительства. Из этого дохода их вложенный капитал периодически возмещается с прибылью, и он же почти всегда служит источником, из которого торговцы черпают свой первоначальный капитал. Таковы в общих чертах экономические условия, существовавшие в странах Азии еще с доисторических времен и сохраняющиеся поныне [1848 г.] всюду, где они не нарушены в результате внешних воздействий.

По-иному дело обстояло в земледельческих обществах

древней Европы, история которых нам лучше известна. Они возникали преимущественно в виде маленьких городов-общин, располагавшихся либо на никем не занятой территории, либо на территории, прежнее население которой было изгнано; превращенная в собственность земля с самого начала строго распределялась между составлявшими общину семьями равными или пропорциональными участками. В некоторых случаях возникал не один город, а союз городов, населенных людьми, которые считали себя соплеменниками и обосновались в данной стране, как полагают, в одно время. Каждая семья производила для себя пищу и материал, из которого изготовлялись здесь же, обычно женщинами, грубые одеяния, удовлетворявшие требованиям того века. Никаких налогов не существовало, как не было и оплачиваемых правительственных чиновников, а если таковые и были, то их вознаграждение обеспечивалось специально выделенной частью земли, обрабатываемой рабами для государства; армия состояла из всех граждан. Поэтому все продукты земли, без всякого вычета, принадлежали семье, которая ее обрабатывала. Пока развитие событий допускало сохранение этого способа присвоения собственности, для большинства свободных земледельцев такое устройство общества было, очевидно, приемлемым. При нем в ряде случаев прогресс духовной культуры человечества был чрезвычайно быстрым и блестящим. Особенно это было характерно для тех стран, где преимущества расовых черт населения и климатических условий, а также, без сомнения, и многие другие благоприятные обстоятельства, все следы которых теперь утеряны, сочетались с выгодным расселением на берегах огромного внутреннего моря, другие берега которого уже были заняты более развитыми народами. Такое местоположение способствовало приобретению знаний об иностранных производствах, облегчало доступ к иностранным идеям и изобретениям, подрывало силу рутины, обычно сковывающую отсталые общества. Достаточно сослаться на развитие производства у этих народов; они рано обрели разнообразные потребности и желания, которые побуждали их извлекать из своей собственной земли все, что они могли заставить ее давать; когда же почва оказывалась бесплодной или когда они достигали предела ее производительных возможностей, жители страны становились торговцами, покупали товары в одних

странах для того; чтобы продавать их с прибылью в других странах.

Но такое положение вещей с самого начала было непрочным. Маленькие общины находились почти непрерывно в состоянии войны. Тому было много причин. У более примитивных и чисто сельскохозяйственных общин такой причиной служило то обстоятельство, что возрастающая численность населения наталкивалась на ограниченность земельных площадей, причем положение зачастую осложнялось еще и низкими урожаями в условиях примитивного способа ведения сельского хозяйства, а также зависимостью обеспечения населения продовольствием от малой территории страны. В подобных случаях община либо в полном составе переселялась на другую территорию, либо отправляла отряды вооруженных молодых людей на поиски какого-либо менее воинственного народа, который можно было бы согнать с его земли или превратить в рабов и заставить обрабатывать землю для своих поработителей. То, что менее развитые племена предпринимали в силу необходимости, более процветающие делали, побуждаемые тщеславием и воинственным духом. Со временем все эти города-общины оказались либо победителями, либо побежденными. В некоторых случаях государство-победитель довольствовалось наложением дани на покоренного, причем последний в виде компенсации за это бремя освобождался от расходов и хлопот, связанных с защитой своей территории от нападений с суши и моря; в результате побежденный народ получал возможность пользоваться значительной долей плодов экономического процветания, а победившая нация — излишком богатства, который можно было употребить на публичную роскошь и великолепие. За счет такого излишка были построены Парфенон и Пропилеи, оплачены скульптуры Фидия, устраивались народные торжества, для которых сочиняли свои трагедии и комедии Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан.

Но такой строй политических отношений, чрезвычайно полезный, пока он существовал, для прогресса и высших целей человечества, не обладал свойствами долговечности. Небольшая нация-победительница, которая не вбирает в свой состав побежденных, всегда кончает тем, что сама оказывается покоренной. Поэтому всеобщее господство осталось в конечном счете за тем народом, который вла-

дел искусством побеждать, а именно за римлянами. Какими бы другими методами они ни пользовались, они всегда начинали или кончали захватом большей части земли для обогащения своих видных граждан и включением в правящее сословие крупнейших собственников оставшейся части земель. Здесь нет нужды останавливаться на мрачной экономической истории Римской империи. Неравенство в распределении богатства, раз возникнув, затем получает стремительное развитие в обществе, которое не берет на себя труд постоянно исправлять несправедливости судьбы; громадные массы богатства поглощают малые состояния.

В конце концов территория Римской империи оказалась покрытой обширными земельными владениями сравнительно небольшого числа семей, ради роскошного образа жизни, а еще больше ради тщеславия которых выращивались самые дорогие продукты, тогда как возделывали землю рабы или мелкие арендаторы, находившиеся в положении, близком к рабству. С этого времени богатство империи неуклонно оскудевает. Вначале государственных доходов и средств богатей хватало по крайней мере на то, чтобы покрыть Италию великолепными сооружениями — общественными и частными. Но постепенно эти источники средств настолько истощились в результате плохого управления, что остатки не могли обеспечить даже уход за указанными сооружениями и защиту их от разрушения. Мощи и богатств цивилизованного мира оказалось недостаточно, чтобы противостоять натиску кочевых племен, скопившихся на северных границах империи. Они наводнили империю, и установился иной порядок.

При новой форме, которую теперь принимает европейское общество, можно считать, что население каждой страны состоит из двух неравных, совершенно различных наций или рас, из победителей и побежденных: к первой относятся владельцы земли, ко второй — те, кто ее возделывает. Этим землепашцам разрешалось пользоваться землей на условиях, которые, будучи порождены насильем, всегда лежали на них тяжким бременем, хотя редко доводились до абсолютного рабства. Уже на последних этапах истории Римской империи земельное рабство повсеместно превратилось в форму крепостничества: римские «колоны» были, скорее, крепостными, а не настоящими рабами. Неспособность и нежелание варваров-завоевате-

лей осуществлять личный надзор за производственной деятельностью не оставляли им иного пути, как разрешить земледельцам в качестве стимула к труду получать некоторый реальный доход от земли. Если, например, их заставляли работать три дня в неделю на своего хозяина, то результаты труда в оставшиеся дни принадлежали им самим. Если от них требовали поставлять в замок различные виды продовольствия, обычно необходимые для пропитания его обитателей, если даже при этом у них реквизировали продукты и сверх установленной нормы, то они все же могли распорядиться по своему усмотрению дополнительной продукцией, которую они могли собрать. При этой системе, господствовавшей в средние века, как и в современной России (где до недавней освободительной акции действовала практически такая же система)⁹, для крепостных не исключалась возможность приобретать собственность. В самом деле, их накопления составляют первоначальный источник богатства современной Европы.

В тот век насилия и произвола крепостной, которому удалось накопить хоть небольшой запас, употреблял его прежде всего на то, чтобы купить себе свободу и отправиться в какой-либо город или укрепленное поселение, уцелевшее со времен римского владычества, или же чтобы укрыться там, даже не выкупив свободы. В этом убежище, окруженный людьми своего класса, он пытался жить, ограждая себя от грабежа и посягательств военной касты собственной храбростью и мужеством своих товарищей. Освободившиеся крепостные в большинстве случаев становились ремесленниками и обеспечивали себе существование, обменивая продукты своего труда на излишки продовольствия и материалов, которые земля приносила феодальным собственникам. Так возник европейский двойник экономического строя азиатских стран. Разница заключалась лишь в том, что вместо одного монарха с толпою постоянно меняющихся фаворитов и слуг в Европе существовал многочисленный и в значительной степени устойчивый класс крупных землевладельцев, гораздо меньше блиставших роскошью, поскольку каждый из них в отдельности располагал намного меньшим излишком про-

---

⁹ [Добавление в скобках сделано в 6-м издании (1865 г.).]

дукта земледельцев и в течение долгого времени был вынужден расходовать большую часть этого излишка на содержание отрядов телохранителей для обеспечения своей безопасности из-за господствовавших в обществе воинственных нравов и ненадежной защиты со стороны правительства. Большая стабильность, прочное личное положение, отличавшие этот общественный строй от азиатского государства, с которым он был схож в экономическом отношении, послужили одной из главных причин, почему тогдашнее европейское общество оказалось более восприимчивым к прогрессу.

С этого времени экономическое развитие общества уже не прерывалось. Безопасность личности и собственности неуклонно, хотя и медленно, возрастала; ремесла постоянно совершенствовались; грабеж перестал служить единственным источником накопления; феодальная Европа перерастала в торговую и мануфактурную Европу. На последнем этапе средних веков в городах Италии и Фландрии, в вольных городах Германии, в некоторых городах Франции и Англии сосредоточилось многочисленное население предприимчивых ремесленников и богатых бюргеров, приобретших свое богатство путем создания предприятий обрабатывающей промышленности или посредством торговли изделиями этой промышленности. Общины Англии, третье сословие Франции, буржуазия континента вообще происходят от этого класса. Поскольку это был класс сберегающий в отличие от потомков феодальной аристократии, являвшихся классом расточительным, первый постепенно заменил вторых в качестве владельцев громадной доли земель. Эта естественная тенденция в одних случаях замедлялась законами, преследовавшими цель удержать землю в собственности традиционных землевладельческих династий, в других она ускорялась политическими революциями. Постепенно, хотя и довольно медленно, собственно земледельцы во всех цивилизованных странах избавились от крепостной или полукрепостной зависимости, хотя их правовые и экономические условия резко различались между собой в разных странах Европы и в больших поселениях, основанных потомками европейцев по ту сторону Атлантики.

В мире теперь существует ряд обширных регионов, обладающих разнообразными видами богатства в таком изобилии, какое в прежние века невозможно было даже

представить. Без принудительного труда на земле ежегодно выращивается громадная масса продовольствия, дающая пропитание не только его фактическим производителям, но и такому же, а иногда и большему числу работников, занятых производством бесчисленного множества разного рода предметов первой необходимости и роскоши или перевозкой их из одного места в другое, а также массы людей, занятых управлением и надзором за всеми указанными работами. А над всеми этими слоями возвышается более многочисленный, чем в самых роскошествовавших обществах древности, класс людей, чье занятие не является непосредственно производительным, или людей, вовсе ничем не занятых.

Теперь продовольствие, производимое на той же площади, обеспечивает пищей намного большее, чем когда-либо прежде, население (по крайней мере в данных регионах), причем обеспечивает стабильно, без периодически возникавших всплесков массового голода, которые столь часто повторялись на ранних этапах европейской истории и которые нередко даже теперь в странах Востока. Наряду с громадным увеличением количества продовольствия существенно улучшилось его качество, оно стало также значительно разнообразнее. Вместе с тем предметы комфорта и роскоши уже перестали быть достоянием лишь небольшого богатого класса, а в изобилии получили распространение среди многих других, численно возрастающих слоев общества. Каждая из этих стран располагает теперь невиданными доселе совокупными ресурсами, которые она может направить на достижение каких-либо непредусмотренных целей, например содержать флот и армию, строить общественные объекты, будь то полезного или декоративного назначения, осуществлять акты общенациональной благотворительности, вроде выкупа вестиндских рабов, основывать колонии, давать образование своему населению, короче говоря, выполнять всякие мероприятия, требующие издержек, причем не принося в жертву насущные потребности или даже некоторые значительные удобства своего населения.

Однако все эти черты, присущие современным промышленным обществам, в каждом из них резко различаются по степени своего проявления. Хотя все они намного богаче по сравнению с обществами прежних эпох, относительные размеры их богатства весьма неодинаковы.

Даже из числа тех стран, которые справедливо считаются самыми богатыми, некоторые более целесообразно применили свои производительные ресурсы и в результате достигли большего объема продукции пропорционально своей территории, нежели другие. Различаются они также между собой не только по размерам богатства, но и по темпам его возрастания. Неравномерность в распределении богатства проявляется еще больше, чем в его производстве. Существует резкая разница в жизненных условиях беднейшего класса в разных странах, а также в относительной численности и в степени обогащения классов, возвышающихся над беднейшим. Сам характер и роль классов, между которыми производится первичное распределение продуктов земли, весьма неодинаковы в разных странах. В одних случаях землевладельцы представляют собой отдельный класс, почти полностью обособленный от классов, занятых трудом. В других собственник земли почти всецело занят ее возделыванием, владеет плугом и часто сам идет за ним. Там, где собственник сам не обрабатывает землю, между ним и работником появляется посредник, фермер, который предоставляет работникам пропитание, обеспечивает их орудиями производства и получает после внесения арендной платы землевладельцам весь урожай. В других случаях продукт делится только между собственником земли, его наемным управляющим и работниками. Промышленная деятельность в свою очередь также иногда осуществляется отдельными лицами, которые либо владеют необходимыми инструментами и оборудованием, либо арендуют их и почти не пользуются наемной рабочей силой, ограничиваясь лишь приложением труда своей семьи. Но в других случаях большое число людей совместно работает в одном здании на дорогих и сложных машинах, являющихся собственностью богатого промышленника. То же различие наблюдается в торговом деле. Оптовые операции, разумеется, ведутся владельцами крупных капиталов повсюду, где эти капиталы имеются. Но розничная торговля, в совокупности охватывающая очень большой объем капитала, иногда ведется в маленьких лавках, преимущественно самими торговцами, членами их семей и лишь изредка с использованием труда одного или двух учеников; иногда же она ведется в больших торговых заведениях, которые финансируются либо отдельным богачом, либо торговым общест-

вом и в которых работает многочисленный персонал продавцов и продавщиц.

Наряду со странами, образующими так называемый цивилизованный мир, при всем различии в их экономическом устройстве, в тех или иных регионах планеты и поныне сохранились все те древние государства, которые мы охарактеризовали выше. Охотничьи общества все еще существуют в Америке, кочевые — в Аравии и степях Северной Азии. Восточное общество осталось в главных чертах тем же, чем оно всегда было. Обширная Российская империя¹⁰ даже сегодня еще во многих отношениях являет собою лишь слегка измененную картину феодальной Европы. Таким образом, продолжают сохраняться все великие типы человеческого общества, вплоть до эскимосов и патагонцев¹¹.

Эти примечательные различия в производстве и распределении богатства у разных частей человечества должны, как и всякое другое явление, зависеть от определенных причин. Было бы неправильно усматривать их исключительно в степени познания законов природы и овладения трудовыми навыками и ремеслами в разные эпохи и в разных районах земли. Здесь действует также и много других причин. Сам прогресс и неравномерное распределение знаний о природе частично являются следствием, а частично причиной того или иного состояния производства и распределения богатства.

В той мере, в какой экономическая организация народов зависит от состояния естественных наук, она остается предметом изучения самих естественных наук и производных от них прикладных наук. Однако в той мере, в какой причины экономической организации общества кроются в моральных и психологических факторах, в институтах и общественных отношениях или в свойствах человеческой натуры, исследованием этих причин должны заниматься не естественные, а этические и социальные науки, они являются уже предметом науки, называемой «политическая экономия».

Производство богатства, извлечение из недр земного шара средств для человеческого существования и наслаж-

---

¹⁰ [Так в тексте, начиная с 2-го издания (1849 г.). В 1-м издании (1848 г.) значилось «Россия и Венгрия».]

¹¹ [См. Приложение С. «Типы общества».]

дения, совершенно очевидно, не может происходить произвольно. Здесь действуют определенные условия. Из них некоторые естественные, зависящие от свойств материи и от глубины познания этих свойств человеком в той или иной стране или в ту или иную эпоху. Эти условия политическая экономия не изучает, а принимает как допущение, основываясь на данных естественных наук или житейском опыте. Соединяя с этими фактами внешней природы другие истины, относящиеся к человеческой натуре, политическая экономия пытается выявить вторичные, или производные, законы, управляющие производством богатства, содержащие объяснение различиям богатства и бедности в настоящем и прошлом и позволяющие предвидеть, какое увеличение богатства возможно в будущем.

В отличие от законов производства, законы распределения частично создаются самими людьми, поскольку способ распределения богатства в каждом данном обществе зависит от принятых в нем законов и обычаев. И хотя правительства и народы полномочны решать, какие должны существовать институты, они не могут произвольно определять, как этим институтам надлежит функционировать. Условия, от которых зависит их власть над распределением богатства, и способ воздействия на распределение с помощью различных кодексов поведения, какие общество может счесть целесообразным ввести, в такой же мере служат предметом научного исследования, как и любые естественные законы природы.

Законы производства и распределения и некоторые вытекающие из них следствия составляют предмет настоящего трактата.

КНИГА I
ПРОИЗВОДСТВО

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Два элемента образуют производство: труд и надлежащие природные объекты его приложения.

Труд бывает физический и умственный, или, чтобы выразить это различие более исчерпывающе, мускульный и нервный. Понятие труда необходимым образом включает не только само по себе трудовое усилие, но также все неприятные ощущения, все физические неудобства или умственные напряжения, связанные с применением мускульной или духовной энергии или той и другой вместе в каком-либо роде занятий. О другом элементе, о пригодных для приложения труда объектах природы следует заметить, что некоторые из них существуют или произрастают самостоятельно в готовом для удовлетворения человеческих потребностей виде. Существуют пещеры и дупла в деревьях, могущие служить человеку укрытием, плоды, корни, дикий мед и другие продукты природы, способные обеспечить ему пропитание. Но и в этом случае обычно нужны значительные затраты труда не для их производства, а для их отыскания и присвоения. Однако, кроме этих немногих и несущественных (исключая лишь период самого зарождения человеческого общества) случаев, имеющиеся в природе предметы в состоянии удовлетворить человеческие потребности только после того, как они подвергнутся определенному преобразованию трудом человека. Даже племена, занимавшиеся охотой и рыболовством, главный предмет труда которых состоял в добыче диких животных и рыбы, служивших источником их существования, должны были, прежде чем употребить свою добычу в пищу, убить ее, разделать на части, почти всегда подвергнуть хоть какой-то кулинарной обработке, т. е. осуществить операции, требующие известного приложения труда человека. Объем обработки, которую претерпевает природное вещество, пока оно не примет форму, пригодную для непосредственного употребления человеком, колеблется от рассмотренного выше или даже еще меньшего изменения

качества и внешнего вида до такой коренной переработки, когда не остается никаких видимых следов его первоначальной формы и строения. Плуг, топор или пила мало напоминают кусок руды, найденный в недрах земли. Еще меньше сходства между фарфором и природным материалом, из которого он сделан, или между стеклом и смесью песка с поташом. А еще больше разница между овечьей шерстью или горстью семян хлопка и куском легкой ткани или тонкого сукна; к тому же овцы и семена также не выросли само по себе, а являются результатом труда и ухода за ними. В перечисленных примерах конечный продукт настолько отличается от предмета, данного природой, что в обычной речи природа представляется лишь поставщиком материалов.

Природа, однако, не ограничивается поставкой материалов, она поставляет также и энергию. Материя земного шара не принимает пассивно формы и свойства, придаваемое ей человеком; она располагает активными силами, посредством которых взаимодействует с трудом человека и может даже заменить его. В древние времена люди превращали зерно в муку, дробя его между двумя камнями. Но затем они придумали приспособление, позволившее им, поворачивая рукоятку, заставить один из камней вращаться на другом; этот способ, несколько усовершенствованный, до сих пор общепринят на Востоке. Однако мускульные усилия, которых он требовал, были так тяжки и изнурительны, что часто на эту работу обрекали рабов, чем-либо прогневавших своих хозяев. Когда со временем было сочтено выгодным сократить труд и страдания рабов, большая часть физических усилий оказалась ненужной в результате введения приспособления, вращавшего верхний камень на нижнем не с помощью ручного труда, а силой ветра или падающей воды. В данном случае человек заставил силы природы, ветер или падающую воду, выполнять часть работы, на которую он прежде затрачивал свой труд.

§ 2. Подобные примеры, когда часть затрат труда экономится, а соответствующая работа перекладывается на какую-либо силу природы, способны создать ошибочное представление о сравнительных функциях труда и естественных сил; можно подумать, что взаимодействие этих сил с производственной деятельностью человека будто бы

ограничивается лишь теми случаями, когда эти силы направляют на выполнение того, что в противном случае выполнял бы человек; что будто бы в тех случаях, когда какие-либо вещи сделаны (как принято говорить) руками, природа поставляет лишь пассивный материал. Это—заблуждение. И в том, и в другом случае силы природы принимают активное участие. Рабочий берет стебель льна или конопли, расщепляет его на отдельные волокна, скручивает несколько волокон пальцами при помощи простого орудия, называемого веретенем; получив таким образом нить, он укладывает рядом много этих нитей, затем помещает такие же нити строго поперек прежних с тем, чтобы они попеременно проходили над и под ними под прямым углом; эта часть работы производится с помощью орудия, называемого челноком. Теперь он уже изготовил ткань, либо льняную, либо холщевую — в зависимости от материала. Считается, что он все сделал своими руками и что будто никакая сила природы не взаимодействовала с ним в этой работе. Но какая сила сделала возможным каждый этап операции и какая сила удерживает в целости изготовленную ткань? Прочность, сила сцепления волокон, которая и есть одна из сил природы и которую мы можем точно измерить путем сравнения с другими механическими силами и таким образом установить, сколько нужно каждой из них, чтобы нейтрализовать или уравновесить другие.

Если мы исследуем любой другой случай так называемого воздействия человека на природу, мы также обнаружим, что силы природы, или, иными словами, свойства материи, выполняют всю работу, как только предметы приведены в нужное положение. Единственная операция, а именно помещение вещей в нужные места, где на них смогут воздействовать их собственные внутренние силы, а также силы, заключенные в других предметах природы, — это все, что человек делает или в состоянии сделать с материей. Он лишь передвигает одну вещь к другой или от нее. Он помещает зерно в почву, а естественные силы роста производят последовательно корень, стебель, листья, цветок и колос. Он вонзает топор в ствол дерева, и оно падает под воздействием естественной силы тяжести; он определенным способом двигает пилой по дереву, и физические свойства, в силу которых мягкая материя уступает нажиму твердой, заставляет ствол разде-

ляться на доски, которые человек располагает в определенном порядке, соединяет их гвоздями или клейким веществом и таким образом изготовляет стол или возводит дом. Он подносит искру к топливу, и оно загорается; рождаемая процессом горения энергия варит пищу, плавит или размягчает железо, превращает солод и тростниковый сок соответственно в пиво и сахар, при этом надо иметь в виду, что все исходные предметы человек заранее доставил на место. Он в состоянии воздействовать на материю лишь единственным способом — двигая ее. Движение и сопротивление движению — только для этого и созданы его мускулы. Сокращением мышц он может произвести давление на внешний предмет, которое, будучи достаточно сильным, приводит этот предмет в движение, или, если он уже находился в движении, замедлит, изменит направление или вовсе его прекратит. Ничего больше человек сделать не в состоянии. Но этого было достаточно, чтобы дать человечеству власть, которую оно приобрело над силами природы, неизмеримо более могущественными, чем сами люди. Этой власти, как бы она уже ни была велика теперь, несомненно, суждено беспрестанно увеличиваться. Человек осуществляет эту власть, либо присваивая уже имеющиеся силы природы, либо образуя из предметов смеси и соединения, порождающие новые естественные силы; например, когда он подносит зажженную спичку к топливу и наливает в поставленный на огонь котел воду, он создает расширяющую силу пара, силу, которая получила столь большое применение в достижении его целей*.

Итак, труд в материальном мире всегда и исключительно прилагается для приведения предметов в движение; остальное доделывают свойства материи, законы природы. Искусство и изобретательность людей направлены главным образом на то, чтобы находить такие движения, которые доступны их силам и способны привести к желаемым результатам. Но хотя движение — это единственное действие, которое человек может немедленно и непосредственно осуществить своими мускулами, вовсе не обязательно, чтобы он одними мускулами производил все тре-

---

* Этот существенный и основной закон человеческой власти над природой был, я думаю, объяснен и сделан главным принципом политической экономии в гл. I «Элементов политической экономии» (Джеймса) Милля.

буемые движения. Первая и самая доступная замена их — мускульная работа скота. Постепенно к этому прибавляются силы неодушевленной природы; например, ветер или воду, уже находящиеся в движении, заставили сообщать часть своего движения колесу, которое до этого изобретения вращали с помощью мускульной силы. Эту пользу извлекали из сил ветра и воды рядом действий, состоящих, как и предыдущие, в передвижении определенных предметов в определенные положения, в которых они образуют то, что названо машиной. Необходимое для этого мускульное действие не повторяется постоянно, а совершается одноразово, вследствие чего, в общем, возникает большая экономия труда.

§ 3. Некоторые авторы поднимали вопрос о том, не оказывает ли природа большее содействие труду в одних отраслях производства, чем в других, и сами отвечали, что в некоторых производствах решающую роль играет труд человека, в других же — силы природы. Здесь, однако, явное смешение понятий. Доля участия природы в работе человека не поддается определению и измерению. Невозможно установить, участвует ли в изготовлении какой-либо вещи природа больше, чем в производстве любой другой. Нельзя даже сказать, что доля труда меньше. Может, конечно, понадобится меньше труда, но если тот его объем, который требуется, абсолютно необходим, то результат настолько же продукт труда, как и природы. Когда для достижения результата вообще в равной мере нужны два условия, то бессмысленно утверждать, что такая-то его часть произведена одним из них, а такая-то — другим. Это все равно что пытаться установить, какая половина ножниц вносит бóльшую долю в процесс резания или какой из множителей, пять или шесть, играет большую роль в получении произведения числа тридцать. Эта странная фантазия обычно принимает форму утверждения, согласно которому природа будто бы оказывает большее содействие трудам человека в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Такое представление, которого придерживались французские экономисты и от которого не был свободен и Адам Смит, возникло из ошибочного понимания сущности ренты. Поскольку земельная рента есть цена, уплачиваемая за пользование силами природы, а в промышленности она не выплачивается, то эти писа-

тели вообразили, будто эта цена выплачивается именно потому, что сама земля производит больший объем работы. Между тем более глубокое исследование предмета показало бы, что причина, по которой пользование землей имеет цену, попросту заключается в ограниченности земельной площади и что если бы воздух, тепло, электричество, химические реагенты и другие силы природы, применяемые промышленниками, существовали в ограниченном количестве и могли бы быть, подобно земле, захвачены и присвоены, то и из них можно было бы извлекать ренту.

§ 4. Это приводит нас к установлению различия, имеющего, как мы увидим, первостепенное значение. Среди сил природы одни существуют в неограниченном количестве, другие — в ограниченном. Неограниченное количество здесь, разумеется, следует понимать не буквально, а в чисто практическом смысле, а именно как количество, превосходящее возможности использования при любых или по крайней мере при нынешних обстоятельствах. В некоторых недавно заселенных странах земля имеется практически в неограниченном количестве, ее больше, чем в состоянии использовать современное или увеличивающееся в грядущих поколениях население, какой бы численности оно ни достигло. Но даже и здесь количество земель, удобно расположенных относительно рынков сбыта и путей сообщения, ограничено; не так уж много таких, которые люди с готовностью захотели бы заселить, обрабатывать или вообще как-либо использовать. Во всех же старых странах земли, пригодные к обработке или по крайней мере обладающие сколько-нибудь достаточным плодородием, следует отнести к природным силам, имеющимся в ограниченном количестве. Можно считать, что вода рек и озер для повседневного потребления имеется в изобилии, но, если она требуется для орошения полей, ее может даже не хватить для покрытия всех потребностей; в то же время в местах, жизнь в которых зависит от искусственных водоемов, водохранилищ или колодцев, иногда недостаточно обильных или могущих иссякнуть, вода занимает свое место среди предметов, количество которых строжайше ограничено. Там, где сама вода имеется в изобилии, тем не менее энергия воды, т. е. падающая с высоты вода, применяемая по своей механической силе

для нужд промышленности, может оказаться весьма недостаточной по сравнению с тем, чем могли бы воспользоваться люди, если бы этой энергии было больше. Количество угля, металлических руд и других полезных материалов, извлекаемых из недр земли, еще более ограничено, чем количество земли. Они встречаются только в определенных местах, и запасы их могут истощаться, хотя в каком-либо данном районе в данное время количество их далеко превосходит возможности текущего использования, даже если они могут быть получены даром. Морской рыбный промысел в большинстве случаев представляет собой дар природы, количественно практически неограниченный, однако китобойный промысел в Арктике уже давно не в состоянии удовлетворить спрос, который существует, несмотря на очень высокие издержки, связанные с добычей китов, а ловля китов в южных морях, получившая поэтому столь значительное развитие, может привести к истощению и этих районов. Речное рыболовство представляет собой природный источник очень ограниченного характера, и, если позволить всем пользоваться им без удержу, он быстро исчерпает себя. Воздух, даже в том его состоянии, которое мы называем ветром, можно в большинстве ситуаций получать в количестве, достаточном для всевозможного употребления. Так же обстоит дело и с водным транспортом у морских побережий и на крупных реках, хотя количество пристаней и портов, необходимых для обслуживания этого вида транспорта, в ряде случаев гораздо меньше, чем можно было бы использовать, если бы они были более доступны.

Далее мы увидим, в какой степени экономика общества зависит от ограниченного количества большинства самых важных из существующих сил природы, особенно земли. Здесь я лишь замечу, что, пока количество той или иной силы природы практически неограничено, она не может, если не поддается установлению над ней искусственной монополии, иметь какую-либо стоимость на рынке, поскольку никто не станет давать что-нибудь за то, что он может получить бесплатно. Но как только ограничение становится практически ощутимым, как только той или иной силы природы оказывается меньше, чем можно было присвоить и применить, если бы она оставалась доступной безвозмездно, собственность на эту силу природы и на ее применение сразу же приобретает меновую стои-

мость. Когда в каком-либо районе требуется больше водной энергии, чем могут обеспечить имеющиеся водопады, люди будут платить соответствующую цену за пользование водопадом. Когда требуется больше земли для обработки, чем имеется в данной местности, или требуется больше земли определенного качества и определенного удобства ее местоположения, земля такого качества и такого местоположения может продаваться за известную цену и сдаваться внаймы за годовую ренту. Ниже эта тема будет рассмотрена подробно, но часто оказывается полезным заранее кратко обозначить принципы и выводы, которые здесь еще нет возможности полностью изложить и обосновать.

О ТРУДЕ КАК АГЕНТЕ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Труд, который завершается производством предмета, пригодного для какого-нибудь употребления человеком, применяется либо непосредственно в изготовлении данного предмета, либо в предшествующих операциях, осуществляемых с целью облегчить, а иногда чтобы вообще сделать возможными последующие операции. Например, при изготовлении хлеба непосредственно применяемый для этого труд — это труд пекаря, но труд мельника, прилагаемый не к выпечке хлеба, а к производству муки, также образует часть совокупного объема труда, затрачиваемого на изготовление хлеба. То же относится и к труду сеятеля и жнеца. Некоторые могут сделать вывод, что только перечисленные работники вкладывают свой труд непосредственно в производство конечного продукта, поскольку зерно, мука и готовый хлеб представляют одно и то же вещество в трех различных состояниях. Не вдаваясь в спор по этому вопросу, имеющему лишь терминологический смысл, мы напомним, что существует еще и пахарь, который готовит почву для посева и труд которого никогда не приходит в соприкосновение с указанным веществом в любом из его состояний, а также выковавший плуг кузнец, участие которого в конечном результате еще более отдаленное. Все эти люди в конце концов получают вознаграждение за свой труд из готового хлеба или из его цены, в том числе и кузнец наравне с другими, поскольку плуги не имеют иного назначения, кроме пахоты, и никто не стал бы их производить и применять, если бы дополнительный доход от возделывания ими почвы не послужил бы источником средств для надлежащего вознаграждения за труд кузнеца. Когда результат труда используется или потребляется в виде хлеба, то именно от хлеба должно быть получено такое вознаграждение. Хлеб должно хватить, чтобы вознаградить всех перечисленных работников и еще некоторых других, например плотников и каменщиков, возводивших сельскохозяйственные

постройки, рабочих, строивших изгороди и копавших канавы, необходимые для защиты полей, рудокопов и плавильщиков, добывавших руду и выплавлявших железо, из которого изготовляли плуг и другие орудия. Однако вознаграждение кузнеца и всех этих работников производится за счет хлеба не одного урожая, а многих урожаев, собираемых в течение ряда лет, пока плуг или постройки и ограждения не придут в негодность. Следует добавить еще один вид труда — перевозку продукта с места его производства к месту его потребления: труд, затраченный на перевозку зерна на рынок, с рынка на мельницу, с мельницы в пекарню и на перевозку хлеба из пекарни к месту его конечного потребления. Этот вид труда иногда принимает очень значительные размеры: муку доставляют [1848 г.] в Англию с другой стороны Атлантики, зерно — из глубин России; при этом, кроме непосредственно занятых здесь работников — матросов и возчиков, применяются также дорогостоящие орудия, как, например, корабли, на сооружение которых затрачивается много труда. Здесь, однако, вознаграждение труда производится не целиком, а лишь частично за счет хлеба, так как корабли за время их существования используются для перевозки многих различных товаров.

Вот почему определить объем затрат труда, результатом которых является любой данный товар, дело далеко не простое. Факторы, которые следует принять в расчет, очень многочисленны, некоторым может показаться, что их число беспредельно, ибо если мы в общее количество труда, затраченного на изготовление хлеба, включаем труд кузнеца, выковавшего плуг, то могут спросить: почему мы здесь не учитываем труд, затраченный на производство орудий, которыми пользуется кузнец, а также на производство других орудий для изготовления кузнечных орудий и так далее до сотворения мира? Но после преодоления одной или двух ступеней этой восходящей лестницы мы вступаем в область слишком малых дробей, не поддающихся исчислению. Допустим, например, что один плуг может служить до своего окончательного износа 12 лет. В этом случае лишь $\frac{1}{12}$ часть затрат труда на изготовление плуга следует отнести на счет урожая каждого года. $\frac{1}{12}$ часть труда на производство плуга — величина, которую можно вычислить. Однако один и тот же набор орудий, быть может, применяется кузнецом для производ-

ства 100 плугов, которые на протяжении 12 лет своего существования используются для обработки почвы на 100 разных фермах. Следовательно, на годовой урожай одной фермы была израсходована $\frac{1}{1200}$ часть труда по изготовлению орудий для кузнеца. Если же эту дробь подвергнуть дальнейшему делению на мешки зерна и буханки хлеба, станет очевидным, что такие величины нецелесообразно принимать в расчет для какой-либо практической цели, связанной с определенным товаром. Правда, если бы изготовитель орудий не затратил на это свой труд, зерно и хлеб не могли бы быть произведены, но учет его труда не сделает их дороже ни на $\frac{1}{10}$ фартинга.

§ 2. Другой способ косвенного или отдаленного участия труда в производстве того или иного предмета требует особого рассмотрения. Речь идет о затратах труда на производство средств существования для рабочих на то время, в течение которого они заняты в производстве. Это предварительное применение труда составляет необходимое условие для любой производственной операции, кроме разве ничтожной по своим масштабам. За исключением труда охотника и рыбака, едва ли существует вид труда, который приносит немедленные результаты. Производственные операции требуют известного времени для изготовления продукта. Если рабочий до начала работы не располагает собственным запасом пищи или не может получить ее у кого-нибудь другого, причем в достаточном количестве, чтобы прокормить себя, пока производство не завершено, он в состоянии взяться лишь за такую работу, которую можно выполнять урывками в сочетании с добыванием средств к существованию. Он даже не в силах добыть саму пищу в достаточном количестве, так как любой способ ее добывания требует, чтобы уже был некоторый ее запас. Земледелие приносит свои плоды только по истечении месяцев, и, хотя труд земледельца необязательно заполняет весь этот период, он все же занимает значительную его часть. Мало того что земледелие невозможно без заблаговременного производства пищи, требуется очень большой ее запас, чтобы сколько-нибудь многочисленное общество могло существовать целиком за счет земледелия. Страны, подобные Англии или Франции, в состоянии вести земледелие в данном году лишь потому, что предшествующие годы обеспечили в этих странах или за их пределами:

достаточное количество продовольствия для пропитания их сельскохозяйственного населения до следующего урожая. Они способны производить другую продукцию, помимо продовольствия, лишь потому, что располагают достаточным запасом продуктов питания к моменту завершения сбора урожая, чтобы прокормить не только работников сельского хозяйства, но, кроме того, и большое промышленное население.

Труд, затрачиваемый на производство такого запаса средств к существованию, образует большую и важную часть прошлого труда, который необходим для осуществления труда настоящего. Но следует обратить особое внимание на различие между этим видом прошлого труда и другими видами предварительного и подготовительного труда. Мельник, жнец, пахарь, кузнец, возчик, тележный мастер, даже матрос и кораблестроитель получают вознаграждение за свой труд за счет конечного продукта — хлеба, приготовленного из зерна, над которым они поочередно трудились или же для производства которого обеспечивали нужные орудия. Труд, затраченный на производство продовольствия, которое кормит всех этих работников, столь же необходим для достижения конечного результата, хлеба нынешнего урожая, как и все другие части труда, но не вознаграждается, подобно им, за счет этого урожая. Прошлый труд получил свое вознаграждение из прежних запасов продовольствия. Чтобы создать какой-нибудь продукт, необходимы труд, орудия, материалы и продовольствие для прокормления рабочих. Но орудия и материалы не имеют другого назначения, кроме получения данного продукта, или по крайней мере не применяются ни для чего другого, и труд, затраченный на их производство, может быть вознагражден лишь за счет продукта, когда он уже произведен. Напротив, продовольствие полезно само по себе и применяется для непосредственного потребления, для пропитания человеческих существ. Труд, затраченный на производство пищи и возмещенный ею, не нуждается в повторном вознаграждении за счет продукта последующих затрат труда, возможность которого обеспечена произведенной пищей. Допустим, что одна и та же группа работников занимается одновременно изготовлением промышленного продукта и возделыванием земли для собственного прокорма; в этом случае она получает вознаграждение за свой труд и пищу, и промышленное

изделие. Но если она добывает также сырье и изготавливает инструменты, то за эти последние затраты энергии она не получает ничего, кроме самого промышленного изделия.

Требование вознаграждения, основанное на владении продовольствием, необходимым для пропитания работников, носит совсем иной характер; здесь уже речь идет о вознаграждении не за труд, а за воздержание. Если человек обладает запасом пищи, он может по своему усмотрению израсходовать его сам, проводя время в праздности, либо скормить его тем, кто прислуживает ему или сражается за него, а также поет или танцует для него. Но если он вместо этого употребит свой запас на прокорм производительных работников в период их работы, то он может потребовать и, разумеется, потребует вознаграждения в виде доли продукта их труда. И он не удовлетворится простым возмещением; если он вернет себе лишь то, что затрачено, то останется с тем же, с чего он начал, и не получит никакой выгоды от отсрочки потребления сбережений для собственной пользы или удовольствия. Он будет добиваться какого-либо эквивалента взамен своего воздержания и захочет, чтобы предоставленное им в долг продовольствие вернулось к нему с приращением, называемым на деловом языке прибылью. Именно расчет на эту прибыль обычно образует элемент того мотива, который побуждает человека создавать запас, экономя на собственном потреблении, или, во всяком случае, откладывая использование уже имеющегося запаса для личного комфорта или удовольствия. В свою очередь пища, которая поддерживает существование других работников, когда они изготавливают орудия труда или добывают сырье, также должна быть кем-то заготовлена заранее, и этому последнему также причитается его прибыль из конечного продукта. Здесь, однако, имеется то различие, что конечный продукт должен обеспечить не только прибыль, но и вознаграждение за труд. Работник, изготавливающий орудия труда, например кузнец, делающий плуг, обычно не станет дожидаться своей платы до уборки урожая; фермер отдает ему плату вперед и становится вместо него собственником плуга. Тем не менее плата должна поступить из урожая, поскольку фермер пойдет на такой расход только потому, что он рассчитывает на возмещение его из урожая, причем с прибылью за этот аванс; иными словами, урожай должен обеспечить, помимо вознаграждения

дения за труд сельскохозяйственным работникам (и прибыль за авансирование этого вознаграждения), достаточный излишек, из которого оплачивается труд подручных кузнеца и причитается прибыль самому кузнецу, а также образуется прибыль фермера за выдачу вперед этих двух сумм.

§ 3. Из этих соображений следует, что в перечень и классификацию отраслей производства, которые предназначены для косвенного или отдаленного содействия другим видам производительного труда, мы не должны включать труд, создающий продовольствие или другие предметы первой необходимости, потребляемые производительными работниками, ибо главную цель и назначение этого труда составляют сами по себе средства существования. Хотя обладание их запасом и позволяет обеспечить выполнение другой работы, это лишь случайное следствие. Остальные способы, посредством которых труд косвенно участвует в производстве, можно подразделить на пять видов.

Во-первых, труд, занятый в производстве материалов, которые затем подвергаются обработке в промышленности. Во многих случаях этот труд сводится к простому присвоению: речь идет о добывающей промышленности, как ее удачно назвал Дюнуайе. Труд горняка, например, состоит из операций по выкапыванию из земли веществ, превращаемых промышленностью в различные предметы, пригодные для нужд человека. Однако добывающая промышленность не ограничивается извлечением лишь сырья. Уголь, например, применяется не только в промышленных процессах, но и непосредственно для обогрева людей. В этом случае он служит уже не производственным материалом, а сам по себе выступает конечным продуктом. То же самое относится и к драгоценным камням. Последние в небольшой мере используются в производственных целях, как, например, алмазы для разрезания стекла, наждак и корунд для шлифования, но в их главном назначении, служить украшением, они употребляются непосредственно, хотя обычно и для этого требуют некоторой предварительной обработки, что, быть может, дает основание рассматривать их как сырье. Металлические руды всех видов представляют собой только сырье.

К производству материалов следует также отнести и труд лесоруба, занятого валкой и обработкой строевого леса для строительства или получением древесины для плотницкого и других ремесел. В лесах Америки, Норвегии, Германии, в Пиренеях и Альпах этот вид труда применяется главным образом в заготовке естественно произрастающего леса. В ряде случаев к труду лесоруба следует прибавить труд работников, осуществляющих посадку деревьев и уход за лесом.

В эту же группу включаются сельскохозяйственные работы по выращиванию льна, конопли, хлопка, шелкопряда, по заготовке кормов для скота, производству дубильных материалов и красителей, разведению некоторых масличных растений и созданию еще многих вещей, полезных лишь потому, что они необходимы для других отраслей производства. Сюда относится также труд охотника, если он ставит своей целью добычу мехов или перьев, пастуха и скотовода, когда они заготавливают шерсть, шкуры, рога, щетину, конский волос и т. п. Вещи, служащие материалом в различных промышленных процессах, чрезвычайно разнообразны и черпаются из всех областей животного и растительного миров, а также царства минералов. К тому же готовые изделия многих отраслей промышленности оказываются материалом для других отраслей. Произведенная прядильщиком пряжа применяется почти исключительно в качестве материала для ткача. Даже продукт ткацкого станка используется преимущественно в виде материала для изготовителей предметов одежды и мебели или средств труда производительных отраслей, как, например, в случае с шитьем парусов. Строго говоря, все пищевые продукты, которые составляет земледelec, являются не чем иным, как материалом для трудового процесса пекаря или повара.

§ 4. Второй вид косвенного труда — это труд, занятый в производстве орудий или инструментов, содействующих труду человека. Я использую эти термины в самом широком смысле, они охватывают все постоянные орудия или помощников производства — от кремня и огнива для высекания огня до парохода и сложнейшей фабричной машины. Трудно провести четкую грань между орудиями и материалами. Некоторые вещи, применяемые в производстве (например, топливо), в обычной речи едва

ли обозначат одним из этих терминов, так как житейский язык формируется под воздействием требований, отличающихся от тех, какие определяют научное изложение. Чтобы избежать умножения категорий и обозначений, характеризующих не имеющие научного значения различия, политэкономы обычно включают все, что используется в качестве *непосредственных* средств производства, либо в разряд орудий, либо в разряд материалов (средства, которые служат производству лишь косвенно, мы рассмотрим ниже). Быть может, проще и удобнее всего провести между ними разграничительную линию таким образом, чтобы считать материалом всякое средство производства, которое может быть использовано лишь один раз и разрушается (по крайней мере в качестве средства для данной цели) в процессе его однократного употребления. Например, топливо, сгорев, уже не может снова служить топливом; в качестве такового могут быть использованы лишь остатки, не сгоревшие в первый раз. И дело не только в том, что топливо нельзя использовать, не потребляя его, сама его польза заключается в его потреблении, ибо, если не сгорит хоть часть топлива, не будет произведено и тепло. В свою очередь и шерсть уничтожается как шерсть, когда ее превращают в пряжу, а последняя, будучи соткана в ткань, перестает быть пряжей. Между тем топор, которым срубили дерево, продолжает оставаться топором, и им можно после этого срубить еще сотню или тысячу деревьев. И хотя топор при каждом его употреблении в небольшой степени портится, он выполняет свою функцию не тем, что портится, тогда как уголь и шерсть делают свое дело в процессе своего уничтожения; напротив, топор оказывается тем лучшим орудием, чем он прочнее. К материалам по праву относят некоторые вещи, могущие быть пущенными в дело по два и три раза, но лишь в том случае, если продукт, первоначально из них изготовленный, прекратил свое существование. Железо, послужившее для создания котла или сети труб, можно переплавить и выковать из него плуг или паровую машину; камни, из которых сложен дом, можно использовать после его слома на постройку другого. Но все это возможно лишь вслед за уничтожением первоначального продукта; функция названных вещей в качестве материалов возобновляется только после того, как они перестают функционировать в своем прежнем употреблении. По-ино-

му обстоит дело с вещами, относимыми к разряду орудий; их можно использовать многократно для выполнения все новых работ, иногда в течение длительного времени, пока они не подвергнутся износу, между тем как произведенное с их помощью изделие может оставаться невредимым, а если и разрушается, то в силу своих собственных свойств или в результате аварий, причина которых кроется в них самих *.

На единственное весьма важное практическое различие между материалами и орудиями производства, вытекающее из их особенностей, мы уже обратили внимание в другом месте. Поскольку материалы, как таковые, будучи однажды употребленными, разрушаются, то весь труд, требующийся для их производства, а также воздержание лица, обеспечившего средства существования для выполнения этого труда, должны вознаграждаться за счет результатов этого однократного употребления материалов. Орудия, напротив, могут быть используемы многократно, и все количество продуктов, произведенных с их помощью, образует фонд, из которого можно вознаграждать как труд, затраченный на изготовление самих этих орудий, так и воздержание тех лиц, накопления которых обеспечивали средства для осуществления труда. Вполне достаточно, чтобы лишь доля, обычно незначительная, каждого такого продукта, направлялась на вознаграждение этого труда и воздержания или на компенсацию непосредственного производителя за авансированное им вознаграждение лицу, изготовившему эти орудия.

§ 5. В-третьих, кроме материалов для переработки и орудий, с помощью которых промышленность это делает,

---

* Талантливый и благожелательный критик данного трактата ("Edinburgh Review", октябрь, 1848 г.) иначе понимает различие между материалами и орудиями; он предлагает относить к материалам «все вещи, которые, подвергшись изменению в процессе производства, сами становятся предметом обмена», а к орудиям (или инструментам) — «вещи, с помощью которых осуществляются указанные изменения, но которые сами, однако, не преобразуются в часть поступающего на рынок результата производства». Согласно этому определению, топливо, потребляемое на фабрике, следует считать не материалом, а орудием. Такое толкование, в отличие от предложенного в нашем тексте, больше подходит к изначальному физическому значению слова «материал», но характеристика его, на которой основывается критик, практически не имеет отношения к политической экономии.

она должна также предусмотреть меры по защите своей деятельности и сохранности своей продукции от разрушительных сил природы или от насилия и хищничества со стороны людей. Отсюда возникает еще один способ применения труда, не связанного непосредственно с производством продукта, но способствующего производству, а именно применение труда для его защиты. Таково назначение всех производственных зданий и сооружений: фабрик, складов, доков, амбаров, сараев, помещений для содержания скота или для сельскохозяйственных работ. Я исключаю здания, в которых живут рабочие или которые предназначены для их личных нужд; эти помещения, подобно пище, удовлетворяют насущные потребности и должны рассматриваться как вознаграждение за труд. Существует много видов труда, которые еще более непосредственно применяются для защиты производственной деятельности. Пастух не занят почти ничем другим, кроме охраны стада от возможного урона; здесь позитивные силы, приводящие к производству продукта, действуют почти целиком сами по себе. Я уже ссылался на труд работников, сооружающих изгороди и копающих каналы, строящих дамбы или плотины. Сюда следует добавить также труд солдата, полицейского и судьи. На самом деле эти исполнители не заняты исключительно защитой производства, а их жалованье не составляет для индивидуального производителя части его производственных издержек. Но оплата их труда производится из налоговых поступлений, источником которых служит результат производства. Во всякой сколько-нибудь сносно управляемой стране эти люди оказывают производству услуги, по своему эффекту значительно превосходящие стоимость их содержания. Поэтому для общества в целом затраты на них составляют часть издержек производства; а если бы доходов от производства не хватало на содержание этих дополнительных ко всем другим работников, то производство, по крайней мере в такой форме и при таком способе его организации, не могло бы иметь места. К тому же, если бы правительство не брало на себя защиту процесса производства, производители вынуждены были бы либо отвлекать значительную долю своего времени и труда от производства для обеспечения его охраны, либо нанимать для этой цели вооруженных людей. В обоих случаях весь затраченный таким образом труд необходимо было бы воз-

награждать непосредственно за счет результатов производства, а продукция, которая могла бы оплачивать этот дополнительный труд, не была бы произведена. При нынешней организации продукт вносит свою долю на содержание этой защиты и, несмотря на расточительство и мотовство, присущее правительствам, осуществляющим такие расходы, получает ее гораздо лучшего качества и намного дешевле.

§ 6. В-четвертых, очень большое количество труда занято не в производстве продукта, а в доставке уже созданного продукта тем, для чьего потребления он предназначен. Многие крупные отряды работников заняты исключительно выполнением какой-либо функции такого рода. Прежде всего сюда относится целая категория работников транспорта — наземного и водного: погонщики мулов, возчики, лодочники, матросы, грузчики, носильщики, железнодорожники и т. п. Далее следуют все строители транспортных средств — кораблей, барж, повозок, локомотивов и т. д.; необходимо также назвать строителей дорог, каналов, железнодорожных путей и сооружений. Иногда дороги строит правительство и безвозмездно предоставляет их в общественное пользование, но затраченный на это труд тем не менее оплачивается за счет продукции производства. Каждый производитель, внося свою долю налогов, собираемых обычно на дорожное строительство, платит таким образом за пользование теми дорогами, которые отвечают его потребностям; если они построены достаточно рационально, то доход от предприятия увеличивается намного больше по сравнению с налогом.

Другой многочисленный класс работников, занятых доведением произведенных продуктов до их потребителей, — это класс оптовых и розничных торговцев или, как их можно было бы назвать, распределителей. Потребовалась бы огромная затрата времени и хлопот, а связанные с этим неудобства свели бы дело на нет, если бы потребители должны были приобретать нужные им предметы непосредственно у производителей. Как производители, так и потребители живут очень разбросанно, а последние зачастую на слишком большом удалении от первых. Для сокращения потерь времени и труда уже издавна стали устраивать ярмарки и базары, где производители и потребители периодически встречались без посредников; та-

кая практика действовала достаточно удовлетворительно в отношении многих товаров, особенно сельскохозяйственных продуктов, поскольку земледельцы в определенные сезоны располагали свободным временем. Но даже и в данном случае отправляться на рынок зачастую оказывалось очень хлопотно и неудобно для покупателей, имеющих другой род занятий и не проживающих в непосредственной близости от рынка. Между тем производство многих товаров требует длительного времени, и ярмарки для их сбыта приходилось устраивать с очень большими интервалами. Спрос потребителей нужно было удовлетворять намного вперед, а иногда он столь же долго оставался неудовлетворенным. Вот почему даже в те времена, когда ресурсы общества еще не позволяли создавать лавки, снабжение этими товарами повсеместно попало в руки странствующих торговцев; коробейников, появлявшихся раз в месяц, предпочитали ярмаркам, устраивавшимся лишь один или два раза в год. В сельских районах, удаленных от городов или больших деревень, профессия коробейника до сих пор не исчезла. Но торговец с постоянным местопребыванием и с определенным кругом клиентов настолько более надежен, что потребители предпочитают обращаться к нему, если им это представляется удобным. Поэтому торговцы считают для себя выгодным открывать торговлю в каждом населенном пункте, где достаточно потребителей, чтобы обеспечить им вознаграждение за их труд.

Во многих случаях производителем и торговцем оказывается одно и то же лицо, по крайней мере в его руках сосредоточены собственность на запасы товаров и контроль над торговыми операциями. Портной, сапожник, пекарь и многие другие ремесленники являются производителями товаров, которые они продают, во всяком случае они ими являются на завершающей стадии производства. Такое совмещение функций производителя и розничного торговца удобно, однако, лишь тогда, когда товар выгодно производить на месте или вблизи места его продажи, причем когда он к тому же производится и продается в небольшом количестве. Когда же товары приходится перевозить на большие расстояния, одно и то же лицо не может надлежащим образом управлять и их производством, и продажей. Если эти товары дешевле изготовлять в больших количествах, то одной фабрике требуется так

много местных каналов для сбыта своей продукции, что продажу ее удобнее всего передать другому агенту. Даже обувь и одежду, когда они требуются одновременно большими партиями, например полку или рабочему дому, обычно приобретают не прямо у производителей, а у торговых посредников, которые принимают на себя обязанность выяснять, у каких производителей лучше и дешевле приобретать эти товары. Даже в тех случаях, когда вещи предназначаются в конечном счете для продажи в розницу, соображения удобства приводят вскоре к возникновению класса оптовых торговцев. Когда количество товаров и объем сделок выходят за определенные рамки, когда одна фабрика снабжает многие лавки, а одной лавке приходится зачастую приобретать товары у многих разных фабрик, потеря времени и труда как фабрикантов, так и розничных торговцев при сношениях непосредственно друг с другом побуждает их иметь дело с небольшим числом крупных торговцев или купцов, которые покупают только для перепродажи, собирают товары различных производителей и распределяют их среди розничных торговцев, в свою очередь распределяющих товары среди потребителей.

Из этих различных элементов образуется распределяющий класс, деятельность которого дополняет деятельность производящего класса. Распределяемая таким способом продукция, или ее стоимость, служит источником, из которого вознаграждаются затраченная энергия распределителей, а также воздержание, позволяющее им авансировать средства, необходимые для осуществления процесса распределения.

§ 7. Мы завершили перечисление содействующих производству способов приложения труда к внешней природе. Но существует еще один способ применения труда, который, хотя и более отдаленно, ведет к той же цели,— это труд, предметом приложения которого являются человеческие существа. Каждый человек с самого детства вырастает с помощью больших затрат труда какого-либо лица или лиц; если бы этот труд, или часть его, не применялся, ребенок не мог бы достигнуть зрелого возраста и обрести силу, позволяющую ему в свою очередь стать работником. Для общества в целом труд и издержки на содержание подрастающего поколения образуют часть затрат, которые

составляют условие производства и которые с лихвой возмещаются из продуктов будущего труда этого поколения. Но отдельные лица обычно принимают на себя этот труд и издержки не ради получения такого дохода в будущем, а по иным мотивам, и, следовательно, политическая экономия, как правило, не должна рассматривать такие затраты в качестве издержек производства. Однако техническое или производственное обучение населения, труд, затраченный на овладение производственными ремеслами и обучение им, на приобретение и передачу навыков в этих ремеслах, — весь этот труд осуществляется в действительности и главным образом ради получения этим путем большего или более ценного продукта, ради того, чтобы обучающийся мог впоследствии получать эквивалентную или большую плату за свой труд, сверх соответствующего вознаграждения учителя, если его нанимали.

Поскольку труд, способствующий развитию производительных сил человека, будь то физических или умственных, можно считать частью труда, с помощью которого общество осуществляет свою производственную деятельность, или, иными словами, частью стоимости продукта для общества, то такой же его частью надо считать и труд, затрачиваемый на поддержание производительных сил человека, на предохранение их от разрушения или ослабления в результате несчастных случаев и болезней. Труд врача или хирурга, к которому прибегают лица, занятые в производстве, следует рассматривать в экономике общества как жертву, приносимую для того, чтобы предотвратить исчезновение в результате смерти или немощи той части производительных ресурсов общества, которая содержится в жизнедеятельности, в физических или умственных способностях его трудоспособных членов. Разумеется, для отдельных лиц это образует лишь часть, иногда весьма несущественную часть, мотивов, побуждающих их обращаться к медицинской помощи. Вовсе не экономическими соображениями руководствуются люди, позволяя ампутировать какую-либо конечность или стараясь излечиться от лихорадки, хотя, когда они это делают, обычно имеются достаточные мотивы, чтобы поступать таким образом даже по одним лишь экономическим причинам. Следовательно, здесь перед нами один из случаев, когда труд и издержки, хотя и способствуют производству, все же предпринимаются не ради его целей или получения дохо-

дов от него, а поэтому оказываются вне сферы большинства общих положений политической экономии, касающихся производительного труда. Однако, когда речь идет не об отдельных лицах, а об обществе в целом, эти затраты труда и издержки следует рассматривать в качестве части аванса, с помощью которого общество осуществляет свою производительную деятельность и который возмещается из продукта производства.

§ 8. Другой вид труда, обычно причисляемый к умственному, но способствующий производству конечного продукта столь же непосредственно, хотя и не так быстро, как сам по себе физический труд, — это труд изобретателей промышленных процессов. Я пишу «обычно причисляемый к умственному» потому, что в действительности этот труд не только умственный. Всякое усилие человека состоит частью из умственных, частью из физических элементов. Самый глупый подручный каменщика, который изо дня в день повторяет механический акт, поднимаясь с грузом по стремянке, выполняет отчасти умственную функцию, коль скоро самую умную собаку или слона этому, очевидно, нельзя научить. Самый тупой человек, если ему покажут, как это делать, способен вращать мельничный жернов, тогда как лошадь не может его вращать без того, чтобы человек не погонял ее и не правил ею. С другой стороны, в чисто умственном труде, когда он порождает какой-либо внешний результат, всегда содержится некоторый физический элемент. Ньютон не мог бы открыть свои законы без физического усилия в виде писания или диктовки. Пока он формулировал их в своем мозгу, ему пришлось вычертить много диаграмм, сделать на бумаге много расчетов и схем. Изобретателям, помимо затрат умственной энергии, приходится прилагать много ручного труда на изготовление моделей и проведение опытов, прежде чем их идеи могут успешно осуществиться на деле. Но каким бы он ни был, умственным или физическим, их труд составляет часть того труда, который делает возможным производство. Труд Уатта, затраченный на изобретение паровой машины, был столь же необходимой составной частью производства, как и труд механика, ее изготовляющего, и труд машиниста, ею управляющего, причем Уатт предпринимал свой труд с той же целью, что и механик и машинист, с расчетом на воз-

награждение из результатов производства. Труд изобретательский часто оценивается и оплачивается таким же образом, как и труд исполнительский. Многие фабриканты, производящие модные товары, нанимают изобретателей, которые получают заработную плату или жалованье за конструирование образцов точно так же, как другие получают плату за их копирование. Все это — в подлинном смысле слова составная часть производительного труда, подобно тому как труд автора книги образует часть ее производства наравне с трудом печатника и переплетчика.

С национальной или общемировой точки зрения труд ученого или мыслителя-теоретика в такой же мере представляет собой элемент производства в самом узком смысле слова, как и труд изобретателя технического новшества; многие такие изобретения оказались прямым следствием теоретических открытий, а всякое расширение знаний о силах природы ведет к их применению в практических целях. Электромагнитный телеграф явился удивительным и совершенно неожиданным следствием опытов Эрстеда и математических исследований Ампера. Современное навигационное искусство — это непредвиденный плод чисто теоретических, продиктованных явно одной лишь любознательностью, исследований александрийскими математиками свойств трех кривых, образуемых пересечением плоскости и конуса. Значение отвлеченного мышления беспрельдно даже с точки зрения чисто материального производства. Поскольку эти материальные плоды редко являются непосредственной целью изысканий ученых, хотя и выступают их результатом, вознаграждение ученых, как правило, производится не за счет увеличения производства, к которому их открытия могут привести случайно и чаще всего спустя много времени. Это их отдаленное воздействие на производство не следует принимать в расчет в большинстве задач политической экономии. Отвлеченные мыслители обычно считаются производителями лишь книг или других находящих применение или сбыт произведений, являющихся плодом их индивидуального творчества. Но если мы посмотрим на дело иначе (а в политической экономии к этому всегда надо быть готовым) и станем принимать во внимание не индивидуальные действия и определяющие их побуждения, а национальные и общечеловеческие результаты, то абстракт-

ное мышление следует считать чрезвычайно важной частью производительного труда общества, а ту долю его ресурсов, которая расходуется на осуществление и вознаграждение такого труда, в высшей степени производительной частью его издержек.

§ 9. В предшествующем обзоре способов применения труда для осуществления производства я мало обращался к распространенному делению экономической деятельности на сельскохозяйственную, промышленную и торговую, потому что в действительности такое подразделение очень плохо отвечает целям классификации. Здесь вообще не учитываются или учитываются весьма мало многие значительные виды производственной деятельности, например труд шахтеров, строителей дорог, моряков, не говоря уж о труде охотников или рыбаков. Нельзя также строго разграничить сельскохозяйственное и промышленное производство. Следует ли, например, мельника или пекаря причислять к земледельцам или к промышленникам? Их занятие по характеру своему относится к обрабатывающей промышленности. Прежде чем попасть к ним, продукты питания уже окончательно утрачивают свою связь с землей; однако столь же справедливо можно сказать это и про молотильщика, веяльщика, маслодела, сыровара, работа которых всегда считалась сельскохозяйственной, быть может, потому, что обычно ее выполняют люди, живущие на фермах и, подобно пахарю, подчиняющиеся фермеру. По многим соображениям, всех этих работников, включая мельника и пекаря, надо отнести к тому же разряду, в который входят пахарь и жнец. Все они заняты производством пищи, и их труд оплачивается из произведенной пищи. Когда одни из них пользуются изобилием и достатком, то тем же пользуются и другие. Все вместе они образуют «сельскохозяйственный интерес», своим соединенным трудом оказывают населению одну общую услугу, причем этот труд оплачивается из одного общего источника. Даже земледельцы в тех случаях, когда их продукцией является не пища, а материалы для производств, обычно называемых обрабатывающей промышленностью, во многих отношениях принадлежат к той же отрасли хозяйства, что и фабриканты. Хлопководы Каролины и овцеводы Австралии ближе по своим интересам к прядильщику и ткачу, нежели к хлебопашцу. Но с дру-

гой стороны, производство, действующее непосредственно на земле, обладает, как мы увидим ниже, рядом свойств, которые влекут за собой многие важные последствия и которые отличают его от всех последующих стадий производства независимо от того, осуществляются ли они одним и тем же лицом или разными лицами, т. е. от работы молотильщика и веяльщика в равной мере, как и от работы прядильщика хлопка. Поэтому, когда я говорю о сельскохозяйственном труде, я имею в виду именно его, и только его, если в тексте не оговорено или не подразумевается иное. Термин «промышленный» (manufacturing) слишком расплывчатый и поэтому малоприспособный, когда требуется точность, в тех же случаях, когда я его употребляю, я руководствуюсь лишь желанием говорить популярным, а не научным языком.

О НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

§ 1. Без труда производство невозможно, но следствием его не всегда выступает производство. Существует много видов труда, и в высшей степени полезных, объектом приложения которого не является производство. Соответственно труд подразделяется на производительный и непроизводительный. Между политэкономами велось немало споров по вопросу о том, какие виды труда следует характеризовать как непроизводительные, но они не всегда сознавали, что в действительности предмета спора не существовало.

Многие авторы отказываются рассматривать любой труд как производительный, если результатом его не является некий осязаемый материальный предмет, который может быть передан одним лицом другому. Другие же (в их числе Маккуллох и Сэй), усматривая в слове «непроизводительный» какой-то пренебрежительный смысл, протестуют против применения этого термина ко всякому труду, который считается полезным, т. е. приносит выгоду или удовольствие, оправдывающие его затраты. Труд правительственных чиновников, солдат и военных моряков, врачей, юристов, учителей, музыкантов, танцоров, актеров, домашних слуг и т. д., если они действительно выполняют функции, за которые им платят, и если их численность не превышает численности, необходимой для выполнения этих функций, не должен быть, утверждают указанные писатели, «заклеймен» как непроизводительный. Выражение «непроизводительный» они, очевидно, считают синонимом расточительности и бесполезности. Но здесь явно неправильное понимание самого предмета спора. Поскольку производство не составляет единственную цель человеческого существования, то и термин «непроизводительный» необязательно подразумевает какое-либо позорное клеймо, и никто не намерен в данном случае понимать его таким образом. Дело просто сводится к вопросу о словесном выражении и классификации. Однако вопрос

о словоупотреблении отнюдь не маловажен, даже когда он не обусловлен различием взглядов. Два термина могут одновременно выражать истину в целом, но обычно они фиксируют внимание на различных ее сторонах. Приходится поэтому несколько углубиться в рассмотрение разных значений, придаваемых словам «производительный» и «непроизводительный» в их применении к труду.

Прежде всего, даже когда мы имеем в виду производство материальных предметов, следует помнить, что произведенный продукт — это не составляющая его материя. Весь труд всего человечества не мог бы произвести одну частицу материи. Процесс ткачества — это лишь перемещение особым образом частиц шерсти; выращивание зерна заключается лишь в том, что часть материи, именуемая семенем, помещается в положение, в котором она способна соединить частицы материи из почвы и воздуха и образовать новую комбинацию, именуемую растением. Мы не в состоянии создать материю, но мы можем заставить ее приобрести свойства, которые превращают ее из бесполезной для нас в полезную. То, что мы производим или хотим произвести, — это всегда, по справедливому выражению Сэя, полезность. Труд не сотворяет материю, он сотворяет полезность. Точно так же мы не потребляем и не уничтожаем сами предметы; материя, из которой они состоят, сохраняется в более или менее измененной форме. Фактически потреблены лишь качества, делавшие их пригодными для той цели, для которой они предназначались. Поэтому Сэй и другие справедливо задают вопрос: если мы в действительности создаем полезность, а не предметы, как утверждают, то почему же весь труд, создающий полезность, не считать производительным? Почему надо отказывать в таком обозначении труду хирурга, который вправляет сустав, судьи или законодателя, способствующих обеспечению безопасности, и присваивать его труду ювелира, который гранит и шлифует алмаз? Почему отказывать в нем труду учителя, научившему меня ремеслу, которым я зарабатываю свой хлеб, и присваивать его труду кондитера, изготавливающего конфеты для преходящего приятного вкусового ощущения?

Совершенно правильно, все эти виды труда создают полезность, и вопрос, который нас сейчас занимает, не возник бы вовсе, если бы понятие «производство полезности» вполне отвечало бы распространенному представ-

лению о производительном труде, сложившемся у человечества. «Производство» и «производительный» представляют собой, конечно, понятия растяжимые, заключающие в себе идею о чем-то произведенном, но это что-то в обычном понимании я представляю себе не как полезность, а как богатство. Производительный труд означает труд, производящий богатство. Мы, следовательно, возвращаемся к вопросу, затронутому выше в гл. I, а именно: что такое богатство и что надо в него включать — только материальные продукты или все полезные?

§ 2. Полезности, производимые трудом, бывают трех родов.

Во-первых, это полезности, заключенные и воплощенные во внешних предметах с помощью труда, который направлен на то, чтобы сообщить внешним материальным вещам свойства, делающие эти вещи пригодными для удовлетворения нужд человека. Здесь перед нами явление общераспространенное, не требующее примеров.

Во-вторых, это полезности, заключенные и воплощенные в самих людях; в данном случае труд направлен на придание людям качеств, которые делают их полезными для себя и для других. К этому виду относится труд всех лиц, занятых в образовании, причем не только учителей, наставников, профессоров, но и правительств, в той мере, в какой они стремятся к совершенствованию народа; сюда же относится труд духовников и священнослужителей в меру его плодотворности; труд врачей, поскольку он служит сохранению жизни, физических и умственных сил; труд лиц, обучающих трудовым навыкам, различным ремеслам, наукам, искусствам, включая труд учеников, приобретающих все эти навыки и знания. Наконец, весь труд, вкладываемый всякими людьми на протяжении их жизни в расширение знаний и развитие физических и умственных способностей их самих и других людей.

В-третьих, это полезности, не заключенные и не воплощенные ни в каком предмете, а состоящие только в оказании услуг, в доставлении удовольствия и предотвращении неудобств или страданий в течение более или менее продолжительного времени, однако без сколько-нибудь постоянного изменения качеств человека или вещи; здесь мы имеем труд, занятый производством полезности непосредственно, а не (как в двух предыдущих случаях).

приспособлением какой-либо другой вещи, чтобы она приносила пользу. Таков, например, труд музыкантов, актеров, декламаторов, хозяев зрелищных заведений. Они, конечно, могут оказать некоторое полезное или, наоборот, вредное воздействие на настроение и расположение духа зрителей в момент представления или после него; но ни то ни другое не составляет предполагаемой цели и не представляет результата, ради которого работает показывающий свое искусство исполнитель и за который платит зритель; их общая цель — непосредственное удовольствие. Таков также труд солдат и военных моряков. Они в лучшем случае не допускают покорения страны, нанесения ей ущерба или оскорбления, и это, конечно, услуга. Но во всех других отношениях они не оказывают на страну ни положительного, ни отрицательного влияния. Таков, далее, труд законодателя, судьи, судебного исполнителя и всех других агентов правительства, когда они отправляют свои обычные обязанности, независимо от того, какое влияние они могут производить на умонастроение народа. Оказываемая ими услуга состоит в поддержании мира и безопасности, именно в этом заключается производимая ими полезность. Кое-кому может показаться, что к тому же разряду следует отнести и людей, занимающихся перевозкой, а также оптовых и розничных торговцев, поскольку их труд не добавляет никаких новых свойств предметам. Я же отвечаю, что он добавляет такие свойства, добавляет им свойство оказываться именно в том месте, где они нужны, а не в другом. Это очень полезное свойство. Создаваемая им полезность воплощена в самих вещах, которые теперь действительно находятся там, где они нужны для потребления; в результате возросшей таким образом полезности их можно продавать по более высокой цене в соответствии с количеством труда, затраченным на ее создание. Следовательно, этот труд относится не к третьему роду, а к первому.

§ 3. Теперь нам надо выяснить, какой из этих трех видов труда следует считать производителем богатства, поскольку именно в этом состоит смысл самого по себе термина «производительный». Полезности третьего рода, заключающиеся в удовольствиях, продолжающихся лишь то время, пока ими наслаждаются, и в услугах, существующих, пока их оказывают, нельзя называть богатством ина-

че как в переносном смысле. Понятие богатства тесно связано с представлением о накоплении: вещи, которые после их производства нельзя в течение некоторого времени хранить до их использования, никогда, как я полагаю, не считались богатством, потому что, сколько бы их ни производить и сколько бы ими ни пользоваться, человек, пользующийся ими, не становится богаче, его благосостояние ни на йоту не повышается. Но мы не вступим в явное, действительное противоречие с принятым представлением, если будем рассматривать в качестве богатства всякий продукт, который сочетает в себе и полезность, и способность к накоплению. Мастерство, энергия и настойчивость рабочих страны в такой же мере считаются ее богатством, как и их инструменты и машины *.

Согласно этому определению, весь труд, занятый созданием долговечных полезностей, воплощенных в человеке или в любых других одушевленных и неодушевленных предметах, мы должны рассматривать как производительный. Это определение я в одной из моих прежних публи-

---

* Некоторые авторитеты усматривают существенный элемент понятия богатства в том, что оно не только обладает свойством накапливаться, но может также передаваться; поскольку же ценные качества и даже производительную силу человека невозможно отделить от него и передать другому лицу, они отрицают за этими способностями человека право считаться богатством, а за трудом, затраченным на их приобретение, право называться производительным трудом. Мне, однако, представляется, что мастерству (например) рабочего, которое составляет ценное и довольно долговечное качество (не говоря уж о том, что оно способствует даже созданию национального богатства), столь же неправомерно отказывать в праве называться богатством на том основании, что оно неотделимо от человека, как и угольной шахте или фабрике на том основании, что они неотделимы от своего местонахождения. К тому же, хотя само по себе мастерство невозможно продать покупателю, его применение можно продать; если его нельзя продать, его можно отдать внаем; оно может также непосредственно продаваться и действительно продается во всех странах, законы которых разрешают продавать вместе с мастерством и самого человека, владеющего им. Неспособность мастерства к передаче вызывается не естественными, а юридическими и нравственными препятствиями.

Самого человека (как отмечалось выше) я не рассматриваю как богатство. Он представляет собою цель, во имя которой существует богатство. Но его приобретенные способности, которые выступают лишь как средства и порождены трудом, с полным основанием, как я полагаю, попадают в эту категорию.

каций * уже рекомендовал как наиболее подходящее для целей классификации, и я до сих пор придерживаюсь того же мнения.

Однако в применении термина «богатство» к производственным способностям людей всегда заключается, в обыденном представлении, невысказанный намек на материальные продукты. Мастерство рабочего считается богатством лишь в качестве средства приобретения богатства в его материальном смысле; любые качества, не ведущие явно к этой цели, едва ли вообще рассматриваются как богатство. Какими бы великими ценностями ни обладала страна в виде талантов, добродетелей и образованности своих граждан, ее вряд ли будут на этом основании считать богаче других, разве только в переносном смысле или в том случае, когда эти достоинства рассматриваются как рыночный товар, с помощью которого можно привлечь материальное богатство других стран, как это делали древние греки и сегодня делает ряд государств. Поэтому если бы мне пришлось сочинять новый технический язык, я предпочел бы, характеризуя отличительную особенность богатства, сделать упор на долговечность, а не на материальность продукта. Однако при использовании терминов, прочно вошедших в обиходный язык, целесообразно употреблять их так, чтобы возможно меньше нарушать привычные представления, поскольку всякое совершенствование терминологии, достигаемое путем подрыва общепринятого значения популярного выражения, обычно обходится слишком дорого из-за путаницы, возникающей при столкновении новых и старых ассоциаций.

Вот почему я в настоящем трактате, говоря о богатстве, понимаю под ним только то, что называется материальным богатством, а под производительным трудом я подразумеваю лишь те виды усилий, которые производят полезности, воплощенные в материальных предметах. Но, придерживаясь такого узкого значения этого слова, я намерен полностью исчерпать его ограниченное содержание и не отказываться называть производительным труд, который не имеет своим непосредственным результатом материальный продукт, но в конечном счете приводит к увеличению материального производства. Так, труд, за-

---

* Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. Essay III. On the words Productive and Unproductive.

траченный на приобретение производственного мастерства, я отношу к производительному, причем не из-за самого мастерства, как такового, а из-за промышленных продуктов, которые созданы посредством мастерства и в создание которых важную лепту внес труд по овладению профессией. Труд правительственных чиновников, обеспечивающий тем или иным способом защиту производства и совершенно необходимый для его процветания, следует рассматривать как производящий даже материальное богатство, ибо без него материальное богатство в таком изобилии, как теперь, не могло бы существовать. Подобный труд можно считать косвенно или опосредствованно производительным в отличие от труда пахаря или прядильщика хлопка, который производителен непосредственно. Но все они сходны в том смысле, что их приложение увеличивает количество материальных продуктов общества, что они увеличивают материальное богатство или способствуют его возрастанию.

§ 4. Под непроизводительным трудом, напротив, здесь подразумевается труд, который не завершается созданием материального богатства; как бы широко и успешно он ни применялся, такой труд не увеличивает для данного общества и человечества в целом количество материальных продуктов, а сокращает их на тот объем, который потребляют работники, занятые этим видом труда. На языке политической экономии непроизводителен всякий труд, который завершается немедленным использованием, несколько не увеличивая накопленные запасы долговременных предметов потребления. Далее, согласно настоящему определению, к непроизводительному надо отнести всякий труд, который имеет своим результатом долговременную выгоду независимо от ее размеров, но при этом означенная выгода не включает увеличение количества материальных продуктов. Труд, затраченный на спасение жизни друга, не является производительным, если только этот друг не производительный работник, который производит больше, чем потребляет. Религиозному человеку спасение души должно представляться более важной услугой, нежели спасение жизни, но он на этом основании не станет называть миссионера или священника производительным работником, за исключением тех случаев, когда они наряду с проповедью религиозных учений обу-

чают также ремеслам и навыкам цивилизованного общества, как это иногда делали миссионеры южных морей. Напротив, совершенно очевидно, что, чем большее число миссионеров и священнослужителей страна содержит, тем меньше у нее остается средств на другие цели, тогда как, чем больше она расходует на разумное поддержание труда земледельцев и фабричных работников, тем большими средствами она будет располагать для всяких иных целей. При прочих равных условиях первые издержки сокращают запас материальных продуктов страны, а вторые увеличивают его.

Непроизводительный труд может быть столь же полезным, как и производительный; он может оказаться и более полезным даже с точки зрения долговременной выгоды; его применение может заключаться лишь в доставлении приятного ощущения, не оставляющего после себя никакого следа; он может даже не приносить и этого, а свестись к абсолютным потерям. В любом из перечисленных случаев общество или человечество становятся в результате его приложения не богаче, а беднее. Все материальные продукты, потребляемые человеком, когда он ничего не производит, сокращают за это время на такое же количество запас материальных продуктов, которым общество в противном случае обладало бы. Но хотя общество не становится богаче в результате непроизводительного труда, отдельное лицо может стать богаче. Непроизводительный работник может получить за свой труд от тех, кому он доставляет удовольствие или приносит выгоду, такое вознаграждение, которое окажется для него значительным источником богатства, но его прибыль уравновешивается их убытком, так как, получив полный эквивалент за свой расход, они тем не менее становятся беднее на эту сумму. Когда портной шьет платье и продает его, совершается передача его цены от клиента портному, кроме того, происходит передача платья, которого прежде не существовало. Между тем выгода, извлекаемая актером, выражается только в передаче ему платы зрителя, тогда как сам зритель не получает за свою плату компенсации в виде предмета богатства. Таким образом, общество в целом ничего не приобретает от труда актера, но теряет всю ту часть его вознаграждения, которую он потребляет, сохраняя лишь сбереженную им. Однако страна может непроизводительным трудом увеличить свое

богатство за счет других стран, так же как отдельное лицо может этого достигнуть за счет других. Доходы итальянских оперных певцов, немецких гувернанток, французских балерин и т. д., пока они поступают, служат источником богатства для соответствующих стран, если эти лица туда возвращаются. Мелкие греческие государства, особенно наиболее примитивные и отсталые, были поставщиками солдат, которые нанимались к властелинам и сатрапам Востока для ведения бесполезных и разрушительных войн и возвращались со своими сбережениями на родину, чтобы провести там остаток своих лет: это были непроизводительные работники, а их жалованье вместе с награбленной добычей представляло безвозвратную потерю для страны, в которой они служили, но, не будучи доходом для мира в целом, все это оказывалось доходом для Греции. В более позднюю эпоху эта же страна и ее колонии снабжали Римскую империю другой разновидностью искателей приключений, которые, выдавая себя за философов или знатоков ораторского искусства, обучали молодое поколение высших классов высоко ценившимся в то время наукам; это были преимущественно непроизводительные работники, но их щедрое вознаграждение служило источником богатства для их собственной страны. Ни в одном из этих случаев не происходило никакого приращения богатства человечества. Услуги таких работников, когда они были полезными, оплачивались принесением в жертву части мирового материального богатства, а когда они были бесполезны, все, что эти работники потребляли, представляло собою потерю для человечества.

Потери, однако, являются свойством, присущим не только непроизводительному труду. Производительный труд также может приводить к потерям, если его затрачивают больше, чем реально необходимо для обеспечения производства. Когда низкий уровень мастерства рабочих или нераспорядительность управляющих ими порождает неправильное употребление производительных усилий, когда фермер упрямо ведет пахоту тремя лошадьми и двумя работниками, хотя опыт показал, что для этого достаточно двух лошадей и одного работника, то излишний труд, израсходованный таким образом для производственных целей, представляет собой потерю. Если вводится новый производственный процесс, который оказывается не лучше или даже хуже применявшегося прежде, то

труд, затраченный на совершенствование этого изобретения и на его внедрение в практику, хотя и употреблен в производительных целях, является потерей. Производительный труд может сделать страну беднее, когда производимое им богатство, т. е. увеличение запаса полезных или приятных вещей, состоит из таких предметов, какие в данное время не требуются, когда товар не находит сбыта, так как производство его превышает имеющийся спрос, или когда спекулянты строят пристани и склады, прежде чем возникла какая бы то ни была торговля. Полагают, что некоторые штаты Северной Америки¹, преждевременно строящие железные дороги и каналы, совершают именно такую ошибку. Одно время оставалось неясным, а не последовала ли Англия в известной мере этому примеру, несоразмерно развивая железнодорожный транспорт. Труд, израсходованный в расчете на отдаленные результаты в условиях, когда острые потребности или ограниченные ресурсы общества вызывают необходимость достижения быстрых результатов, может не только сделать страну беднее в данный момент на все то количество продуктов, которое при этом потребляют работники, но и менее богатой в будущем по сравнению с тем, чего она могла бы достигнуть, если бы стремилась в первую очередь добиваться немедленных результатов и откладывала бы производственную деятельность, способную принести плоды лишь в отдаленной перспективе.

§ 5. Различие между понятиями «производительный» и «непроизводительный» применимо не только к труду, но и к потреблению. Не все члены общества являются работниками, но все они — потребители и потребляют либо непроизводительно, либо производительно. Всякий, кто ни прямо, ни косвенно не содействует производству, тот непроизводительный потребитель. Производительными потребителями могут быть лишь производительные работники, включая сюда, разумеется, и труд руководителей, и труд исполнителей. Но потребление даже производительных работников не является целиком производительным потреблением. И производительные потребители могут

---

¹ [Во всех изданиях до 7-го (1871 г.) — «обанкротившиеся штаты Северной Америки». Двумя строками ниже до 5-го издания (1862 г.) — «Будущее покажет, не последовала ли Англия» и т. д.]

потреблять непроизводительно. Все, что они потребляют для поддержания и улучшения своего здоровья, для увеличения своих сил и способностей к труду или для того, чтобы вырастить себе на смену других производительных работников, все это — производительное потребление. Но потребление, состоящее в получении удовольствий или в приобретении предметов роскоши, осуществляется ли оно праздным или трудолюбивым человеком, представляет собою непроизводительное потребление, поскольку оно не имеет своей целью производство или какую-либо форму развития производства. Исключение, быть может, следует сделать для известного количества наслаждений, которые можно отнести к разряду необходимых, потому что без них нельзя обеспечить высокую эффективность труда. Только то потребление производительно, которое приводит к поддержанию и увеличению производительных сил общества, заключающихся как в землях страны, в ее материалах, в количестве и совершенстве ее орудий производства, так и в самом населении.

Существует множество продуктов, о которых можно сказать, что они не допускают иного потребления, кроме как непроизводительного. Потребление из года в год золотых галунов, ананасов или шампанского следует считать непроизводительным, потому что эти вещи не оказывают содействия ни производству, ни поддержанию жизни или силы человека, тогда как другие, значительно менее дорогие вещи могли бы такое содействие оказать. Отсюда можно было бы вывести предположение, что труд, затраченный на производство первых вещей, не следует рассматривать как производительный в том смысле, в каком этот термин понимают политэкономы. Я допускаю, что всякий труд, занятый в производстве вещей для использования непроизводительными потребителями, не ведет к постоянному обогащению общества. Портной, изготавливающий платье для человека, который ничего не производит, сам является производительным работником, но сшитое им платье в течение нескольких недель или месяцев изнашивается, тогда как носивший его ничего не произвел взамен, и, таким образом, общество не стало богаче в результате труда портного, так же как оно не становится богаче от того, что кто-нибудь платит такую же сумму за кресло в оперном театре. Тем не менее общество было богаче в результате труда портного в течение того време-

ни, пока платье носилось, т. е. пока общество при посредстве одного из своих непроизводительных работников предпочитало потреблять продукт этого труда непроизводительно. Золотые галуны или ананасы отличаются здесь лишь тем, что они еще меньше, чем указанное платье, относятся к разряду предметов первой необходимости. Эти вещи также представляют собой богатство, пока их не потребили.

§ 6. Отсюда, однако, следует, что существует различие, более важное для богатства общества, чем даже различие между производительным и непроизводительным трудом, а именно различие между трудом, обеспечивающим производительное потребление, и трудом, обеспечивающим непроизводительное потребление, т. е. между трудом, занятым поддержанием и увеличением производительных ресурсов страны, и трудом, направленным на достижение иных целей. Из продукта страны только одна часть предназначается на производительное потребление, другая направляется на непроизводительное потребление производителей и на все потребление непроизводительных классов. Допустим, что половина годового продукта используется для первой цели; в таком случае лишь половина производительных работников страны занята деятельностью, от которой зависит ее постоянное богатство. Вторая половина из года в год и из поколения в поколение производит вещи, которые потребляются и безвозвратно исчезают. Все, что эта половина работников потребляет, целиком составляет такую же потерю с точки зрения постоянного воздействия на национальные ресурсы, как если бы они потреблялись непроизводительно. Предположим, что эта вторая половина работающего населения перестала работать и что правительство или местные власти оставляют ее без занятия в течение целого года; при этом первая половина сумеет, как и прежде, произвести средства существования и для себя и для второй половины и в то же время сохранить прежний объем материалов и орудия производства; непроизводительным классам пришлось бы, конечно, либо умереть с голоду, либо самим производить для себя средства существования, а все общество было бы обречено в течение года на то, чтобы ограничиваться насущными потребностями. Но производственные ресурсы не сократились бы, и продукт следующие

го года не обязательно уменьшился бы по сравнению с тем, какой был бы произведен, если бы такого перерыва деятельности не возникло. Однако, если бы произошло наоборот, т. е. первая половина работников прекратила свои привычные занятия, а вторая продолжала бы их, страна к концу года оказалась бы полностью разорена.

Было бы грубой ошибкой сожалеть о большой части годового продукта, направляющейся в богатой стране на обеспечение непроизводительного потребления. Это значило бы сокрушаться по поводу того, что общество располагает излишком сверх предметов первой необходимости, который оно может употребить на удовольствия и на все возвышенные цели. Указанная доля продукта образует фонд, из которого удовлетворяются все потребности общества сверх самых необходимых, она служит мерой его ресурсов для удовольствий и его способности осуществлять все свои непроизводительные цели. Можно только приветствовать, что такой большой излишек имеется и что он применяется для подобных целей. Сожалеть приходится лишь о том обстоятельстве, которое до известной степени поддается исправлению, что распределяется он в высшей степени неравномерно, преобладающая часть расходуется на малополезные цели, а львиная доля достается лицам, не оказывающим обществу взамен равноценные услуги ².

---

² [См. Приложение D. «Производительный и непроизводительный труд».]

ГЛАВА IV

О КАПИТАЛЕ

§ 1. Из предыдущих глав следует, что, помимо первоначальных и всеобщих условий производства — труда и природных сил, — существует еще одно условие, без которого невозможно осуществление производственной деятельности, если не считать примитивные и скудные начатки первобытного производства. Речь идет о предварительно накопленном запасе продуктов прошлого труда. Этот накопленный запас продуктов труда называется капиталом. В высшей степени важно тщательно уяснить себе функцию капитала в производстве, поскольку множество ошибочных представлений, которыми изобилует наша наука, проистекают из неправильного, путаного понимания этого вопроса.

Люди, совершенно не приученные размышлять об этом предмете, полагают, что капитал — это синоним денег. Опровергать такое ошибочное представление — значит повторять то, что уже сказано в вводной главе. Деньги так же не являются синонимом капитала, как и синонимом богатства. Сами по себе деньги не могут выполнять какую-либо часть функций капитала, так как они не в состоянии оказывать какое-либо содействие производству. Чтобы это произошло, их нужно обменивать на другие вещи, а все поддающееся обмену на другие вещи способно содействовать производству лишь в той же мере, что и эти вещи. Функция капитала в производстве состоит в том, что он обеспечивает необходимые для производственной деятельности здания, охрану, орудия и материалы, а также питание и иные средства существования для работников во время производственного процесса. Это все такие услуги, которые текущий труд должен получить за счет прошлого труда и продукта прошлого труда. Все, что предназначается для данной цели, для обеспечения производительного труда этими разнообразными условиями, — все это и есть капитал.

Чтобы лучше уяснить себе это понятие, рассмотрим, что происходит с капиталом, вложенным в любую из отраслей хозяйства, составляющих производительную деятельность страны. У фабриканта, например, часть его капитала заключается в зданиях, приспособленных и предназначенных для осуществления избранного им вида производства. Другую часть образуют машины. Третью составляют, если у него прядильное производство, хлопко-сырец, лен или шерсть; если это ткацкое производство, то льняная, шерстяная, шелковая или хлопковая пряжа и т. д., соответственно характеру производства. В наше время обычно не принято, чтобы фабрикант непосредственно снабжал своих работников пищей и одеждой; теперь мало капиталистов, исключая производителей пищевых продуктов или одежды, которые располагают сколько-нибудь значительным капиталом в такой форме. Вместо этого у каждого капиталиста есть деньги, которыми он расплачивается со своими рабочими и таким образом обеспечивает им возможность самим приобретать средства существования. Кроме того, он имеет на своих складах готовые изделия, продавая которые он получает еще деньги, расходуемые им на те же цели, а также на восполнение запаса материалов, на поддержание в хорошем состоянии своих зданий и машин и на замену их, когда они приходят в негодность. Однако деньги и готовые изделия фабриканта не целиком образуют капитал, так как он использует их не только на эти цели: часть первых и выручку от продажи вторых он расходует на личное потребление и потребление семьи, на наем конюхов и лакеев, содержание егерьей и охотничьих собак, образование для своих детей, уплату налогов, на благотворительность. Что же в таком случае составляет его капитал? Именно та часть его собственности, в чем бы она ни выражалась, которая образует его фонд для осуществления нового производства. При этом не имеет значения, что часть капитала или весь капитал находится в такой форме, в которой его нельзя непосредственно применить для удовлетворения потребностей работников.

Предположим, например, что капиталист занимается производством скобяных товаров и что весь его капитал, кроме машин, в данный момент целиком заключается в металлоизделиях. Металлоизделия не могут накормить рабочих. Тем не менее одним лишь изменением назначе-

ния этих металлоизделий он может обеспечить, чтобы рабочие получили питание. Допустим, что он отказался от намерения использовать часть своих доходов на содержание своры охотничьих собак или штата слуг и решил вложить ее в свое дело в форме заработной платы для дополнительных рабочих. Тогда эти рабочие получают возможность купить и потребить пищу, которая в противном случае пошла бы на содержание собак или слуг. Таким образом, предприниматель, даже не имея дела с пищей, как таковой, одним своим поступком привел к тому, что из всего имеющегося в стране продовольствия производительные работники получили на столько больше, на сколько меньше его было потреблено на совершенно непроизводительные цели. Теперь изменим гипотезу и предположим, что то, что таким образом было выплачено в виде заработной платы, шло прежде не на питание слугам и корм собакам, а на приобретение золотых вещей и драгоценностей. Чтобы результат указанного поступка фабриканта выглядел более впечатляюще, допустим, что эта операция приняла более значительные масштабы и что крупная сумма была использована не на покупку золотых вещей и драгоценностей, а на наем производительных рабочих, лишь половина которых, опять-таки допустим, имела, подобно крестьянству Ирландии [1848 г.], занятие и пищу. Работники, получив увеличенную заработную плату, израсходовали бы ее на приобретение не золотых вещей и драгоценностей, а пищи. Однако в стране нет дополнительного продовольствия и нет также никаких непроизводительных работников или животных, за счет которых, как в предыдущем примере, высвобождается пища для использования ее в производительных целях. Поэтому, если бы это оказалось возможным, продовольствие импортировали бы, а если бы это было невозможно, то работники оставались бы в течение сезона на скудном рационе. Но такое изменение спроса на продовольственные товары, вызванное перемещением расходов капиталистов с непроизводительных на производительные цели, приведет к тому, что в следующем году будет произведено больше продовольствия и меньше золотых вещей и драгоценностей. Поэтому и в данном случае одно лишь решение отдельных лиц о перемещении части своей собственности с непроизводительных целей на производительные, хотя оно и не касается непосредственно

запасов пищи для работников, имеет между тем своим следствием увеличение производства продовольствия, предназначенного для потребления производительных работников. Следовательно, различие между капиталом и некапиталом заключается не в разновидности товаров, а в намерениях капиталиста, в его желании употребить их так, а не иначе; вся собственность, как бы мало она ни была пригодна для потребления работников, составляет часть капитала при условии, что она, или вырученная за нее стоимость, предназначается для нового вложения в производство. Сумма всех стоимостей, направляемых на эту цель их владельцами, образует капитал страны. Находятся ли все эти стоимости в форме, непосредственно пригодной для производительного использования или нет, не имеет значения. Их форма, какой бы она ни была, есть явление преходящее, но, как только эти стоимости предназначаются для производства, они неизбежно прокладывают себе путь к превращению в вещи, могущие найти применение в производстве.

§ 2. Если лишь та часть продукта страны, которая поступает в производство, есть капитал, то, наоборот, весь капитал страны предназначается для производства. Однако это второе положение следует принимать с некоторыми оговорками и пояснениями. Какой-либо капитал может искать, но не находить производительного применения, которое отвечало бы склонностям его владельца; он в данном случае продолжает оставаться капиталом, но неиспользуемым капиталом. Далее, складские запасы могут состоять из непроданных товаров, непригодных для непосредственного употребления на производительные цели и в данный момент не находящихся сбыта; и эти товары, пока не будут проданы, оказываются в положении неиспользуемого капитала. Опять-таки искусственно созданные или случайные обстоятельства могут обусловить необходимость заблаговременно располагать более крупными средствами, т. е. капиталом, размеры которого до его поступления в производство превышают реальные потребности. Предположим, что правительство облагает налогом производство на одной из его ранних стадий, например установив налог на материалы. Фабриканту приходится внести налог до начала обработки материалов, и поэтому он вынужден располагать большим запасом средств, чем

требуется в его производстве или фактически в него вложено. Для содержания одинакового количества производительных работников фабрикант может оказаться вынужденным иметь в своем распоряжении более крупный капитал или (что одно и то же) при данном размере капитала содержать меньше работников. Поэтому такой способ обложения налогами неоправданно ограничивает производство страны: часть капитала, предназначенного его владельцами для производства, отвлекается от этой цели и постоянно пребывает в виде аванса правительству.

Приведем другой пример. Фермер может арендовать свою ферму в такое время года, что ему придется выплатить одну, две или даже три четверти ренты до того, как он получит какой-либо доход от урожая. Следовательно, он должен заплатить эти суммы из своего капитала. Но рента, выплачиваемая за землю, как таковую, а не за производимые на ней трудом улучшения, не является производительной затратой. Она не представляет собой издержки на вознаграждение за труд или на обеспечение труда орудиями и материалами. Она лишь цена, уплачиваемая за использование присвоенной кем-либо силы природы. Эта сила природы, по существу, столь же необходима (и даже еще больше), как и любое орудие, но плата за нее никакой необходимостью не вызывается. В случае с орудием (с вещью, произведенной трудом) та или иная его цена выступает как неизбежное условие его существования, земля же существует в природе сама по себе. Плата за нее поэтому не является издержками производства, а необходимость вносить эту плату из капитала требует наличия более крупного капитала, более крупного предварительного накопления продукта прошлого труда, чем это вызывается естественными условиями или чем это нужно там, где землепользование основывается на иной системе. Такой добавочный капитал, хотя и предназначается его владельцами для производства, в действительности применяется непроизводительно и ежегодно возмещается не из своего собственного продукта, а из продукта труда, оплачиваемого за счет остатка капитала фермера.

Наконец, значительная доля производительного капитала страны, которая употребляется на заработную плату и жалованье работникам, явно не вся строго и обязатель-

но нужна для производства. Та ее часть, которая превышает стоимость собственно средств существования и поддержания здоровья (у квалифицированных работников такое превышение обычно весьма значительно), расходуется не на насущные потребности работников в процессе производства, а на их вознаграждение; поэтому работники могут ждать выплаты этой части их заработной платы до завершения производства. Она не должна заранее существовать как капитал, и, если бы работники, на свою беду, вовсе лишились ее, производство сохранилось бы в том же объеме. Чтобы все свое вознаграждение работники получали вперед в форме дневной или недельной получки, должен заранее существовать и предназначаться для производства более крупный фонд или капитал, чем тот, который достаточен для осуществления данного объема производства, причем на столько больший, на сколько получаемое работниками вознаграждение превышает то, что выделяет на содержание своих рабов разумный рабовладелец, руководствующийся эгоистическим расчетом. В самом деле, лишь после того, как уже был накоплен в изобилии капитал, могла возникнуть практика уплаты вперед вознаграждения за труд, которое превышает стоимость элементарных средств существования. То обстоятельство, что эта часть выплачиваемого вознаграждения фактически направляется не в производство, а на непроизводительное потребление производительных работников, указывает на существование достаточно большого производственного фонда, чтобы можно было регулярно выделять часть его на дополнительные жизненные удобства.

Как можно заметить, я исхожу из предположения, что работники всегда получают свое содержание из капитала, и это очевидный факт, хотя капитал необязательно обеспечивается лицом, называемым капиталистом. Когда работник содержит себя за счет собственных средств, например, когда крестьянин-арендатор или землевладелец живут продуктами земли или когда ремесленник работает самостоятельно, все они тем не менее существуют при помощи капитала, т. е. на средства, полученные авансом. Крестьянин в данном году существует за счет урожая не этого года, а прошлого. Ремесленник живет на доходы не от той работы, которую он выполняет в настоящий момент, а от той, которую он уже закончил и продал. Каж-

дый из них содержит себя за счет небольшого собственного капитала, который он периодически восполняет из продукта своего труда. Таким же образом и крупный капиталист живет на авансированные средства. Если он лично управляет своим предприятием, то его собственные расходы или расходы его семьи в объеме, не превышающем справедливое вознаграждение за его труд по рыночной цене, следует считать частью его капитала, употребленного, как и всякий другой капитал, на производственные цели; при этом его личное потребление в той части, в какой оно состоит из предметов первой необходимости, является производительным потреблением.

§ 3. Рискую показаться утомительным, я должен привести еще несколько примеров, чтобы понятие о капитале получило более ясное и четкое освещение. Как справедливо замечает Сэй, полезнее всего уделить наибольшее внимание разъяснению самих начал нашей науки, так как причины существующих в ней грубейших ошибок кроются в недостатке глубокого знания ее элементарных идей. И это неудивительно: ветвь может быть поражена болезнью, а все остальное дерево оставаться здоровым, но поражение корня распространяет болезнь по всему дереву.

Рассмотрим поэтому вопрос о том, можно ли вообще, а если можно, то в каких случаях, считать капиталом собственность лиц, живущих на доходы от нее, но лично не участвующих в производстве. В обыденной речи ее называют капиталом, причем для этого есть некоторые основания, когда имеются в виду отдельные лица. Все средства, приносящие своему владельцу доход, который он может использовать, не сокращая и не растрачивая первоначальную сумму, для него равнозначны капиталу. Но поспешное и необдуманное распространение на общие понятия положений, которые верны по отношению к отдельным лицам, служило источником множества ошибок в политической экономии. В данном случае то, что фактически является капиталом для отдельного лица, для страны может считаться (или не считаться) капиталом, смотря по тому, окажется ли собственность, не растраченная, как мы предположили, ее владельцем, растраченной или не растраченной кем-нибудь другим.

Допустим, например, что собственность стоимостью в

10 тыс. ф. ст., принадлежащая *А*, отдана в займы *В* — фермеру или фабриканту — и прибыльно используется на его предприятии. Эта собственность в полной мере представляет собой капитал, как если бы она принадлежала *В*. Не сам по себе, а в лице своей собственности *А* на деле выступает в качестве фермера или фабриканта. Капитал стоимостью в 10 тыс. ф. ст. используется в производстве на содержание работников и обеспечение орудиями и материалами; данный капитал принадлежит *А*, тогда как *В* берет на себя труд по его применению и получает за этот труд вознаграждение в виде разницы между прибылью, которую дает производство, и процентами, которые он выплачивает *А*. Здесь перед нами простейший случай.

Допустим, далее, что 10 тыс. ф. ст., принадлежащие *А*, отданы не в займы *В*, а по закладной землевладельцу *В*, который употребляет их на повышение производительности своего имения путем сооружения оград, осушения земли, прокладки дорог или регулярного удобрения земли. Это их производительное применение. Сумма 10 тыс. ф. ст. израсходована, но не исчезла. Она приносит постоянный доход. Земля теперь дает дополнительный продукт, достаточный, если затрата произведена разумно, чтобы в течение нескольких лет возместить вложенную сумму, а со временем многократно ее увеличить. Здесь, следовательно, 10 тыс. ф. ст. употреблены на увеличение продукта страны. Эта сумма составляет капитал, за который *В*, если сдаст свою землю в аренду, будет получать свой доход в номинальной форме повышенной ренты; в свою очередь *А* приобретет право по закладной ежегодно получать из этих доходов оговоренную заранее сумму в форме процента. Теперь изменим условия и предположим, что *В* использует заем не на улучшение своих земель, а на погашение прежней закладной или на обеспечение будущего своих детей. Являются ли использованные таким образом 10 тыс. ф. ст. капиталом или нет, зависит от того, что сделает с этой суммой конечный ее получатель. Если дети вложат свои состояния в производство или держатель закладной, получив в ее погашение указанную сумму, ссудит ее другому землевладельцу для улучшения земель или фабриканту для расширения его предприятия, то эти деньги продолжают оставаться капиталом, поскольку они используются производительно.

Предположим, однако, что *В*, землевладелец, взявший ссуду по закладной, оказался расточителем, эксплуатирующим свои земли не для того, чтобы увеличить свое состояние, а чтобы его промотать, и растратил ссуду на прихоти и развлечения. В течение года или двух она исчезает безвозвратно. Кредитор *А* остается так же богат, как и прежде; у него уже нет его 10 тыс. ф. ст., но он имеет на землю закладную, которую он всегда может продать за ту же сумму. Между тем *В* стал на 10 тыс. ф. ст. беднее, чем прежде, и никто не стал богаче. Могут сказать, что разбогатели те, кто извлек прибыль из денег, пока они расходовались. Конечно, если бы *В* проиграл эти деньги или слуги украли бы их, то имело бы место простое их перемещение из одних рук в другие, а овладевшие ими могли бы употребить их производительно. Но если бы *В* получил за истраченные деньги соответствующее количество предметов первой необходимости или роскоши и потребил бы их сам или вместе со слугами или гостями, эти предметы перестали бы существовать и ничего не было бы произведено для их замены. Однако, если бы ту же сумму вложили в сельскохозяйственное или промышленное производство, возникшее при этом потребление было бы с лихвой возмещено к концу года новыми продуктами, созданными трудом тех, кто в этом случае оказался бы потребителем. Следовательно, то, что могло быть потреблено производительно и принести доход, вследствие расточительности *В* было потреблено, не принеся никакого дохода. Торговцы, у которых покупал *В*, могли бы при этом получить прибыль, но, будь его капитал израсходован производительно, такую же прибыль получили бы строители, плотники, рабочие, изготавливающие инструменты, и торговцы, продающие трудящимся классам предметы потребления, а *В* со временем вернул бы себе свои 10 тыс. ф. ст., или равную им стоимость (не говоря уже об ее увеличении), между тем как, израсходовав их непроизводительно, он лишился их вовсе. В конечном счете поэтому обществу нанесен ущерб по меньшей мере на сумму в 10 тыс. ф. ст., т. е. на ту именно сумму, которую *В* израсходовал непроизводительно. Для *А* никакой существенной разницы не возникло, так как его доход гарантирован и, пока его закладная надежна и рыночная процентная ставка не упала, он всегда может продать ее по первоначальной стоимости. Следовательно, для *А* закладная в 10 тыс.

ф. ст. на имя *В* фактически является капиталом такого размера, но представляет ли она собой капитал для общества? Нет, не представляет. *А* располагал капиталом в 10 тыс. ф. ст., но этот капитал ликвидирован, своей расточительностью *В* промотал и истребил его. Теперь *А* получает доход не из продукта своего капитала, а из каких-то иных источников дохода, принадлежащего *В*, вероятно из ренты за его землю, т. е. из взносов, которые ему выплачивают фермеры из продукта своего капитала. Национальный капитал сократился на 10 тыс. ф. ст., а национальный доход — на весь тот продукт, который эти 10 тыс. ф. ст., будучи использованы в качестве капитала, могли бы произвести. Потеря не ложится целиком на собственника уничтоженного капитала, поскольку виновник уничтожения обязался его возместить. Но возможная потеря собственника составляет лишь малую долю той, которую понесло общество, так как для использования и потребления владельца капитала предназначался только доход от него; сам же капитал использовался или должен был использоваться для постоянного содержания соответствующего числа работников, регулярно воспроизводящих то, что они потребляют, а именно этого содержания они лишились без всякого возмещения.

Изменим теперь гипотезу снова и предположим, что деньги взяты займы не землевладельцем, а государством. *А* ссужает свой капитал правительству на ведение войны, он покупает у государства так называемые государственные облигации, т. е. обязательства правительства выплачивать ему определенный ежегодный доход. Если правительство употребляет полученные займы деньги на строительство железной дороги, то это можно считать производительным их применением, и собственность *А* будет продолжать использоваться как капитал. Но если их употребят на военные цели, т. е. на содержание офицеров и солдат, которые ничего не производят, и на невозместимое истребление большого количества пороха и пуль, то правительство оказывается в положении *В*, расточительного землевладельца, а принадлежащие *А* 10 тыс. ф. ст., как и в предыдущем примере, представляют собой национальный капитал, который некогда существовал, но уже не существует; фактически, если иметь в виду богатство или производство, он все равно что выброшен в море, хотя по другим соображениям такое его использо-

вание может быть оправдано. Источником последующего дохода *A* будет служить не продукт его капитала, а налоги, взимаемые с продукта оставшейся части капитала общества. Его капитал уже не приносит обществу никакого дохода, в качестве источника вознаграждения он потерян окончательно; то, чем теперь обладает *A*, — это право на доходы от капитала и производственной деятельности других людей. Это право он может продать и вернуть себе равную своему капиталу сумму, которую он в дальнейшем может использовать производительно. Правда, свой собственный капитал или его продукт *A* вернуть не может, так как этот капитал и все его потенциальные плоды окончательно уничтожены. Он получает лишь капитал какого-либо другого лица, которое готово получить взамен его право на часть налоговых поступлений государства. Другой капиталист становится на место *A* в качестве кредитора по закладной государства, тогда как *A* заменяет этого другого капиталиста в качестве владельца капитала, используемого или могущего быть использованным в производстве. От такой перемены места производительные силы общества не возрастают и не уменьшаются. Брешь в капитале страны была пробита, когда правительство израсходовало деньги *A* таким образом, что стоимость в 10 тыс. ф. ст. оказалась изъятой из сферы производства или не вложенной в нее, т. е. когда она оказалась вложенной в сферу непроизводительного потребления и уничтоженной без соответствующего возмещения¹.

---

¹ [См. Приложение Е. «Определение капитала».]

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О КАПИТАЛЕ

§ 1. Если предыдущие объяснения достигли своей цели, то они позволили составить довольно полное представление не только о понятии капитала, заключающемся в его определении, но и о том, как это понятие преломляется в реальной действительности, когда его затемняет сложное сплетение конкретных обстоятельств. Теперь даже неискушенный читатель подготовлен к усвоению некоторых элементарных положений или теорем, относящихся к капиталу, глубокое понимание которых явится уже значительным шагом по пути из тьмы к свету.

Первое из указанных положений состоит в том, что производственная деятельность ограничивается размерами капитала. Это настолько очевидно, что в обыденной речи часто принимается как само собой разумеющееся. Между тем замечать истину время от времени вовсе не равнозначно тому, чтобы признавать ее всегда и отвергать несовместимые с ней утверждения. Вплоть до последнего времени законодатели и публицисты почти единодушно игнорировали эту аксиому, а непримиримые с ней доктрины все еще проповедаются и распространяются.

Истинность нашей аксиомы воплощается в следующих общепринятых выражениях. Акт развертывания производственной деятельности в какой-либо области характеризуется фразой «приложить капитал» к этой области. Заниматься обработкой земли — значит прилагать капитал к земле. Использовать труд в обрабатывающей промышленности — значит вложить в нее капитал. Все это подразумевает, что производство не может осуществляться в больших масштабах, чем позволяют наличные размеры капитала. В самом деле, с этим положением нельзя не согласиться, если вполне уяснить его себе. Выражение «приложить капитал», разумеется, метафорическое: в действительности прилагается труд, а капитал здесь служит лишь непеременимым условием такого приложения. Далее, мы часто говорим о «производительной силе капитала». Это выражение нельзя понимать буквально. Производи-

тельными силами являются лишь труд и силы природы. Если же о какой-то части капитала можно с некоторой натяжкой сказать, что она обладает собственной производительной силой, то это относится только к инструментам и машинам, которые, подобно ветру или воде, можно считать содействующими труду. Пища работников и материалы производства не имеют производительной силы, но труд в состоянии реализовать свою производительную силу лишь при условии, что он будет снабжен ими. Объем производственной деятельности обусловлен количеством материалов для обработки и пищи для работников. Однако при всей очевидности этого часто забывают, что население любой страны живет и удовлетворяет свои потребности за счет продукта не текущего, а прошлого труда. Оно потребляет то, что уже произведено, а не то, что еще находится в стадии производства. А из уже произведенного продукта лишь часть выделяется на содержание производительного труда, количество которого не бывает и не может быть больше указанной доли продукта (каковая и составляет капитал страны), обеспечивающей работников пищей, материалами и орудиями производства.

Тем не менее, вопреки этому очевидному факту, долго считалось, что законы и правительства, не создавая капитал, способны порождать производственную деятельность. Полагали, что этого можно достигнуть без более широкого привлечения населения к труду и без повышения эффективности труда, хотя решению именно таких задач правительство может в известной степени способствовать, правда, лишь косвенно. Продолжали считать, что и без повышения мастерства и энергии работников, и без вовлечения в трудовой процесс людей, остававшихся без работы, правительство может расширить сферу производства, не выделяя для этого дополнительных средств. Правительство, мол, с помощью запретительных законов приостанавливает импорт какого-либо товара, а когда оно таким образом заставляет производить этот товар у себя в стране, то, пожалуй, гордится, что обогатило страну новой отраслью производства, афиширует в статистических таблицах количество произведенного продукта и затраченного труда, выдавая все это за выигрыш для страны, полученный будто бы в результате принятого правительством запретительного закона. Хотя в Англии эта разновидность политической арифметики уже не пользуется большим дове-

рием, в странах континентальной Европы она все еще цветет пышным цветом. Если бы законодатели осознали, что объем производства ограничен размерами капитала, то увидели бы, что при неизменном объеме совокупного капитала страны всякое вызванное их законами переключение любой его доли во вновь созданную отрасль промышленности должно быть осуществлено за счет изъятия ее из какой-либо другой отрасли, в которой она обеспечивала или могла обеспечить занятость примерно такому же количеству труда, какое использовано в новой*.

§ 2. Из положения о том, что объем производства ограничен размерами капитала, мы вовсе не заключаем, что промышленность всегда достигает этого предела. Капитал может оставаться неиспользованным, как это происходит, когда товары оказываются непроданными или когда имеющиеся средства не находят применения; в такой период капитал не порождает никакой производственной деятельности. Иногда случается также, что не хватает работни-

---

* Следует отметить, что исключение здесь составляет созданная или поддерживаемая ограничительным законом отрасль, принадлежащая к разряду так называемых надомных производств. Поскольку они осуществляются лицами, уже имеющими средства существования, т. е. работающими членами семьи, в промежутках между другими занятиями, то в данном случае не возникает необходимости в перемещении в это производство иного капитала сверх стоимости материалов и инструментов, которая зачастую незначительна. Поэтому, если покровительственная пошлина способствует продолжению такого производства, а без нее оно не могло бы сохраниться, то пошлина действительно обеспечивает увеличение производства страны.

Мы должны признать этот случай для того, чтобы сделать неопровержимым наше теоретическое положение, однако это не умаляет достоинств существующей доктрины свободной торговли. По самой своей природе надомные производства не нуждаются в покровительственных пошлинах, так как средства существования работников обеспечиваются из других источников, цена продукта, сколь бы она ни снижалась, почти целиком образует чистый доход работников. Поэтому если производители-надомники отказываются участвовать в конкуренции, то они никогда не делают это в силу необходимости, а исходят из того, что продукт не стоит затраченного на него труда, по мнению самых беспристрастных судей, т. е. тех, кто сам потребляет этот продукт и сам вкладывает в него свой труд. Они предпочитают идти на издержки приобретения одежды, а не тратить свой труд на ее изготовление. Они не станут продолжать этот труд, если общество не будет давать за него больше, чем, по их собственному мнению, производимый продукт стоит.

ков, которых капитал мог бы содержать и использовать в производстве. Как известно, так происходило в новых колониях, где капитал погибал без пользы из-за нехватки рабочей силы, примером чего может служить колония Суон-ривер (теперь—Западная Австралия) в первые годы после своего основания. Есть много людей, существующих на имеющийся капитал, но либо ничего не производящих, либо способных производить намного больше, чем они это делают. Если рабочим платить меньшую заработную плату или побудить их за ту же заработную плату работать больше часов в день или если бы члены их семей, которые уже содержатся за счет капитала, в большей мере, чем теперь, привлекались к труду по увеличению производства, то данный объем капитала обеспечивал бы более широкие масштабы производственной деятельности. Можно было бы прекратить непроизводительное потребление производительных работников, которое целиком осуществляется из капитала, или отложить его до создания продукта и за счет образовавшейся экономии нанять дополнительных работников. Такими мерами общество в состоянии извлечь из наличных ресурсов больший объем продукта; оно вынуждено действительно прибегать к ним, когда внезапное уничтожение значительной части его капитала вызывает в данный момент острую необходимость использовать с максимальной эффективностью оставшуюся часть.

Когда производство не достигает объема, допускаемого имеющимся капиталом, правительство может различными способами содействовать приближению его к этому пределу, например ввозом новых работников, скажем кули и свободных негров, в Вест-Индию. Существует еще один способ, которым правительства могут расширять производство. Они могут создавать капитал. Они, например, могут ввести налоги и собранные суммы использовать производительно. Они могут также предпринять нечто почти равнозначное, а именно: обложить налогом доходы или расходы и обратить поступления от него на погашение государственных долгов. Владелец государственных облигаций, у которого правительство их выкупило, несомненно, захочет продолжать получать доход от своей собственности и большую ее часть вложит в производство. Между тем значительная доля выплаченной правительством суммы взята из фонда непроизводительных расхо-

дов, поскольку люди платят налоги не целиком из своих сбережений, а частично, если не преимущественно, из тех средств, какие они намеревались израсходовать. Следует добавить, что всякое увеличение производительной силы капитала (или, выражаясь точнее, труда), путем повышения мастерства работников или иным способом, ведет к увеличению занятости рабочей силы; когда создается большой продукт, всегда существует вероятность, что какая-то часть прироста будет сбережена и обращена в капитал, особенно в том случае, когда повышение доходов от производственной деятельности служит дополнительным стимулом к переключению средств с непроизводительных на производительные цели.

§ 3. В то время как, с одной стороны, объем производства ограничен размерами капитала, с другой — каждое увеличение капитала приводит или может привести к новому расширению производства, причем без определенного предела. Я отнюдь не хочу отрицать, что капитал (или какая-либо его часть) может быть употреблен не на содержание работников, а воплощен в машины, здания, повышение плодородия земли и т. п. При любом крупном увеличении капитала значительная его доля обычно используется именно таким образом и лишь содействует труду работников, а не содержит их. Но я решительно утверждаю, что часть капитала, выделяемая на содержание работников, может (при прочих равных условиях) возрасти беспрестанно, не создавая ситуаций, при которой невозможно найти для них работу. Иными словами, если существуют способные к труду люди и пища для их пропитания, их всегда возможно использовать в каком-либо производстве. На этом положении стоит остановиться несколько подробнее, так как оно относится к тем, с которыми люди чрезвычайно легко соглашаются, когда эти положения выдвинуты в самой общей форме, но которые иногда представляются сомнительными в свете многосложных и запутанных обстоятельств реальной жизни общества. Это положение к тому же вступает в явное противоречие с устоявшимися взглядами. Нет в мире более распространенного мнения, чем то, что непроизводительные расходы богатых необходимы для обеспечения занятости бедным. До Адама Смита это представление едва ли оспаривалось, и даже после него весьма

именитые и достойные авторы* утверждали, что если бы потребители сберегали и обращали в капитал чрезмерно большую долю своих доходов и не выделяли на непроизводительное потребление сумму средств, находящуюся в определенной пропорции к капиталу страны, то не оказалось бы рынка сбыта для товаров, которые бы произвел созданный таким образом капитал. Я считаю это одной из многих ошибок, возникающих в политической экономии вследствие того, что исследования начинают не с простейших случаев, а сразу окунаются в гущу конкретных явлений.

Каждому ясно, что, если какое-либо благоразумное правительство владеет всем продовольствием, орудиями и материалами общества, оно может заставить заниматься производительным трудом всех тех трудоспособных, кому оно предоставляет пищу; ему не угрожает ограниченность сферы применения этого производительного труда, так как при возникновении малейшей неудовлетворенной потребности любого человека (которая удовлетворяется с помощью материальных благ) труд общества можно обратить на производство продукта, способного удовлетворить эту потребность. Когда индивидуальные владельцы капитала увеличивают его новыми накоплениями, они делают точно то же самое, что мы ожидаем от благонамеренного правительства. Поскольку любой случай можно представить в виде гипотезы, вообразим себе самый крайний случай. Допустим, что каждый капиталист пришел к заключению, что он не заслуживает большего вознаграждения, чем всякий добросовестный работник, и должен вести столь же скромный образ жизни; предположим, что он, следовательно, движимый благими побуждениями, сберегает излишки своих прибылей или же что такое воздержание не добровольно, а навязано всем капиталистам, равно как и землевладельцам законом или общественным мнением. В результате непроизводительное потребление сводится к минимуму и возникает вопрос: какое применение может получить возросший таким образом капитал? Кто купит товары, которые он произведет? Не осталось даже покупателей на те товары, которые произведены раньше. Поэтому, как утверждают, товары окажутся нераспроданными и сгниют на складах, причем это будет

---

* Например, Мальтус, д-р Чалмерс, де Сисмонди.

происходить до тех пор, пока капитал не сократится до своего первоначального размера или даже еще на столько, на сколько сократился спрос потребителей.

Но так рассуждать — значит видеть только одну сторону вопроса. В допущенном нами случае исчезнет спрос на предметы роскоши, предъявляемый капиталистами и землевладельцами. Но когда эти классы превращают свой доход в капитал, они этим не уничтожают свою потребительную способность, они лишь переносят ее на работников, которым предоставляют работу. Что касается работников, то здесь имеются две возможности: либо их число возрастает пропорционально капиталу, либо остается прежним. Первый случай не представляет никаких трудностей. Производство предметов первой необходимости для нового населения занимает место производства предметов роскоши для части прежнего и обеспечивает точно такой же объем занятости, какой был вытеснен. Но допустим, что прироста населения не произошло. Все, что прежде расходовалось на предметы роскоши капиталистами и землевладельцами, теперь распределяется между наличными работниками в виде дополнительной заработной платы. Мы предположим, что они уже до этого были достаточно обеспечены предметами первой необходимости. Что в этом случае произойдет? Работники становятся потребителями предметов роскоши, а капитал, раньше применявшийся в производстве предметов роскоши, все еще может использоваться прежним образом. Разница заключается лишь в том, что предметы роскоши распределяются теперь не среди немногих, а среди всего населения. Рост накопления и увеличение производства могут, строго говоря, продолжаться до тех пор, пока каждый работник не окажется обладателем всех привилегий богатства в пределах, сохраняющих готовность трудиться, при условии, что их совокупный труд физически в состоянии произвести все эти блага для всего общества. Таким образом, пределом богатства всегда служит нехватка не потребителей, а производителей и производственной мощности. Всякое приращение капитала приносит труду либо дополнительную занятость, либо дополнительное вознаграждение, оно обогащает либо страну в целом, либо трудящийся класс. Если этот прирост капитала находит и использует новую рабочую силу, он увеличивает совокупный продукт, если же он ограничивается использованием

прежнего числа работников, он выделяет им большую долю продукта; в последнем случае, поощряя рвение работников, он даже, возможно, увеличивает также объем продукта.

§ 4. Вторая основная теорема капитала касается источников его происхождения. Капитал есть результат сбережения. Это со всей очевидностью следует из того, что уже было сказано по данному вопросу. Но сама теорема нуждается в некоторых дополнительных пояснениях.

Если бы каждый расходовал на удовлетворение своих личных потребностей все, что сам производит, а также весь доход, получаемый им от того, что произведено другими, то капитал не мог бы возрасти. Весь капитал, за ничтожным исключением, первоначально возник как результат сбережения. Я говорю — за ничтожным исключением, потому что человек, работающий на свой собственный счет, может и расходовать на себя все, что производит, не становясь при этом нищим; запас предметов первой необходимости, на которые он существует, пока не соберет урожай или не продаст свое изделие, хотя и представляет собой настоящий капитал, однако нельзя сказать, что является сбережением, так как весь он используется для удовлетворения личных потребностей владельца, причем, быть может, столь же быстро, как если бы последний использовал его, не выполняя никакой работы. Можно представить себе какое-то число лиц или семей, живущих на своих обособленных участках земли, существующих лишь плодами собственного труда и потребляющих весь производимый ими продукт. Но даже и эти люди должны откладывать (т. е. изымать из личного потребления) ту часть урожая, которая требуется для следующего посева. Следовательно, известный размер сбережения необходим даже при этой простейшей из всех форм экономических отношений; людям приходится производить больше, чем они потребляют, или потреблять меньше, чем они производят. Объем сбережений должен возрасти, если они намереваются нанять других работников и увеличить свое производство сверх того, что они могут сделать собственными руками. Все, что необходимо для содержания и применения труда других людей, помимо собственного, должно сначала быть накоплено путем сбережения, кто-то должен это произвести и воздержаться от его

потребления. Следовательно, мы можем, без большой погрешности, утверждать, что всякий капитал, и особенно всякое приращение капитала, есть результат сбережения.

В примитивном обществе, в котором господствует насилие, постоянно случается, что капиталом владеет не тот, кто его накопил, а тот, кто, будучи сильнее или принадлежа к более могущественной общине, присвоил его себе посредством грабежа. Но даже и при общественном строе, обеспечивавшем защиту собственности, увеличение капитала долгое время обычно происходило за счет лишений, которые, в сущности, равнозначны сбережениям, хотя их не принято так называть, поскольку они не являются добровольными. Подлинными производителями были рабы, вынужденные производить столько, сколько можно было заставить их сделать это силой, и потреблять не больше того, сколько допускали корыстолюбие или обычно очень слабое чувство сострадания их надсмотрщиков. Однако этот вид принудительного сбережения не привел бы к увеличению капитала, если бы часть его не была вторично добровольно сбережена рабовладельцем. Если бы он употреблял на удовлетворение своих личных потребностей все, что он принудил рабов произвести сверх выделенного для их потребления, он не увеличил бы свой капитал и не был бы в состоянии содержать большее число рабов. Вообще содержание какого бы то ни было числа рабов предполагает уже предварительно сделанное сбережение, заблаговременное создание запаса, по крайней мере пищи. Однако такого рода сбережение, очевидно, не являлось результатом лишений, добровольно принятых на себя хозяином; вероятнее всего, это были сбережения самих рабов, произведенные, пока они еще были свободными, и доставшиеся в виде добычи завоевателям, обратившим побежденных в рабство.

Имеются и другие случаи, когда термин «сбережение» и связанные с ним представления не совпадают в точности с процессом возрастания капитала. Например, утверждение, что единственный способ ускорить увеличение капитала заключается в увеличении сбережений, вероятно, породило бы представление о большем воздержании и возросших лишениях. Между тем совершенно очевидно, что всякое повышение производительной силы труда создает дополнительный источник сбережений и позволяет увеличивать капитал не только без новых лишений, но

даже одновременно с расширением личного потребления. Тем не менее в научном смысле здесь происходит увеличение сбережений. Несмотря на рост потребления, имеет место и расширение объема сбережений. Превышение производства над потреблением оказывается большим. Вполне правомерно назвать это возросшим сбережением. Хотя сам термин «сбережение» не бесспорен, нет другого термина, против которого не было бы столько же возражений. Потреблять меньше, чем произведено, — значит сберегать, в чем и состоит процесс возрастания капитала, хотя при этом абсолютный объем потребления необязательно сокращается. Вовсе не следует до такой степени рабски придерживаться узкого значения слова, чтобы лишить себя возможности употреблять термин «сбережение» в указанном смысле; надо лишь помнить, что, кроме сокращения потребления, есть и другой способ увеличения капитала, а именно увеличение производства.

§ 5. Третья основная теорема капитала, тесно связанная с только что изложенной, заключается в том, что капитал хотя и сберегается, и представляет собой результат сбережения, но тем не менее он потребляется. Слово «сбережение» отнюдь не означает, что сбереженное не потребляется, не означает оно даже и того, что его потребление непременно откладывается на более поздний срок. Оно подразумевает лишь то, что если сбереженное потребляется немедленно, то потребителем является не тот, кто осуществил сбережение. Если сбережение отложено для будущего использования, оно считается припрятанным, и, пока остается таковым, оно не потребляется вовсе. Но когда сбережение используется в качестве капитала, оно потребляется целиком, хотя и не самим капиталистом. Одна часть его обменивается на инструменты или машины, подвергшиеся износу в процессе производства; другая — обменивается на семена или материалы, которые уничтожаются, как таковые, будучи посеянными или обработанными, и вовсе уничтожаются в результате потребления конечного продукта. Остаток выплачивается в виде заработной платы производительным работникам, которые используют ее для удовлетворения своих текущих потребностей; если же работники в свою очередь какую-то долю сберегают, то она, вообще говоря, также не образует запас, а снова обращается (через посредство сберега-

тельных касс, страховых обществ или некоторых иных каналов) в капитал и, следовательно, потребляется.

Принцип, только что установленный, служит ярким примером того, как необходимо глубоко вникать в самые элементарные истины нашей науки. Этот пример представляет одну из самых элементарных истин, и тем не менее всякий, кто не дал себе труда вдуматься в нее, обыкновенно доверяет ей, большинство же людей, которые впервые слышат о ней, отказывается даже ее признать. Для не посвященных в науку совершенно не ясно, что все сбереженное потребляется. Им кажется, что тот, кто сберегает, именно прячет, причем они могут считать такой поступок допустимым или даже похвальным, если его целью служит обеспечение семьи или что-нибудь подобное. Но они не усматривают в сбережении никакого блага для других людей, для них сбережение — это синоним сохранения вещи для себя, тогда как расходование кажется им распределением вещей среди других. Человек, растрачивающий свое состояние на непроизводительное потребление, считается одаривающим благодеяниями всех вокруг себя. Он пользуется столь большим расположением, что часть этой популярности распространяется даже на тех, кто тратит чужое, кто не только уничтожает собственный капитал, если вообще им обладает, но под видом займа и под обещание его погашения завладевает капиталом, принадлежащим другим, и также его уничтожает.

Это распространенное заблуждение вызвано тем, что люди видят лишь небольшую часть следствий, проистекающих из сбережения или расходования; люди не задумываются над теми последствиями того и другого, которые не бросаются им в глаза. Глаз прослеживает путь сбережения, пока оно не попадает в воображаемый железный сундук, и затем теряет его из виду; ту же часть сбережения, которая расходуется, он прослеживает, пока она не попадает в руки торговцев и слуг; но в обоих случаях конечная судьба этих средств от него скрыта. Сбережение (для производительного помещения) и расходование очень близки между собой на первой стадии своего осуществления. То и другое начинается с потребления, с разрушения некоторой части богатства. Разница состоит лишь в том, что потребляются разные вещи и потребляют разные люди. В одном случае имеет место износ орудий производства, уничтожение материалов и известного количе-

ства продовольствия и одежды, которыми обеспечиваются работники и которые последние уничтожают, потребляя их. В другом случае имеет место потребление, т. е. уничтожение вин, экипажей, мебели. До сих пор последствия для национального богатства были практически одинаковыми: в обоих случаях уничтожалось эквивалентное количество богатства. Однако для процесса расходования первая его стадия является также и последней, определенное количество продукта труда исчезает бесследно. Напротив, человек, осуществляющий сбережение, в течение всего времени, пока происходит уничтожение, содержит рабочих, восстанавливающих разрушенное и в конечном счете с лихвой возмещающих все то, что было потреблено. Поскольку этот процесс может повторяться многократно без нового акта сбережения, то однажды произведенное сбережение становится фондом, позволяющим в течение неограниченного времени содержать соответствующее число работников, ежегодно воспроизводящих средства их собственного содержания и создающих, кроме того, прибыль.

Для неискушенного ума подлинный характер этих явлений затемняется участием в них денег. Поскольку почти все расходы осуществляются через посредство денег, в глазах людей деньги становятся главным действующим лицом в сделке. Поскольку деньги сами по себе не исчезают, а только переходят из рук в руки, то люди не замечают процесса уничтожения, совершающегося в ходе непроизводительного потребления. Так как деньги лишь перемещаются, считается, что богатство просто передается расточителем другому лицу. Но это значит фактически смешивать деньги с богатством. Уничтоженное богатство заключалось не в деньгах, а в винах, экипажах и мебели, купленных на деньги; эти вещи оказались окончательно уничтоженными, а общество в целом стало беднее на всю эту сумму. Могут, вероятно, сказать, что вина, экипажи и мебель не являются предметами первой необходимости, орудиями и материалами и ни в каком случае не употребляются на содержание рабочей силы, что они пригодны лишь для непроизводительного потребления и что ущерб богатству общества наносится не когда их потребляют, а еще тогда, когда их производят. Я готов принять это замечание в меру его полезности для логического развития мысли, причем оно было бы вполне справедливо, если бы указанные предметы роскоши черпались из наличного

запаса и последний не восполнялся бы. В действительности, однако, их продолжают производить, пока существуют потребители, предъявляющие на них спрос, и производят их во все большем количестве, чтобы удовлетворить возрастающий спрос. В результате намерение потребителя истратить 5 тыс. ф. ст. в год на предметы роскоши обуславливает использование труда соответствующего числа работников, занятых из года в год созданием вещей, которые совершенно бесполезны для производства. Труд этих работников с точки зрения увеличения национального богатства представляет собою потерю, а ежегодно потребляемые ими пища, орудия и материалы изымаются из совокупного фонда страны, пригодного для производительного применения. В меру расточительности и беспечности, свойственных образу жизни какого-либо класса, производство страны ориентируется на создание предметов роскоши для него. При этом сокращается не только использование труда производительных работников, но и количество орудий труда и предметов первой необходимости, без которых этот труд не может быть использован.

Короче говоря, сбережение обогащает, а расточительность обедняет как общество, так и отдельных лиц, иными словами, общество в целом становится богаче в результате издержек на содержание производительного труда и содействие ему, но становится беднее, расходуя ресурсы на потребление ради удовольствия*.

---

* Здесь стоит обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые до известной степени уменьшают ущерб, причиняемый совокупному богатству расточительностью отдельных лиц, или порождают более или менее полное возмещение его как следствие, проистекающее из самого ущерба. Одно из таких обстоятельств состоит в том, что транжирам чаще всего не удается потратить все, на что они потратились. Их обычная беспечность в расходах приводит к тому, что их обворовывают и грабят все, кому не лень, причем нередко это делают люди сами по себе бережливые. Поверенные, управляющие и даже домашние слуги расточительных богачей постоянно накапливают большие состояния. Кроме того, такие богачи платят намного более высокие цены за свои покупки, чем люди бережливого склада, и это делает их весьма привлекательными клиентами. Они поэтому фактически не в состоянии получить в свое распоряжение и уничтожить такое количество богатства, которое было бы сколько-нибудь эквивалентно размеру растраченных ими средств. Значительная часть указанных средств просто переходит к другим людям, которые могут известную их долю обратить в сбережение. Другое встречающееся явление заключается в том, что расточительность одних может заставить

§ 6. Вернемся, однако, к нашей главной теореме. Все, что производится, потребляется; потребляется и то, что сберегается, и то, что предназначено израсходовать, причем первое столь же быстро, как и второе. Все общепринятые формы житейской речи способствуют сокрытию этого факта. Когда люди говорят о древнем богатстве страны, о состояниях, унаследованных от предков, и тому подобном, создается впечатление, будто богатства, переданные нам предками, созданы очень давно, во времена, когда, мол, их впервые приобрели, и будто в нынешнем году капитал страны увеличился лишь на ту сумму, какая дополнитель-

---

других еще больше экономить. Допустим, что в результате внезапно возникшего спроса на какой-либо предмет роскоши, вызванного не предусмотренным заранее капризом транжиры, количество предметов первой необходимости не возросло. Цены при этом повысятся, причем, возможно, настолько, что окажутся недоступными или нежелательными для части рядовых покупателей, которые в таком случае могут воздержаться от удовлетворения своих потребностей и сберечь предназначенную для этой цели сумму. Если же покупатели не воздерживаются от покупок и продолжают расходовать на известный товар прежнюю сумму, торговцы получают за равное количество товара доход, возросший на всю истраченную расточителем сумму. В результате все, что последний потерял, фактически переходит в руки торговцев и может быть присоединено к их капиталу, а возросшее потребление расточителя уравнивается лишениями других покупателей, получивших за ту же сумму меньше обычных потребительских благ. Вместе с тем где-то должен происходить противоположный процесс, поскольку расточителю приходится сократить свои покупки в какой-либо другой области, чтобы компенсировать их увеличение в этой; не исключено, что он изымает средства, вложенные в содержание производительного труда, а торговцы предметами первой необходимости и орудиями производства оказываются с непроданными товарами на руках или получают за равное их количество меньший, чем обычно, доход. Однако подобные потери дохода или капитала, если они не становятся чрезмерными, как правило, возмещаются за счет более строгого воздержания и ограничения своих потребностей трудящимися. Поэтому капитал страны в целом может сохраниться в прежнем объеме, а расточитель в данном случае удовлетворяет свои прихоти не за счет постоянных ресурсов общества, а за счет временных благ и удобств других людей. В любом случае общество становится беднее на всю ту сумму, которую расходует расточитель, если при этом других не принуждают сократить свои расходы. Существуют и иные, более скрытые пути, которыми расточительность одних может компенсироваться увеличением сбережений других, но рассмотреть их целесообразно лишь в той части кн. IV, где речь идет о принципе, ограничивающем накопление капитала.

но произведена в этом году. Однако дело обстоит совсем не так. Большая часть ценностей, составляющих сейчас богатство Англии, произведена человеческими руками в течение последних 12 месяцев. Фактически лишь очень малая доля этого громадного совокупного богатства существовала 10 лет назад, а из нынешнего производительного капитала едва ли какая-нибудь часть сохранилась с того времени, за исключением фермерских домов и фабричных зданий, небольшого числа кораблей и машин, но даже и они в большинстве случаев не просуществовали бы долго, если бы за указанный период не привлекалась новая рабочая сила для их ремонта. Во все времена существует земля, и это почти единственное, что не уничтожается. Все, что производится, погибает, а большинство вещей — очень быстро. Большая часть видов капитала по самой своей природе не способна долго сохраняться. Имеется немного, лишь очень немного продуктов производства, которые способны существовать весьма длительное время. Вестминстерское аббатство простояло много столетий, лишь изредка подвергаясь ремонту; некоторые греческие скульптуры существуют уже свыше двух тысяч лет, а египетские пирамиды, быть может, вдвое или втрое дольше. Но все это предметы, предназначенные для непроизводительного применения. Если исключить мосты и водопроводные системы (в ряде стран сюда можно добавить водохранилища и дамбы), то мы найдем мало сооружений для промышленных целей, которые выдержали бы длительное существование. Такие здания подвержены сравнительно быстрому износу, а строить их с прочностью, рассчитанной на долговечность, невыгодно. Капитал существует из века в век не путем его сохранения, а путем его постоянного воспроизводства; каждая его часть употребляется и уничтожается обычно очень скоро после того, как она произведена, однако те, кто его потребляет, в этом процессе воспроизводят его в большем размере. Возрастание капитала подобно росту населения. Каждый родившийся умирает, но в каждом году число родившихся превышает число умерших. Население поэтому всегда увеличивается, хотя каждого из людей, ныне его составляющих, до совсем недавних пор еще не было на свете.

§ 7. Это непрерывное потребление и воспроизводство капитала служит объяснением того, что столь часто вызы-

вало удивление, а именно чрезвычайной быстроты, с которой страны оправляются от катастрофических разрушений и с которой исчезают все следы бедствий, причиняемых землетрясениями, наводнениями, ураганами и войнами.

Враг огнем и мечом превращает страну в руины, разрушает или увозит с собой почти все имеющееся у нее движимое богатство, все жители разорены, и тем не менее спустя несколько лет все возвращается в прежнее состояние. Эта *vis medicatrix natura* (целебная сила природы) была предметом бесплодного изумления, изображалась как пример чудодейственной силы принципа сбережения, которая способна возместить столь громадные потери в такой короткий срок. Однако никаких чудес здесь нет. То, что разрушил враг, было бы вскоре разрушено самими жителями страны. Богатство, которое они так быстро воспроизводят, должно было быть и было бы воспроизведено при всех обстоятельствах и, вероятно, в такое же короткое время. Ничто не изменилось, за исключением того, что в процессе воспроизводства они теперь лишены преимущества потреблять то, что произведено прежде. Возможность быстрого восстановления разрушенного зависит главным образом от того, сколько сохранилось в стране населения. Если ее трудоспособное население не было уничтожено во время катастрофы или войны и не погибло от голода, то, располагая тем же мастерством и знаниями, какими оно обладало прежде, землей и неразрушенными мелиоративными устройствами на ней, быть может, неповрежденными или частично поврежденными долговечными зданиями, страна имеет почти все предпосылки для восстановления прежнего объема производства. Если жители сохранили достаточное количество пищи или ценностей, на которые можно приобрести достаточное количество пищи, чтобы быть в состоянии при любых лишениях оставаться живыми и трудоспособными, они в короткое время создадут такого же объема продукт, совместно приобретут такого же размера богатство и такого же размера капитал, какие существовали в стране прежде, причем это будет достигнуто простым приложением обычных трудовых усилий, какие они привыкли прилагать на своих рабочих местах. Не находит здесь подтверждения и идея об особой действенности принципа сбережения в популярном значении этого слова, поскольку здесь имеет

место не преднамеренное воздержание, а вынужденное лишение.

Между тем привычка мыслить лишь при посредстве набора устоявшихся фраз столь пагубна, а ученые так мало стремятся освободить себя от умственной ущербности, свойственной профану, что это простое объяснение, насколько мне известно, не было выдвинуто никем из политэкономов до д-ра Чалмерса. Многие взгляды этого автора представляются мне ошибочными, но его неизменно отличало то достоинство, что он самостоятельно исследовал явления действительности и объяснял их собственным, оригинальным языком, который часто обнаруживает такие стороны истины, какие принятая фразеология склонна лишь затемнять.

§ 8. Этот же автор, развивая указанный тезис, приходит к некоторым заключениям по другому, тесно связанному с предыдущим вопросу, а именно по вопросу о государственных займах для военных целей или для других непроизводительных расходов. Такие займы, черпаемые из капитала (в противоположность налогам, которые обычно выплачиваются из дохода и частично или полностью возмещаются за счет возросшей экономии расходов), должны, согласно изложенным нами принципам, приводить к обеднению страны. Тем не менее годы, когда такого рода расходы принимали самые крупные масштабы, нередко оказывались годами кажущегося большого процветания. В процессе осуществления подобных расходов богатство и ресурсы страны не только не сокращались, а обнаруживали все признаки быстрого возрастания, причем после осуществления этих расходов оказывались гораздо большими, чем прежде. Общеизвестно, что именно так обстояло дело в Англии в период последней продолжительной континентальной войны. Понадобилось бы много места, чтобы перечислить все беспочвенные теории в политической экономии, порожденные этим фактом и благодаря ему временно снискавшие к себе доверие, теории, почти все превозносившие преимущества непроизводительных расходов перед производительными. Не вдаваясь в рассмотрение всех причин, обуславливавших и обычно обуславливающих то обстоятельство, что такая чрезвычайная нагрузка на производительные ресурсы страны не ощущается так сильно, как можно было бы ожидать, мы пред-

положим самый неблагоприятный из всех возможных случаев, а именно: вся заимствованная и уничтоженная сумма была изъята займодавцем из производительного объекта, в который она фактически была бы вложена. Следовательно, капитал страны сократился на эту сумму. Однако, если только изъятая сумма не была уж очень громадной, по существу, нет никаких причин, чтобы в следующем году национальный капитал не мог достигнуть своего прежнего размера. Заем не может быть взят из той части капитала страны, которая состоит из инструментов, машин и зданий. Его можно взять лишь из той части капитала, которая направляется на оплату труда работников, и в результате страдают лишь последние. Но если они не умирают от голода, если их заработную плату допустимо в какой-то мере сократить или если средствами благотворительности можно предотвратить их полную нищету, нет никаких оснований полагать, что продукт их труда окажется в следующем году меньше, чем в предыдущем. Когда работники производят столько же, сколько обычно, а получают за свой труд на столько-то миллионов фунтов стерлингов меньше, эти миллионы составляют выигрыш их хозяев. Таким образом, брешь, пробитая в капитале страны, немедленно будет заделана, но заделана только за счет лишений, а часто и настоящей нищеты трудящегося класса. Здесь кроется действительная причина того, почему такие периоды, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, легко приносят громадные прибыли тем, чье процветание выдается общественным мнением за процветание всей страны*.

---

* Тем не менее не следует забывать, что война изымает из производительного применения не только капитал, но и работников, что средства, отвлекаемые от вознаграждения производительных работников, частично используются для оплаты непроизводительного труда тех же самых или других людей. Следовательно, эта часть результатов военных расходов оказывает действие, прямо противоположное тому, на которое указывает д-р Чалмерс, а также, в данном случае, тому, какое описано в нашем тексте. Поскольку работники отвлекаются от производства на пополнение армии и флота, трудящиеся классы не несут потери, капиталисты не получают выгоды, а общий продукт страны уменьшается на сумму военных расходов. Вот почему теория д-ра Чалмерса, верная для Англии, совершенно неприменима к странам, находящимся в иных условиях, например к Франции в годы наполеоновских войн. В тот период на протяжении многих лет кряду происходила огромная убыль трудоспособного населения Франции, а издержки на войну

Это приводит нас к спорному вопросу, на который обратил особое внимание д-р Чалмерс, а именно: каким способом правительству целесообразнее мобилизовать средства на экстренные непроизводительные расходы — путем ли распространения займов, лишь проценты по которым погашаются за счет налогов, или путем обложения населения страны налогами на всю сумму необходимых расходов, что на финансовом языке означает сбор всей требуемой суммы в пределах данного года. Д-р Чалмерс энергично отстаивает последний способ. Согласно общему мнению, говорит он, требование внести всю сумму в течение одного года либо нереально, либо связано с большими невзгодами, так как люди не в состоянии, не обрекая себя на тяжелые лишения, выплатить всю эту сумму сразу из своего годового дохода. Считается, что гораздо лучше требовать от населения ежегодного внесения небольших платежей в форме процента, чем потребовать сразу такого огромного пожертвования. Д-р Чалмерс считает, что вопреки этим доводам в любом случае приносится равная жертва. Всякий расход производится за счет годового дохода. Все производимое в стране богатство и любая его часть образуют чей-либо годовой доход или способствуют его образованию. Лишения, которые, как полагают, явятся следствием мобилизации необходимой суммы в форме налогов, не устраняются, если ее получают в форме займа. Тяготы не предотвращаются, а переносятся лишь на плечи трудящихся классов, которые менее других в состоянии или обязаны выносить их. Между тем все материальные, моральные и политические трудности, порождаемые необходимостью сохранения высокого уровня налогов для бесконечного погашения процентов по займу, представля-

---

покрывались главным образом контрибуциями, взимавшимися со стран, оккупированных французскими войсками, и лишь очень небольшая их часть — за счет французского капитала. Соответственно заработная плата работников во Франции не уменьшалась, а возрастала, работодатели не получали выгоды, несли убытки, а богатство страны сокращалось вследствие приостановки использования или полной потери такого огромного количества ее производительного труда. В Англии же все происходило наоборот. Она использовала сравнительно мало собственных солдат и матросов, но отвлекла от производительного применения сотни миллионов на поставки оружия и содержание армий своих континентальных союзников. В результате, как показано в нашем тексте, работники Англии несли урон, ее капиталисты процветали, а ее постоянные производительные ресурсы не сократились.

ют собой чистые потери. Когда капитал изымают из производства или из фондов, предназначенных для производства, с целью предоставить его в займы государству на непроизводительные расходы, вся эта сумма снимается у трудящихся классов. Фактически, следовательно, заем погашается в том же году, вся целиком жертва, необходимая для его погашения, уже принесена, дело лишь в том, что пожертвованные суммы попали не в те руки, а потому не устранили предъявление новых требований. Таким образом, заем погашается самым худшим из налогов, налогом исключительно на трудящиеся классы. Предприняв самые отчаянные усилия, необходимые для погашения долга, причем в высшей степени болезненными и несправедливыми способами, страна все равно остается обремененной им и бесконечной выплатой процентов.

Изложенные воззрения представляются мне совершенно правильными при условии, что суммы, поглощенные займами, в противном случае были бы вложены в производительную деятельность внутри страны. Но реальное положение дел редко отвечает этому допущению. Менее богатые страны выпускают займы главным образом для привлечения иностранного капитала, который едва ли был бы помещен здесь под меньшие гарантии, чем правительственные. Между тем в займы богатых и процветающих стран помещаются обычно не средства, изъятые из производственного применения, а новые накопления, постоянно производимые за счет дохода, причем зачастую часть их, не помещаемая в займы, направляется в колонии или обращается на другие заграничные инвестиции. В этих случаях (которые более подробно будут исследованы ниже *) требующаяся сумма может быть получена в виде займа без ущерба для работников или расстройств национального производства, а возможно, даже с выгодой как для работников, так и для производства по сравнению с мобилизацией этой суммы в форме налогов, поскольку налоги, особенно обременительные, почти всегда выплачиваются за счет средств, которые в противном случае были бы сбережены и обращены на увеличение капитала. Кроме того, когда мы имеем дело со страной, которая настолько сильно ежегодно увеличивает свое богатство, что часть его можно отвлечь и обратить на непроизводительное по-

---

* См. кн. IV, гл. IV, V.

требление без уменьшения капитала или даже без сокращения его значительного прироста, совершенно очевидно, что, если бы изъятая таким образом сумма могла быть превращена в капитал и найти применение в самой стране, влияние займа на положение трудящихся классов оказалось бы менее пагубным, а доводы против системы займов менее убедительными, чем в первоначально предположенном случае. Это краткое предварительное рассмотрение вопроса, который в надлежащем месте будет исследован подробно, казалось нам необходимым, чтобы предотвратить неверные выводы из изложенных выше положений.

§ 9. Теперь мы переходим к четвертой фундаментальной теореме капитала, которую, вероятно, даже еще чаще упускают из виду или ошибочно трактуют, чем каждую из предыдущих. Производительный труд содержится и применяется посредством капитала, расходуемого на приведение его в действие, а не за счет спроса покупателей на готовый продукт труда. Спрос на товары — это отнюдь не спрос на труд. Спрос на товары определяет, в какой конкретной отрасли производства будут применены труд и капитал, он определяет направленность труда, а не то или иное количество самого труда или его поддержание и оплату. Эти последние зависят от размера капитала или других средств, непосредственно выделяемых на средства существования и вознаграждение работников.

Допустим, например, что существует спрос на бархат, есть средства, которые могут быть употреблены на покупку бархата, но отсутствует капитал для строительства фабрики по его производству. Не имеет значения, как велик спрос, но, если не будет привлечен капитал для организации такого производства, бархат не будет изготовлен и, следовательно, не будет куплен. Разумеется, если стремление покупателя приобрести бархат очень сильно, он может употребить часть предназначенной на покупку бархата суммы для авансирования работников и побудить их таким образом приступить к его изготовлению, т. е. он может обратить часть своего дохода в капитал и вложить этот капитал в производство. Представим теперь обратную гипотезу и допустим, что имеется изобилие капитала, готового вступить в производство бархата, но отсутствует спрос на него. Бархат не будет произведен, у капитала нет особого предпочтения к производству имен-

но бархата, а не чего-либо другого. Фабриканты и их работники производят не для удовольствия покупателей, а для удовлетворения своих собственных потребностей, и, располагая капиталом и трудом в качестве условий производства, они могут либо производить другой товар, на который имеется спрос, либо, если такого спроса нет, найти спрос у самих себя и производить вещи, которые нужны для их собственного потребления. Следовательно, обеспечение труда занятием зависит не от покупателей, а от капитала¹.

Я, конечно, не принимаю в расчет влияние внезапных перемен. Если после того, как товар уже произведен, спрос на него неожиданно прекращается, возникает новый элемент проблемы: капитал фактически потреблен в производстве товара, который никому не нужен или который никто не использует, и поэтому капитал исчезает, а занятие, которое он обеспечивал работникам, ликвидируется, но не потому, что нет более спроса, а потому, что нет более капитала. Приведенный пример, таким образом, не подходит для проверки изложенного положения. Надлежащей его проверкой явится пример, когда изменение происходит постепенно и заранее предвидится, когда оно не сопровождается уничтожением капитала, а производство прекращается просто вследствие того, что подвергшееся износу оборудование не заменяется новым и что вырученные от продажи произведенного продукта деньги не вкладываются вновь в производство. В результате капитал готов для использования в новом производстве, в котором он будет содержать столько же труда, как и прежде. Фабрикант и его рабочие теряют при этом выгоды от мастерства и знаний, которые приобретены в прежнем конкретном производстве и могут найти себе применение в любом другом производстве лишь частично. В этом и заключается потеря для общества, вызванная изменением вида производства. Но работники все еще могут работать, а капитал, который использовал их в прежнем производстве, будет, оставаясь в руках прежнего владельца или предоставленный в займы другому, использовать либо тех же работников, либо равное число работников другой профессии.

---

¹ [Эта фраза заменила в 3-м издании (1852 г.) первоначальный текст: «Следовательно, без капиталиста обойтись нельзя, а без покупателя можно».]

Эта теорема, из которой следует, что покупать продукт не означает использовать труд и что спрос на труд образуется заработной платой, предшествующей производству продукта, а не спросом на товары, являющиеся результатом производства, представляет собой положение, которое нуждается в самых обстоятельных пояснениях. Для непосвященных она выглядит как парадокс, и даже среди известных политэкономов я едва ли могу назвать кого-нибудь, кроме Рикардо и Сэя, кто постоянно и последовательно руководствовался бы ею. Почти все остальные иногда высказываются таким образом, что будто бы лицо, покупающее товар, т. е. продукт труда, и создает спрос на труд столь же непосредственно и в том смысле, как если бы оно покупало непосредственно сам труд путем выплаты заработной платы. Не удивительно, что политэкономия развивается очень медленно, если такой важный вопрос, прямо-таки стоящий на пороге ее, до сих пор остается открытым². Я полагаю, что если под спросом на труд подразумевают спрос, который вызывает повышение заработной платы или увеличение числа занятых работников, то спрос на товары не равнозначен спросу на труд. Я считаю, что человек, покупающий товары и сам их потребляющий, не приносит никакой пользы трудящимся классам; и только воздержанием и расходами на непосредственную плату работникам в обмен на их труд он приносит пользу трудящимся классам или сколько-нибудь повышает их занятость.

Для лучшего объяснения рассматриваемого положения приведем следующий пример. Потребитель может тратить свой доход либо на оплату услуг, либо на покупку товаров. Он может часть его израсходовать на наем каменщиков для постройки дома, землекопов для устройства искусственных прудов или же рабочих для посадки деревьев и закладки парка. Но вместо всего этого он может купить на ту же сумму бархат и кружева. Вопрос заклю-

---

² [Остальная часть этого абзаца заменила в 3-м издании (1852 г.) первоначальный текст: «Я хочу внушить читателю, что спрос на товары никоим образом не составляет спрос на труд, а направляет в определенные каналы более или менее значительную часть уже существующего спроса. Он определяет, что известная часть труда и капитала будет направлена в производство одних товаров вместо других. Спрос на труд образуется только средствами, выделяемыми непосредственно для нужд работников».]

чается в том, как сказывается на интересах трудящихся классов тот или иной способ расходования потребителем своего дохода? Ясно, что в первом случае он обеспечивает занятие работникам, которые не имеют работы или по крайней мере именно этого вида работы. Между тем политэкономы, взгляды которых я не разделяю, считают, что никакой здесь разницы нет, поскольку, мол, покупая бархат и кружева, потребитель все равно дает занятие работникам, т. е. тем, которые изготовляют бархат и кружева. Я, однако, утверждаю, что в этом последнем случае он сам не нанимает работников, а лишь решает, в каком конкретном производстве кто-то другой должен их использовать. Потребитель не выплачивает из собственных средств поденную плату ткачам и кружевницам. Он покупает готовый товар, который уже произведен приложением труда, оплаченного не им, а фабрикантом, и при помощи капитала, принадлежащего не ему, а фабриканту. Допустим, что прежде он имел обыкновение тратить эту часть дохода на наем каменщиков, которые в свою очередь расходовали получаемую от него заработную плату на покупку продовольствия и одежды, также произведенных приложением труда и капитала. Теперь, однако, он предпочел затратить ее на приобретение бархата, на который он таким образом создает дополнительный спрос. Спрос этот невозможно удовлетворить без изготовления дополнительного количества бархата, на что в свою очередь требуется дополнительный капитал. Откуда же взяться дополнительному капиталу? Само решение потребителя об изменении назначения своих расходов не включает в себе ничего такого, что порождает увеличение размеров имеющегося капитала. Отсюда следует, что возросший спрос на бархат не мог бы быть удовлетворен, если бы то самое обстоятельство, которое вызвало новый спрос, не высвободило бы капитал соответствующего размера. Та самая сумма, которую потребитель теперь расходует на покупку бархата, прежде переходила в руки каменщиков, тративших ее на пищу и другие предметы первой необходимости, без которых они теперь обходятся или которые отрывают путем конкуренции из доли других работников. Поэтому труд и капитал, прежде производившие предметы первой необходимости для указанных каменщиков, лишены теперь своего рынка, должны искать себе другое применение и находят его в производстве бархата для

удовлетворения дополнительного спроса. Я не хочу сказать, что именно те самые труд и капитал, какие производили предметы первой необходимости, непосредственно переключаются на производство бархата, но тем или иным из сотен способов они занимают место тех видов труда и капитала, какие вовлекаются в производство бархата. Существовал капитал, который можно было использовать для одной из двух целей — либо изготавливать бархат, либо производить предметы первой необходимости для каменщиков; то и другое одновременно он делать был не в состоянии. От выбора потребителя зависит, куда будут направлены труд и капитал; если он выбирает бархат, то каменщики останутся без предметов первой необходимости.

³ Для большей ясности предположим обратное. Потребитель имел обыкновение покупать бархат, но решил не производить этот расход и ту же годовую сумму использовать для найма каменщиков. Если бы распространенный взгляд был верен, то такое изменение потребителем способа расходовать свои средства не создает дополнительного занятия для труда, а лишь переносит занятость от изготовителей бархата к каменщикам. Однако более детальное рассмотрение вопроса обнаруживает, что в данном случае возникает увеличение общей суммы, обращаемой на вознаграждение труда. Производящий бархат фабрикант, который, предположим, уже узнал об уменьшении спроса на его товар, сокращает свое производство и высвобождает соответствующую часть занятого в нем капитала. Этот капитал, изъятый таким образом из суммы средств, направлявшихся на содержание изготовителей бархата, не представляет собою тот же фонд, который прежний покупатель бархата употребляет на наем каменщиков; это уже другой фонд. Следовательно, вместо существовавшего одного фонда теперь имеются два фонда на содержание и оплату труда. В этом случае нет передачи занятости от изготовителей бархата к каменщикам, для последних возникла новая занятость, а занятость работников бархатной фабрики передается другим, скорее всего тем, кто произ-

---

³ [Во 2-м издании (1849 г.) фраза начиналась так: «Другой способ обосновать это положение...» В 3-м издании (1852 г.) абзац превратился в длинную сноску к разделу, причем было добавлено еще пять абзацев.]

водит продовольствие и другие предметы первой необходимости, которые потребляют каменщики.

В ответ на это могут сказать, что, хотя деньги, израсходованные на покупку бархата, не являются капиталом, они заменяют капитал, что, хотя эти деньги не создают новый спрос на труд, они представляют собой необходимое средство для сохранения существующего спроса. Могут также сказать, что капитал фабриканта, пока он заключен в запасах бархата, невозможно непосредственно обратить на содержание работников, что он не образует спрос на труд, пока бархат не продан и вложенный в него капитал не заменяется суммой, израсходованной покупателем. Отсюда делают вывод, что производитель бархата и покупатель бархата располагают не двумя капиталами, а лишь одним, который покупатель актом купли передает фабриканту, и что, если вместо покупки бархата он оплачивает труд нанимаемых им работников, он просто переносит этот капитал на другой объект, уничтожая в одном месте такой объем спроса, какой создает в другом.

Я не отрицаю посылку, лежащих в основе этого доказательства. Высвобождение капитала, который в противном случае оказался бы связанным в форме, непригодной для содержания рабочей силы, несомненно, в такой же мере отвечает интересам работников, как и создание нового капитала. Совершенно верно, что, когда я затрачиваю 1 тыс. ф. ст. на покупку бархата, я даю возможность фабриканту употребить 1 тыс. ф. ст. на содержание работников, причем эту 1 тыс. ф. ст. нельзя было бы использовать для этой цели, если бы бархат оставался непроданным. А если бархат остается навсегда не проданным в результате моего решения не покупать его и вместо этого нанять каменщиков, я, без сомнения, не создаю новый спрос на труд, поскольку, использовав 1 тыс. ф. ст. на наем работников, я навсегда уничтожаю капитал производителя бархата на ту же сумму. Но в таком ходе рассуждения смешивается следствие внезапности перемены с последствиями самой перемены. Ибо, когда покупатель перестает покупать, а капитал, занятый в производстве бархата для этого покупателя, неизбежно уничтожается, использование им равной суммы на наем каменщиков не создает новой занятости, а лишь перемещает ее в другое производство. Возросшая занятость, о которой я говорил, не возникает, если капитал производителя бархата не может

быть высвобожден, и не возникнет до тех пор, пока он не будет действительно высвобожден. Но всем известно, что капитал, вложенный в какое-либо дело, может быть взят из него, если только для этого имеется достаточно времени. Если производитель бархата будет предварительно предупрежден, что не получит обычный заказ, он произведет бархата на 1 тыс. ф. ст. меньше и высвободит соответствующую долю своего капитала. Если он такого предупреждения не получает и ткань остается непроданной, увеличение ее запаса побудит его в следующем году приостановить или сократить производство, пока излишек не будет реализован. Когда этот процесс завершается, фабрикант оказывается таким же богатым, как и прежде, а его способность обеспечивать занятость вообще остается прежней, хотя часть его капитала теперь употреблена на содержание какого-нибудь другого вида труда. Пока длится этот процесс перестройки, спрос на труд только изменяется, а не увеличивается, но, как только перестройка заканчивается, спрос на труд возрастает. Если прежде действовал лишь один капитал, употребленный на содержание ткачей для изготовления бархата стоимостью в 1 тыс. ф. ст., то теперь тот же капитал используется для производства чего-то другого, а кроме того, 1 тыс. ф. ст. расходуется на содержание каменщиков. Таким образом, существует уже два капитала, используемых на оплату труда двух групп работников, тогда как раньше один из капиталов, а именно капитал покупателя, служил лишь в качестве колеса в механизме, с помощью которого другой капитал, капитал фабриканта, из года в год обеспечивал применение труда одной группы работников.

Доказываемое мною положение в действительности равнозначно формуле, которая некоторым может показаться трюизмом, другим же парадоксом, а именно: человек приносит пользу работникам не тем, что потребляет сам, а исключительно тем, что он сам не потребляет. Если я вместо покупки вина или шелка расходую 100 ф. ст. на выплату заработной платы, спрос на товары в обоих случаях оказывается равным: в первом — это спрос на вино или шелк стоимостью в 100 ф. ст., во втором — спрос на хлеб, пиво, рабочую одежду, топливо и другие жизненные блага на такую же сумму. Но в последнем случае среди работников страны распределяется на 100 ф. ст. больше

из продукта общества. Я потребил на эту сумму меньше и передал свою потребительную способность работникам. Если бы это было не так, мое сократившееся потребление не привело бы к увеличению потребления других, что представляет собой явное противоречие. Когда объем производства не уменьшается, то в той мере, в какой один человек воздерживается от потребления, неизбежно возрастает доля в потреблении тех, кому указанный человек передает свою покупательную способность. В предположенном случае я в конечном счете не обязательно потребляю меньше, поскольку работники, которым я плачу заработную плату, строят для меня дом или создают что-либо другое для моего будущего потребления. Но я так или иначе отложил свое личное потребление и передал часть моей доли в продукте общества работникам. Если я через некоторый промежуток времени получу возмещение, то его источником будет не теперешний продукт, а последующий его прирост. Итак, из нынешнего продукта я оставил больше для потребления другим и передал в распоряжение работников способность потребить отложенную мною долю продукта.

⁴ Не может быть большего *reducto ad absurdum* (доведение до нелепости) противоположной доктрины, чем то, которое воплощено в законе о бедных. Если для интересов трудящихся классов безразлично, потребляю ли я свои средства в форме предметов, купленных для моего собственного использования, или выделяю часть этих средств в форме заработной платы или милостыни для непосредственного потребления работников, то чем можно оправдать политику изъятия у меня денег на содержание пауперов? Чем можно оправдать такую политику, если считать, что мое непроизводительное потребление указанной доли продукта в равной мере выгодно им? Если общество в состоянии одновременно съесть свой пирог и сохранить его в целости, то почему оно не позволяет себе это двойное удовольствие? Здравый смысл, однако, подсказывает каждому на его собственном примере (хотя он и не представляет себе это в более широком масштабе), что вносимый им налог в пользу бедных фактически вычитается из его собственного потребления и что никаким перемещением платежей в ту или иную сторону нельзя накормить двух лю-

---

⁴ [Этот абзац внесен в 6-е издание (1865 г.).]

дей одним и тем же куском хлеба. Если бы он не был вынужден платить налог и, следовательно, употребил бы эту сумму на себя лично, доля бедных в совокупном продукте страны оказалась бы на столько меньше, на сколько он сам потребил бы больше*.

* [1849 г.] Следующий пример, представляющий нашу аргументацию в несколько иной форме, может помочь еще лучшему уяснению вопроса.

Предположим, что богатый человек *А* ежедневно расходует известную сумму на выплату заработной платы или на подаяния, которые немедленно по получении истрачиваются и потребляются в форме простейшей пищи теми, кто их получил. Однако *А* умирает, оставив свою собственность *В*, который прекращает этот вид расхода и вместо него тратит ежедневно такую же сумму на деликатесы для своего личного стола. Я прибег к этому допущению, чтобы оба случая были равными во всех отношениях, кроме самого предмета сравнения. Во избежание неясностей, которые могут возникнуть, если толковать относящиеся к данному случаю главные факты через туманную призму денежных операций, предположим также, что *А*, а затем *В* являются владельцами земельного поместья, в котором и пища, потребляемая лицами, получающими ее от *А*, и деликатесы, поставляемые к столу *В*, производятся на месте, и что *А* и *В* получают свою ренту в натуре согласно предварительному их распоряжению о составе нужных им продуктов. Вопрос заключается в том, обеспечивают ли расходы *В* такой же объем занятости или столько же пищи своим более бедным соседям, как и расходы *А*?

Из изложенной здесь гипотезы, очевидно, следует, что, пока жил *А*, ту долю его дохода, которую он расходовал на заработную плату или милостыню, он получал с фермы в виде пищи для работников и она в таком же виде использовалась. Между тем пришедший ему на смену *В* требует вместо этого равную стоимость в форме дорогих пищевых продуктов, предназначенных для потребления его собственной семьи. Следовательно, при хозяйине *В* фермер ежедневно производит соответственно больше дорогих деликатесов и меньше простой пищи, чем производилось при жизни *А*, причем в течение года на долю трудящихся и беднейших классов приходится соответственно меньше пищи. Это вытекает из принципов, изложенных в нашем тексте. Тот, кто с нами не согласен, должен допустить противоположное, а именно: деликатесы, которые требует *В*, производятся не вместо простой пищи, которой прежде *А* снабжал работников, а сверх этой пищи и совокупный продукт страны увеличивается на объем этого дополнительного производства. Можно спросить: как же достигается такое двойное производство, каким образом фермер, чей капитал и труд уже целиком заняты, в состоянии удовлетворить новые потребности *В*, не сокращая производство простой пищи? Единственный возможный способ достижения этого состоит в том, что фермер должен сначала произвести простую пищу, а затем, снабдив этой пищей работников, которых прежде кормил *А*, с по-

Отсюда, казалось бы, следует, что спрос, отложенный до завершения производства и не авансирующий его, а лишь возмещающий затраты, произведенные другими, несколько не увеличивает спрос на труд и что израсходованные таким образом средства ровно никакого влияния на

мощью их труда произвести деликатесы, требуемые *Б*. Именно к этому сводится подлинное мнение наших противников, когда их вынуждают дать четкий ответ на поставленные вопросы. Но при таком допущении совершенно очевидно, что *Б* придется дожидаться получения своих деликатесов лишь в следующем году, тогда как нужны они ему сейчас. Согласно исходной гипотезе, он потребляет свой роскошный обед изо дня в день, точно так же как прежде *А* раздавал порции хлеба и картофеля своим работникам. Времени для того, чтобы сначала накормить работников, а потом снабдить *Б* деликатесами, нет; его и их потребности одновременно удовлетворить невозможно; *Б* может удовлетворить свой собственный спрос на продукты, лишь оставляя неудовлетворенной ту долю потребностей работников, которая прежде покрывалась из средств *А*.

Наши оппоненты могут, конечно, возразить, что поскольку в данном контексте лишь фактор времени обуславливает несовместимость расходов *Б* с таким объемом занятости, какой обеспечивал работникам *А*, то почему нельзя предположить, что *Б* откладывает свое возросшее потребление дорогих деликатесов до тех пор, пока они не будут созданы трудом работников, которых нанимал *А*? В таком случае, могут сказать, он будет нанимать и кормить столько же работников, сколько и его предшественник. Это, несомненно, так, но почему? Потому что его доход будет расходоваться точно так же, как и доход его предшественника, т. е. на выплату заработной платы. Прежде *А* выделял из своего собственного потребления определенную долю, которой он расплачивался непосредственно с работниками. Теперь *Б* делает то же самое, но вместо того, чтобы самому платить работникам, он предоставляет это делать фермеру, который за него расплачивается с ними. При этом допущении *Б* в первый год, не расходуя сам указанную долю своего дохода ни по методу *А*, ни по собственному методу, фактически сберегает эту долю дохода и ссужает ее фермеру. И если в последующие годы, оставаясь в рамках своего годового дохода, *Б* оставляет в распоряжении фермера предоставленную ему ссуду, последняя становится добавочным капиталом, с помощью которого фермер постоянно нанимает и кормит бывших работников *А*. Никто не утверждает, что такого рода перемена, т. е. переход от расходования дохода на выплату заработной платы работникам к сбережению его для помещения в виде капитала, лишает каких-либо работников занятия. Мы утверждаем только, что к такому результату приводит отказ от найма работников и покупка вместо этого товаров для личного потребления, о чем свидетельствует наша первоначальная гипотеза.

В нашем примере мы допускаем отсутствие кули и продажи, а также денег. Но представленный нами случай согласуется с действительностью во всем, за исключением отдельных деталей экономического механизма. Всякая страна в целом — это, по сущест-

занятость трудящегося класса не оказывают. Этот спрос не создает и не может создать никакой новой занятости, кроме как за счет сокращения другой, существовавшей прежде.

Но хотя спрос на бархат не оказывает на применение труда и капитала никакого другого влияния, кроме того, что определяет перемещение такого-то объема уже существующей занятости из другого производства именно в это, для производителей, уже занятых в производстве бархата и не намеренных его прекращать, этот спрос имеет первостепенное значение. Для них падение спроса равнозначно реальной потере, которая даже в том случае, если весь их товар в конечном счете будет продан, может достигнуть таких огромных размеров, что вынудит их во избежание худшего прекратить производство. Напротив, увеличение спроса позволяет им расширить производство, извлечь прибыль из большего капитала, если они им располагают или в состоянии получить его займы. Увеличивая скорость оборота своего капитала, они обеспечивают своим работникам более постоянное занятие или нанимают большее их число, чем прежде. Таким образом, возросший спрос на товар часто действительно порождает в определенной отрасли увеличение занятости для рабочей силы при том же размере капитала. Ошибка заключается в непонимании того, что в предположенных нами случаях такое преимущество для труда и капитала достигается в

ву, одна ферма и одна фабрика, из которой каждый член общества черпает предназначенную ему долю продукта; получая в свое распоряжение известное количество фишек, называемых фунтами стерлингов, он, когда ему нужно, возвращает их и обменивает на товары по своему выбору в пределах указанной доли. Он заранее не уведомляет, как в нашем воображаемом примере, какие именно вещи ему понадобятся, но торговцы и производители довольно легко могут выявить это посредством наблюдения; в результате всякое изменение спроса быстро повлечет за собой адаптацию к нему предложения. Если потребитель прекращает выплату части своего дохода в форме заработной платы, истрачивает ее в тот же день (а не в какой-либо последующий или отдаленный день) на предметы для собственного потребления и продолжает придерживаться этого нового способа расходования указанной части своего дохода, пока производство не приспособится к такому изменению спроса, то с этого времени в стране будет производиться меньше пищи и других предметов для потребления работников ровно на столько, на сколько увеличится производство предметов роскоши, на которые возник дополнительный спрос, а положение работников как класса на столько же ухудшится.

одной отрасли лишь за счет ущерба для другой и что, когда уже завершился естественный процесс привлечения в производство дополнительного капитала пропорционально возросшему спросу, само это преимущество прекращает свое действие.

Основания теоремы, если они хорошо поняты, обычно дают достаточное представление о свойственных ей ограничениях. Сформулированное нами общее положение заключается в том, что спрос на товары определяет лишь сферу действия труда и вид производимого богатства, а не количество или производительность труда и не совокупный размер богатства. Но здесь имеются два исключения. Во-первых, когда работники получают средства к существованию, но труд их полностью не используется, новый спрос на какой-либо товар, который они способны производить, может побудить этих работников больше трудиться, результатом чего явится увеличение богатства к выгоде самих работников и других людей. Работа, выполняемая в свободные часы работниками, живущими на средства из какого-нибудь иного источника, может (как отмечалось выше) осуществляться без отвлечения капитала из другого производства, если не считать издержек (как правило, очень небольших) на инструменты и материалы, причем даже эти издержки часто покрываются сбережениями, сделанными специально для этой цели. Смысл нашей теоремы, таким образом, исчезает, сама теорема оказывается недействительной, а занятость такого рода может возникнуть в результате появления спроса на товар без сокращения равного объема занятости в другом производстве. Спрос даже в этом случае не влияет на труд иначе как через посредство какого-либо существующего капитала, но он создает стимул, побуждающий капитал привести в действие большее количество труда, чем прежде.

⁵ Вторым исключением, о котором я буду говорить подробнее в одной из следующих глав, является известный эффект расширения рынка для товара, создание возможностей для усиленного развития разделения труда и тем самым для более эффективного размещения производительных сил общества. Это исключение, как и предыдущее, скорее кажущееся, чем действительное. Вознаграждают за труд не деньги, полученные от потребителя, а

---

⁵ [Этот абзац был включен в 6-е издание (1865 г.).]

капитал производителя. Спрос лишь определяет, какое употребление будет дано капиталу и какого рода труд он будет оплачивать. Но если спрос устанавливает, что товар надлежит производить в широких размерах, он тем самым позволяет этому капиталу производить большее количество товара и может косвенным путем, стимулируя увеличение капитала, привести со временем к повышению оплаты труда работников.

Спрос на товары играет более важную роль скорее в теории обмена, чем в теории производства. Если рассматривать явления в их совокупности и абстрагироваться от временных отклонений, мы придем к заключению, что вознаграждение производителя находится в зависимости от производительной силы его собственного капитала. Продажа продукции за деньги и последующее расходование денег на покупку других товаров представляют собой просто взаимовыгодный обмен эквивалентных ценностей. Совершенно верно, что, поскольку специализация профессий служит одним из главных путей увеличения производительной силы труда, возможность обмена результатов труда способствует громадному увеличению производства. Но и при этом труд и капитал вознаграждаются не обменом, а производством. Мы ни в коем случае не должны представлять себе операции обмена как источник вознаграждения; мы должны точно усвоить, что обмен, будь то в бартерной форме или посредством денег, представляет собой лишь механизм, с помощью которого каждый человек превращает вознаграждение за свой труд или капитал в специфическую форму, наиболее для него пригодную.

§ 10. Изложенные выше положения свидетельствуют об ошибочности многих распространенных доводов и доктрин, непрестанно воспроизводимых в новых формах. Например, кое-кто, в том числе люди, от которых можно было бы ожидать более здравых суждений, объявил ошибочными аргументы в пользу подоходного налога, основывающиеся на том, что он падает на высшие и средние классы и щадит низший класс. Некоторые даже позволили себе зайти настолько далеко, что называли эти аргументы обманом, потому что, по их мнению, изымая у богатых средства, которые они бы истратили на бедных, этот налог приносит такой же вред бедным, как если бы его взимали непосредственно с них. Теперь мы уже знаем, как отно-

ситься к этой теории. В самом деле, предположим, что сумма, которая взимается с богатых в виде налогов, не взималась с них и была бы сбережена и обращена в капитал или даже израсходована на содержание и жалованье слуг или любых других непроизводительных работников; в таком случае в пределах этой суммы спрос на труд не сократился бы и бедным не был бы нанесен ущерб. Поскольку эти последствия налогообложения в большей или меньшей степени всегда имеют место, то вообще исключается такое обложение налогами богатых, которое бы в какой-то мере не падало бы на плечи бедных. Но даже и здесь возникает вопрос, не израсходует ли правительство, собрав налоги, такую же их часть на непосредственный наем работников, какую бы затратили на ту же цель налогоплательщики. Что касается той части суммы налогов, которая, если бы не была выплачена правительству, была бы затрачена на приобретение потребительских товаров (или даже на услуги при условии, что капиталист авансирует их оплату), то в соответствии с рассмотренными нами положениями она целиком приходится на богатых и нисколько не затрагивает бедных. В этом случае после уплаты налогов сохраняется такой же спрос на труд, какой существовал до их уплаты. Капитал, до этого обеспечивавший занятие работникам, остается неизменным и способен нанимать такое же их число. Доля продукта, направляемая на выплату заработной платы работникам или выделяемая на снабжение их пищей и одеждой, сохраняется в прежних размерах.

Если бы оспариваемые мною взгляды были верными, то никого, кроме бедных, нельзя было бы облагать налогом. облагать налогом все, что расходуется на приобретение продукта труда, — значит облагать налогом работников, заставлять трудящиеся классы платить все налоги. Тот же довод, однако, в равной мере говорит в пользу того, что вообще невозможно облагать налогом работников, так как налог, будучи израсходован либо на наем работников, либо на товары, весь к ним возвращается. Таким образом получается, что налогообложение обладает единственным свойством — не падать ни на кого. Согласно такому же рассуждению, работники не понесут никакого ущерба, если отобрать у них все, что они имеют, и распределить это среди других членов общества. Ведь все это было бы «истрачено на них», что, по той же теории,

приводит к тому же результату. Ошибка здесь кроется в том, что обращают внимание лишь на внешний механизм платежей и расходов, а не непосредственно на явления реальной действительности. Если мы рассмотрим влияние подоходного налога не на деньги, которые просто переходят из рук в руки, а на товары, которые используются и потребляются, то убедимся, что классы, выплачивающие налог, действительно сокращают свое потребление. Тяжесть налога падает на тех и в такой мере, кто и в какой мере сокращает потребление. С другой стороны, в той мере, в какой налог сокращает не потребление, а сбережения, которые могли бы быть направлены на поддержание производства или израсходованы на содержание или оплату непроизводительных работников, налог образует вычет из того, что потребили и использовали бы трудящиеся классы. Но если правительство расходует, как это, вероятно, и делается, столько же, сколько затратили бы налогоплательщики на непосредственный наем работников, например на наем матросов, солдат, полицейских или на погашение долга, а последнее даже увеличивает капитал, то занятость трудящихся классов под влиянием налога не только не сокращается, а может несколько увеличиться. В результате весь налог падает исключительно на те классы, которые и подлежали обложению.

Вся та часть продукта страны, которая фактически и буквально потребляется для личных нужд всеми, кроме работников⁶, ни в малейшей степени не содействует содержанию труда. Акт потребления не приносит выгоды никому, кроме самого потребляющего. Человек не может одновременно сам потреблять свой доход и передавать его для потребления другим. Изъятие у него части дохода в виде налога не наносит ущерба ни ему, и другим, а только или ему, или другим. Чтобы установить, кто действительно является потерпевшим, необходимо выяснить, чье потребление оказалось урезанным, найденное лицо и будет именно тем, на кого в действительности ложится бремя налога⁷.

---

⁶ [Слова «кроме работников» внесены в 3-е издание (1852 г.).]

⁷ [См. Приложение F. «Основные положения о капитале».]

ОБ ОБОРОТНОМ И ОСНОВНОМ КАПИТАЛЕ

§ 1. Чтобы завершить наши рассуждения по вопросу о капитале, необходимо сделать еще несколько замечаний о двух видах, на которые его обычно подразделяют. Различие между ними легко обнаруживается, и в предыдущих главах мы так или иначе упоминали о нем, хотя и не обозначили терминологически. Теперь настало время точно его охарактеризовать и указать на некоторые вытекающие отсюда последствия.

В состав капитала, занятого в производстве всякого товара, входит часть, которая после однократного использования прекращает свое существование в качестве капитала, она или вовсе теряет способность служить производству, или по крайней мере служить ему так же, как и прежде, и в той же его отрасли. Такова, например, часть капитала, заключенная в материалах. Жир и щелочь, из которых изготавливается мыло, будучи однажды использованы в производстве, разрушаются как таковые и уже больше не могут участвовать в изготовлении мыла, хотя в своем превращенном состоянии, в качестве мыла, способны служить материалом или каким-либо иным средством в других отраслях промышленности. К этому же виду капитала следует отнести ту его часть, которая выплачивается работникам в виде заработной платы или потребляется ими в форме продовольствия. Та часть капитала владельца хлопкопрядильной фабрики, которую он выплачивает своим рабочим, будучи однажды выплаченной, уже не существует в виде его капитала, т. е. капитала владельца хлопкопрядильной фабрики. При этом доля заработной платы, использованная рабочими на собственное потребление, вообще прекращает свое существование в качестве капитала, а в том случае, если рабочие даже часть ее сберегают, последнюю правильнее считать новым капиталом, результатом вторичного акта накопления. Капитал, который таким образом полностью исчерпывает свою функцию в производстве в процессе его

одноразового применения, называется оборотным капиталом. Этот термин, недостаточно точно отражающий суть дела, обязан своим происхождением тому, что данную часть капитала приходится постоянно возобновлять путем продажи готовых изделий, а затем беспрестанно расходовать ее на покупку материалов и выплату заработной платы. Следовательно, она выполняет свою функцию, не оставаясь у владельцев, а переходя из рук в руки.

Между тем другая значительная часть капитала заключена в орудиях производства, отличающихся более или менее длительным существованием и выполняющих свою роль в производстве, не выключаясь из него, а оставаясь в нем, причем функция этой части капитала не исчерпывается одноразовым употреблением. К этому разряду капитала относятся здания, машины и все или большая часть предметов, именуемых приборами или инструментами. Долговечность некоторых из них весьма значительна, и их существование как орудий производства продлевается многократным повторением производственных операций. В этот вид капитала следует также включить капитал, помещенный или, как говорят, «погруженный» в долговечную мелиорацию земель. Сюда же надо причислить капитал, раз и навсегда затрачиваемый на первичные сооружения, предназначенные подготовить условия для последующих производственных операций, например издержки на закладку шахты, строительство каналов, дорог или доков. Можно привести и другие примеры, но и этих достаточно. Капитал, который существует в любой из таких долговечных форм и доход от которого поступает на протяжении соответственно продолжительного периода, называется основным капиталом.

Некоторые разновидности основного капитала необходимо время от времени или регулярно возобновлять. К ним относятся все орудия труда и здания: через известные промежутки времени они требуют частичного обновления путем ремонта, затем в конце концов окончательно изнашиваются, уже не могут служить в своем качестве орудий труда и зданий и снова превращаются в материалы. В других случаях капитал не требует полного возобновления, если не считать каких-либо чрезвычайных обстоятельств, но всегда существует необходимость в некоторых регулярных или эпизодических расходах на поддержание его в рабочем состоянии. Док или канал, будучи ранее постро-

енными, не нуждаются, подобно машине, в том, чтобы их заново строили, за исключением тех случаев, когда их преднамеренно разрушают или когда они уничтожаются в результате землетрясения либо аналогичной катастрофы; однако требуются регулярные и часто повторяющиеся затраты на поддержание их в исправности. Расходы на закладку шахты не приходится производить заново, но она может выйти из строя, если не делать затраты на откачку из нее воды. Наиболее долговечным из всех разновидностей основного капитала является капитал, вложенный в повышение производительности сил природы, например земли. Осушение болотистых или заливных земель, вроде Бедфордской низменности, расширение земельных площадей за счет моря или возведение защитных дамб — все это улучшения, рассчитанные на века, но водоотводы и плотины требуют частого ремонта. Такая же долговечность характерна и для мелиорации земель подпочвенным дренажем, который резко увеличивает плодородие глинистых почв, или для регулярного удобрения земли, т. е. внесения в почву не тех веществ, которые затем входят в состав растений и, следовательно, потребляются ими в процессе роста, а тех, которые лишь изменяют соотношение между почвой, воздухом и водой, как, например, внесение в тяжелые почвы песка и извести, а в легкие — глины и мергеля. Но даже и такие работы вызывают необходимость время от времени производить дополнительные, хотя и небольшие, затраты для поддержания длительности воздействия удобрения на состояние почвы.

Эти улучшения, как следует из самого названия подобного вида работ, порождают увеличение доходов, которые после вычета из них всех связанных с такими работами эксплуатационных затрат оставляют еще излишек. Данный излишек образует доход на первоначально вложенный капитал, причем этот доход не прекращается, как это происходит с доходом от использования машины после ее полного износа, а продолжает поступать вечно. В меру повышения таким образом плодородия земли ее рыночная цена соответственно возрастает, и поэтому принято считать, что вложенный в повышение производительности земли капитал продолжает существовать в этой увеличенной стоимости земли. Здесь, однако, не надо допускать ошибки. И данный капитал, как и всякий другой, оказался потребленным. Он был использован на содержание

работников, производивших работы по улучшению земель, и на орудия труда, которые они применяли и которые изнашивались в процессе этих работ. Но потреблен он был производительно, и постоянно действующим следствием такого его потребления явилось повышение производительности земли, обращенной в собственность силы природы. Увеличение продукта можно считать совместным результатом действия силы земли и вложенного в нее капитала. Но поскольку капитал, фактически уже потребленный, не может быть изъят, его производительность, таким образом, неразрывно связана с производительностью, источником которой служат первоначальные свойства почвы. Отсюда и вознаграждение за его использование зависит не от законов формирования доходов труда и капитала, а от законов, регулирующих плату за пользование силами природы. Сущность этих последних законов мы рассмотрим ниже*.

§ 2. Воздействие оборотного и основного капитала на объем валового продукта страны совершенно различно. Поскольку оборотный капитал в процессе его однократного применения разрушается как таковой или по крайней мере оказывается окончательно потерянным для его владельца, а продукт, являющийся результатом его однократного применения, служит единственным источником, из которого владелец может возместить свой капитал или получить какое-либо иное вознаграждение за его производительное использование, размер продукта должен быть достаточным для достижения этих целей, или, иными словами, результатом однократного употребления капитала должно быть воспроизводство равного объема всего использованного оборотного капитала плюс известная прибыль. Между тем для основного капитала это условие отнюдь не обязательно. Так как машина, например, не изнашивается целиком в ходе ее одноразового использования, не возникает необходимости и в ее полной замене за счет продукта, произведенного в процессе такого одноразового ее использования. Машина отвечает требованиям ее владельца, если она в каждый промежуток времени приносит доход, достаточный, чтобы покрыть издержки на ремонт и возместить сокращение ее стоимости в ре-

---

* См. кн. II, гл. XVI. О ренте.

зультате эксплуатации за этот период; кроме того, этот доход должен включать излишек в размере обычной прибыли на всю стоимость машины.

Отсюда следует, что всякое увеличение основного капитала, производимое за счет оборотного, должно наносить, по крайней мере временно, ущерб интересам работников. Это относится не только к машинам, но и ко всем улучшениям, в которые вкладывается капитал, т. е. ко всем случаям, когда капитал навсегда лишается способности быть использованным на содержание и вознаграждение за труд. Допустим, что владелец земли не сдает ее фермеру, а обрабатывает ее сам с помощью капитала в 2 тыс. кварталов зерна, используемых для содержания работников в течение одного года (упрощения ради мы не принимаем в расчет семена и орудия труда), чей труд приносит ему ежегодно 2,4 тыс. кварталов, что составляет прибыль в 20 %. Предположим, что эту прибыль он потребляет целиком в течение года, осуществляя свои сельскохозяйственные работы из года в год, используя первоначальный капитал в 2 тыс. кварталов. А теперь предположим, что половину своего капитала он затрачивает на работы, обеспечивающие ему постоянное повышение плодородия земли и осуществляемые половиной его работников, которых он нанимает на один год, а после этого ему требуется для надлежащей обработки земли лишь половина прежнего числа работников. Оставшуюся часть капитала он при этом использует как обычно. В первом году в положении работников ничего не изменится, кроме того, что часть их будет получать за мелиоративные работы ту же плату, которую они прежде получали за пахоту, сев и жатву. К концу года, однако, в распоряжении владельца земли окажется капитал уже не в 2 тыс. кварталов, а в 1 тыс., воспроизведенную обычным способом. Теперь он располагает лишь 1 тыс. кварталов и произведенными на земле улучшениями. В каждом следующем году он будет нанимать лишь половину прежнего числа работников и распределять среди них лишь половину прежнего количества средств существования. Потеря для работников может быть вскоре возмещена, если земля в результате произведенных улучшений станет и при сокращенном числе работников приносить те же 2,4 тыс. кварталов, поскольку такой громадный прирост дохода, очевидно, побудит владельца земли сберечь часть его, присоединить к своему

капиталу, что превратит землевладельца в более крупного работодателя. Но можно себе представить такое положение, когда этого и не произойдет¹, поскольку (при допущении, что произведенные улучшения будут действовать неограниченно долгое время, не требуя сколько-нибудь существенных издержек на их восстановление) владелец земли в результате повышения ее производительности увеличит свой доход и в том случае, если земля станет приносить не 2,4 тыс. кварталов, а 1,5 тыс. кварталов, так как на его теперешний оборотный капитал в 1 тыс. он будет получать прибыль в размере 25% (вместо прежних 20%) на весь капитал — основной и оборотный вместе. Следовательно, издержки на повышение производительности земли могут принести очень высокую прибыль ее владельцу и в то же время причинить большой ущерб работникам.

² Выдвинутое здесь допущение чисто гипотетическое или в лучшем случае применимо тогда, когда пахотная земля превращается в пастбища. Хотя прежде это часто практиковалось, но теперь (1849 г.) рассматривается современными агрономами не как повышение производительности земли, а как ее снижение*. Однако все это не меняет сущности аргументации. Допустим, что произведенные улучшения не действуют так, как мы предположили, что они не позволяют избавиться от части ранее использовавшейся рабочей силы, а дают возможность лишь производить больше продукции с прежним числом

¹ [Таков текст во 2-м издании (1849 г.); в 1-м было написано: «Это может и не случиться, и чаще всего не будет иметь место».]

² [Первые два предложения этого абзаца внесены во 2-е издание (1849), а последующие изложены в несколько иной форме.]

* [1865 г.] Примером этому служит изгнание с земли мелких фермеров в Северной Шотландии в нынешнем веке. Другим примером является Ирландия после картофельного голода и отмены хлебных законов. Обратившее на себя внимание резкое сокращение валового продукта сельского хозяйства Ирландии, по всей видимости, частично вызвано передачей земель под пастбища и сокращением применения на ней рабочей силы людей. Это не могло бы произойти без вымирания или эмиграции большей части населения Ирландии. Перед нами, следовательно, два недавних случая, когда процессы, рассматривавшиеся как улучшение земель, фактически подорвали способность страны содержать свое население. Однако все улучшения земель, являющиеся результатом применения новейших достижений науки, должны увеличивать или, во всяком случае, не уменьшать валовой продукт.

рабочников. Допустим также, что весь увеличенный объем продукции, который можно получить в результате произведенных улучшений при том же количестве труда, действительно нужен и находит покупателей. Землевладельцу в этом случае потребуется такое же число рабочих, как и прежде, и такая же сумма заработной платы для них. Но где он возьмет средства для оплаты их труда? Он уже не располагает теперь первоначальным капиталом в 2 тыс. кварталов, который он мог бы на это израсходовать. 1 тыс. потеряна и канула в вечность, потреблена в процессе производства улучшений. Чтобы нанимать то же число рабочих и платить им столько же, как и прежде, он должен получить займы или каким-либо иным способом 1 тыс. кварталов для покрытия недостатка. Но эта 1 тыс. кварталов уже израсходована на содержание или предназначена на оплату равного числа рабочих. Эта сумма не создана вновь, произошло лишь изменение ее назначения от одного вида производительного применения к другому. И хотя земледелец покрыл недостаток в своем собственном оборотном капитале, ущерб в оборотном капитале всей страны остался невозмещенным.

Аргумент, на который опираются большинство авторов, утверждающих, что машины никогда не могут причинить ущерба трудящемуся классу, заключается в том, что удешевление продукции создает такое увеличение спроса на товары, которое вскоре дает возможность значительно большему, чем прежде, числу людей получить работу на предприятиях, производящих эти товары. Мне представляется, что данный аргумент не обладает той убедительностью, какую ему обычно приписывают. Правда, сам по себе факт часто действительно имеет место, хотя ему придают слишком большое значение. Переписчики, лишившиеся работы в результате изобретения книгопечатания, были, несомненно, заменены еще большим числом наборщиков и печатников, а число рабочих, занятых теперь в хлопчатобумажной промышленности, во много раз больше, чем до изобретений Харгривса и Аркрайта, из чего следует, что, помимо действующего в этой отрасли громадного основного капитала, в ней используется также немало большого оборотного капитала, чем когда бы то ни было прежде. Но если бы этот капитал был перенесен из других отраслей, если бы средства, принявшие форму капитала, вложенного в дорогостоящие машины, поступили бы не из

дополнительных сбережений, явившихся следствием технических усовершенствований, а были бы изъяты из совокупного капитала страны, то какую бы пользу принесло трудящимся классам такое простое перемещение капитала? Каким образом могут быть возмещены потери, которые они несут от превращения оборотного капитала в основной простым перемещением части оставшегося оборотного капитала из старой отрасли в новую?

Все попытки доказать, будто трудящиеся классы, как коллективное целое, не могут временно пострадать от внедрения в производство машин или от помещения капитала в постоянно действующие усовершенствования, на мой взгляд, неизбежно вводят в заблуждение. Что работники страдают от нововведений в отдельной отрасли производства, широко признано и очевидно для всякого. Но часто утверждают также, что сокращение занятости в одной отрасли возмещается равным увеличением ее в другой, так как, мол, то, что потребители сберегают в результате удешевления одного товара, позволяет им увеличить потребление других, тем самым повышая спрос на продукты других видов труда. Этот аргумент выглядит правдоподобно, но, как уже показано в предыдущей главе, вводит в заблуждение, ибо спрос на товары резко отличается от спроса на труд. Верно, что потребители теперь располагают дополнительными средствами для покупки других вещей, но это само по себе не создает других вещей, если для их производства нет необходимого капитала, а нововведения не высвободили какой-либо капитал, хотя бы даже и за счет других отраслей. Поэтому предполагаемого увеличения производства и занятости труда в других отраслях не произойдет, а возросший спрос на товары со стороны некоторой части потребителей уравнивается прекращением спроса другой их части, а именно работников, которых нововведения лишили занятия и которые теперь если и будут добывать средства к существованию, то лишь отвлекая на себя часть потребления других людей путем конкуренции или в форме благотворительности.

§ 3. И все же я не думаю, чтобы в реальной действительности усовершенствования в производстве часто или вообще причиняли хотя бы временный ущерб трудящимся классам в целом. Они могли бы причинить такой ущерб, если бы их осуществили внезапно и в широких масшта-

бах, так как в этом случае неизбежно пришлось бы перебросить в основной капитал значительную часть уже действующего оборотного капитала. Но усовершенствования всегда вводятся очень медленно и редко осуществляются или вовсе не осуществляются за счет изъятия оборотного капитала из действующего производства, а производятся на средства, получаемые от ежегодного прироста продукции. Едва ли можно привести пример, когда бы огромное увеличение основного капитала не сопровождалось на том же производстве одновременным и столь же быстрым возрастанием размеров оборотного капитала. Крупномасштабные и дорогостоящие усовершенствования в производстве осуществляются отнюдь не в бедных и не в отсталых странах. Вложение капитала в землю с целью получения постоянного дохода, применение дорогостоящих машин означают осуществление единовременных крупных затрат в расчете на получение отдаленной во времени выгоды. Оно указывает, во-первых, на довольно полную безопасность собственности, во-вторых, на весьма активную хозяйственную предприимчивость и, в-третьих, на высокий уровень так называемого «эффективного стремления к накоплению». Эти три фактора образуют черты, присущие обществу, которое быстро увеличивает свой капитал. Мы, следовательно, признаем, что трудящиеся классы могут пострадать не только, когда возрастание основного капитала происходит за счет оборотного, но даже и в том случае, когда оно идет в таких широких масштабах и так быстро, что замедляет установившийся темп возрастания оборотного капитала, к которому уже приспособился темп прироста населения. Однако в действительности такая ситуация не может возникнуть, поскольку едва ли существует страна, основной капитал которой увеличивался бы в гораздо большей пропорции, чем оборотный. Если бы все железные дороги, на строительство которых во время спекулятивной горячки 1845 г. была получена санкция парламента, были бы действительно введены в строй в установленные для каждой из них сроки, такая невероятная ситуация вполне могла бы сложиться. Но именно этот случай представляет собой яркий пример трудностей, с которыми сталкивается перемещение в новые сферы сколько-нибудь значительного капитала из сферы, в которые он до сих пор поступал. Эти трудности обычно столь велики, что в состоянии помешать

предприятиям, затеявшим новое вложение капитала, расширяться с быстротой, способной подорвать существующие источники занятости рабочей силы.

Но всему этому следует добавить, что даже в том случае, когда усовершенствования временно сокращают совокупный продукт и оборотный капитал страны, они тем не менее в конечном счете приводят к увеличению размеров того и другого. Они повышают доход на капитал, а это повышение должно неизбежно выразиться либо в увеличении прибыли капиталиста, либо в выгоде покупателя в результате снижения цен. В обоих случаях это должно привести к возрастанию средств, служащих источником накопления, а более высокая прибыль также усиливает стимул к накоплению. В приведенном выше примере, при котором непосредственный результат произведенных улучшений земель заключался в сокращении валового продукта с 2,4 тыс. кварталов до 1,5 тыс., прибыль капиталиста тем не менее возросла с 400 до 500 кварталов, и излишек в 100 кварталов, если его регулярно обращать в сбережение, мог бы в течение нескольких лет возместить 1 тыс. кварталов, изъятых из его оборотного капитала. К тому же расширение производства, которое почти всегда и в любой отрасли следует за введением в ней усовершенствований, порождает сильный стимул к увеличению капитала действующих в такой отрасли предпринимателей. Вот почему, поскольку усовершенствования вводятся обычно весьма медленно, большая часть капитала, который они в конечном счете поглощают, черпается из возросших прибылей и увеличившихся сбережений, порожденных самими этими усовершенствованиями.

Такая способность технических усовершенствований стимулировать рост накопления, а тем самым в дальнейшем и увеличение валового продукта (хотя они временно и сокращают его) может принять еще более действенные формы, когда обнаружится, что для накопления капитала и повышения производительности земли существуют определенные границы, при достижении которых всякое дальнейшее возрастание продукта должно приостановиться, но технические нововведения, каковы бы ни были их другие последствия, обладают свойством все дальше отодвигать эти границы. Впрочем, эти истины предстанут в еще более ясном свете на последующем этапе нашего исследования. Мы увидим, что количество капитала, которое

накапливается или хотя бы может быть накоплено в любой стране, и объем валового продукта, который в ней достигается или хотя бы может быть достигнут, находятся в определенном соответствии с существующим в данной стране техническим уровнем производства. Поэтому всякое техническое усовершенствование, даже если оно на время сокращает размер оборотного капитала и объем валового продукта, в конечном счете создает условия для такого увеличения того и другого, какое при иных обстоятельствах едва ли было бы осуществимо. Именно здесь кроется ответ на любые возражения против применения машин. Впоследствии мы окончательно убедимся, что, как отсюда следует, технические изобретения в конечном счете несут с собой выгоду трудящимся даже и при нынешнем устройстве общества *.

Но все это не освобождает правительства от обязанности уменьшать, а если возможно, и предотвращать бедствия, которые приносит или может приносить данному поколению указанный источник будущих выгод. Если бы помещение капитала в машины и другие полезные сооружения осуществлялось такими высокими темпами, которые значительно сокращали бы фонды на содержание рабочей силы, законодатели обязаны были бы принять меры к замедлению этого процесса. Поскольку же технические усовершенствования, которые не сокращают занятость в целом, почти всегда лишают заработка какой-нибудь отдельный слой работников, то для законодателей нет более справедливого предмета забот, чем защита интересов тех, кто таким образом приносится в жертву для выгоды своих сограждан и будущих поколений.

Вернемся, однако, к теоретическому подразделению капитала на основной и оборотный. Всякое богатство, предназначенное для применения в целях воспроизводства, представляет собой капитал, но существуют части капитала, не подпадающие под определение того или иного из двух указанных его подразделений. Примером может служить нераспроданный запас готовых изделий, который в данное время лежит на складах фабриканта или торговца. Этот запас товаров, будучи капиталом по своему предназначению, еще не стал действующим капиталом, он не занят в производстве, его следует сперва продать или об-

---

* См. кн. IV, гл. V.

менять, т. е. превратить в равную стоимость каких-либо других товаров. Поэтому он еще не является ни основным, ни оборотным капиталом, но впоследствии окажется либо тем, либо другим или поделенным между ними. Часть выручки за готовые изделия фабрикант израсходует на оплату рабочих, часть на восполнение запаса материалов для производства, а часть на строительство новых зданий, приобретение новых машин или на ремонт старых. Но сколько именно будет выделено для каждой из указанных целей, зависит от характера производства и от потребностей данного момента.

Далее, следует заметить, что часть капитала, потребляемая в форме семян или материалов, находится в таком же отношении к занятости рабочей силы, как и основной капитал, хотя в отличие от последнего она должна быть немедленно возмещена из валового продукта. Издержки на материалы так же сокращают расходы на содержание и вознаграждение работников, как и вложения в машины, а если бы капитал, направляемый в данный момент на выплату заработной платы, был обращен на приобретение материалов, такая перемена нанесла бы работникам такой же ущерб, как если бы часть заработной платы была обращена на пополнение основного капитала. Но указанное изменение в распределении капитала практически никогда не происходит. Усовершенствования в производстве всегда имеют тенденцию экономить, а не увеличивать количество семян или материалов на данное изделие. Работникам, следовательно, не приходится опасаться ущемления своих интересов от этого процесса.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ СТЕПЕНЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Мы завершили наш общий обзор элементов производства. Мы установили, что они образуют три вида: труд, капитал, а также материалы и двигательные силы природы. Из них труд и сырые материалы земного шара составляют главные и совершенно необходимые элементы. Природные двигательные силы можно использовать в помощь труду, и они действительно оказывают ему помощь, но не служат непременным условием производства. Оставшийся элемент, капитал, сам по себе является продуктом труда, его участие в производстве поэтому означает в действительности участие в нем труда в превращенной форме. Тем не менее капитал следует рассматривать как особый элемент. Предварительное использование труда для создания капитала, подлежащего потреблению в процессе производства, столь же обязательно, как и применение труда в этом же процессе. К тому же часть капитала, причем самая большая, способствует производству только тем, что поддерживает существование производительного труда, тогда как остаток его, а именно орудия и материалы, способствует производству непосредственно, таким же образом, как силы природы и природные материалы.

Мы переходим теперь ко второму важнейшему вопросу политической экономии, к вопросу о том, от чего зависит степень производительности перечисленных факторов производства. Совершенно очевидно, что их производительная сила оказывается в разные времена и в разных географических районах весьма различной. При той же численности населения и одинаковой территории одни страны производят продукт гораздо большего объема, чем другие, а в одной и той же стране в разное время производится то больший, то меньший продукт. Сравним, например, Англию с такой же территорией России или население Англии с равной по численности частью населения России. Сравним современную Англию с Англией

средневековой, Сицилию, Северную Африку или Сирию наших дней с теми же странами периода их величайшего расцвета, т. е. до их покорения римлянами. Одни причины, обуславливающие такую разницу в производительности, очевидны, другие далеко не столь ясны. Мы переходим к выявлению некоторых из них.

§ 2. Самая явная причина более высокой производительности заключается в так называемых естественных преимуществах. Они разнообразны. Одно из главных — плодородие почвы. В этом отношении существуют большие различия: от пустынь Аравии до наносных равнин в долинах Ганга, Нигера и Миссисипи. Благоприятный климат еще важнее богатой почвы. Имеются страны, пригодные для заселения, но слишком холодные для земледелия. Их обитатели не в состоянии перейти от кочевого к оседлому образу жизни. Они вынуждены существовать за счет приручения оленей, как, например, лапландцы, или даже охотой и рыболовством, как несчастные эскимосы. Имеются страны, где можно выращивать овес, но не пшеницу, как, например, в Северной Шотландии; в других, например в некоторых районах Ирландии, пшеницу можно сеять, но избыточная влажность и преобладание облачных дней предопределяют низкие урожаи. По мере продвижения на юг или, в европейском умеренном регионе, на восток некоторые новые отрасли земледелия становятся сперва возможными, а затем выгодными; друг за другом следуют культуры винограда, кукурузы, шелковицы, фигового и оливкового дерева, риса, финиковой пальмы, вплоть до сахарного тростника, кофейного дерева, хлопка, специй и т. д.; существуют климатические пояса, где даже при малой обработке почвы возможно собирать в год два или три урожая обычных сельскохозяйственных культур. Но климатические различия имеют значение не только в сельском хозяйстве. Их влияние сказывается и на многих других отраслях производства, например на долговечности всяких сооружений, подверженных воздействию атмосферы, прежде всего зданий. Если бы храмы Карнака и Луксора не были повреждены людьми, они могли бы существовать в своем первозданном совершенстве почти вечно, так как надписи на некоторых из них, хотя и сделанные еще в доисторические времена, сохранились лучше, чем в

нашем климате надписи пятидесятилетней давности. Между тем в Санкт-Петербурге самые массивные здания, прочно построенные из гранита в годы, отдаленные от нас едва ли жизнью одного поколения, уже находятся, как сообщают путешественники, в состоянии, требующем ремонта, вследствие воздействия на них смены летней жары и сильных морозов. Превосходство южноевропейских тканей над английскими по богатству и чистоте их красок приписывается более благоприятным свойствам атмосферы, которым в нашем туманном и сыром климате ни знания химиков, ни мастерство красильщиков не сумели противопоставить что-либо равноценное.

Другой аспект воздействия климата заключается в уменьшении материальных потребностей производителей. В жарких районах люди могут довольствоваться менее прочными жилищами и меньшим количеством одежды, они могут обходиться практически без топлива (кроме как для промышленных целей), абсолютно необходимого для жизни в холодном климате. Им требуется также меньше пищи. Как показал опыт еще задолго до теоретических доказательств, большая часть потребляемой нами пищи нужна не для действительного питания нашего организма, а для поддержания в нем тепла и создания необходимых стимулов его жизнедеятельности, которые в жарких странах почти в полной мере обеспечиваются влиянием атмосферы и солнечного света. Поэтому большая часть труда, который в других местах затрачивается на производство самых необходимых средств существования, здесь высвобождается для удовлетворения высших потребностей человека и организации развлечений, если только характер жителей не побудит их использовать эти преимущества для чрезмерного размножения населения или для того, чтобы предаваться праздности.

Помимо почвы и климата, среди природных преимуществ следует отметить также изобилие минеральных богатств, удобно расположенных и поддающихся добыче при помощи умеренного объема затрат труда. Сюда относятся месторождения угля в Великобритании, которые в такой большой степени возмещают жителям неблагоприятные свойства климата страны, а также едва ли меньшие ресурсы, которыми Англия и Соединенные Штаты обладают в виде обильных запасов железной руды, расположенных на малых глубинах и вблизи залежей угля,

необходимого для ее переработки. Наличие в горных и холмистых районах значительных водных ресурсов позволяет существенно повышать плодородие обычно скудных в таких местах земель. Но, быть может, самыми большими среди этих преимуществ являются приморское положение страны, особенно когда здесь еще имеются удобные естественные гавани, и наличие больших судоходных рек. Фактически эти преимущества сводятся целиком к экономии транспортных издержек. Но только люди, вникшие в суть дела, имеют достаточное представление о том, какие громадные экономические выгоды приносит такое положение. Их можно полностью оценить, лишь приняв в расчет влияние, оказываемое на производство обменом товаров и тем, что называют разделением труда. Преимущество это столь велико, что часто с лихвой возмещает скудость почвы и почти все другие природные недостатки страны, особенно на той ранней стадии развития производства, когда соединением труда и науки еще не созданы искусственные средства сообщения, способные соперничать с естественными. В древнем мире и в средние века самыми процветающими странами были не те, которые располагали наибольшей территорией или плодороднейшими почвами, а чаще всего те, которые оказывались вынужденными в силу бесплодия земель максимально использовать выгоды своего приморского положения, как, например, Афины, Тир, Марсель, Венеция, вольные города на Балтике и т. п.

§ 3. До сих пор речь шла о природных преимуществах, значение которых, при прочих равных условиях, слишком очевидно, чтобы их можно было недооценить. Но опыт свидетельствует, что природные преимущества вряд ли когда-либо приносили обществу в целом, так же как богатство и знатность — отдельным лицам, такую пользу, какую им могли принести их натура или способности. Ни теперь, ни в прежние времена страны, имевшие наилучший климат и плодороднейшие почвы, не были ни самыми богатыми, ни самыми могущественными. Напротив, если иметь в виду всю массу их населения, они, как правило, были самыми бедными, хотя и в такой нищете народы этих стран оказывались больше других довольными своим положением. В этих странах для поддержания жизни че-

ловека требуется столь мало, что бедным слоям редко приходится слишком об этом заботиться, а при климате, в котором само существование — удовольствие, единственная роскошь, какую они предпочитают, — это праздность. Эмоциональной энергией они обладают в избытке, но нет у них той энергии, которая проявляется в систематическом и упорном труде. Поскольку же они редко обнаруживают склонность решать такие долговременные задачи, как создание прочных политических институтов, стимулы к производительному труду у них ослабляются еще и тем, что отсутствует надежная защита плодов такого труда. Успех производства, подобно большинству других видов успеха, в большей мере зависит от личных качеств участвующих в производстве людей, чем от условий производства, причем физическую и умственную энергию человека развивает не легкость труда, а его тяжесть. Поэтому почти все племена, покорявшие другие племена и принуждавшие их работать на себя, сами прежде прошли суровую жизненную школу. Они либо выросли в северных лесах, либо, как, например, в Греции и Риме, в искусственно созданной атмосфере строгой военной дисциплины, заменявшей им природные лишения. Когда же современная цивилизация позволила отказаться от такой дисциплины, юг перестал производить на свет нации завоевателей; средоточие военной мощи, так же как и умственной деятельности и производственной энергии, передвинулось на менее благоприятный север.

Итак, вторую причину более высокой производительности следует усматривать в приложении большей энергии труда, имея при этом в виду не эпизодическое, а регулярное и привычное ее применение. Никто не переносит безропотно столь тяжких трудностей и лишений, никто не в состоянии держать в таком величайшем напряжении свои физические и умственные силы, как североамериканский индеец. Вместе с тем никто не предается такой бездеятельности в те краткие периоды, когда нет необходимости вести тяжелую борьбу за удовлетворение своих повседневных потребностей. Отдельные люди и целые народы различаются между собой не столько степенью усилий, которые они могут и готовы затратить под влиянием сильных и непосредственных побуждений, сколько своей способностью затрачивать усилия сегодня для достижения отдаленной цели и прилежанием к рабо-

те в обычных обстоятельствах¹. Какой-то минимум таких личных качеств служит неперменным условием для всякого сколько-нибудь существенного улучшения жизни человечества. Чтобы цивилизовать дикаря, нужно привить ему новые потребности и желания, хотя бы и не очень высокого рода, имея в виду, что удовлетворение этих потребностей

---

¹ [С 4-го издания (1857 г.) здесь был опущен следующий текст:

«В этом последнем качестве англичане, а быть может, и англо-американцы в настоящее время, очевидно, превосходят все другие народы. Такая эффективность труда связана со всем их характером, с их недостатками в равной мере так же, как и с их положительными чертами. Большинство англичан и американцев видят свою жизнь лишь в работе, которая одна только и спасает их от скуки. В силу природного темперамента, климата или тяги к новшествам им слишком мало присущи эмоции, чтобы довольствоваться в своей жизни лишь досугом, для них едва ли всякое удовольствие или развлечение является таковым само по себе. Поэтому, за исключением тех из них, кто посвящает свою жизнь более высоким целям (т. е. ничтожное меньшинство во всех странах), англичане и американцы не ощущают необходимости отвлекать свое внимание от работы или делить свой интерес между работой и склонностью, составляющей единственное увлечение людей, не имеющих других склонностей, а именно, стремлением добиться наивысшего, по их представлениям, успеха в жизни — становится все богаче и занимать все более видное место в обществе. Эта последняя черта характеризует преимущественно тех, кто по своему положению возвышается над поденщиками, однако отсутствие вкуса к развлечениям или праздному времяпрепровождению присуще всем классам. По этой или иной причине национальная черта — упорство и прилежание в труде — распространяется и на самых непредусмотрительных из английских трудящихся, т. е. на тех, кто никогда не думает о сбережениях или об улучшении своего положения. Это превратилось в обычай страны, а жизнь в Англии больше, чем в какой-либо другой стране, кроме разве Китая и Японии, определяется обычаем, а не личными склонностями и желаниями. В результате там, где требуется тяжелый труд, нет лучших работников, чем англичане, хотя по природному уму и даже по физической ловкости многие их превосходят.

Энергия труда, не будучи ни обязательной чертой, ни такой чертой, которую следует воспитать в ущерб другим ценным свойствам человеческой натуры, тем не менее является в известной мере неперменным условием». И далее по тексту.

В 3-м издании (1852 г.) эта характеристика относилась только к англичанам и абзац начинался со слов: «Это последнее качество представляет собой главное трудовое отличие английского народа». После слов «ничтожное меньшинство во всех странах» следовали слова «а особенно в данной стране»; слова «нет таких работников, как англичане» были заменены словами «нет лучших работников, чем англичане».]

послужит стимулом для постоянной и правильной его физической и умственной деятельности. Если бы негры Ямайки и Демерары после своего освобождения довольствовались, как это и предсказывали, элементарными средствами существования и отказались от всякого труда, кроме самого минимального, какой требуется в условиях тропического климата, редкого населения и изобилия плодороднейших земель для поддержания жизни, они впали бы в состояние еще более варварское, хотя и не столь несчастное, чем при рабстве. Стимулом, который чаще всего использовали, чтобы заставить их трудиться, явилась их любовь к ярким одеждам и украшениям. Никто не станет защищать подобную склонность как заслуживающую развития; в большинстве обществ такого рода склонность вела не к обогащению, а к обеднению. Но при том уровне умственного развития, на каком находились негры, это, очевидно, был единственный стимул, который мог побудить их добровольно взять на себя бремя систематического труда и таким образом приобрести или сохранять привычку к добровольной производственной деятельности, которая может быть обращена на более достойные цели. В Англии не приходится внушать людям стремление к богатству, здесь нужно учить их правильно использовать богатство, ценить вещи, которые богатство не в состоянии дать или для приобретения которых богатство вообще не требуется. Всякое подлинное совершенствование характера англичан, выразится ли оно во внушении им более возвышенных интересов или лишь в более справедливой оценке предметов их нынешних желаний, неизбежно должно умерить их пылкое стремление к накоплению богатства. Однако вовсе не обязательно, чтобы это привело к ослаблению усердия и прилежания в труде, которые свойственны лучшим английским рабочим и которые составляют их самое ценное качество².

---

² [Три последние фразы первоначально были изложены следующим образом: «Если у негров (Ямайки и Демерары) нужно было стимулировать дух трудолюбия, то в таких странах, как Англия и Соединенные Штаты, надо было его умерять. Здесь требовалось... вовсе не стремление к богатству. Всякое подлинное совершенствование характера англичан и американцев, выразится ли оно во внушении им более возвышенных интересов или лишь в погоне за количеством и качеством удовольствий, неизбежно должно умерить их всевозрастающую преданность производству, должно, следовательно, уменьшить, поскольку это зависит только

Люди весьма редко умеют придерживаться в своих делах разумной середины, состоящей в том, чтобы, работая, отдавать этому все физические силы и особенно все умственные способности, но вместе с тем труду во имя одной лишь денежной выгоды посвящать меньше часов в день, меньше дней в году и меньше лет в жизни.

§ 4. Третий элемент, определяющий производительность труда общества, заключается в имеющихся в его

от указанной причины, совокупную производительность их труда. Однако вовсе не обязательно, чтобы это привело к ослаблению усердия и прилежания в труде, которые составляют одну из самых драгоценных черт их характера».

В 3-м издании (1852 г.) это место было изменено так, чтобы оно относилось только к Англии и к «лучшим английским рабочим»; в 4-м издании (1857 г.) слова «пылкое стремление к накоплению богатства» были заменены словами «их всевозрастающую преданность производству».

Затем в первоначальном тексте следовали цитаты и комментарии, опущенные в 3-м издании:

«Кто ознакомился бы (пишет Лэйнг в своих «Notes of a Traveler», p. 290) с общественной экономикой английского или шотландского промышленного района, населением которого целиком овладел дух производительности, тот обнаружил бы, что громадный объем производства в каждый данный отрезок времени обеспечивают не только мастерство, расторопность и искусство квалифицированного рабочего, но также чернорабочий, подбрасывающий уголь в топку, девушка, которая готовит ему завтрак, короче говоря, все население — от мальчика в кабаке, подносящего ему пиво, до банкира, у которого хранятся деньги его хозяина, — проникнуто одинаковым духом предприимчивости, все фактически работают в качестве его подручных и с такой же быстротой и точностью, как работает он сам. Английские рабочие, попадающие на континент, всегда жалуются на то, что они там не могут так справляться со своей работой, как у себя дома, из-за медлительности, небрежности, привычки работать спустя рукава со стороны тех, кого им выделяют в подручные и от кого главным образом зависят их собственная работа и производительность.

Иностранцам обычно невдомек, что богатством и мощью, которые они стремятся превзойти, Англия обязана именно этим качествам трудовой активности, а не «кораблям, колониям и торговле», возникшим благодаря указанным качествам, причем, даже если бы «корабли, колонии и торговля» были уничтожены, Англия все равно оставалась бы богатейшей страной мира. Англичанин, практически независимо от своей классовой принадлежности, является самым квалифицированным из всех работников, так как, употребляя распространенное выражение, «он вкладывает в работу всю душу». Но наверняка можно вкладывать всю душу в работу, не лишаясь при этом способности вкладывать ее во что-нибудь еще».]

распоряжении мастерстве и знаниях, будь то квалификация и знания самих работников или тех, кто управляет их трудом. Нет необходимости доказывать, насколько эффективность производства повышается от физической ловкости одних работников, выполняющих самые обыкновенные виды работ; от смекалки других, занятых на операциях, требующих значительного участия умственного труда; от всей суммы знаний о силах природы и свойствах предметов, которые используются в производстве. Совершенно очевидно, что производительность труда у народа ограничена объемом его технических знаний и что всякое расширение таких знаний, всякое более совершенное применение предметов или сил природы для производственных целей позволяет при одинаковом количестве и интенсивности труда производить больший объем продукта.

Одна из главных областей таких усовершенствований производства — изобретение и эксплуатация инструментов и машин. В такой работе, как наша, нет необходимости подробно объяснять, каким образом инструменты и машины способствуют увеличению производства и экономии труда. Такое объяснение, одновременно научное и популярное, причем хорошо проиллюстрированное примерами, можно найти в известной книге Бэббейджа «Об экономической природе машин и фабричного производства». Целая глава в работе Бэббейджа посвящена примерам способности машин «выполнять работы, превышающие силы человека, и производить операции слишком тонкие для человеческих рук». Но незачем ходить так далеко за примерами работ, которые человек не в состоянии выполнить собственными руками. Без насосов, приводимых в движение силой пара или иными средствами, нельзя было бы во многих случаях удалить из рудников накапливающуюся там воду и приходилось бы по достижении небольшой глубины прекращать работу. Без кораблей и лодок нельзя было бы пересекать моря. Без тех или иных орудий нельзя было бы рубить деревья или разрабатывать каменные карьеры. Даже для простейшей обработки почвы нужен плуг или хотя бы мотыга. Однако самые простые и грубые инструменты позволяют выполнять буквально почти все работы, которые до сих пор производились руками людей. Последующие изобретения приводили преимущественно к более совершенному выполнению тех же работ, и прежде всего

к огромному сокращению затрат труда. Сэкономленный таким образом труд высвобождался для других работ.

Применение накопленных знаний для содействия производству вовсе не ограничивается использованием машин. В земледелии и садоводстве техника только теперь [1852 г.] начинает показывать, что она способна дать нечто более важное, чем изобретение и постепенное совершенствование плуга и нескольких других простейших орудий. До сих пор важнейшие сельскохозяйственные изобретения заключались в непосредственном применении более целесообразных приемов обработки самой земли и выращиваемых на ней культур. Сюда относятся севооборот, позволяющий избежать необходимости через каждые два-три года на один сезон оставлять землю необработанной; более эффективные удобрения, обеспечивающие восстановление плодородия истощенных постоянной эксплуатацией земель; вспашка и осушение не только поверхности почвы, но и подпочвенного слоя; превращение болот и топей в пахотные земли; установленные опытом более совершенные способы подрезки, подпорки растений и деревьев и придания им форм; в отношении самых ценных культур — более редкая посадка саженцев или семян и более тщательное рыхление почвы для них и т. д. В промышленности и торговле некоторые важнейшие усовершенствования заключаются в экономии времени и в более быстром поступлении доходов вслед за затратами труда и другими издержками. Другие усовершенствования обеспечивают экономию материалов.

§ 5. Однако зависимость между расширением знаний общества и увеличением его богатства не требует особых разъяснений, поскольку она стала понятной даже для самых необразованных людей, благодаря таким очевидным примерам, как железные дороги и пароходы. Между тем далеко не достаточно осознано и признано экономическое значение развития умственных способностей всего населения. Людей, способных осуществлять руководство и управление каким-либо промышленным предприятием или хотя бы исполнять работу, для которой недостаточно простого запоминания и навыка, всегда намного меньше, чем требуется. Свидетельство тому — громадная разница между жалованьем, которое платят таким лицам, и заработной платой обыкновенных рабочих. Недостаток прак-

тического здравого смысла у большинства трудящихся, отсутствие у них способности считать находят в свою очередь выражение, например, в том, как расточительно, небрежно и беспорядочно ведется их домашнее хозяйство. Это обрекает их лишь на весьма слабое участие в умственном труде и обуславливает меньшую производительность их трудовых усилий по сравнению с усилиями людей, обладающих более высоким умственным развитием. Даже с этой ограниченной точки зрения народное образование заслуживает пристального внимания политических деятелей, особенно в Англии, так как опытные наблюдатели, привыкшие иметь дело с рабочими разных национальностей, утверждают, что у иностранных рабочих они чаще встречали большую понятливость, совершенно не зависящую от их образования, тогда как английский рабочий, если только он поднимается выше уровня дровосека или водовоза, обязан этим образованию, причем почти всегда самообразованию. Цюрихский инженер Эшер (имеющий хлопчатобумажную фабрику с почти 2 тыс. рабочих самых разных национальностей) в приложенном к опубликованному в 1840 г. отчету комиссии по закону о бедных относительно воспитания детей нищих приводит сравнительную характеристику английских рабочих и рабочих континентальной Европы, характеристику, которую, я полагаю, подтвердят все обладающие таким же опытом.

Эшер пишет: «Сметливость итальянцев обнаруживается в быстром усвоении любого поручаемого им нового вида работы, в большем, чем у других, умении быстро понять задачу, которую перед ними ставит хозяин, приспособиться к новым обстоятельствам. Французские рабочие отличаются такими же природными качествами, но лишь в несколько меньшей степени. Английские, швейцарские, немецкие и голландские рабочие, как нам представляется, обладают гораздо меньшей природной сообразительностью; однако, как рабочим, предпочтение, несомненно, следует отдать англичанам, потому что, и мы в этом убедились, все они обучены определенным специальностям, в которых достигли высокой квалификации и на которых сосредоточены все их помыслы. Но как людей деловых или вообще полезных — людей, которыми бы хотел быть окружен предприниматель, я решительно предпочел бы саксонцев или швейцарцев, особенно сак-

сонцев, так как они обладают очень высоким общим образованием, которое позволяет им не оставаться привязанными к какому-нибудь одному занятию, а овладевать после краткой подготовки любым делом, какое им могут поручать. Если у меня английский рабочий занят установкой паровой машины, он понимает только эту работу и ничто другое. Во всех других обстоятельствах или в других областях механики, как бы близко они ни соприкасались с его занятием, он оказывается практически не в состоянии сориентироваться в новой обстановке, справиться с возникающими проблемами, дать дельный совет или написать ясный отчет и вразумительное письмо о своей работе в различных смежных областях механики».

О связи между умственным развитием и нравственной порядочностью тот же Эшер пишет: «Как мы замечали, более образованные рабочие отличаются также и более высокими моральными достоинствами во всех отношениях. Прежде всего они всегда трезвы; они умеренны в своих развлечениях, которые более осмысленны и утонченны; они тянутся к лучшему обществу, к которому проявляют уважение и которое поэтому с большей готовностью принимает их; они занимаются музыкой, читают, любят театр, устраивают загородные прогулки; они экономны, и их бережливость распространяется не только на собственный карман, но и на имущество хозяина; в целом, они честны и заслуживают доверия».

На вопрос о свойствах английских рабочих Эшер отвечает: «В работе, к которой они специально подготовлены, они искуснее всех, но что касается их поведения, то они самые распушенные, развратные, необузданные из всех рабочих различных наций, каких мне приходилось нанимать, и меньше всех заслуживают уважения и доверия. Утверждая это, я выражаю убеждение всех предпринимателей континентальной Европы, с кем мне приходилось беседовать, и особенно английских предпринимателей, которые жалуются громче всех. Такого рода испорченность не свойственна тем английским рабочим, которые получили образование, она характеризует лишь остальных в меру его отсутствия у них. Когда необразованные английские рабочие вырываются из тисков железной дисциплины, в которых их держат предприниматели в Англии, и попадают в атмосферу вежливости и дружеского обращения, какого ожидают и получают от своих хозяев

более образованные рабочие континентальной Европы, они, английские рабочие, совершенно теряют равновесие, перестают сознавать свое положение и вскоре окончательно становятся неуправляемыми и бесполезными» *. Такой вывод из наблюдения подтверждается также опытом и в самой Англии. Как только необразованный английский рабочий приобщается к идее равенства, у него начинает кружиться голова³. Как только он отрешается от раболепия, он становится дерзким.

Нравственные черты работников столь же влияют на эффективность и качество труда, как и их умственное развитие. Если оставить в стороне вопрос о влиянии невоздержанности работников на их физические и умственные способности или о воздействии легкомысленного, неустойчивого поведения на интенсивность и длительность их труда (все это настолько очевидно, что не требует доказательства), стоит поразмыслить над тем, в какой степени совокупные результаты их труда зависят от заслуживаемого ими доверия. Весь труд, затрачиваемый теперь на надзор за выполнением рабочими своих обязанностей или на проверку выполненной работы, отвлекается от участия в производстве как таковом и направляется на осуществление вспомогательной функции, необходимость которой вызвана не силою вещей, а нечестностью людей. Да и самый строгий надзор приносит мало успеха в тех случаях, когда, как это теперь почти постоянно происходит с наемными работниками, малейшее ослабление бдительности со стороны надзирателей немедленно используется рабочими для того, чтобы уклониться от исполнения своих обязанностей⁴. Выгода от способности людей доверять друг другу проявляется во всех самых тонких сферах человеческого бытия, и хотя экономическая ее доля, быть может, наименьшая, но и она неисчислима. Возьмем лишь самый явный пример ущерба богатству общества, наносимого нечестностью. Во всех богатых странах существуют хищнические слои населения, живущие грабежом или об-

---

* Все эти свидетельства умного и опытного предпринимателя заслуживают внимания, равно как и многочисленные аналогичные свидетельства других очевидцев, содержащиеся в той же книге.

³ [Это замечание добавлено в 3-м издании (1852 г.).]

⁴ [Эта фраза заменила в 3-м издании (1852 г.) следующую: «Да и самый строгий надзор извне не может сравниться по своей эффективности с самоконтролем самих работников».]

маном. Их точную численность невозможно установить, но, по самым низким оценкам, в такой стране, как Англия, она очень велика. Содержание таких людей ложится настоящим бременем на национальное производство. Это бремя в свою очередь неизбежно порождает другое, а именно необходимость содержания полиции, огромного пенитенциарного аппарата, уголовного, а частично и гражданского суда. Непомерно высоко оплачиваемая профессия юристов, в той мере, в какой их деятельность не обусловлена несовершенством законодательства, созданного ими же самими, оказалась необходимой и вознаграждается лишь вследствие существующей среди людей нечестности. Пропорционально повышению уровня честности в обществе все эти издержки сокращаются. Но намного значительнее этой экономии было бы громадное увеличение продукта всех видов труда, экономия времени и расходов, которые могли бы быть достигнуты, если бы работники честно выполняли свои обязанности. Столь же велика была бы выгода от укрепления духа, от сознания силы и уверенности, с которой планировались бы всякого рода работы теми, кто был бы убежден, что все участники производства честно выполняют принятые на себя обязательства. Совместная деятельность возможна лишь постольку, поскольку люди могут полагаться друг на друга. В Европе существуют страны, обладающие первостепенным производственным потенциалом, где самым серьезным препятствием на пути осуществления крупномасштабных хозяйственных работ служит нехватка людей, которым можно было бы доверить получение и расходование больших денежных сумм. Имеются страны, к товарам которых купцы относятся с недоверием, так как их качество не соответствует качеству представленных образцов. Такие быстро обнаруживающиеся подлоги далеко не редки в практике английского экспорта. Все слышали о «чертовом порошке». В одном из многих примеров, приводимых Бэббейджем, рассказывается, как одна отрасль экспортной торговли оказалась надолго фактически парализована вследствие практиковавшихся в ней подлогов и подделок. С другой стороны, в той же работе приводятся столь же примечательные примеры значительных преимуществ коммерческих сделок, основывающихся на испытанном временем доверии. «В одном из наших крупнейших городов,—пишет Бэббейдж,—ежедневно совершаются громад-

ные торговые сделки, в которых стороны обходятся без обмена какими бы то ни было письменными документами». Если учесть количество сделок, совершаемых в течение года, какую же огромную выгоду приносит такая экономия времени, хлопот и издержек производителям и торговцам этого города их собственная честность. Бэббейдж продолжает: «Значение высокой репутации, основанной на доверии, получило убедительное подтверждение во время последней войны, когда английским фабричным изделиям был запрещен доступ на континент. Одна из наших крупнейших фирм систематически совершала большие операции с торговым домом в центре Германии. Но в связи с закрытием континентальных торговых портов для наших товаров нарушители Берлинских и Миланских декретов подлежали тяжким наказаниям. Тем не менее английский промышленник продолжал получать заказы с указанием, куда направлять товары, и с обозначением срока и способа платежей в письмах, написанных знакомым ему почерком, но либо с подписью в виде собственного имени одного из владельцев торговой фирмы, либо вовсе без подписи. Заказы неизменно выполнялись, и не было ни единого случая малейшего нарушения сроков платежа» *.

---

* Можно привести еще несколько менее важных примеров, содержащихся в книге Бэббейджа, для доказательства того, какой ущерб наносит обществу неспособность его членов доверять друг другу.

«Стоимость товара для покупателя складывается из цены, которую он за него платит, и из расходов, связанных с проверкой соответствия качества товара предусмотренному в контракте. Иногда доброкачественность товара устанавливается уже при поверхностном осмотре; в этих случаях не возникает большой разницы в цене на него в различных магазинах. Например, качество сахара-рафинада можно определить практически с первого взгляда, в результате чего цена на него столь одинакова и прибыль от него столь мала, что ни один бакалейщик не заинтересован им торговать. Между тем, чай, качество которого очень трудно проверить и из которого можно сделать такие смеси, что даже самый опытный глаз не заметит подделки, имеет множество разных цен и представляет собой такой товар, какой любой бакалейщик стремится продавать своим клиентам в первую очередь. Трудность и стоимость проверки в ряде случаев столь велики, что оправдывают отступление от твердо установленных принципов. Так, ни у кого уже не вызывает сомнений, что правительству дешевле приобрести любой товар, чем самому его производить. Но оно тем не менее сочло более выгодным строить крупные мельницы (как, например, в Дэлфорде) и молоть на них собственное зерно, чем

§ 6. Среди вторичных причин, обуславливающих производительность факторов производства, самая главная — безопасность. Под безопасностью я подразумеваю все-

проверять каждый мешок купленной муки и нанимать людей для изобретения средств обнаружения все новых способов подмешивания ее чем-либо посторонним». Аналогичное отсутствие доверия способно лишить, например, Соединенные Штаты, такой крупной статьи экспорта, какую составляет мука.

Далее. «Несколько лет назад метод обработки старых семян клевера и люцерны посредством процесса, названного «лечением» (*doctoring*), получил такое широкое распространение, что привлек внимание палаты общин. Комиссия палаты установила, что старые семена белого клевера сначала слегка смачивали, а затем сушили в парах горячей серы; цвет семян красного клевера освежался встряхиванием их в мешке с небольшим количеством индиго. Когда это со временем вскрылось, «доктора» стали пользоваться препаратом из сандалового дерева, очищенного небольшой дозой купороса, а иногда ярь-медянкой, улучшая таким образом вид старых семян, но одновременно уменьшая, если не уничтожая вовсе, их вегетативную способность, уже ослабленную временем. Допустим, что этот процесс не причинял вреда доброкачественным семенам, но было доказано, что улучшение их внешнего вида повышало рыночную цену на них с 5 до 25 шилл. за центнер (английский). Но самое большое зло, порожденное этим «лечением», заключалось в том, что старым и негодным семенам придавали такой же вид, какой был и у лучших семян. Один из свидетелей испытал подвергшиеся «лечению» семена и установил, что прорастает не больше одного из ста, а те, которые прорастают, вскоре погибают, тогда как из доброкачественных семян всходы дают примерно 80—90%. Подвергшиеся «лечению» семена продавались сельским розничным торговцам, которые, конечно, стремились покупать их по дешевке, а от них уже попадали к фермерам, причем ни те, ни другие не в состоянии были отличить поддельные семена от настоящих. В результате многие земледельцы сократили закупки этих семян, а другие вынуждены были платить более высокие цены тем, кто обладал умением распознавать поддельные семена, а также честностью и репутацией, не позволявшими им торговать плохими семенами».

Тот же автор сообщает, что ирландский лен, по своим природным свойствам не уступающий никакому другому, продается или недавно продавался на рынке на 1—2 пенса дешевле за фунт, чем иностранный или английский лен. Частично это объясняется небрежностью его обработки, но отчасти и по причине, приведенной в показаниях Корри, много лет занимавшего пост секретаря ирландской комиссии по льну: «Производители льна, почти все принадлежащие к низшим классам, полагают, что им выгоднее всего обманывать покупателей. Поскольку лен продается по весу, они прибегают к всевозможным уловкам, чтобы этот вес повысить, а всякая такая уловка ухудшает качество льна, особенно чаще всего практикуемое смачивание, которое впоследствии приводит к его перегреву. Внутри каждой связки льна (они разной величины) часто оказывается много камней или всякого мусора для

роннюю защиту, обеспечиваемую обществом его членам. Она включает защиту со стороны правительства и защиту от правительства. Последняя наиболее важна. Там, где человек, о котором известно, что он владеет чем-нибудь достаточно ценным, что имело бы смысл отобрать у него, находится в постоянном страхе перед чиновниками алчного правительства, способными лишить его собственности с применением всех средств тиранического насилия, там едва ли найдется много охотников тратить свои силы, чтобы производить больше, чем требуется для удовлетворения повседневных нужд. В этом и заключается общепризнанное объяснение нищенского состояния многих плодородных районов Азии, которые были некогда богаты и густо населены. Между положением в этих районах и уровнем безопасности, существующим в наилучшем образе управляемых частях Европы, имеется множество промежуточных ступеней. При господствовавшей до революции во многих провинциях Франции порочной системе налогообложения земли, а еще более при отсутствии там защиты от произвольных поборов под видом налогов каждому земледельцу было выгодно казаться бедным, а следовательно, и плохо обрабатывать свою землю. Единственное ощущение опасности, которое полностью парализует энергию производителей, исходит от правительства или от лиц, облеченных им властью; от всех других грабителей есть надежда защититься. Греция и греческие колонии в древние века, Фландрия и Италия в средние века отнюдь не пользовались тем, что человек с современными представлениями назвал бы безопасностью. Общество там было в крайне непрочном и бурном состоянии, личность и собственность подвергались тысяче опасностей. Но это были свободные страны, которые, как увеличения веса. В таком состоянии лен покупается и экспортируется в Англию».

В комиссию палаты общин представлены материалы, свидетельствующие, что кружевное производство в Ноттингеме сильно сократилось вследствие того, что выпускались поддельные или низкокачественные изделия. «Сорт кружева (продолжаю цитировать Бэббейджа), называемый «однорядным», хотя на вид и хорош, в первой же стирке расползается. Однако ни один человек из тысячи не сумел бы отличить «однорядное» кружево от «двухрядного». Даже самим рабочим и фабрикантам приходилось для этого прибегать к увеличительному стеклу. В случае с таким же изделием, называемым крученым кружевом, также нужно было обращаться к помощи увеличительного стекла».

правило, не являлись объектом деспотического притеснения или систематического грабежа со стороны своих правительств. Против внешних врагов их личная энергия, возбуждаемая призывами существовавших в этих странах институтов, позволяла им успешно бороться. Их труд поэтому был чрезвычайно производителен, а их богатство, пока они оставались свободными, неуклонно возрастало. Римская деспотия, положившая конец войнам и междоусобным раздорам во всей империи, в значительной мере избавила покоренное население от прежнего ощущения постоянной опасности. Однако в силу того, что римляне сами возложили на это население тяжкое бремя своих собственных алчных устремлений, оно стало слабеть и беднеть, пока не превратилось в легкую добычу диких, но свободных завоевателей. Покоренные римлянами народы не захотели ни сражаться, ни трудиться, так как их лишили возможности пользоваться тем, во имя чего они прежде сражались и трудились.

Безопасность личности и собственности у современных наций в значительной мере представляет собой следствие прав и воззрений, а не законов. В Европе существуют или недавно еще существовали государства, где монарху номинально принадлежала неограниченная власть, но где в результате ее фактического ограничения укоренившимися обычаями ни один подданный практически не видит ни малейшей угрозы произвольного захвата правительством его собственности или обложения ее данью. При таких правительствах, однако, сохраняется мелкий грабёж и другие виды насилия со стороны правительственных агентов, от которых нет защиты из-за отсутствия гласности, составляющей характерную черту абсолютистского строя. В Англии население достаточно защищено институтами и обычаями от произвола правительственных чиновников, но что касается безопасности от других нарушителей, то ею Англия [в 1848 г.] очень мало обязана своим институтам. Нельзя утверждать, что законы обеспечивают защиту собственности, если эта защита обходится так дорого, что подчиниться несправедливости оказывается выгоднее. Защита собственности в Англии в гораздо большей мере обеспечивается (за исключением случаев явного насилия) укоренившимися взглядами и страхом изобличения, чем непосредственным действием закона и судебных учреждений.

Независимо от несовершенства всех опор, которые общество сознательно подводит под то, что оно считает собственностью, существуют различные иные способы, коими плохие институты препятствуют наиболее выгодно-му использованию производительных ресурсов страны. По мере изложения нашего предмета нам представится возможность обратить внимание на многие из них. Здесь достаточно отметить, что эффективность производства оказывается в прямой зависимости от того, насколько плоды производства достаются лицам, его осуществляющим, а также от того, в какой мере все общественные институты содействуют полезному приложению сил и надлежащему вознаграждению каждого за его труд пропорционально выгоде, какую он приносит. Все законы и обычаи, которые благоприятствуют одному классу или группе лиц в ущерб другим, которые сковывают усилия любой части общества в достижении ее собственного блага или устанавливают преграды между указанными усилиями и их естественными результатами, — все это (независимо от других отрицательных сторон) нарушение фундаментальных принципов экономической политики, ведущее к тому, что производительность совокупных производительных сил общества оказывается меньше, чем она была бы без такого нарушения.

О КООПЕРАЦИИ ИЛИ КОМБИНИРОВАНИИ ТРУДА

§ 1. При перечислении обстоятельств, повышающих производительность труда, мы не коснулись одного из них, которое по своему значению и по множеству вызываемых им спорных вопросов требует специального рассмотрения. Это кооперация или комбинирование действий многих лиц. Только одна часть этой великой силы, способствующей производству, известная под названием «разделение труда», привлекла большое внимание политэкономов, причем вполне заслуженное, хотя и за счет забвения других форм и проявлений того же всеобъемлющего закона. Насколько мне известно, Уэйкфилд был первым, кто заметил, что часть предмета в ущерб делу ошибочно принимается за его целое и что за разделением труда скрывается другой, охватывающий и его, более фундаментальный принцип.

Кооперация, отмечает он*, «бывает двух различных видов: во-первых, кооперация, состоящая в том, что несколько человек помогают друг другу выполнять одну и ту же работу, и, во-вторых — кооперация, при которой несколько человек помогают друг другу, выполняя различные работы. Эти два вида могут быть названы соответственно простой кооперацией и сложной кооперацией.

Преимущества простой кооперации можно проиллюстрировать на том известном примере, что две борзые собаки вместе поймают больше зайцев, чем четыре борзых порознь. Множество простых операций, осуществляемых трудом человека, ясно свидетельствуют, что два работника, действуя сообща, выполняют большую работу, чем четыре или четырежды четыре, каждый из которых работает порознь. Примером таких работ являются поднятие больших тяжестей, валка и распиловка леса, уборка больших массивов сена и зерновых в краткие промежутки благоприятной погоды, осушение больших участков земли

---

* Примечание к изданным Уэйкфилдом сочинениям Адама Смита, т. I, с. 26.

в течение короткого сезона, когда эту работу целесообразно производить, крепление снастей на корабле, гребля на многовесельных судах, некоторые шахтные работы, возведение строительных лесов, дробление камней для ремонта дорог с тем, чтобы последние на всем протяжении всегда поддерживались в удовлетворительном состоянии. При выполнении всех этих и еще тысяч других простых операций абсолютно необходимо, чтобы много людей работало сообща, одновременно, в одном и том же месте и пользуясь одними и теми же приемами. Дикари Новой Голландии никогда друг другу не помогают, даже на самых простых работах, и положение их едва ли лучше, а в некоторых отношениях даже хуже, чем положение диких животных, которых им иногда удается поймать. Представим себе, что английские рабочие внезапно откажутся помогать друг другу в простых трудовых операциях, и сразу станут очевидны громадные преимущества простой кооперации. В бесчисленном множестве видов работ размер продукта труда в известной степени пропорционален масштабам такой взаимопомощи между рабочими. Это и есть первый шаг на пути социального прогресса». Второй шаг сделан тогда, когда «одна группа людей объединяет свой труд, чтобы производить больше продовольствия, чем им требуется, и тем самым побуждает другую группу объединить свой труд, чтобы производить больше одежды, чем им нужно, и на этот излишек одежды приобретать излишек продовольствия, созданный первой группой работников. При этом если обе группы производят больше продовольствия и одежды, чем им вместе взятым нужно, они посредством обмена приобретают достаточный капитал, чтобы применить труд дополнительных работников в своих соответствующих производствах». Над простой кооперацией таким образом надстраивается еще одна, которую Уэйкфилд называет сложной кооперацией. Первая заключается в объединении нескольких работников для оказания помощи друг другу в одной и той же серии трудовых операций; другая состоит в объединении нескольких работников для оказания друг другу помощи посредством разделения трудовых операций.

«Между простой и сложной кооперацией труда имеется очень важное различие. Относительно первой человек получает четкое представление в самом процессе ее осуществления, она очевидна для самых невежественных и

неотесанных людей. Относительно второй лишь очень немногие из громадного числа участвующих в ней имеют хоть какое-то представление. Причину такого различия нетрудно обнаружить. Когда несколько человек поднимают одну и ту же тяжесть, крепят те же снасти в одно и то же время и в одном и том же месте, не может возникнуть никакого сомнения, что они работают сообща. Этот факт откладывается в сознании путем простого наблюдения. Когда же несколько человек или групп людей выполняют в разное время, в разных местах разные работы, их кооперирование друг с другом, хотя и реализуется на деле, не воспринимается сознанием так легко, как в первом случае. Чтобы осознать существование такой кооперации труда, требуется сложная работа ума».

При нынешнем устройстве общества разведение и откармливание овец составляет профессию одной группы людей, стрижка и обработка шерсти перед прядением — другой, прядение — третьей, превращение пряжи в ткань — четвертой, крашение ткани — пятой, изготовление из ткани одежды — шестой; кроме того, во всех следующих одна за другой стадиях этого процесса участвует также много транспортных работников, оптовых и розничных торговцев, комиссионеров. Все эти люди, ничего друг о друге не зная, без предварительной договоренности сотрудничают в производстве конечного результата — одежды. Но и ими далеко не ограничивается состав участников кооперации труда, ибо каждая из перечисленных категорий людей нуждается в продовольствии и многих других предметах потребления. Если бы они не рассчитывали на то, что другие произведут для них все эти предметы, они не могли бы посвятить все свое время какой-либо одной операции, которая в конце концов завершается изготовлением одного товара — одежды. Каждый человек, принявший участие в производстве продовольствия или возведении домов для этой цепочки производителей, сам, не ведая того, соединял свой труд с их трудом. На основе такого реального, хотя и негласного уговора «группа людей, производящая больше продовольствия, чем ей самой требуется, может совершать обмен результатами труда с другой группой, производящей больше, чем ей самой нужно, одежды; даже если бы обе группы отделяли друг от друга либо расстояние, либо нежелание вступать в обмен (исключая такую возможность, как фактическое объединение в одну группу с об-

щей задачей — производить достаточно продовольствия и одежды для всех вместе), они не в состоянии были бы рассечь на две обособленные части весь процесс производства достаточного количества продовольствия и одежды».

§ 2. Влияние, оказываемое на производство разделением труда, гораздо глубже, чем может предположить читатель на основании принятых трактовок этого вопроса. Это влияние отнюдь не ограничивается только тем, что в результате превращения производства различных вещей в единственную или главную профессию разных лиц значительно возрастает количество каждого из производимых продуктов. Истинное значение разделения труда намного шире. Без известной степени разделения видов труда очень многие вещи вообще не производились бы.

Представим себе группу людей или какое-то число семей, ведущих совершенно одинаковое хозяйство. Каждая семья занимает участок земли, на котором она собственным трудом производит пищу, необходимую для ее пропитания, но, поскольку там, где все являются производителями, нет никого, кто покупал бы какие-либо излишки продукта, каждой семье приходится самой производить все другие предметы своего потребления. В этих условиях, если земля достаточно плодородна и рост населения не превышает возможности его пропитания, несомненно, должны возникнуть некоторые виды домашнего производства. Одежда, соответственно пряжа и ткань для нее будут производиться в самой семье, вероятно, трудом женщин (первый шаг в разделении труда), жилище будет строиться и поддерживаться в исправности совместным трудом. Но кроме простой пищи (обеспеченность которой к тому же будет зависеть от колебаний погодных условий), грубой одежды и весьма несовершенного жилья, семья едва ли окажется в состоянии производить что-либо еще. Да и для этого ей, как правило, потребуется напрягать все свои силы. Даже ее способность добывать себе пищу обработкой земли резко ограничивается качеством имеющихся в ее распоряжении орудий труда, которое неизбежно остается на очень низком уровне. Производство для собственных нужд хоть каких-либо предметов комфорта или роскоши потребовало бы слишком большого времени, а во многих случаях оказалось бы связанным с необходимостью отправляться в другую местность. Поэтому здесь

могут существовать лишь очень немногие производства, а то, которое существует, т. е. производство предметов первой необходимости, оказывается крайне неэффективным, причем не только из-за несовершенства орудий труда, но еще и потому, что в условиях, когда земля и поддерживаемое ею домашнее производство обеспечивают семье известный достаток предметов первой необходимости, а размеры семьи остаются неизменными, у нее мало стимулов к тому, чтобы заставлять землю или труд приносить продукт больше прежнего.

Предположим, однако, что происходит событие, равносильное перевороту в жизни нашего маленького поселения. Допустим, что группа ремесленников, обеспеченная собственным инструментом и годовым запасом продовольствия, прибывает в деревню и поселяется в ней. Новые поселенцы занимаются производством полезных предметов или украшений, отвечающих вкусам простых людей. В течение периода, пока они не исчерпали собственного запаса пищи, ремесленники производят достаточное количество указанных предметов, чтобы предложить их в обмен на новую пищу. Экономическое положение земледельческого населения теперь существенно меняется. У них возникает возможность приобретать предметы комфорта и роскоши. Вещи, которые они, оставаясь в полной зависимости от собственного труда, не могли бы получить в свое распоряжение, поскольку их невозможно было производить, теперь становятся для них доступными при условии, что им удастся производить дополнительное количество пищи и других предметов первой необходимости. Таким образом, у них возникает стимул увеличить производительность своего труда. Среди полезных предметов, которые впервые становятся для них доступными, вероятно, оказываются более совершенные орудия труда. Кроме того, у них появляется побудительная причина трудиться более усердно и применять технические приспособления, повышающие эффективность их труда. Таким путем они, как правило, могут добиться того, чтобы их земля производила не только пищу для них самих, но и излишек для новых поселенцев, чтобы в свою очередь в обмен на него приобрести у последних продукты их труда. Новые поселенцы образуют так называемый *рынок* для излишков сельскохозяйственной продукции. Их прибытие обогатило данную деревню не только продуктами их ремесла,

но также и дополнительной пищей, которая не была бы произведена, если бы они не появились здесь в качестве ее потребителей.

Нет никакого противоречия между изложенной здесь концепцией и сформулированным нами ранее положением о том, что рынок для товаров сам по себе не создает занятости для рабочей силы*. Занятость земледельцев уже существовала и раньше, возможностью содержать себя они не были обязаны спросу со стороны новых поселенцев. Влияние этого спроса заключается лишь в том, что он вдохнул в их труд большую энергию, заставил повысить его эффективность; породив новые побудительные мотивы, он вызвал у земледельцев стремление трудиться усерднее. В свою очередь и новые поселенцы не обязаны своими средствами к существованию и занятостью спросу со стороны земледельцев. Располагая годовым запасом продовольствия, они могли поселиться рядом со старыми жителями и производить для своих нужд такой же скудный объем пищи и других предметов первой необходимости. Тем не менее мы видим, как велико значение для производительности труда производителей существование в пределах досягаемости других производителей, занятых каким-либо иным видом производства. Возможность обменивать продукты одного рода труда на продукты другого представляет собой условие, без которого общее количество труда почти всегда меньше. Когда для какого-нибудь продукта производства открывается новый рынок и в результате производится большее количество этого товара, увеличение производства не всегда достигается за счет другого изделия. Часто это оказывается новый продукт, созданный с помощью труда, который в противном случае не был бы приведен в действие, или посредством содействия труду в результате применения технических усовершенствований или методов кооперации, к которым не стали бы прибегать, если бы не возник стимул увеличить объем продукции.

§ 3. Из выше изложенных соображений следует, что страна едва ли будет иметь производительное сельское хозяйство, если она не располагает значительным город-

---

* См. с. 179—193.

ским населением или единственным его доступным заменителем в виде крупной экспортной торговли сельскохозяйственными продуктами для снабжения населения других стран. Я употребляю выражение «городское население» для краткости, подразумевая под ним несельскохозяйственное население, которое обычно сосредоточивается в городах или больших селах в целях комбинирования труда. Приложение Уэйкфилдом этой истины к теории колонизации уже привлекло к себе большое внимание и, несомненно, привлечет еще большее. Это одно из тех великих практических открытий, которые, после того как они совершены, представляются столь очевидными, что заслуги открывателей кажутся меньшими, чем они есть в действительности. Уэйкфилд первый указал на то, что обычно практиковавшийся в его время метод создания новых поселений, который состоял в том, что множество семей размещали бок о бок, каждую на своем участке земли, причем все они вели совершенно одинаковое хозяйство, хотя и мог при благоприятных условиях обеспечить этим семьям достаточное количество примитивных средств существования, совершенно не подходит для создания крупного производства или поощрения его быстрого роста. Предложенная Уэйкфилдом система колонизации заключается в обеспечении каждой колонии собственным городским населением в надлежащей пропорции к сельскохозяйственному и в таком размещении земледельцев, которое исключало бы их чрезмерную удаленность от городского населения, образующего рынок сбыта для их продукции. Принцип, на котором строится эта схема, не зависит ни от какой теории, приписывающей более высокую производительность большим земельным владениям, обрабатываемым наемными работниками. Если признать правильным, что земля действительно приносит больше продукции, когда она разделена на мелкие участки и обрабатывается крестьянами-собственниками, то и при этом, безусловно, необходимо городское население, чтобы побуждать указанных землевладельцев производить больше продуктов. Но если бы эти участки земли были расположены слишком далеко от ближайшего центра несельскохозяйственного производства, который их владельцы в результате не могли бы использовать в качестве рынка для сбыта излишков своей продукции, а тем самым и для приобретения других потребительских товаров, то, вообще

говоря, никакой излишек продукции или что-либо равнозначное ему не было бы произведено.

Именно малочисленность городского населения в первую очередь ограничивает производительность труда в такой стране, как Индия [1848 г.]. Земледелие в Индии целиком строится на системе мелких участков. Там, однако, существует довольно высокий уровень комбинирования труда. Сельские институты и обычаи, которые составляют основу общественного строя Индии, обеспечивают совместные работы в необходимых случаях, а когда они не достигают цели, на помощь приходит правительство (если оно удовлетворительно справляется со своим делом) и на средства от налоговых поступлений организует общественные работы по строительству водохранилищ, плотин и ирригационных сооружений, без которых земледелие там невозможно. Орудия труда и методы обработки земли, однако, там столь примитивны, что, несмотря на высокое естественное плодородие почвы и в высшей степени благоприятные климатические условия, продуктивность земледелия чрезвычайно низка. Между тем земля здесь могла бы и без уничтожения системы мелких владений обеспечить изобилие продовольствия для гораздо большего, чем теперь, населения. Но для этого требуется стимул в виде многочисленного городского населения, связанного с сельскими районами удобными и дешевыми путями сообщения. В свою очередь и городское население не увеличивается, так как земледельцы в силу низкого уровня потребностей и предприимчивости (в сочетании с отсутствовавшей до последнего времени защитой собственности от тяжелых военных и налоговых поборов) не стремятся превратиться в покупателей продукции городов. В этих условиях наилучшие ближайшие возможности для развития производительных сил Индии заключаются в быстром¹ расширении экспорта ее сельскохозяйственной продукции (хлопка, индиго, сахара, кофе и т. д.) на рынках Европы. Производители этих товаров являются потребителями продовольствия, производимого другими индийскими земледельцами. Возникающий таким образом рынок для сбыта излишков продовольствия может породить при условии надлежащего управления страной постепенное

---

¹ [Слово «теперь» перед «в быстром» опущено в 3-м издании (1852 г.).]

увеличение потребностей и спроса либо на европейские товары, либо на предметы, производство которых в самой Индии обусловит необходимость многочисленного промышленного населения.

§ 4. До сих пор речь шла о разделении видов производительной деятельности, о такой форме комбинирования труда, без которой не могли бы возникнуть зачатки индустриальной цивилизации. Но когда такое разделение уже прочно укоренилось, когда для каждого производителя стало обыкновением поставлять многим другим один товар и приобретать у других большую часть предметов своего потребления, тогда уже причины, не менее реальные, хотя и менее настоятельные, побуждают к дальнейшему распространению этой практики. Обнаруживается, что производительная сила труда все более и более возрастает по мере его дальнейшего разделения, по мере последовательного расщепления каждого производственного процесса на все более мелкие части, в результате чего на каждого работника приходится все меньшее количество простых операций. Таким образом, постепенно возникают те примечательные формы явления, названного разделением труда, которые известны всем читателям трудов по политической экономии. Приведенный Адамом Смитом пример с производством булавок хотя и широко известен, но столь удачен, что я решаюсь еще раз его повторить.

«Процесс изготовления булавки разделяется примерно на 18 отдельных операций. Один рабочий растягивает проволоку, другой выпрямляет ее, третий разрезает, четвертый заостряет, пятый обтачивает ее конец, на который надлежит насадить головку; на изготовление головки требуются две или три особые операции; насадка головки — самостоятельная работа; другая работа — чистка булавок; даже вкалывание их в бумагу — особая работа... Я видел маленькую фабрику, где работало лишь 10 рабочих и где, естественно, некоторые из них выполняли две или три отдельные операции. Хотя они были очень бедны и поэтому плохо оснащены нужными инструментами, они тем не менее, когда работали усердно, могли сообща изготавливать в день 12 фунтов булавок. На фунт приходится свыше 4 тыс. булавок среднего размера. Следовательно, эти 10 человек могли в день выработать более 48 тыс. булавок. Можно считать, что каждый из них, изготавливая $1\frac{1}{10}$ часть

48 тыс., производит в день 4,8 тыс. булавок. Но если бы все они работали порознь и самостоятельно и не были обучены этому специальному виду работы, ни один из них, без сомнения, не сумел бы изготовить в день и 20 булавок, а может быть, и ни одной».

Сэй приводит еще более яркий пример эффекта разделения труда, правда, не из очень важной отрасли промышленности — производства игральных карт. «Люди, занятые в этом производстве, утверждают, что каждая карта, т. е. кусок картона размером с ладонь, до поступления в продажу подвергается не менее, чем 70 операциям, каждая из которых образует специальность отдельной группы рабочих. И если не на каждой фабрике, изготавливающей игральные карты, имеется 70 групп рабочих, объясняется это тем, что разделение труда еще не доведено до максимально возможной степени и на одного и того же рабочего возлагается выполнение двух, трех или четырех особых операций. Результаты такого разделения труда огромны. Я видел фабрику игральных карт, на которой 30 рабочих ежедневно изготавливали 15,5 тыс. карт, т. е. более чем по 500 карт на одного рабочего. Можно предположить, что если бы каждому из них пришлось самому выполнять все операции, то, даже обладая высоким мастерством, он не смог бы, очевидно, изготовить и двух карт в день. В результате 30 рабочих вместо 15,5 тыс. изготовили бы лишь 60 карт» *.

Как отмечает Бэббейдж, относительно производства часов «Комиссия палаты общин получила показания, свидетельствующие о том, что здесь имеется 202 различные специальности, по каждой из них можно отдавать мальчиков в ученики, которых обучают только данной узкой специальностью; по истечении срока ученичества ученик не может без дополнительного обучения работать по другой специальности. Часовой мастер, занимающийся сборкой часов из отдельных деталей, — единственный из 202 человек, кто способен выполнять другую работу, кроме собственной» **.

---

* J. B. Say. Cours d'Economie Politique Pratique, vol. 1, p. 340. Примечательным доказательством экономии труда, достигаемой таким дроблением операций, служит тот факт, что товар, на производство которого понадобилось такое множество ручных операций, может продаваться по ничтожной цене.

** "Economy of Machinery and Manufactures", 3rd edition, p. 201

§ 5. Некоторые причины возрастания эффективности труда в результате его разделения достаточно хорошо известны и не нуждаются в подробном рассмотрении, но все же следует попытаться сделать их полный перечень. Адам Смит различает три вида. Это, «во-первых, увеличение ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, экономия времени, обычно теряемого при переходе от одного вида труда к другому; и, наконец, в-третьих, изобретение большого числа машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному рабочему выполнять работу нескольких».

Среди этих причин наиболее очевидной и всеобщей является повышение ловкости каждого отдельного рабочего. Из того, что какая-либо работа выполняется чаще, вовсе не следует, что она выполняется лучше. Это зависит от понятливости рабочего и от того, в какой мере работа его рук сочетается с работой его ума. Но производство вещи будет легче. Сами органы человека приобретают большую силу: участвующие в работе мышцы укрепляются частыми упражнениями, мускулатура становится более гибкой, эффективность умственных способностей возрастает, они оказываются менее подвержены усталости. То, что может быть исполнено легче, по меньшей мере имеет шансы быть исполненным лучше и уж наверняка быстрее. То, что прежде делалось медленно, теперь делается быстро; то, что раньше делалось тщательно, но медленно, теперь уже делается быстро, но столь же тщательно. Это относится как к умственным, так и к физическим трудовым операциям. Даже ребенок после долгих упражнений складывает колонку чисел с такой быстротой, будто действует интуитивно. Говорить на каком-нибудь языке, бегло читать, исполнять музыкальные произведения с нотного листа — вот примеры, столь же примечательные, сколь и обычные. Примерами приобретаемой частым повторением быстроты и легкости исполнения физических действий могут служить танцы, гимнастические упражнения, свободная и блестящая игра на музыкальном инструменте.

При выполнении более простых физических операций эффект достигается, конечно, скорее. Адам Смит отмечает, что «быстрота, с какой выполняются некоторые производственные операции, представляется тем людям, кто никогда прежде это не наблюдал, превышающей челове-

ские возможности» *. Такое мастерство, естественно, достигается тем скорее, чем более дробным становится разделение труда; напротив, им вообще нельзя в такой степени овладеть, если рабочему приходится выполнять слишком большое число операций, исключаящее возможность достаточно частого повторения каждой из них. Преимущества овладения мастерством не ограничиваются лишь достигаемой в конечном счете более высокой производительностью, но включают также сокращение потерь времени и излишнего расхода материалов. «Некоторое количество материалов, — пишет Бэббейдж, — при всех обстоятельствах будет израсходовано непроизводительно или испорчено всяким рабочим, обучающимся своей специальности; каждый раз, когда он обучается новой операции, он портит какое-то количество сырья или полуфабриката. Но такие потери гораздо больше, когда каждый рабочий последовательно обучается всем операциям, чем тогда, когда он сосредоточивает все свое внимание на одной операции» **. И вообще всякий работник гораздо скорее овладевает умением выполнять свой рабочий процесс, если его не отвлекают в ходе обучения, вынуждая осваивать другие процессы.

Что касается второго из перечисленных Адамом Смитом преимуществ, вытекающих из разделения труда, то я пришел к убеждению, что Адам Смит и другие придают ему больше значения, чем оно заслуживает. Но справедливости ради я приведу его собственное объяснение: «Выгоды от экономии времени, обычно теряемого при переходе от одного вида работы к другому, гораздо больше, чем

---

* «При астрономических наблюдениях органы чувств астронома настолько обостряются от привычных упражнений, что он в состоянии измерить разницу во времени до десятой доли секунды и настроить свой прибор на деления, которых только в одном дюйме умещается 5 тыс. То же самое происходит и в самых обыкновенных производственных процессах. Ребенок, который насаживает головки булавок, в состоянии повторять операцию, требующую лишь ряда определенных движений мышц, 100 раз в минуту на протяжении нескольких часов подряд. Недавно в одной манчестерской газете сообщалось о каком-то особом сорте пряжи или гильюра, для изготовления которого первоначально расходовалось 3 пилл. на фунт, теперь же затрачивается лишь 1 пенс, причем не в результате, как обычно, изобретения новой машины, а исключительно вследствие повышения ловкости рабочих».

** Babbage. Economy of Machinery and Manufactures, p. 171.

представляется с первого взгляда. Невозможно очень быстро переключиться с одного вида работы на другой, когда последний выполняется в другом месте и с помощью совершенно других орудий труда. Деревенскому ткачу, обрабатывающему маленький участок земли, приходится терять много времени на передвижения от ткацкого станка к своему полю и с поля к ткацкому станку. Когда два рабочих процесса можно осуществлять в одной мастерской, потеря времени, разумеется, намного меньше. Но и в данном случае она тем не менее очень значительна. При переходе от одной работы к другой человек обычно делает небольшую передышку. Начиная новую работу, он редко проявляет сразу усердие и энергию, его душа, как выражаются, еще не лежит к ней, и какое-то время он не работает как следует, а занимается пустяками. Привычка тянуть волюнку и работать небрежно, кое-как, естественно или, вернее, неизбежно приобретаемая всяким деревенским работником, который вынужден каждые полчаса менять свою работу и орудия труда и на протяжении всей своей жизни каждый день привниматься за двадцать различных дел, почти всегда делает его ленивым, вялым, неспособным к напряженному труду даже в случаях настоятельной необходимости».

Это, конечно, сильно преувеличенное изображение неэффективности деревенского труда; между тем последний, когда для него существуют надлежащие стимулы, становится достаточно напряженным. Вряд ли кто из работников чаще меняет виды работ и орудия труда, нежели садовник, но можно ли утверждать, что он вообще неспособен проявлять усердие в работе? Многим самым квалифицированным ремесленникам приходится выполнять множество операций разнообразными инструментами. Они, конечно, не выполняют каждую из этих операций с такой же быстротой, как фабричный рабочий выполняет свою единственную операцию, но все они, если не считать чисто физической ловкости, более искусные и во всех отношениях более усердные работники, чем фабричные рабочие.

Вслед за Адамом Смитом Бэббейдж утверждает: «Когда рука или голова человека заняты в течение какого-то времени выполнением одного вида работы, они не в состоянии мгновенно в полной мере переключиться на другой вид работы. Участвующие в трудовом процессе мускулы при-

обретают гибкость, а бездействующие теряют в период покоя эластичность, что делает всякую смену трудовых процессов медленной и поначалу неэффективной. Кроме того, длительные упражнения работающих мышц придают им способность переносить усталость в гораздо большей мере, чем могут переносить неработающие. Такой же результат наблюдается и при смене умственных занятий. Вначале внимание, уделяемое новому предмету, труднее сосредоточить, чем после некоторого упражнения в данном предмете. Применение различных орудий труда на разных операциях служит еще одним источником потери времени при переходе от одной операции к другой. Когда эти орудия простые и их меняют не очень часто, потеря времени незначительна, но во многих производственных процессах применяются весьма чувствительные приборы, требующие каждый раз точной наладки; при этом в ряде случаев время, затрачиваемое на их наладку, составляет значительную часть общего времени использования прибора. К ним относятся суппорт, делительная машина, сверлильный станок. Поэтому на достаточно крупных фабриках считается экономичным постоянно применять одну машину для выполнения одной операции. Например, на одном токарном станке с винтовым ходом его суппорта на всю длину рамы постоянно изготавливаются цилиндры; на другом, имеющем механизм корректировки скорости движения детали, производится обточка ее поверхности; третий постоянно используется для обточки колес».

Я далек от того, чтобы отвергать значение этих различных аргументов, но мне представляется, что здесь не учтены соображения противоположного характера. Если один вид физического или умственного труда отличается от другого, то именно поэтому второй является до известной степени отдыхом от первого; и если при втором сразу же не реализуется максимальная энергия работника, то и первый вид труда он не в состоянии неопределенно долго осуществлять без некоторого ослабления применяемой энергии. Житейский опыт свидетельствует, что перемена труда часто доставляет облегчение, тогда как без такой перемены потребовался бы полный отдых, и что человек может работать гораздо дольше, не чувствуя усталости, при последовательной смене операций, чем выполняя в течение всего рабочего дня одну и ту же операцию. В выполнении различных операций участвуют различные мыш-

цы, используются разные виды умственной энергии, из которых одни отдыхают или восстанавливают работоспособность, пока работают другие. Физический труд сам по себе представляет собой отдых от умственного, и наоборот. Сама перемена труда оказывает стимулирующее воздействие на то состояние человека, которое мы, не найдя более подходящего определения, назвали бы бодростью духа, которая столь важна для всякой немеханической работы и не лишена значения даже для механической. Эти соображения в разной степени распространяются на разных людей. Одни больше других приспособлены к постоянному повторению одной трудовой операции и менее приспособлены к перемене труда. Им требуется больше времени, чтобы «развести пары» (употребляя принятую теперь метафору), раскатка в начале работы у них длится дольше, больше времени уходит на то, чтобы полностью привести в действие свои силы, а поэтому, когда они достигают рабочего состояния, они предпочитают не прерывать работу и продолжают ее выполнять безостановочно, иногда даже в ущерб своему здоровью. Такие индивидуальные различия в какой-то мере связаны с темпераментом. Есть люди, силы которых, казалось бы от природы, мобилизуются медленно и труд которых приносит результат лишь после длительного его применения. Другие принимаются за дело быстро, но не могут работать долго без усталости. Здесь, как и во многом другом, врожденные различия играют известную роль, но гораздо большую роль играет привычка. Привычку к переходу от одного вида работы к другому, как и другие привычки, можно выработать смолоду, а когда она уже приобретена, то нет и шатания без дела при каждой смене трудовой операции, о котором говорит Адам Смит. У рабочего появляются энергия и интерес, он приступает к каждой стадии своей работы с ощущением свежести и бодрости, которое он не сохранил бы (исключая случаи необычного возбуждения), если бы продолжал выполнять одну и ту же операцию сверх привычного отрезка времени. Женщины (по крайней мере при их нынешнем социальном положении) обычно отличаются большей способностью к перемене труда. В данном случае перед нами один из множества примеров, показывающих, насколько мало учитываются взгляды и опыт женщин при формировании общественного мнения в мире. Очень немногие женщины согласятся с утвержде-

нием, что работа выполняется тем энергичнее, чем дольше она длится, и что после перехода от одного вида работы к другому она становится на некоторое время неэффективной. Но даже и в этом случае, как я полагаю, причина различия кроется не столько в природных особенностях, сколько в привычке. Из десяти мужчин девять заняты каким-либо одним специальным делом, тогда как из десяти женщин девять занимаются множеством мелких дел, каждое из которых требует очень мало времени. Женщинам постоянно приходится быстро переходить от одного вида физического труда к другому, а еще чаще от одного вида умственного труда к другому. Поэтому такой переход редко связан у них с дополнительными усилиями или потерей времени. Между тем занятие мужчин обычно заключается в неизменной и длительной работе над одной вещью или над очень небольшим количеством вещей. Но иногда складывается противоположная ситуация, а с ней меняются и отмеченные особенности. Женщины оказываются не менее способными, чем мужчины, к однообразной фабричной работе, иначе не стали бы так широко применять их труд в промышленности. В свою очередь мужчина, развивший в себе привычку выполнять много операций, не только не является таким ленивым и вялым работником, каким его изобразил Адам Смит, но обычно обнаруживает замечательную активность и энергию. Вместе с тем следует признать, что смена трудовых операций может оказаться слишком частой и для самых приспособленных к ней. Непрерывные перемены более утомительны, чем постоянное однообразие.

Третье преимущество, приписываемое Адамом Смитом разделению труда, до известной степени реально. Изобретения, приводящие к экономии труда на определенных производственных операциях, скорее всего могут быть сделаны людьми, которые сосредоточивают свои мысли именно на этих операциях и которые постоянно их выполняют. Маловероятно, чтобы человек внес практические усовершенствования в какую-нибудь одну область производства, если его внимание сильно отвлекается на другие области. Однако здесь гораздо большую роль играет общее умственное развитие и привычка к умственной деятельности, чем сосредоточенность на одном занятии. Если же подобная сосредоточенность достигает такой степени, когда она уже не благоприятствует развитию умственных

способностей, то дело изобретательства от этого больше проигрывает, нежели выигрывает. Добавим, что, каковы бы ни были причины, порождающие изобретения, как только изобретение сделано, повышение производительности труда вызывается самим изобретением, а не разделением труда.

Величайшее (вслед за увеличением ловкости рабочих) преимущество, получаемое от дробного разделения труда в современном фабричном производстве, не упомянуто Адамом Смитом, но на него обратил внимание Бэббейдж. Речь идет о более экономичном распределении труда путем классификации работников в соответствии с их профессиональными способностями. Различные участки одного ряда операций требуют разной степени мастерства и физической силы рабочих. Тех из них, кто владеет достаточным мастерством для выполнения наиболее сложных или достаточной силой для выполнения наиболее тяжелых трудовых операций, целесообразнее использовать исключительно на этих операциях, тогда как всем остальным поручаются операции, с которыми может справиться любой работник. Производство наиболее эффективно тогда, когда на каждой стадии рабочего процесса употребляется ровно столько мастерства и силы, сколько необходимо, а не больше того. Производство булавок на различных его участках требует столь разной степени мастерства, что дневная заработная плата занятых в нем рабочих колеблется от 4,5 пенса до 6 шилл. Если бы рабочему, оплачиваемому по высшему тарифу, пришлось выполнять все операции производственного процесса, он часть рабочего дня затрачивал бы на операции, на которых его потери составили бы разницу между 6 шилл. и 4,5 пенса. Не считая потерь в объеме выполненной работы и допуская даже, что этот рабочий может изготовить фунт булавок за то же время, за какое 10 рабочих, соединяя свой труд, в состоянии изготовить 10 фунтов. Бэббейдж рассчитал, что производство булавок обошлось бы таким образом в 3,75 раза дороже, чем на основе разделения труда. Он добавляет, что в производстве иглок разница оказалась бы еще большей, ибо там дневная заработная плата на различных операциях рабочего процесса колеблется от 6 пенсов до 20 шилл.

К преимуществу, заключающемуся в извлечении максимально возможной пользы из мастерства рабочих, следует добавить аналогичное, а именно извлечение макси-

мально возможной пользы из орудий труда. «Если какой-нибудь человек, — пишет один талантливый автор, — обладал бы всеми орудиями труда, необходимыми для многих различных производственных операций, по крайней мере три четверти из них оставались бы без употребления и не приносили бы никакой пользы. Совершенно очевидно, что, если бы существовало общество, в котором каждый человек владел бы всеми этими орудиями труда и поочередно применял их на соответствующих производственных операциях, такому обществу было бы выгоднее, чтобы его члены по возможности поделили эти орудия между собой и каждый из них посвятил себя какому-нибудь специальному делу. Преимущества такого дележа как для общества в целом, так и для каждого составляющего его человека очень велики. Прежде всего различные орудия оказались бы в постоянном употреблении и приносили бы больший доход на ту сумму, которая была израсходована на их приобретение. Вследствие этого их владельцы получили бы возможность приобретать взамен их орудия более высокого качества и более совершенной конструкции. А в результате действия указанных двух факторов было бы произведено больше продукции для удовлетворения будущих потребностей всего общества» *.

§ 6. Разделение труда, как отмечали все писавшие о нем, ограничивается размерами рынка. Если посредством расчленения процесса изготовления булавок на 10 самостоятельных операций можно в день производить 48 тыс. булавок, такое расчленение стоило бы осуществить лишь при том условии, что налицо оказалось бы достаточно покупателей, предъявляющих ежедневно спрос примерно на 48 тыс. булавок. Но если спрос имеется лишь на 24 тыс., разделение труда можно с выгодой осуществить лишь в пределах, обеспечивающих дневное производство в указанном половинном размере. Здесь, следовательно, перед нами еще одна форма, в которой расширение спроса на товар ведет к повышению производительности труда, занятого в производстве данного товара. Размеры рынка

---

* John Rae. Statement of some New Principles on the subject of Political Economy. (Boston, U. S.), p. 164. ["Sociological Theory of Capital" (1905), p. 102. See infra, p. 165 n.]

могут ограничиваться рядом причин: малочисленностью населения; слишком большой разбросанностью и удаленностью его, что затрудняет доступ товаров; несовершенством сухопутных и водных путей сообщения; наконец, большой бедностью населения, т. е. тем обстоятельством, при котором слишком низкая производительность совокупного труда не позволяет жителям данной страны превратиться в крупных потребителей. Поэтому лень, недостаток мастерства и низкий уровень комбинирования труда среди тех, кто при других обстоятельствах оказался бы покупателем товара, ограничивают практические возможности разделения труда между производителями этих товаров. На ранней стадии цивилизации, когда спрос со стороны жителей любой отдельной местности неизбежно оставался весьма небольшим, производство процветало лишь у тех народов, которые располагали морским побережьем или судоходной рекой и тем самым могли пользоваться всем миром или той его частью, которая находилась на морских побережьях или судоходных реках, в качестве рынка сбыта для своей продукции. Возрастание общего богатства на земном шаре, когда оно сопровождается свободой торговых сношений, совершенствованием мореплавания и внутренних путей сообщения — грунтовых и шоссейных дорог, каналов, железнодорожного транспорта, — ведет к повышению производительности труда каждого народа, открывая для населения любой местности возможность снабжать своими особыми продуктами настолько большой рынок, что обычным следствием этого является резкое углубление разделения труда в производстве указанных продуктов.

Во многих случаях разделение труда ограничивается также самим характером производства. Сельское хозяйство, например, не поддается столь дробному разделению специальностей, как многие отрасли промышленности, поскольку различные сельскохозяйственные работы невозможно осуществлять одновременно. Нельзя одному человеку всегда пахать, другому — сеять, третьему — жать. Работник, выполняющий только одну сельскохозяйственную трудовую операцию, оставался бы праздным в течение 11 месяцев в году. Один и тот же человек может выполнять последовательно все сельскохозяйственные работы, причем в большинстве климатических районов у него еще останется свободное время. Осуществление круп-

ных землеустроительных работ часто требует совместного труда многих работников, но, как правило, если исключить тех, на кого возложен надзор, все они выполняют одинаковую работу. Канал или железнодорожную насыпь нельзя построить без соединения большого числа рабочих, но все они, кроме инженеров и нескольких конторских служащих, землекопы².

---

² [См. Приложение G. «Разделение и комбинирование труда».]

О КРУПНОМ И МЕЛКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Из важного значения комбинирования труда со всей очевидностью следует вывод, что во многих случаях производство становится гораздо более эффективным, когда оно ведется в крупных масштабах. Всякий раз, когда в целях всемерного повышения производительности приходится комбинировать труд многих работников, хотя бы только на основе его простой кооперации, выясняется, что размеры предприятия должны быть достаточно большими, чтобы позволить соединить много работников в одном месте, и что размер капитала также должен быть достаточно большим, чтобы обеспечить возможность их содержания. Это становится еще более необходимым, если характер производства допускает, а размер потенциального рынка стимулирует значительное разделение труда. Чем больше масштабы предприятия, тем более глубокое разделение труда возможно осуществить. В этом кроется главная причина возникновения крупных фабрик. Даже в тех случаях, когда расширение производства не влечет за собой нового разделения труда, весьма выгодно его расширять до такого размера, при котором каждый работник, кому целесообразно поручить особую трудовую операцию, окажется полностью загруженным на данной операции. Это хорошо объясняет Бэббейдж*.

«Чтобы машины могли работать в течение всех 24 часов (а это явно самый экономичный способ их применения), необходим специальный человек, который пропускал бы на предприятие рабочих, когда они сменяют друг друга, причем независимо от того, сколько рабочих пропускает привратник или другой занятый этим служащий — одного рабочего или 20, он так или иначе должен прилагать для этого определенные усилия. Требуется также время от времени налаживать или ремонтировать машину, а это гораздо лучше может выполнить рабочий, обладающий опытом изготовления машины, чем человек, на

---

* Ch. Babbage op. cit., p. 214 et seqq.

ней работающий. Далее, поскольку нормальная работа и долговечность машин в очень большой степени зависят от немедленного устранения повреждений или дефектов их частей, постоянное наблюдение находящегося на месте рабочего существенно сокращает издержки, вызываемые износом машин. Но когда вы имеете дело с одной вязальной машиной или одним ткацким станком, это обойдется слишком дорого. Здесь, таким образом, возникает еще один мотив, побуждающий увеличивать размеры фабрики. Она должна насчитывать такое количество машин, на содержание которых в надлежащем состоянии потребовалось бы все рабочее время одного рабочего. Если же на ней устанавливается больше машин, тот же принцип экономии обуславливает необходимость удвоения или утроения их количества с тем, чтобы можно было загрузить все рабочее время двух или трех квалифицированных рабочих.

Когда часть труда рабочего заключается в применении лишь одной физической силы, как, например, в ткачестве или многих аналогичных работах, фабрикант вскоре сообщит, что, если эту часть труда переложить на паровую машину, тот же рабочий, в данном случае ткач, может обслуживать одновременно два станка или еще больше. Поскольку мы уже предположили, что на фабрике работает один или несколько механиков, можно установить такое количество станков, при котором все рабочее время этих механиков будет занято содержанием в надлежащем состоянии и паровой машины, и ткацких станков.

Согласно тем же принципам, фабрика постепенно настолько расширяется, что издержки на ее освещение в ночное время достигают значительной суммы. Но так как на фабрике уже имеются люди, которые работают всю ночь и поэтому могут присматривать за освещением, имеются также механики по наладке и ремонту всяких машин, установка газового аппарата для освещения фабрики ведет к дальнейшему ее расширению и вместе с тем, уменьшая издержки на освещение и риск пожара, способствует сокращению стоимости всего производства.

Еще задолго до того, как фабрика достигает таких размеров, возникает необходимость в учреждении на ней бухгалтерии со штатом служащих, которые должны выплачивать рабочим заработную плату и следить за их своевременным приходом на работу. Этому отделу над-

лежит также поддерживать связь с агентами, закупающими сырье и продающими готовые изделия». Указанным служащим и бухгалтерам потребуется затрачивать не намного больше времени и труда для выплаты заработной платы многочисленному персоналу рабочих и для проверки счетов по крупным сделкам, чем для тех же операций с малым числом рабочих и небольшими размерами сделок. При удвоении объема производства, вероятно, окажется необходимым несколько увеличить численность бухгалтеров и агентов по закупке сырья и сбыту готовой продукции, но отнюдь не вдвое. Каждое новое расширение предприятия позволяет вести дело с пропорционально меньшей численностью работников.

Как правило, издержки предприятия не возрастают строго пропорционально увеличению объема его деятельности. Возьмем для примера ряд операций, выполнение которых мы привыкли видеть в одном крупном учреждении, а именно почтовом ведомстве. Допустим, что операции хотя бы одной только почтовой службы Лондона не были бы централизованы в одном предприятии, а поделены между пятью или шестью конкурирующими компаниями. Каждой из них пришлось бы содержать почти такой же штат, каким теперь обходится единая служба. Чтобы почтовое обслуживание осуществлялось так же хорошо, как теперь, каждая компания должна была бы организовать прием и доставку писем во всех районах города, посылать почтальонов на каждую улицу и почти в каждый переулок, причем столько же раз в день, сколько это делает сегодня почтовая служба Лондона. Каждой компании пришлось бы открыть во всех кварталах конторы для приема писем и создать вспомогательный аппарат для сбора писем из разных контор, сортировки и доставки их адресатам. К этому следует добавить, что понадобилось бы гораздо большее число старших служащих для надзора за работой подчиненных. Это повлекло бы за собой не только увеличение расходов на жалованье таким ответственным чиновникам, но, быть может, и необходимость часто довольствоваться более низким уровнем их квалификации, а следовательно, мириться и с неудовлетворительным выполнением ими своих обязанностей.

В условиях свободной конкуренции существует безошибочный критерий, позволяющий определить, насколько преимущества ведения хозяйства в крупном масштабе

в каждом конкретном случае перевешивают выгоды от большей тщательности, более строгого учета малейших прибылей и убытков, обычно характерных для мелких предприятий. В отраслях, где одновременно имеются крупные и мелкие предприятия, те из них, которым при данных условиях удастся осуществлять производство более выгодно, оказываются в состоянии продавать свою продукцию по более низким ценам, чем другие. Вообще говоря, способность постоянно сбывать продукцию по более низким ценам может возникнуть лишь из повышения производительности труда, а последнее, когда оно является результатом более глубокого разделения труда или классификации работников, обуславливающей более экономичное использование их мастерства, всегда означает производство большего объема продукции тем же количеством труда, а не просто производство такого же объема продукции меньшим количеством труда. Повышение производительности труда увеличивает не только прибыль, но и валовой продукт. Когда возросшее количество какого-нибудь конкретного товара не встречает спроса и в результате часть работников лишается работы, капитал, который обеспечивал их содержание и занятость, также высвобождается, а совокупный продукт страны возрастает за счет применения труда этих работников в другом производстве.

Другая причина возникновения крупных фабрик заключается во внедрении производственных процессов, требующих применения дорогого оборудования. Дорогостоящие машины предполагают использование крупного капитала с целью производить и в надежде продавать столько изделий, сколько позволяет полная мощность машины. Этими двумя мотивами обуславливается неизбежность системы крупного производства повсюду, где устанавливаются дорогостоящие машины. Но в данном случае способность продавать продукцию дешевле других не является столь безошибочным критерием благотворного воздействия на совокупное производство общества, как в предыдущем. Способность продавать дешевле других зависит не от увеличения абсолютного объема продукции, а от его более благоприятного соотношения с издержками; как было показано в одной из предыдущих глав*, улучшение этого соотношения совместимо даже с сокращением годо-

---

* См. выше, гл. VI.

вого валового продукта. В результате применения машин оборотный капитал, который непрерывно потреблялся и воспроизводился, превращается в основной капитал, требующий лишь небольших ежегодных издержек на поддержание его в рабочем состоянии, а для покрытия этих издержек и возмещения оставшейся части оборотного капитала производителя достаточно гораздо меньшее количество продукта. Машина поэтому может оказаться весьма выгодной для фабриканта и позволить ему продавать свою продукцию дешевле конкурентов, хотя в результате ее применения продукт страны может не возрасти, а сократиться. Правда, произведенный с ее помощью товар будет дешевле, и, следовательно, одного этого товара будет, вероятно, продаваться не меньше, а большее количество, хотя потеря для общества в целом падает на рабочих, которые не являются главными покупателями или вовсе не являются покупателями продукции большинства отраслей промышленности. Но если данная отрасль производства и может увеличить свою продукцию, произойдет это путем возмещения ее сократившегося оборотного капитала за счет общества в целом; если рабочим этой отрасли в свою очередь удастся избежать потери работы, то только потому, что сокращение занятости распространится на всех трудящихся вообще. Когда часть их окажется низведенной до положения непроизводительных работников, существующих за счет добровольной или предусмотренной законом благотворительности, валовой продукт страны соответственно сократится на некоторое время, т. е. до тех пор, пока нормальный процесс накопления не возместит это сокращение. Если же положение трудящихся позволяет им выдержать временное снижение заработной платы, а рабочие, оказавшиеся лишними, находят себе занятие в других производствах, их труд остается производительным и брешь в валовом продукте страны будет заделана, хотя и не без ущерба для рабочих. Я воспроизвел здесь ход рассуждений, уже приведенных выше, стремясь сильнее подчеркнуть тот факт, что если способ производства позволяет продавать какой-либо товар по более низкой цене, то из этого вовсе не обязательно следует, что он тем самым увеличивает производительный эффект коллективного труда общества. Одно из этих явлений обычно сопутствует другому, но все же не обязательно. Я не стану здесь повторять уже приведенные

выше аргументы, не стану также предвосхищать их более подробное изложение в дальнейшем, поскольку считаю, что это исключение из правила представляет собой лишь абстрактную возможность, а не часто встречающийся реальный случай.

Значительную часть экономии труда, возникающей при замене мелкого производства крупным, составляет экономия труда самих капиталистов. Когда сто производителей с небольшими капиталами порознь осуществляют производство на однородных предприятиях, управление каждым предприятием, очевидно, требует от управляющего им лица отдавать этому делу все свое внимание; во всяком случае, оно не позволяет ему отвлекать свое время и мысли на что-либо другое. Между тем один фабрикант, владеющий капиталом, равным сумме указанных ста мелких капиталов, может с помощью одного-двух десятков служащих справиться с управлением совокупным объемом производства всех ста мелких предпринимателей и еще располагать временем для других занятий. Правда, мелкий капиталист обычно сочетает функции управления с известной долей исполнительского труда, который другие капиталисты поручают своим подчиненным. Мелкий фермер сам пашет, мелкий торговец сам стоит за прилавком, владелец небольшой ткацкой мастерской сам работает за своим ткацким станком. Но само это соединение функций очень часто обуславливает экономически нецелесообразные затраты труда. Хозяин предприятия либо растрчивает на рутинные дела те качества, которые необходимы для общего управления, либо, будучи способным выполнять лишь эти рутинные дела, он плохо руководит предприятием. Впрочем, должен заметить, что я не придаю этому виду экономии труда того значения, какое ему часто приписывают. Несомненно, на управление многими мелкими предприятиями расходуется гораздо больше труда, чем на руководство одним крупным. Но за этот труд мелкие производители полностью вознаграждаются сознанием того, что они сами себе господа, а не слуги какого-нибудь хозяина. Следует отметить, что, цenia свою независимость, они вынуждены и расплачиваться за нее, продавать свою продукцию по ценам, диктуемым конкуренцией со стороны крупных торговцев или фабрикантов. Но вечно они не могут поступать таким образом и продолжать добывать средства к

существованию. Поэтому они постепенно исчезают из жизни общества. Истратив свой небольшой капитал в длительной безнадежной борьбе, они либо опускаются до положения наемных работников, либо становятся чьими-нибудь иждивенцами.

§ 2. Развитие крупного производства в значительной степени стимулируется практикой образования большой массы капитала посредством объединения многих мелких вкладов, иными словами, учреждением акционерных обществ. Преимущества принципа акционерного капитала многочисленны и важны.

Во-первых, многие предприятия требуют капитал в размере, превышающем возможности самых крупных богачей или частных товариществ. Ни один капиталист не мог бы построить железную дорогу от Лондона до Ливерпуля; сомнительно даже, чтобы теперь, когда она уже построена, кто-нибудь один мог бы эксплуатировать ее. Правительство, конечно, могло бы справиться и с тем, и с другим. В тех странах, где привычка к кооперации находится еще в зачаточном состоянии, для осуществления работ, требующих такого объединения крупных средств, можно рассчитывать только на правительство, так как оно способно собрать эти средства при помощи принудительного налогообложения и уже обладает опытом проведения крупных операций. Однако в силу причин, которые достаточно хорошо известны и которые мы подробно рассмотрим ниже, правительственное руководство обычно представляет собой наименее приемлемый способ осуществления производственной деятельности, когда для этого существуют другие способы.

Во-вторых, имеются предприятия, относительно которых нельзя сказать, что отдельные лица абсолютно неспособны их вести; однако отдельные лица не в состоянии обеспечивать такие масштабы и такую регулярность деятельности этих предприятий, какие обусловлены всевозрастающими потребностями развивающегося общества. Отдельные лица вполне способны отправлять корабли с пассажирами и письмами из Англии в любую часть света, это делалось уже тогда, когда акционерных обществ, учреждаемых ныне для этой цели, не было и в помине. Но когда в результате увеличения численности населения, расширения деловых сделок, а также возрастания плате-

жеспособности людей публика перестала довольствоваться случайными средствами сообщения и потребовала, чтобы ей гарантировали регулярное отправление почтовых кораблей в одни пункты назначения — ежедневно или даже два раза в день, в другие — раз в неделю, в третьи — два раза в месяц, в твердо установленные дни, причем здесь речь шла уже о курсировании промадных и дорогостоящих пароходов; стало совершенно очевидно, что для гарантированного соблюдения точного графика таких дорогостоящих пассажирских и почтовых перевозок необходим гораздо более крупный капитал и гораздо больший штат квалифицированных служащих, нежели те, какими может располагать индивидуальный капиталист. Кроме того, наблюдаются и другие случаи, когда предприятия вполне могут успешно действовать при наличии небольшого или умеренного капитала, но необходим или желателен крупный акционерный капитал, служащий в глазах публики гарантией выполнения денежных обязательств. Это особенно важно, когда сам характер бизнеса требует, чтобы множество людей готовы были доверить фирме свои деньги, как, например, в банковском или страховом деле, к которым принцип акционерных компаний очень хорошо подходит. Примером глупости и недобросовестности со стороны правительства может служить тот факт, что до недавних пор в Англии законом запрещалось прибегать к практике учреждения акционерных компаний в двух названных сферах бизнеса — в банковском деле полностью, а в страховом — в области морского страхования. Здесь преследовалась цель создать прибыльную монополию для отдельных учреждений, которым правительство стремилось обеспечить особые привилегии, а именно Английскому банку и двум страховым компаниям — Лондонскому страховому обществу и Королевскому биржевому страховому обществу.

¹ Другое преимущество акционерных, или паевых, товариществ заключается в свойственной им гласности. Это не общераспространенное, но естественное следствие акционерного принципа, которое может принять обязательный характер, как уже произошло в ряде важных случаев. В банковских, страховых и других фирмах, которые целиком строятся на доверии, гласность служит еще более

---

¹ [Этот абзац добавлен в 6-м издании (1865 г.).]

существенным фактором успеха, чем наличие крупного акционерного капитала. Частный банк может держать в секрете возникновение большого убытка. Даже если убыток приобретает такие размеры, что грозит банку разорением, банкир может еще годами продолжать вести операции, пытаясь восстановить свои позиции, хотя в конечном счете это приводит к еще большему краху. Но в акционерном обществе, отчеты которого периодически публикуются, это не так легко осуществить. Отчеты, даже если они сфабрикованы, все же несколько ограничивают произвол, а подозрительность акционеров, прорывающаяся на их общих собраниях, мобилизует бдительность публики.

Таковы некоторые преимущества акционерных обществ перед индивидуальными предпринимателями. Но если мы посмотрим на этот вопрос с другой стороны, то обнаружим, что индивидуальный предприниматель обладает очень большими преимуществами перед акционерными компаниями. Главное из них — гораздо большая заинтересованность управляющих в успехе предприятия.

Управление акционерным обществом осуществляется в основном наемными служащими. Даже комитет или совет директоров, которому надлежит осуществлять надзор за управлением компанией и который действительно назначает и отстраняет управляющих, не имеет иной материальной заинтересованности в успешной деятельности предприятия, кроме лично принадлежащих его членам акций. Последние всегда составляют очень малую долю капитала компании и, как правило, лишь небольшую часть состояний самих директоров. К тому же участие в руководстве компанией они обычно совмещают со многими другими обязанностями, столь же или еще более важными с точки зрения их личных интересов. В результате управление предприятием составляет главное занятие лишь специально нанятых для этой цели служащих. Но практика показывает и поговорки, отражающие опыт народа, свидетельствуют, насколько качество наемных служащих ниже деловых качеств людей, лично заинтересованных в предприятии, и насколько необходим, когда приходится прибегать к услугам наемных служащих, «хозяйский глаз» за ними.

Успешное руководство промышленным предприятием требует двух совершенно различных качеств: преданности и усердия. Преданность наемных управляющих делу ком-

паний можно обеспечить. Если их деятельность поддается регулированию с помощью определенного свода правил, то нарушение этих правил становится фактом, с которым совести нелегко смириться и который может повлечь за собой потерю места. Но успешное управление крупной фирмой требует сотни других качеств, которые, поскольку их нельзя заранее сформулировать, невозможно выразить в четких и определенных обязательствах. Первое и главное из этих качеств состоит в том, что мысли управляющего должны быть постоянно заняты только своим делом, что его ум должен неизменно рождать проекты повышения прибылей и сокращения издержек. Такую глубокую заинтересованность в деле редко можно ожидать от человека, который руководит предприятием на положении наемного служащего, призванного обеспечивать прибыль другому человеку. Многочисленные примеры отношений между людьми подтверждают это заключение. Возьмем весь класс государственных правителей и министров. Возложенные на них обязанности относятся к самым интересным и захватывающим занятиям. Приходящиеся на их долю плоды национального процветания или бедствий, постигающих страну в период их правления, отнюдь не пустячны, а награды и возмездие, которые они вправе ожидать от общественного мнения, вполне очевидны и ощутимы, переживаются очень остро и получают широкую огласку. Однако как редко можно встретить государственного деятеля, у которого лень мысли не была бы сильнее всех этих побудительных мотивов. Как бесконечно мало среди них тех, кто дает себе труд разрабатывать или хотя бы поддерживать проекты повышения общественного благосостояния, за исключением случаев, когда пребывание в бездействии грозит им еще большими неприятностями. Как мало среди них тех, кто испытывает какие-нибудь иные желания, кроме жажды просуществовать, не навлекая на себя всеобщее порицание.

Если мы возьмем более низкий уровень, то увидим, что все, кто когда-либо использовал наемных работников, имели полную возможность наблюдать, как часто они пытались затратить на столько меньше труда в обмен на заработную плату, на сколько это возможно, не доводя дело до увольнения. Широко известно всеобщее пренебрежение домашних слуг интересами своих хозяев, если отсутствуют твердо установленные правила соблюдения этих

интересов. Исключение составляют лишь те случаи, когда длительное пребывание на одной работе и взаимная поддержка породили личную привязанность или некоторое чувство общности интересов.

Другой недостаток акционерных обществ, который в известной степени присущ всем крупным предприятиям, заключается в пренебрежении мелкими выгодами и малой экономией. При управлении большим капиталом и большими операциями управляющие, особенно если они лично не очень в них заинтересованы, склонны ставить мелкие суммы ни во что. Считается, что такие суммы не стоят тех забот, каких они требуют. Репутация эдакого щедрого, с широким размахом управляющего дешево покупается пренебрежительным отношением к таким пустякам. Но часто повторяющиеся малые прибыли и малые издержки перерастают в огромные прибыли и громадные убытки. Крупный капиталист часто обладает достаточными бухгалтерскими способностями, чтобы высчитать практические последствия этого явления. Поэтому он стремится строить свое дело на системе, которая при ее строгом соблюдении исключает возможность таких потерь, обычно возникающих на больших предприятиях. Однако управляющие акционерными компаниями редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы даже в тех случаях, когда такая подлинно экономичная система введена, ее беспрекословно придерживались на деле.

Руководствуясь такого рода соображениями, Адам Смит провозгласил положение о том, что акционерные компании не в состоянии продержаться без исключительных привилегий, кроме таких предприятий, как банки, страховые общества и некоторые другие, которые допускают введение в них достаточно строгой системы правил. Здесь мы, однако, сталкиваемся с одним из тех преувеличений в формулировании принципов, какие часто встречаются у Адама Смита. В его время, за исключением приведенных им случаев, встречалось мало акционерных компаний, которые бы, не обладая монополией, постоянно осуществляли успешную деятельность. Но с тех пор таких примеров появилось много, а неуклонно возрастающее стремление и способность к объединению средств несомненно породят еще больше. Адам Смит придал чрезмерное значение большой энергии и неусыпному вниманию, которое посвящают предприятию лица, непосредственно управ-

ляющие им, когда весь капитал и все доходы от него принадлежат этим лицам. В то же время он упустил из виду различные противодействующие факторы, которые в большой мере нейтрализуют это важное преимущество указанных лиц.

К числу важнейших из таких факторов относятся умственные и деловые способности руководителя предприятия. Личный интерес служит некоторой гарантией усердия, но последнее само по себе приносит мало пользы, когда лицу, проявляющему усердие, не хватает умственных способностей для руководства предприятием, что неизбежно должно иметь место в большинстве компаний, управляемых людьми, наиболее заинтересованными в них. Когда предприятие крупное и в состоянии обеспечивать высокое вознаграждение, достаточное для привлечения к руководству кандидатов выше среднего уровня, становится возможным подобрать на главные управленческие посты и на все второстепенные должности, требующие большой квалификации, людей, обладающих таким объемом знаний и умственных способностей, которые с лихвой компенсируют их меньшую заинтересованность в результатах деятельности предприятия. Их более глубокая проницательность позволяет им, употребив только часть своих умственных сил, разглядеть открывающиеся выгоды, какие никогда бы не заметили люди заурядных способностей даже при постоянном напряжении всей умственной энергии. Превосходство в знаниях, присущая им строгость взглядов и суждений предохраняют их от ошибок, боязнь которых мешает другим идти ради своих интересов на риск, выходящий за пределы повседневной рутины.

Следует к тому же заметить, что при управлении акционерным обществом вовсе не обязательно, чтобы служащим, будь то на высших или второстепенных постах, устанавливали твердое жалованье. Существуют методы более или менее тесного соединения интересов служащих с финансовым успехом предприятия. Встречается целый ряд промежуточных позиций между работой, вознаграждаемой целиком в зависимости от ее результатов, и работой, оплачиваемой неизменным жалованьем за день, неделю, год. Даже при простом, неквалифицированном труде практикуется урочная или сдельная работа. Ее более высокая эффективность столь хорошо известна, что рас-

четливые предприниматели всегда прибегают к ней, когда работа поддается делению на определенные порции и не требует слишком пристального надзора за качеством ее исполнения. Что касается управляющих акционерных компаний, надзирателей и контролеров многих частных предприятий, то здесь получила широкое распространение практика увязывания их материальной заинтересованности с интересами предпринимателей посредством выдачи им части вознаграждения в форме процентов с прибыли. Создаваемый таким образом личный интерес наемных служащих по своей силе не идет ни в какое сравнение с интересом собственника капитала, но он вполне достаточен, чтобы служить весьма существенным материальным стимулом к усердию и тщательности, а в сочетании с умственным превосходством он часто поднимает качество деятельности наемного служащего значительно выше того уровня, какой большинство хозяев способно обеспечить. Перспективы дальнейшего распространения этого принципа вознаграждения, поскольку он имеет громадное социальное и экономическое значение, будут более подробно рассмотрены в одной из последующих частей настоящего исследования.

Как я уже отметил выше, сравнивая преимущества крупных предприятий перед мелкими, при условии наличия свободной конкуренции ее результаты обнаружат, какая форма предприятия — индивидуальная фирма или акционерное общество — пригодна в том или ином конкретном случае, поскольку та, которая окажется более эффективной и экономичной, в конечном счете всегда сумеет превзойти другую.

§ 3. Возможность замены мелкого производства крупным зависит, разумеется, прежде всего от размеров рынка. Крупное производство может оказаться выгодным лишь в том случае, если обеспечен обширный рынок для сбыта его продукции. Это, следовательно, предполагает либо процветающую страну с многочисленным населением, либо широкий доступ на рынки других стран. Далее, как и при всякой иной смене системы производства, замене мелкого производства крупным в огромной мере способствует наличие благоприятных условий для деятельности капитала. Такие условия возникают главным образом тогда, когда капитал страны дает большой годовой прирост и

когда имеется большая масса капитала, ищущего приложения. Новые предприятия создаются намного быстрее и легче с помощью нового капитала, чем капитала, изъятого из действующего предприятия. Замена мелкого производства крупным облегчается также наличием больших капиталов в руках немногих. Правда, такой же капитал можно мобилизовать, собрав воедино множество мелких сумм. Но этот способ (помимо того, что он не одинаково применим во всех отраслях хозяйства) предполагает гораздо большую степень коммерческого доверия и распространения в обществе духа предпринимательства и, следовательно, целиком относится к более высокой стадии индустриального прогресса.

В странах, где имеются очень крупные рынки, где получили самое широкое распространение коммерческое доверие и дух предпринимательства и где наибольшее число крупных капиталов принадлежит отдельным лицам, существует тенденция все чаще и чаще в одной отрасли промышленности за другой заменять мелкие предприятия крупными. В Англии, где все эти черты представлены наиболее полно, отмечается постоянное увеличение количества не только крупных промышленных предприятий, но также больших магазинов и складов для ведения розничной торговли в широких размерах, везде, где имеется достаточное число покупателей. Такие торговые заведения почти всегда в состоянии продавать товары по более низким ценам, чем мелкие торговцы, отчасти, разумеется, вследствие разделения труда и экономии, порождаемой применением квалифицированной рабочей силы лишь там, где это вызывается необходимостью, а отчасти, несомненно, экономией затрат труда, обусловленной крупным размером торговых операций; например, для закупки крупной партии товара требуется не больше времени и не намного больше умственных усилий, чем на закупку мелкой партии, и уж гораздо меньше, чем на то, чтобы приобрести много мелких партий.

С точки зрения производства, как такового, и повышения производительности труда замена мелкого производства крупным в целом выгодна. В некоторых случаях она сопровождается негативными явлениями, причем не столько экономического, сколько социального характера, о сущности которых мы уже упоминали. Но каковы бы ни были предполагаемые недостатки, сопровождающие пере-

ход от мелкого производства к крупному, они не свойственны переходу от крупного производства к еще более крупному. Если в какой-нибудь отрасли система самостоятельных мелких производителей либо вообще не существовала, либо была вытеснена и вместо нее полностью возобладала система предприятий со множеством рабочих под единым управлением, то всякое дальнейшее увеличение масштабов производства приносит, как правило, несомненную выгоду. Например, совершенно очевидно, что Лондон получил бы огромную экономию в затратах труда, если бы его снабжала газом или водой одна компания вместо нескольких компаний, существующих теперь. Даже если бы их было только две, то и в этом случае потребовался бы двойной штат работников всех родов, тогда как одна компания при незначительном увеличении штата столь же удовлетворительно справилась бы со всем объемом работы. Две компании используют два комплекта машин и сооружений, хотя весь объем требуемого газа или воды можно было бы поставить городу при помощи одного комплекта. Двум компаниям нужна даже двойная сеть трубопроводов, если они не избегнут такой бесполезной затраты средств, заключив между собой соглашение о разделе территории. Одна-единственная компания могла бы снизить плату за газ или воду и сохранить при этом нынешний уровень прибыли. Но поступила бы она таким образом? Даже если и нет, то общество в целом тем не менее осталось бы в выигрыше, поскольку акционеры, являющиеся частью общества, получили бы более высокую прибыль, а потребители платили бы прежнюю сумму. Между тем ошибочно полагать, будто конкуренция между этими компаниями постоянно поддерживает цены на низком уровне. Там, где конкурентов так мало, они всегда в конце концов достигают соглашения не конкурировать друг с другом. Они могут пойти на снижение цен, чтобы разорить нового конкурента, но, если ему удастся упрочить свои позиции, они приходят с ним к соглашению. Поэтому, когда предприятие подлинно общественного значения может с выгодой осуществлять свои функции лишь в таких крупных масштабах, что свобода конкуренции при этом становится почти иллюзорной, содержание нескольких дорогостоящих предприятий, оказывающих обществу одну и ту же услугу, представляет собой расточительное расходование национальных ресурсов. Гораздо

лучше сразу же признать общественный характер таких функций, и, если само правительство не сочтет выгодным взять их выполнение на себя, их следует целиком передать компании или ассоциации, которая выполняла бы эти функции на наилучших для общества условиях. Например, никто не пожелает смириться с громадной расстройкой капитала и земли (не говоря уж о других досадных неприятностях), вызываемой строительством второй железнодорожной линии, соединяющей те же пункты, которые уже связаны существующей железной дорогой, так как обе дороги выполняли бы одну и ту же функцию не лучше, чем одна, причем вскоре они были бы, вероятно, объединены. Поэтому следует разрешить лишь одну такую линию, причем контроль над нею должен всегда принадлежать государству, за исключением практики временных концессий, как, например, во Франции. Право собственности, которое парламент позволил существующим железнодорожным компаниям закрепить за собой, подобно всем другим правам собственности, противоречащим общественной выгоде, морально обосновано лишь тем, что служит правом на возмещение затрат.

§ 4. Вопрос о различии между системой крупного и мелкого производства в применении к сельскому хозяйству, то есть вопрос о крупном и мелком фермерстве, о *grand* и *petite culture*, во многих отношениях покоится на иных основаниях, нежели общая проблема различий между крупными и мелкими хозяйственными предприятиями. В его социальном аспекте и в качестве элемента распределения богатства этот вопрос мы рассмотрим впоследствии, но даже только с точки зрения производства превосходство крупных предприятий в сельском хозяйстве не столь несомненно, как в промышленности.

Я уже отмечал, что преимущества разделения труда мало проявляются в сельскохозяйственных работах. Даже на крупнейших фермах разделение видов труда лишь весьма незначительно. Конечно, одни и те же люди необязательно заняты уходом за скотом, сбытом продукции и обработкой почвы, но дальше этого первичного и простейшего размежевания занятий разделение труда не идет. Комбинирование труда, возможное в сельском хозяйстве, ограничивается преимущественно тем, что Уэйкфилд называет простой кооперацией труда: несколько человек

помогают друг другу выполнять одну и ту же работу, в одно и то же время и в одном и том же месте. Но, признаться, мне представляется, что этот просвещенный писатель придает указанному виду кооперации применительно к собственно земледелию большее значение, чем он того заслуживает. Ни одной из обычных земледельческих работ такая кооперация не требуется в больших масштабах. Нет особой выгоды в том, чтобы заставлять большое число людей совместно вспахивать, перекапывать, засеивать одно и то же поле или даже косить и убирать урожай, если время терпит. Одна семья, как правило, в состоянии полностью обеспечивать нужное для этих целей комбинирование труда. А на работах, действительно требующих соединения многих сил, редко оказывается невозможным его обеспечить там, где существуют мелкие фермы.

Потери производительности труда в результате раздробления земли часто причиняют большой ущерб, но это относится главным образом к такому мелкому дроблению земельных участков, при котором земледельцы не располагают достаточным количеством земли, чтобы они могли тратить на ее обработку все свое время. В этих пределах те же принципы, которые обосновывают преимущества крупных фабрик, применимы и к сельскому хозяйству. Для обеспечения наибольшей эффективности производства, как правило, желательно (хотя и в данном случае требуются известные оговорки), чтобы каждая семья, имеющая землю, владела не меньшим ее количеством, чем то, какое она способна обработать или на каком она может полностью использовать свой скот и орудия труда. Но такие размеры участка будут соответствовать не крупным, а фермам, считающимся в Англии очень мелкими. Крупный фермер обладает некоторыми преимуществами в затратах на постройки. Содержание большого количества скота в одном здании обходится дешевле, чем содержание такого же поголовья в нескольких зданиях. Он имеет также известные преимущества в издержках на орудия труда. Мелкому фермеру труднее приобрести дорогостоящие орудия. Но основные сельскохозяйственные орудия, даже самой лучшей конструкции, не дороги. Мелкому фермеру нет расчета владеть собственной молотилкой для обмола небольшого количества зерна, но отсюда не следует, что такая машина не может быть приобретена в совмест-

ную собственность фермерами каждой местности или что она не может быть представлена одним лицом в пользование другим за определенную плату, особенно когда такая машина приводится в движение паровым двигателем и сконструирована таким образом, что способна передвигаться * ².

Крупный фермер может получить некоторую экономию на транспортных расходах. Доставка на рынок небольшого количества продукции требует почти такого же труда, как и доставка туда гораздо большего количества. Это же относится к перевозке с рынка на ферму удобрений и предметов повседневного потребления. Намного дешевле также покупать товары в большом количестве. Эти разнообразные преимущества имеют некоторое значение, но, как представляется, не столь большое. Англия на протяжении жизни ряда поколений не имела большого опыта с системой мелких ферм, но в Ирландии она была весьма распространена, причем демонстрировала не только плохие, но и наилучшие образцы ведения хозяйства. Крупнейшие авторитеты Ирландии отвергают преобладающие в Англии мнения на этот счет. Например, один из опытейших агрономов севера Ирландии, Блэкер, много сделавший для совершенствования там земледелия и практиковавший главным образом в районах с наилучше обрабатываемыми землями, в районах, которые одновременно отличались наибольшей раздробленностью земельных участков, считал, что арендаторы, обрабатывающие участки площадью не выше пяти, восьми или десяти акров, могут жить вполне сносно и платить такую же высокую арендную плату, как и всякий крупный фермер. «Я твердо убежден, — писал он, — что мелкий фермер, сам выполняющий все земледельческие работы, при условии соблюдения им надлежащего севооборота и стойлового содержания скота, способен продавать свою продукцию по

---

* [1852 г.] Приведенные в тексте соображения могут впоследствии потребовать некоторой корректировки в связи с такими изобретениями, как паровой плуг и жатвенная машина. Однако влияние этих изобретений на относительные преимущества крупных и мелких ферм будет определяться не производительностью самих этих орудий, а их стоимостью. Я не вижу оснований ожидать, что их цена окажется недоступной мелким фермерам или объединениям фермеров.

² [Ссылка на паровую молотилку была включена в 5-е издание (1862 г.).]

более низким ценам, чем крупный фермер; иными словами, он может платить более высокую арендную плату, чем в состоянии платить крупный фермер. В этом убеждении меня утверждают также мнения многих практиков, хорошо изучивших данный вопрос... Английский фермер, владеющий 700—800 акрами земли, принадлежит к тому роду людей, которых называют джентльмен-фермер. Ему приходится иметь собственную выездную лошадь, экипаж и, вероятно, также надсмотрщика для надзора за работниками; он явно не в состоянии сам проследить за всеми работами, какие ведутся на ферме площадью в 800 акров». После нескольких других замечаний Блэкер добавляет: «Помимо всех этих издержек, практически неизвестных мелкому фермеру, требуются большие затраты на транспортировку навоза со скотного двора на отдаленные поля, а затем урожая с этих полей в амбары. Одной лошади приходится скармливать продукцию с большей площади земли, чем та, которая может прокормить мелкого фермера с женой и двумя детьми. Но важнее всего то, что крупный фермер говорит своим работникам: ступайте на работу, тогда как мелкий фермер, если ему случится нанять работников, обращается к ним: пойдете на работу. Умный читатель, как я полагаю, поймет разницу»*.

Одно из настойчиво повторяемых возражений против мелких фермеров заключается в том, что они не в состоянии содержать пропорционально размеру их земельных участков такое количество скота, какое могут содержать крупные фермеры, поэтому в результате нехватки навоза почвы на мелких земельных участках всегда сильно истощены. Выясняется, однако, что раздробленность земель приводит к этому результату лишь тогда, когда земля оказывается в руках очень бедных земледельцев, которые не владеют количеством скота, соответствующим размеру их ферм. Маленькая ферма и ферма с недостаточным количеством скота — вовсе не синонимы. Чтобы сравнение было строгим, следует предположить, что тот же размер капитала, каким владеют крупные фермеры, распределен между мелкими. Опыт показывает, что при соблюдении этого условия или хотя бы приближении к нему, а также при стойловом содержании скота (а стойловое содержание

---

* Prize Essay on "The Management of Landed Property in Ireland", by William Blacker (1837), p. 23.

скота теперь начинают признавать весьма выгодным даже на крупных фермах) не только не подтверждается заключение о неблагоприятном воздействии системы мелкого земледелия на увеличение поголовья скота, а, наоборот, доказывается совершенно противоположное. Многочисленное поголовье скота и обильное применение навоза на мелких фермах Фландрии составляют самую поразительную черту фламандского сельского хозяйства, снискавшую восхищение всех серьезных экспертов как в Англии, так и на континенте *.

---

* В толковом и содержательном трактате «Фламандское сельское хозяйство», основанном на личных наблюдениях и перво-классных источниках и изданном Библиотекой Общества по распространению полезных знаний, мы читаем: «Количество скота, содержащееся на ферме, вся земля которой пахотная, удивляет всех тех, кто не знаком с применяемым там способом приготовления корма для него. Одна голова на три акра — это обычное явление, а в очень маленьких хозяйствах, где часто земля обрабатывается вручную, эта пропорция еще выше. Сравнение полученных из разных фламандских местностей и различных хозяйств данных о количестве молока, которое дают коровы, находящиеся на стойловом содержании, показало, что оно намного превосходит удои на лучших молочных фермах Англии и что количество масла, приготовленного из равного количества молока, там также выше. Кажется удивительным, что фермер, имеющий лишь 10 или 12 акров второсортной пахотной земли, в состоянии содержать четыре или пять коров, но это — широко распространенное явление в общине Ваэс» (с. 59, 60).

Этот же вопрос подвергнут тщательному рассмотрению в работе М. Пасси «Системы обработки земли и их влияние на общественную экономику», одном из самых беспристрастных исследований, до сих пор появившихся во Франции, относительно двух систем хозяйства.

«Нет сомнения, что по сравнению с другими странами в Англии на равной площади откармливается наибольшее поголовье скота. Лишь Голландия и некоторые районы Ломбардии могут с ней состязаться в этом отношении. Но кроется ли здесь причина лишь в системе ведения хозяйства или свою роль играют также климатические условия и особенности местности? Я полагаю, что это неоспоримо. В действительности, что бы ни говорили, там где в одной и той же местности имеются и крупные и мелкие хозяйства, последние, хотя и не могут содержать столько же овец, владеют в общей сложности большим поголовьем скота, дающим навоз.

В Бельгии, например, в двух провинциях с преобладанием мелких ферм — Антверпене и Восточной Фландрии — в среднем на 100 га (250 акров) обрабатываемой земли приходится 74 головы крупного рогатого скота и 14 голов овец. В провинциях Намюр и Эно, где преобладают крупные фермы, на 100 га обрабатываемой земли в среднем приходится лишь 30 голов крупного рогатого

Недостатки мелкого, или, вернее, крестьянского хозяйства по сравнению с капиталистическим фермерством, если таковые вообще существуют, должны заключаться глав-

скота и 45 овец. Принимая, как это принято, 10 овец за одну голову крупного рогатого скота, мы обнаруживаем, что в первом случае, для обеспечения плодородия почвы имеется 76 голов скота, а во втором — менее 35. Такую разницу следует считать непомерно большой (см. Статистические документы, опубликованные министром внутренних дел). Поголовье скота в районах Бельгии с преобладанием мелких хозяйств почти столь же велико, как и в Англии. Исчисляя поголовье скота в Англии в пропорции к обрабатываемой земле, находим, что на 100 га здесь в среднем приходится 65 голов крупного рогатого скота и почти 260 овец, т. е. 91 голова в расчете на крупный рогатый скот, или лишь на 15 голов больше, чем в бельгийских провинциях Антверпен и Восточная Фландрия. Следует к тому же помнить, что в Бельгии стойловое содержание длится почти круглый год и поэтому навоз практически не теряется, тогда как в Англии содержание скота на выпасах существенно сокращает количество навоза, которое можно целиком использовать.

Далее, во французском департаменте Нор в кантонах с преобладанием мелких ферм насчитывается наибольшее поголовье скота. В кантонах Лилль и Хазбрук, помимо того что там самое большое поголовье лошадей, эквивалент крупного рогатого скота составляет соответственно 52 и 46, в кантонах Дюнкерк и Авен, где хозяйства крупнее, — лишь 44 и 40 (см. Статистические материалы по Франции, публикуемые министерством торговли).

Аналогичное исследование в других районах Франции принесло бы такие же результаты. Разумеется, в ближайших окрестностях городов мелкие фермеры легко приобретают удобрения и не содержат скот. Но, как общее правило, система хозяйства, извлекающая из земли максимум продукции, обязана прилагать такие же усилия для восстановления плодородия почвы. Мелкие фермы не в состоянии, конечно, содержать многочисленные стада овец, и это их недостаток, но зато они содержат больше рогатого скота, чем крупные фермы. В любой стране, где потребители требуют сохранения мелких ферм, последние не могут отказаться от необходимости содержать надлежащее поголовье крупного рогатого скота. Если они не в состоянии соблюдать это условие, они должны погибнуть.

Приведем еще конкретные данные, весьма достоверные, о чем свидетельствуют высокие достоинства работы, из которой я их почерпнул, а именно статистические материалы коммуны Ванса (департамент Пюи-де-Дом), недавно изданные д-ром Жюссеро, мэром этой коммуны. Приведенные здесь данные представляют тем большую ценность, что они полностью раскрывают характер изменений в численности поголовья и видах скота, дающего навоз для поддержания и повышения плодородия почвы, к которым привело распространение в этом районе мелкого фермерства. В коммуне имеется 1612 га земли, разделенных на 4,6 тыс. парцелл во владении 591 собственника; из указанной земельной площади обрабатывается 1466 га. В 1790 г. две трети этой земли зани-

ным образом в более низком уровне мастерства и знаний. Однако неверно, что этот более низкий уровень составляет общее правило. Фландрия и Италия располагали высоко-развитым сельским хозяйством на много поколений раньше, чем Англия, и в целом их сельское хозяйство еще и теперь [1848 г.] является, вероятно, лучшим в мире. Крестьяне-фермеры часто достаточно хорошо владеют практическими навыками, полученными в результате повседневного опыта и наблюдения. Например, очень высока культура виноделия, которой владеют крестьяне в странах, где производятся лучшие вина. Конечно, для внедрения новых производственных приемов у них недостает научных знаний или хотя бы воображения, отсутствует у них также склонность к усовершенствованиям. К тому же им не хватает средств для осуществления экспериментов, которые чаще всего в состоянии предпринимать лишь богатые собственники или капиталисты. Что же касается регулярных мелиоративных работ, которые требуется производить одновременно на больших площадях (например, работы по осушению или орошению земель) или которые в силу других причин требуют соединения труда большого числа работников, то, как правило, нельзя рассчитывать, что их будут производить мелкие фермеры или мелкие собственники, хотя примеры их объединения для таких целей нередко встречаются и темали 17 ферм, а остальную часть — 20 ферм. С тех пор земли подвергались сильному раздроблению, и теперь дробность участков достигла крайней степени. Как это сказалось на поголовье скота? Оно значительно возросло. В 1790 г. здесь насчитывалось лишь около 300 голов крупного рогатого скота и от 1,8 тыс. до 2 тыс. овец. Теперь численность крупного рогатого скота достигла 676 голов, а количество овец сократилось до 533 голов. Таким образом, 376 быков и коров заменили 1,3 тыс. овец, и (с учетом всех обстоятельств) количество навоза увеличилось в отношении 490 : 729, т. е. более чем на 48%, не говоря уже о том, что теперь скот, будучи крупнее и упитаннее, в гораздо большей мере способствует повышению плодородия почвы.

Таковы факты. Следовательно, неправда, что мелкие фермы содержат меньше скота, чем крупные. Напротив, при одинаковых местных условиях они содержат большее поголовье. Собственно, этого и следовало ожидать, так как, извлекая из почвы больше продукта, мелкое земледелие обязано затрачивать и большие усилия на сохранение ее плодородия. Сопоставляя все другие возражения против мелкого земледелия с правильно взвешенными фактами, мы увидим, что эти возражения столь же мало основательны и вызваны лишь сравнением стран с различными условиями развития сельского хозяйства» (с. 116—120).

перь, причем по мере повышения умственного развития фермера такие примеры получают большее распространение.

В противовес этим недостаткам мелкого земледелия можно привести совершенно не свойственное другим системам хозяйства беспримерное усердие в труде повсюду, где только условия землепользования благоприятны. С этим целиком согласны все компетентные специалисты. Об эффективности мелкого земледелия нельзя составить себе ясного представления там, где мелкий земледелец является простым арендатором, причем даже не арендатором на твердо оговоренных условиях (как до недавнего времени в Ирландии), а таким арендатором, которому установлена номинальная арендная плата, превышающая возможности ее выплаты, т. е. постоянно изменяющаяся и всегда достигающая максимального размера, какой только может быть выплачен. Чтобы правильно уяснить проблему мелкого земледелия, ее надо изучать там, где земледелец является собственником земли или по крайней мере исполщиком на правах постоянного землепользователя, где труд, затрачиваемый им на увеличение продукции и ценности земли, идет целиком или хотя бы частично на пользу ему самому и его потомству. В другом месте нашего исследования мы несколько подробнее рассмотрим важный вопрос о землевладении и землепользовании, и я до тех пор откладываю приведение свидетельств о замечательном трудолюбии крестьян-собственников. Здесь достаточно сослаться на огромный размер валового продукта, который английские рабочие, даже не будучи постоянными землепользователями, обычно получают со своих маленьких участков, продукт неизмеримо больший, чем получает или считает для себя выгодным получать крупный фермер с такой же площади.

Именно в этом я усматриваю подлинную причину того, что крупное земледелие обычно выгодно лишь в виде вложения капитала с целью получения прибыли. Земля, занимаемая крупным фермером, в известном смысле не обрабатывается столь интенсивно. На нее не затрачивается столько труда. Происходит это не за счет какой-либо экономии, вытекающей из комбинирования труда, а вследствие того, что при использовании меньшего числа работников получается, пропорционально к издержкам, более высокая прибыль. Для крупного фермера невыгодно опла-

чивать весь тот труд, который крестьянин или даже мелкий арендатор с готовностью вкладывает в землю, когда плоды его труда целиком предназначаются ему самому. Этот труд, однако, нельзя относить к непроизводительному, так как весь он увеличивает валовой продукт. Но при примерном равенстве мастерства и знаний крупный фермер не получает от земли столько продукта, сколько получает мелкий землевладелец или мелкий фермер, обладающий достаточными стимулами к труду. Между тем, хотя крупный фермер извлекает из равного количества земли меньший доход, его издержки на рабочую силу пропорционально еще меньше, и, так как всех нанимаемых работников должен оплачивать именно он, не в его интересах нанимать их больше, чем ему представляется выгодным.

Но хотя при прочих равных условиях валовой продукт земли больше в мелком земледелии и хотя поэтому при такой системе земледелия страна способна содержать большее население, среди английских экономистов принято считать, что при этой системе так называемый чистый продукт, т. е. излишек, остающийся после удовлетворения потребностей самих земледельцев, должен быть меньше. Отсюда и численность той части населения, которой надлежит выполнять все другие функции — в промышленности, торговле и судоходстве, национальной обороне, народном образовании, свободных профессиях, различных правительственных ведомствах, искусстве и литературе, — словом, численность всей той части населения, профессиональная деятельность которой зависит от указанного излишка, должна быть меньше. Следовательно, оставляя в стороне вопрос о положении собственно земледельцев, страна с системой мелкого земледелия оказывается в худшем положении по основным элементам национальной мощи и по ряду элементов общего благосостояния. Однако все эти соображения слишком легко воспринимались как само собой разумеющиеся. Бесспорно, при системе мелкого земледелия доля несельскохозяйственного населения ниже, чем при крупном земледелии. Но отсюда отнюдь не вытекает, что его абсолютная численность оказывается меньше. Когда все население — сельскохозяйственное и несельскохозяйственное — больше, его несельскохозяйственная часть сама по себе может быть более многочисленной и в то же время составлять меньшую долю целого.

Когда объем валового продукта больше, абсолютный объем чистого продукта также может быть больше, но тем не менее образует меньшую долю валового продукта. Однако даже Уэйкфилд иногда, кажется, смешивает эти различные понятия. Подсчитано, что во Франции [1848 г.] две трети всего населения — сельскохозяйственное. В Англии же оно составляет не более одной трети. Отсюда Уэйкфилд заключает, что, «поскольку во Франции лишь три человека содержатся за счет труда двоих, а в Англии труд двух земледельцев содержит шесть человек, английское сельское хозяйство вдвое производительнее французского», и объясняет он это более высокой эффективностью крупного земледелия в результате комбинирования труда. Но, прежде всего, сами эти факты преувеличены. В Англии труд двоих людей вовсе не содержит целиком шесть человек, так как в страну импортируется немало продовольствия [1848 г.] из-за границы и из Ирландии. В свою очередь во Франции труд двух земледельцев производит гораздо больше, чем требуется для обеспечения продовольствием трех человек. Он снабжает этих трех человек, а иногда и иностранцев льном, пенькой, до известной степени шелком, маслами, табаком, а в последнее время и сахаром, т. е. продуктами, которые Англия целиком ввозит из-за границы. Почти весь потребляемый во Франции лес — отечественного происхождения, тогда как в Англии он почти целиком импортируется. Во Франции главная масса топлива [1848 г.] производится и поставляется на рынок людьми, причисляемыми к земледельцам, а в Англии — людьми, которых к ним не причисляют. Я не учитываю кожу и шерсть, которые производятся в обеих странах, а также вино или водку, производимые во Франции для внутреннего потребления, так как в Англии имеется соответствующее производство пива и спиртных напитков. Но Англия, по существу, не экспортирует [1848 г.] все эти товары и импортирует большое количество спиртных напитков, а Франция снабжает своими винами и спиртными напитками весь мир. Я уж не говорю о фруктах, яйцах и других продуктах сельскохозяйственного производства, которые Франция экспортирует в огромном количестве [1865 г.]. Но, не придавая чрезмерного значения этим поправкам, рассмотрим проведенные Уэйкфилдом данные, как таковые. Допустим, что в Англии два лица действительно производят продовольст-

вие для шестерых, тогда как во Франции на это требуется труд четырех человек. Следует ли отсюда, что Англия может располагать бóльшим излишком продовольствия для несельскохозяйственного населения? Нет. Это означает лишь то, что она может выделить для этой цели не одну треть, а две трети всего своего продукта. Предположим теперь, что весь продукт здесь вдвое больше и одна его треть равна двум третям продукта Франции. В действительности может оказаться, что благодаря большему количеству рабочей силы, занятой при французской системе, такая же площадь земли дает продукции на 12 человек, а при английской системе — лишь на шесть. Если бы это было так, что вполне согласуется с условиями гипотезы, тогда, несмотря на то, что в одном случае продовольствие на 12 человек произведено трудом восьми, а в другом случае на шесть человек — трудом двух, численность работников для несельскохозяйственных занятий окажется в обеих странах одинаковой. Я не утверждаю, что дело обстоит именно таким образом. Я знаю, что валовой продукт на акр земли во Франции в целом (хотя не в районах с наилучшей обработкой земель) в среднем намного ниже, чем в Англии, и что пропорционально к площади и плодородию земель в двух странах Англия располагает — в том смысле, в каком мы здесь рассматриваем этот вопрос, — гораздо большим населением для несельскохозяйственных занятий. Но эту разницу никак нельзя измерить с помощью простейшего критерия Уэйкфилда. С тем же успехом можно было бы утверждать, что в Соединенных Штатах, где, согласно последнему переписи [1840 г.], четыре из пяти семей заняты в сельском хозяйстве, сельскохозяйственный труд еще менее производительен, чем во Франции.

Более низкая производительность французского земледелия (которую, если брать страну в целом, следует считать реально существующей, хотя и несколько преувеличенной), вероятно, в большей мере обусловлена более низким средним уровнем мастерства и трудовой энергии в этой стране, чем какой-либо особой причиной. Даже если она частично и вызвана чрезмерным дроблением земельных участков, это вовсе не подтверждает тезис о невыгодности мелкого земледелия, это свидетельствует лишь о том, что фермы во Франции очень часто слишком малы (несомненный факт) и, что еще хуже, разбиты почти на

неимоверное количество клочков, или парцелл, самым неудобным образом разбросанных и удаленных друг от друга.

Вопрос о сравнительных преимуществах крупного и мелкого земледелия в отношении не валового, а чистого продукта, особенно когда мелкий фермер одновременно является и собственником земли, нельзя считать решенным. Это вопрос, по которому мнения лучших экспертов расходятся. В Англии большинство [1848 г.] склоняется в пользу крупных ферм, на континенте — большинство на стороне мелких. Профессор Рау из Гейдельберга, автор одного из самых всеобъемлющих и глубоких трактатов по политической экономии, хорошо знакомый с фактами и сочинениями, относящимися к его дисциплине, — что вообще характерно для его соотечественников, — считает доказанным, что мелкие или умеренного размера фермы дают больший не только валовой, но и чистый продукт. Он, впрочем, добавляет, что желательно наличие нескольких крупных землевладельцев, которые бы прокладывали путь в области внедрения усовершенствований в земледелие *. По-видимому, наиболее беспристрастное и глубокое суждение из всех мне известных принадлежит Пасси, который (неизменно рассматривая лишь чистый продукт) твердо высказался в пользу крупных ферм, производящих зерно и корма. Что же касается культур, требующих больших затрат труда и тщательного ухода, то Пасси целиком отдает предпочтение мелкому хозяйству, причем к указанным культурам он относит не только виноград и оливки, где каждое отдельное растение требует большого ухода и труда, но также корнеплоды, стручковые и технические культуры. Согласно всем авторитетам, малые размеры ферм, а следовательно, и их многочисленность чрезвычайно благоприятствуют созданию изобилия многих неглавных продуктов сельского хозяйства **.

Очевидно, что каждый работник, который извлекает из земли больше, чем требуется для пропитания его самого и имеющейся у него семьи любых размеров, увеличива-

* См. с. 352 и 353 французского перевода, изданного в 1839 г. в Брюсселе Фредом де Кемметером из Гента.

** «В департаменте Нор, — пишет Пасси, — ферма площадью в 20 га (50 акров) производит в год телят, молочных продуктов, птицы и яиц примерно на 1 тыс. франков (40 ф. ст.). За вычетом издержек, это дает прибавку к чистому продукту в 15—20 франков на га. — «Des Systèmes de Culture», p. 114.

ет массу средств для содержания несельскохозяйственного населения. Даже если его излишка хватает только на приобретение одежды, рабочие, изготовляющие ему одежду, составляют несельскохозяйственное население, получающее возможность существовать на производимое им продовольствие. Поэтому каждая сельскохозяйственная семья, которая производит для себя все предметы первой необходимости, обеспечивает прирост чистого продукта сельского хозяйства. Это же относится ко всякому человеку, родившемуся и работающему на земле, который производит валовой продукт, превышающий количество необходимой для его собственного пропитания пищи. Однако сомнительно, чтобы даже в европейских районах с наиболее распространенным мелким земледелием, где земля обрабатывается ее собственниками, увеличение сельскохозяйственного населения сколько-нибудь приближалось или проявляло тенденцию приблизиться к такому уровню. Во Франции, по общему признанию, раздробленность земель слишком велика, но и там факты свидетельствуют, что мелкое земледелие далеко не достигло того состояния, при котором оно начало бы сокращать свою способность прокормить несельскохозяйственное население. Это доказывается громадным ростом населения городов, которое в последнее время [1848 г.] возрастает гораздо быстрее, чем население в целом*, из чего следует, что (если только положение городских рабочих быстро не ухудшается, а это не подтверждается фактами) даже с учетом неточности исчисления соотношений указанных различных групп населения производительность сельского хозяйства явно повышается. К тому же существуют бесспорные свидетельства, что в районах Франции с наиболее усовершенствованным земледелием, а также в некоторых районах, где до последнего времени уровень земледелия считался низким, происходит значительный рост потребления продуктов сельского хозяйства самим сельским населением.

³ Твердо убежденный в том, что из всех ошибок, какие может совершить ученый в области политических и соци-

---

* В период между переписями 1851 и 1856 гг. прирост населения в Париже был выше, чем прирост всего населения Франции; во всех других крупных городах также отмечался рост населения.

³ [Этот и следующий абзацы добавлены в 5-м издании (1862 г.).]

альных наук, следует пуще всего остерегаться преувеличений и бездоказательных утверждений, я в предыдущих изданиях данного труда ограничился изложенными выше весьма умеренными замечаниями. Тогда я не считал возможным сформулировать их более резко из опасения допустить преувеличения и не знал, насколько действительный прогресс французского сельского хозяйства превзошел все, что я в то время имел достаточные основания утверждать. Исследования Леонса де Лаверня, известного авторитета в области сельскохозяйственной статистики, предпринятые им по просьбе Академии нравственных и политических наук Французского института, привели к заключению, что со времени революции 1789 г. совокупный продукт французского сельского хозяйства удвоился, примерно настолько же возросли прибыли и заработная плата, а рента увеличилась в еще большей пропорции. Де Лавернь, беспристрастность которого составляет одно из его главных достоинств, тем более не может быть заподозрен в предвзятости, что он стремится показать не столько достижения французского сельского хозяйства, сколько то, что ему еще предстоит совершить. «Нам потребовалось, — пишет он, — не менее 70 лет, чтобы поднять 2 млн. га (5 млн. английских акров) целинных земель, наполовину сократить площади, оставляемые под паром, удвоить объем сельскохозяйственной продукции, увеличить наше население на 30 %, заработную плату — на 100, ренту — на 150 %. Если мы будем двигаться таким темпом, нам понадобится еще три четверти века, чтобы достигнуть уровня, которого Англия уже достигла» *.

После этого свидетельства нам, наверно, не придется уже выслушивать заявления о несовместимости мелкой земельной собственности и мелких ферм с прогрессом сельского хозяйства. Нерешенным остается лишь вопрос о том, при какой из двух систем сельское хозяйство развивается быстрее. По общему мнению тех, кто в равной мере хорошо знаком с обеими системами, совершенствование сельского хозяйства достигается наиболее успешно при надлежащем их сочетании.

---

* "Economie Rurale de la France depuis 1789". Par M. Léonce de Lavergne, Membre de l'Institut et de la Société Centrale d'Agriculture de France. 2me éd., p. 59.

В настоящей главе я рассматривал соотношение между крупным и мелким производством только с точки зрения производства и эффективности труда. В дальнейшем мы вернемся к исследованию вопроса о том, как воздействует та и другая система на распределение продукта, а также на физическое и социальное благосостояние самих земледельцев. Эти аспекты обеих систем заслуживают и требуют еще более тщательного изучения ⁴.

---

⁴ [См. Приложение Н. «Крупное и мелкое земледелие».]

О ЗАКОНЕ ВОЗРАСТАНИЯ ТРУДА

§ 1. Итак, мы последовательно рассмотрели каждый из факторов или условий производства и каждое из средств, способствующих усилению эффективности этих разнообразных факторов. Для того чтобы покончить с вопросами, связанными исключительно с производством, остается рассмотреть еще один, имеющий первостепенное значение.

Производство — вещь не неизменная, а увеличивающаяся. В тех случаях, когда скверные учреждения или низкий уровень развития ремесел не сдерживают производство, его продукт обычно имеет тенденцию к увеличению; тенденцию, стимулируемую не только желанием производителей умножить собственные средства потребления, но и возрастающей численностью потребителей. Ничто в политической экономии не может быть важнее установления закона этого увеличения производства, выяснения условий, которым подчинен этот закон, и решения вопроса о том, существуют ли какие-то практические пределы действию этого закона и каковы они. Кроме того, в политической экономии нет проблемы, которую публика понимала бы хуже или ошибочные мнения о которой имели бы свойство приносить весьма немалый вред и приносят его в действительности.

Мы знаем, что есть три элемента производства — труд, капитал и природные силы; причем понятие «капитал» объемлет все внешние и материальные элементы производства, являющиеся продуктами труда, а понятие «природные силы» объемлет все внешние материальные условия производства, не являющиеся продуктами труда. Нам нет необходимости, однако, принимать во внимание те из природных сил, которые, существуя в неограниченных количествах, по природе своей не поддаваясь присвоению и никогда не изменяя своих качеств, всегда имеются в наличии, чтобы оказать равную степень содействия производству, каков бы ни был его масштаб. К таким природным силам относятся воздух и солнечный свет. Приступая ныне

к рассмотрению условий, не способствующих производству, а препятствующих ему, мы должны обратиться только к тем природным силам, количество или производительная способность которых имеют свойство быть недостаточными. Все эти силы могут быть представлены понятием «земля». Земля, в самом узком значении этого слова, как источник получения сельскохозяйственного продукта будет самой главной из них; если же мы расширим значение этого слова, распространив его на рудники и рыбные промыслы; на то, что находят в самой земле или в водах, частично ее покрывающих; а также на то, что произрастает или питается на ее поверхности, то указанное понятие объемлет все, чем нам следует теперь заняться.

Итак, после этих объяснений мы можем сказать без особенной натяжки, что элементами производства являются труд, капитал и земля. Следовательно, увеличение производства зависит от свойств, присущих этим элементам. Оно является результатом увеличения либо самих этих элементов, либо их производительности. Закон увеличения производства должен быть следствием законов, которым подчинены эти элементы; пределами увеличения производства, каковы бы они ни были, должны быть установленные этими законами пределы. Мы приступаем к последовательному рассмотрению указанных трех элементов в рамках действия управляющих ими законов, или, другими словами, к рассмотрению закона увеличения производства в его зависимости, во-первых, от труда, во-вторых, от капитала и, наконец, от земли.

§ 2. Увеличение труда есть увеличение человечества, увеличение населения. Дискуссии по этому предмету, возбужденные «Опытом» Мальтуса, установили истину, которая, хотя и не получила всеобщего признания, известна все же настолько хорошо, что в данном случае окажется, вероятно, достаточным более краткое исследование этого вопроса, чем то, которое потребовалось бы при иных обстоятельствах.

Силу размножения, внутренне и неотъемлемо присущую всей органической жизни, можно считать бесконечной. Нет ни одного вида растения или животного, который, будь земля всецело предоставлена ему и предметам, составляющим его пропитание, не распространился бы, в

течение небольшого числа лет, на все те районы земного шара, где климат позволяет ему существовать. Степень возможной быстроты распространения у разных организмов различна, но у всех без исключения она достаточна для того, чтобы очень быстро переполнить землю. Есть много видов растений, один-единственный побег которых за год приносит тысячу завязей, и если из этой тысячи новых побегов только два достигнут зрелости, то за 14 лет эти два растения размножатся до 16 тыс. и более. В животном мире способность к увеличению численности в четыре раза за год является примером всего лишь умеренной плодовитости; если бы животные сохраняли способность размножаться такими темпами в течение всего лишь полувека, то 10 тыс. особей за два столетия размножились бы до 2,5 млн. особей. Эта способность к увеличению необходимо действует в геометрической прогрессии, только знаменатель этой прогрессии будет различен.

В отношении данного свойства высокоорганизованных существ не составляет исключения и человечество. Его способность к размножению безгранична, и, будь эта способность использована до предела, размножение людей в действительности шло бы необычайно стремительно. Способность эта никогда не достигает своих крайних пределов, и все же при наиболее благоприятных из известных нам обстоятельств, характерных для плодородного района, колонизируемого выходцами из промышленного и цивилизованного общества, население продолжало в течение жизни нескольких поколений удваиваться не более как за 20 лет независимо от притока новых иммигрантов*. Мы убедимся, что способность человечества к размножению превышает даже эту норму, если вспомним, как велико обыкновенно число детей в каждой семье при хорошем климате и при обычае ранних браков, и если учтем, какая незначительная часть их умирает до зрелого возраста при настоящем состоянии гигиенических знаний в здоровой местности и в семье, достаточно обеспеченной средствами к существованию. Если мы предположим всего лишь то, что при хороших санитарных условиях жизни народа каж-

---

* [1865 г.] Эту оценку оспаривают; но из всех известных мне оценок продолжительности периода, который требуется населению США для того, чтобы независимо от иммигрантов и их потомства удвоиться, самая высокая оценка — оценка Кэри — не превышает 30 лет.

дое поколение может по численности вдвое превышать предшествующее, то и это будет весьма заниженной оценкой способности населения к увеличению своей численности.

Двадцать или тридцать лет назад эти положения могли бы еще потребовать значительных подтверждений и объяснений, но доказательства их истинности столь многочисленны и неоспоримы, что положения эти пробили себе дорогу через всякого рода препоны и ныне могут считаться аксиомами; хотя крайнее нежелание, с которым решаются на признание этих положений, время от времени вызывает к жизни некую недолговечную, быстро предаваемую забвению теорию иного закона увеличения населения, — закона, действующего в иных условиях и реализующегося посредством predetermined свыше адаптации плодовитости людей к насущным потребностям общества *. Главное препятствие для правильного понимания

---

* [1852 г.] Одна из этих теорий, теория Даблдея, заслуживает, пожалуй, того, чтобы упомянуть о ней мимоходом, поскольку в последнее время она приобрела некоторое число приверженцев и поскольку она извлекает некое подобие подтверждения из общих аналогий органической жизни. Эта теория утверждает, что плодовитость человека как животного вида и плодовитость всех прочих живых существ находятся в обратно пропорциональной зависимости от количества пищи; что недоедающее население размножается очень быстро, но все классы, которые живут в довольстве, в соответствии с неким законом физиологии настолько неплодовиты, что редко могут поддерживать свою численность, не пополняясь выходцами из более бедных классов. Несомненно, положительный избыток пищи не благоприятствует воспроизводству как у животных, так и у плодовых деревьев; и вполне возможно — хотя это отнюдь не доказано, — что физиологические условия плодовитости существуют в максимальной степени тогда, когда обеспеченность пропитанием несколько ограничена. Но любому человеку, даже если он допускает правильность этой теории и обнаруживает склонность к выведению из нее заключений, расходящихся с принципами Мальтуса, достаточно предложить всего лишь просмотреть список пэров Англии и обратить внимание на огромные семьи, составляющие у этого класса почти обычное явление, или припомнить большие семьи у английских священников и вообще у представителей среднего сословия.

[1865 г.] Кроме того, как справедливо замечает Кэри, чтобы соответствовать теории Даблдея, рост населения в Соединенных Штатах, за вычетом иммигрантов, должен был бы происходить самыми медленными из всех зафиксированных темпами.

[1865 г.] У Кэри есть собственная, также основанная на физиологической истине теория, согласно которой наибольшая часть общей суммы питательных веществ, получаемых органическим

этого вопроса возникает не из этих теорий, а из слишком неясных представлений о причинах, в силу которых реальные темпы роста численности человечества в большинстве мест в разные периоды столь сильно отстают от темпов потенциальных, обусловленных способностью людей к размножению.

§ 3. Между тем причины эти никоим образом не составляют тайны. Что мешает зайцам и кроликам переполнить землю? Не недостаточная плодовитость, а причины совсем иного порядка — множество врагов и недостаток корма; нехватка корма и то, что эти зверьки сами являются добычей хищников. Для человеческого рода, который, в общем, не подвержен второму из указанных неудобств, эквивалентом его являются войны и болезни. Если бы размножение человеческого рода происходило так же, как происходит оно у других животных, под воздействием слепого инстинкта, то оно и ограничивалось бы тем же самым образом, каким ограничивается размножение других животных, — число рождений было бы настолько велико, насколько это допускает физическая конституция особей, а рост населения сдерживала бы смертность *. Но

существом, направляется в те части организма, которыми более всего пользуются; исходя из этой теории, Кэри ожидает сокращения плодовитости людей не вследствие более обильного питания, а вследствие возрастающего объема умственной деятельности на более высоких уровнях развития цивилизации. Эти рассуждения весьма правдоподобны, и возможно, что в будущем опыт подтвердит их истинность. Но предполагаемое этой теорией изменение человеческого организма, если даже оно произойдет, будет способствовать достижению ожидаемого результата скорее тем, что облегчит физическое воздержание, нежели тем, что устранит его необходимость, поскольку самые стремительные из известных темпы размножения вполне совместимы со сдержанным проявлением производительных способностей.

* [1865 г.] Кэри пускается в пространные рассуждения об абсурдности предположения о том, что материя имеет тенденцию принимать наивысшую форму организации, человеческую организацию, более быстрыми темпами, чем облекаться в более низшие формы, образующие продукты питания человека, что человеческие существа размножаются быстрее, нежели репа и капуста. Но, согласно доктрине Мальтуса, предел увеличения численности человечества зависит не от способности репы и капусты к размножению, а от ограниченности земельных площадей, на которых можно выращивать эти овощи. Пока количество земли практически неограниченно, как, например, в Соединенных Штатах, и, следовательно, пока производство продовольствия можно увеличивать

на поведение человеческих существ в большей или меньшей мере оказывают влияние предвидение последствий и импульсы более высокого по сравнению с животными инстинктами порядка; и потому люди не плодятся подобно свиньям, но обладают, хотя и в весьма неодинаковой степени, способностью воздерживаться, под воздействием благоразумия или возникших в обществе взглядов, от того, чтобы давать жизнь существам, которые родились бы лишь затем, чтобы жить в нищете и преждевременно умереть. По мере того как человечество шаг за шагом поднимается над животным состоянием, рост населения все более ограничивается скорее страхом перед нуждой, нежели самой нуждой. Даже в тех случаях, когда о существовании на грани голодной смерти не идет и речи, многие люди подобным же образом руководствуются опасением лишиться того, что стало считаться приличествующим их общественному положению. До сих пор у человечества в целом не обнаружилось никаких иных — кроме двух вышеуказанных — мотивов, достаточно сильных для того, чтобы противодействовать отмеченной тенденции к росту населения. У огромного большинства представителей средних и бедных классов сложилось обыкновение во всех случаях, когда они не испытывают сдерживающего влияния внешних обстоятельств, вступать в браки настолько рано, а в большинстве стран и иметь настолько много детей, насколько это совместимо с поддержанием тех условий жизни, в которых эти люди родились или которые они привыкли считать своими обычными условиями. У многих представителей средних классов имеется и дополнительный сдерживающий мотив, проистекающий из желания не только сохранить привычные условия жизни, но еще и улучшить их; однако такое желание редко встречается — или же редко приносит указанный результат — у представителей трудящихся классов. Если трудящиеся

самыми быстрыми из допустимых природой темпами, люди также могут размножаться максимально быстрыми темпами, не испытывая при этом роста трудностей в деле добывания пищи. Если Кэри будет в состоянии доказать, что сама почва или содержащиеся в ней питательные элементы — а не репа и капуста — наделены естественной тенденцией к умножению, к тому же темпами, превосходящими самые стремительные из возможных темпов роста населения, тогда его доказательства будут иметь значение. До тех пор пока Кэри не сделает этого, по крайней мере данную часть его доводов можно считать лишенной смысла.

могут содержать свои семьи в таком же достатке, в каком были воспитаны сами, то самые благоразумные из них обычно довольны жизнью. Слишком часто они не помышляют даже о таком достатке, полагаясь на счастливый случай или на средства, которые они получают благодаря учрежденной законом или добровольной благотворительности.

При весьма отсталом состоянии общества, подобном тому, какое существовало в средневековой Европе, а в настоящее время [1848 г.] существует во многих частях Азии, рост населения сдерживается действительным голоданием. Вымирание от голода происходит не в обычные годы, а в периоды неурожая, которые при таких состояниях общества бывают гораздо чаще и сильнее, чем неурожаи, знакомые нынешней Европе. В такие периоды нехватка продовольствия или заболевания, являющиеся следствием голода, уносят множество человеческих жизней. В течение ряда благоприятных лет население вновь увеличивается, чтобы голод и болезни снова подвергли его жестокому истреблению. При более совершенных состояниях общества немногие люди, даже среди самой горькой бедноты, ограничивают свое потребление действительно предметами первой необходимости и только исключительно ими; поэтому рост населения сдерживается в известных пределах не чрезмерной смертностью, а ограничением рождаемости. Ограничение это осуществляется по-разному. В некоторых странах оно является результатом благоразумного или сознательного самоограничения. Имеются некоторые условия жизни, к которым трудящиеся привыкли; они понимают, что, имея слишком большие семьи, они непременно должны опуститься ниже занимаемого ими положения или лишиться возможности передать его своим детям, а с этим они также не желают примириться. Страны, в которых, насколько известно, в данном вопросе издавна существовало добровольное воздержание [1848 г.], — Норвегия и некоторые части Швейцарии. Относительно этих двух стран имеются необычайно достоверные сведения: многие факты были старательно собраны Мальтусом и много дополнительных свидетельств было получено после него. В обеих этих странах население растет очень медленно, и сдерживает его рост не высокая смертность, а низкая рождаемость. Пропорционально численности населения и число рождений,

и число смертей удивительно невелики; средняя продолжительность жизни — самая большая в Европе; доля детей в населении меньше, а доля людей в расцвете сил больше, чем в какой-либо другой известной нам стране. Низкая рождаемость непосредственным образом ведет к увеличению продолжительности жизни, поддерживая людей в состоянии достатка; и несомненно, что то же благоразумие проявляется и в предотвращении причин болезней, а также в устранении главной причины нищеты. Достойно упоминания то обстоятельство, что эти две страны, столь славно выделяющиеся среди прочих, являются странами мелких земельных собственников.

В других случаях государство требует от народа для его же блага проявления того благоразумия и предусмотрительности, которые сам народ, пожалуй, не может осуществлять; заключение браков не допускается до тех пор, пока вступающие в брак стороны не смогут доказать, что имеют основательные надежды содержать семью в достатке. Известно, что при наличии таких законов, о которых я подробнее скажу ниже, материальные условия жизни народа хороши, а число незаконнорожденных детей не столь велико, как можно было бы предполагать. Есть и такие страны, где сдерживающей причиной является, по-видимому, не столько личное благоразумие людей, сколько некий общий и, возможно, даже случайно возникший обычай. На протяжении прошлого века рост населения в сельских районах Англии весьма действенным образом сдерживали трудности, связанные с получением жилья. Существовал обычай, в соответствии с которым неженатые сельскохозяйственные работники жили у своих нанимателей и питались за их столом; женатым же обычай предписывал иметь свой коттедж; правило действовавших в Англии законов о вспомоществовании бедным, согласно которому на приходы возлагалась обязанность содержания проживающих в них бедняков, лишенных работы, вело к тому, что землевладельцы были не склонны поощрять браки. К концу прошлого столетия огромный спрос на мужчин, вызванный войной и развитием различных отраслей промышленности, привел к тому, что поощрение рождаемости стали считать патриотическим делом; примерно в то же время усиливающееся стремление фермеров жить подобно богатым людям, стремление, которому в действительности благоприятствовал длитель-

ный период высоких цен, побудило их держать подчиненных на более далеком расстоянии; к этому присоединились денежные мотивы, которые были обусловлены злоупотреблениями в системе вспомоществования бедным, фермеры постепенно начали переселять своих рабочих в коттеджи, которые теперь землевладельцы не запрещали строить. Говорят, что в некоторых странах в качестве фактора, существенно сдерживающего рост населения, действует старинный обычай, предписывающий девушкам не выходить замуж до тех пор, пока они сами не напрягут и не соткут себе полное *trousseau* (приданое), предназначенное для всей их дальнейшей жизни. В настоящее время [1848 г.] в Англии влияние благоразумия, сдерживающее рост населения, проявляется в сокращении числа заключаемых в промышленных районах браков в годы плохой конъюнктуры.

Но каковы бы ни были причины, в силу которых рост населения повсеместно ограничен сравнительно медленными темпами, за любым ослаблением мотивов к ограничению рождаемости очень быстро следует ускорение темпов роста населения¹. Улучшения материального положения трудящихся классов лишь изредка имеют своим результатом нечто большее, чем временную положительную разницу между прежним и новым жизненными уровнями, — разницу, вскоре поглощаемую приростом численности трудящихся. Обычно трудящиеся предпочитают извлекать из всякого выгодного для них изменения обстоятельств пользу в той форме, которая, приводя к увеличению населения, лишает следующее поколение выгод происшедшего изменения. До тех пор пока трудящихся либо посредством общего улучшения их интеллектуальной и нравственной культуры, либо посредством по меньшей мере повышения привычного для них уровня жизненного комфорта не удастся приучить лучшим образом использовать благоприятные обстоятельства, для них нельзя добиться никакого прочного улучшения; самые многообещающие проекты оканчиваются лишь увеличением численности, но отнюдь не повышением благосостояния насе-

---

¹ [Так, начиная с 3-го издания (1852 г.). Первоначальный вариант второй части этого сложносочиненного предложения был таков: «...за ними всегда лежит огромная сила, готовая вступить в действие сразу же, как только будет устранено обуздывающее ее давление».]

ления. Под привычным для трудящихся уровнем жизни я подразумеваю тот уровень, сохранение которого (в тех случаях, когда он существует) является пределом увеличения численности трудящихся, при падении материального положения ниже этого уровня рост численности трудящихся приостанавливается. Всякий успех их в образовании, цивилизации и общественном положении способствует повышению указанного уровня; и несомненно, что он постепенно, хотя и очень медленно, повышается в наиболее передовых странах Западной Европы. Объем средств к существованию и возможности к получению работы никогда не увеличивались в Англии так быстро, как в последние 40 лет [1862 г.], но каждая перепись населения, начиная с переписи 1821 г., показывает, что прирост населения в соотношении с общей численностью сокращается по сравнению с периодом, предшествовавшим предыдущей переписи; во Франции продукт сельского хозяйства и промышленности увеличивается в возрастающей прогрессии, тогда как данные о росте населения, получаемые в результате каждой проводящейся раз в пять лет переписи, показывают сокращение соотношения между числом рождений и численностью населения.

Проблема роста населения в связи с вопросом о положении трудящихся классов будет рассмотрена нами в другом месте; здесь же мы коснулись ее единственно постольку, поскольку население является одним из элементов производства; и, рассматривая население в этом его качестве, мы не могли обойтись без указания на присущую ему от природы неограниченность способности к увеличению своей численности и на причины, благодаря которым в действительности чаще всего проявляется только незначительная часть этой неограниченной способности. Сделав это краткое указание, мы приступим к рассмотрению других элементов².

---

² [См. Приложение I. «Население»]

О ЗАКОНЕ ВОЗРАСТАНИЯ КАПИТАЛА

§ 1. Итак, элементами производства являются труд, капитал и земля. Как мы увидели в предыдущей главе, первый из этих элементов не может порождать препятствия росту производства. Со стороны труда нет помех для неограниченного по размерам и не ослабевающего по стремительности темпов роста производства. Население обладает способностью увеличиваться в постоянной и стремительной геометрической прогрессии. Если бы единственным существенно необходимым условием производства был труд, то продукт его мог бы возрастать в той же прогрессии и, естественно, так бы и возрастал; и этому росту не было бы предела до тех пор, пока рост численности человечества не был бы приостановлен физической нехваткой пространства.

Но есть еще другие элементы производства, один из них — капитал, к рассмотрению которого мы сейчас приступим. Ни в одной стране, так же как и во всем мире, не может жить большее число людей, чем то, которое возможно содержать за счет продукта прошлого труда до тех пор, пока не появится продукт труда настоящего. Ни в одной стране так же, как и во всем мире, численность производительных работников не будет больше той, которую можно содержать на ту долю продукта прошлого труда, что была сбережена обладателем этого продукта от потребления в целях воспроизводства и называется капиталом. Поэтому мы должны теперь заняться выяснением условий возрастания капитала, причин, определяющих быстроту этого возрастания, и неперенных ограничений этого возрастания.

Поскольку весь капитал есть продукт сбережения, т. е. воздержания от потребления в настоящем ради будущей пользы, возрастание капитала необходимым образом зависит от двух моментов — величины фонда, из которого может быть сделано сбережение, и от силы склонностей, побуждающих к сбережению.

Фонд, из которого могут быть сделаны сбережения, является излишком продукта труда, остающимся от этого продукта после того, как все участвовавшие в процессе производства, включая людей, занятых пополнением запасов расходуемых материалов и содержанием основного капитала в исправном состоянии, обеспечены предметами первой необходимости. Больше этого излишка нельзя сберечь ни при каких обстоятельствах. Всегда можно было бы сберегать количество, равное этому излишку, хотя столько средств никогда не сберегается. Этот излишек составляет фонд, за счет которого удовлетворяются все потребности в удовольствиях, отличающиеся от насущных потребностей производителей; это тот фонд, из которого получают средства к существованию все люди, не принимающие непосредственного участия в производстве, и из которого черпают все средства, идущие на приращения к капиталу. Это реальный чистый продукт страны. Выражение «чистый продукт» зачастую понимают в более ограниченном смысле — как понятие, обозначающее только прибыли капиталиста и ренту землевладельца, исходя при таком истолковании данного понятия из представления о том, что в чистый продукт капитала нельзя включать ничего, кроме того, что достается собственнику капитала в виде дохода сверх возмещения издержек производства. Но это слишком узкое значение указанного понятия. Капитал работодателя составляет доход работников, и если величина капитала превышает сумму средств, необходимых для удовлетворения насущных потребностей участвующих в производстве людей, то это дает им некоторый избыток средств, который люди могут либо израсходовать на удовольствия, либо сэкономить. Во всех случаях, когда может зайти речь о чистом продукте производства, указанный излишек следует включать в этот чистый продукт. Только когда этот излишек включен в чистый продукт, и не иначе, чистый продукт страны является мерой ее действительной мощи, мерой того, что страна может сэкономить для достижения тех или иных общественно полезных целей или для удовлетворения склонностей своих жителей к удовольствиям; мерой той части продукта страны, которой страна может распорядиться как угодно, из которой можно черпать средства для достижения любых целей или удовлетворения любых желаний, появляющихся либо у правительства этой страны, либо у ее отдельных

жителей, которую страна может или потратить для собственного удовлетворения, или сэкономить ради будущих выгод.

Величина этого фонда, этого чистого продукта, этого избытка производимого продукта, остающегося за вычетом средств, необходимых для удовлетворения физических потребностей производителей, является одним из элементов, определяющих величину сбережений. Чем больше продукт труда, остающийся после обеспечения работников всем насущно необходимым, тем больше имеется средств, которые можно сберечь. Это же обстоятельство отчасти играет роль в определении доли чистого продукта, которая будет сэкономлена в действительности. Мотив к сбережению отчасти состоит в надежде на извлечение дохода из сэкономленных средств, — надежде, основанной на том факте, что капитал, используемый в производстве, обладает способностью не только воспроизводить себя, но и давать некоторый прирост. Чем больше прибыль, которую можно получить на капитал, тем сильнее мотив к накоплению капитала. Тем, что действительно формирует побуждение к экономии, является не весь фонд, представляющий средства для сбережения, не весь чистый продукт земли, капитала и труда страны, а лишь некоторая часть его, и именно та часть, которая составляет вознаграждение капиталиста и называется прибылью на капитал. Впрочем, для читателей не составит особого труда понять, не дожидаясь объяснений, которые будут даны далее, что, когда общая производительность труда и капитала велика, прибыли капиталистов должны, вероятно, быть крупными и что обычно между чистым продуктом и той его частью, что составляет прибыль капиталистов, будет существовать некоторое, хотя и непостоянное соотношение.

§ 2. Но склонность к сбережению не всецело зависит от внешних побуждений к бережливости, от размеров прибыли, которую можно получить на сэкономленные средства. При наличии одинакового материального стимула склонность к экономии у разных людей и в разных обществах весьма различна. Сила действительного стремления к накоплению колеблется не только соответственно разнообразию человеческих характеров, но и соответственно общему состоянию общественного строя и цивилизации. По-

добно всем прочим свойствам нравственного порядка, стремление это является свойством, в степени обладания которым род человеческий демонстрирует огромные различия, соответствующие разнообразию условий существования людей и уровню их развития.

Полное исследование этих вопросов вышло бы за пределы, какие можно отвести им в данном трактате, поэтому удовлетворимся возможностью сослаться на другие труды, в которых необходимые рассуждения и выводы представлены более пространно. В отношении проблемы народонаселения эту ценную услугу оказывает Мальтус своим знаменитым «Опытом»; что касается вопроса, который занимает нас в настоящий момент, то я могу с одинаковым доверием сослаться на другую, хотя и менее известную работу, а именно «Новые основы политической экономии» д-ра Рея *. Ни в одной другой из известных мне книг не представлены с такой ясностью как в принципиальном, так и в историческом аспекте причины, определяющие накопление капитала.

---

* Этот трактат служит одним из нередко встречающихся примеров того, насколько успех книги больше зависит от случая, нежели от ее достоинств. Появись этот труд в подходящее время и при благоприятных обстоятельствах, он имел бы все необходимые данные для огромного успеха. Его автор, шотландец, поселившийся в Соединенных Штатах, сочетает в себе большие знания, склонность к оригинальности мышления, изрядную способность к философским обобщениям и метод изложения и пояснения, дающий о разных идеях более ясное понятие, чем они того заслуживают, что, полагаю, иногда оказывает соответствующее воздействие на мышление самого автора. Основной недостаток этой книги состоит в том, что ее автор, из духа противоречия, который можно обнаружить в людях, имеющих новые суждения по старым вопросам, поставил себя в позицию антагониста по отношению к Адаму Смиту. Я называю это недостатком, хотя считаю многие из критических замечаний автора справедливыми, а некоторые из них очень проникательными, потому что в действительности разница в убеждениях у обоих авторов гораздо меньшая, чем можно было бы предположить, судя по критическим выпадам д-ра Рея; и потому ошибки, открываемые им в теории своего великого предшественника, ограничиваются преимущественно тем, что Адам Смит, по человеческой слабости, высказывал свои послышки слишком безусловно; часть из них была совершенно излишняя, она не требовалась, и не была в действительности применима для его выводов. [Подвергнутый переработке вариант "*New Principles of Political Economy*", опубликованный Джоном Реем в 1834 г., отредактирован профессором Микстером и опубликован в 1905 г. под заглавием "*The Sociological Theory of Capital*".]

Всякое накопление сопряжено с принесением в жертву настоящей выгоды ради будущей. Но при различных сочетаниях обстоятельств степень целесообразности принесения такой жертвы подвержена весьма сильным колебаниям, а желание приносить такие жертвы изменяется и того сильнее.

При противопоставлении будущего настоящему одним из главных моментов является неопределенность всех будущих событий; а степень этой неопределенности весьма различна. Следовательно, «все обстоятельства, увеличивающие уверенность в том, что мы сами или другие лица воспользуемся тем обеспечением на будущее, которое мы создаем», оправданно и резонно «имеют тенденцию придавать силу эффективному стремлению к накоплению. Так, здоровый климат или невредное для здоровья занятие, увеличивая вероятную продолжительность жизни, имеют тенденцию усиливать это стремление. Люди, занимающиеся безопасными профессиями и живущие в странах со здоровым климатом, гораздо более склонны к бережливости, чем люди, занимающиеся вредными для здоровья или опасными профессиями и живущие в пагубных для человеческой жизни климатических условиях. Матросы и солдаты расточительны. Жители Вест-Индии, Нового Орлеана, европейских владений в Азии предаются расточительству. Они же, прибывая на жительство в районы Европы со здоровым климатом и не впадая в расточительство, живут экономно. Войны и эпидемии, кроме многих других бедствий, порождают роскошь и расточительность. По сходным причинам все, что придает надежность делам данного общества, благоприятствует усилению принципа бережливости. В этом отношении значительное влияние оказывают общее преобладание законности и порядка и перспектива сохранения мира и спокойствия» *. Чем прочнее безопасность, тем сильнее будет действенная сила стремления к накоплению. Там, где собственность находится в меньшей безопасности, или там, где разрушающие состояния превратности случаются чаще и более жестоки, меньшее число людей будет экономить вообще, а из тех людей, кто все же экономит, многим потребуется — для того, чтобы заставить их предпочесть сомнительное буду-

---

* R a e, p. 123 [ed. Mixter, p. 57].

щее искушению получить удовольствия в настоящем, — побуждение в виде более высокой нормы прибыли на капитал.

Таковы соображения, влияющие с позиций разума на целесообразность учета будущих интересов в ущерб интересам настоящим. Но склонность к принесению данной жертвы зависит не только от ее выгоды. Расположенность к экономии зачастую весьма сильно уступает требованиям разума, а в иные времена имеет свойство превышать эти требования.

Недостаток силы в стремлении к накоплению может быть обусловлен непредусмотрительностью или отсутствием заботы о других людях. Непредусмотрительность может быть связана как с интеллектуальными, так и с нравственными причинами. Отдельные люди и общества, находящиеся на очень низком уровне умственного развития, всегда непредусмотрительны. Для того чтобы отдаленные соображения и в особенности обстоятельства, которые появятся в будущем, могли сколько-нибудь сильно воздействовать на воображение и волю человека, необходима, по-видимому, некоторая мера интеллектуального развития. Мы признаем, что отсутствие заботы о других людях оказывает воздействие, сокращающее волю к накоплению, если примем во внимание то, сколь значительны сбережения, делаемые в настоящее время скорее в интересах других лиц, нежели в наших собственных интересах — в целях образования детей, их продвижения в жизни, для удовлетворения интересов, которые возникнут в будущем в связи с другими личными связями, ради способности содействовать, даруя деньги или время, достижению целей, полезных обществу или частным лицам. Если бы люди вообще пребывали в том состоянии духа, известное приближение к которому было заметно в период упадка Римской империи — если бы люди не питали ни любви, ни интереса к своим наследникам, как и к своим друзьям, обществу или какому-то делу, которое переживет их самих, — то они редко отказывались бы от потакания своим слабостям ради того, чтобы сэкономить больше, чем необходимо им самим до конца их жизни; сэкономленные же для этой цели средства они обратили бы в пожизненные ренты или в какую-нибудь иную форму помещения денег, при которой их состояния иссякали бы одновременно с их смертью.

§ 3. Вследствие этих разнообразных причин интеллектуального и нравственного порядка интенсивность эффективного стремления к накоплению в различных частях мира обнаруживает большее различие, чем то, о котором обычно упоминают. Отсталое состояние всего общественно-го развития часто бывает следствием не столько других причин, обращающих на себя большее внимание, сколько недостатком именно этой склонности. Например, в обстоятельствах, характерных для быта охотничьего племени, «о человеке можно сказать, что он непредусмотрителен и равнодушен к будущему, потому что при этом состоянии будущее не представляет ничего, что бы можно было с уверенностью предвидеть или направить... Помимо слабости мотивов, побуждающих обеспечивать удовлетворение будущих потребностей с помощью материальных средств настоящего, имеется и недостаток привычек к осознанию и действию, — привычек, ведущих к возникновению постоянной связи между настоящим и будущим в уме человека и к установлению ряда событий, осуществляющих эту связь. Поэтому, даже если пробужденные мотивы в состоянии вызвать усилие, необходимое для создания данной связи, остается нерешенной задача: как приучить ум размышлять и действовать таким образом, чтобы упрочить эту связь».

Вот пример. «По берегам реки Св. Лавректя расположено много небольших индейских поселений. Они обыкновенно окружены значительным количеством земли, лес на которой, по-видимому, уже давно истреблен, кроме того, к ним прилегают обширные пространства, еще покрытые лесом. Расчищенная от леса земля редко или, можно сказать, почти никогда не обрабатывается, да и на земли, занятые лесом, не посягают с этой целью. Тем не менее почва плодородна, а если бы она была и скудна, так навоз кучами лежит возле индейских хижин. Если бы каждая индейская семья огородила пол-акра земли, возделала этот участок и засадила его картофелем и кукурузой, эти пол-акра принесли бы урожай, достаточный для того, чтобы прокормить возделавшую его семью в течение полугода. Сами же индейцы почти что постоянно страдают от крайней нужды, настолько жестокой, что она вкупе с запоями стремительно сокращает их численность. Эта столь странная для нас апатия проистекает не из скольконибудь значительного отвращения к труду; напротив, в

тех случаях, когда труд вознаграждается немедленно, индейцы занимаются им весьма усердно. Так, помимо специфических индейских промыслов, охоты и рыболовства, которыми индейцы всегда готовы заняться, они в большом числе нанимаются для перевозки грузов по реке Св. Лаврентия, и можно видеть, как они работают веслами на используемых с этой целью больших лодках или управляют ими при помощи шестов и всегда предоставляют большую часть дополнительных рабочих рук, необходимых для проводки плотов через пороги. Причина этой апатии не заключается в отвращении к сельскохозяйственному труду. Индейцы, несомненно, питают некоторое предубеждение против него; но простые предубеждения легко исчезают, нельзя только создать новые принципы жизни. В тех случаях, когда отдача от сельскохозяйственного труда приходит быстро и очень велика, индейцы занимаются и сельским хозяйством. Так, некоторые островки на озере Сент-Фрэнсис, близ индейского поселка Сен-Режи, благоприятны для выращивания кукурузы — культуры, дающей урожаи сам-сто, а также приятную и питательную пищу даже тогда, когда початки ее поспевают лишь наполовину. Поэтому ежегодно индейцы возделывают под кукурузу клочки самой лучшей земли на этих островках. Поскольку местоположение этих участков делает их недоступными для скота, сооружать ограды не требуется; подозреваю, что, если бы эта дополнительная затрата труда была необходима, индейцы пренебрегли бы этим делом, как пренебрегли им на общинных землях, прилегающих к их поселку. Очевидно, что некогда эти общинные земли засеивались. Однако ныне скот, принадлежащий живущим по соседству белым поселенцам, уничтожил бы любые посевы, не защищенные надежно оградой, и эта необходимость в дополнительных затратах исключает соответственно возделывание индейцами этих земель. Это вынуждает индейцев придерживаться условий производства, при которых труд дает отдачу темпами более медленными, чем те, что соответствуют существующей в этом маленьком обществе силе эффективного стремления к накоплению.

Здесь следует отметить, что те сельскохозяйственные работы, которыми индейцы все же занимаются, выполняются ими весьма прилежно. Маленькие клочки земли, которые индейцы обрабатывают под зерновые, тща-

тельно прополоты и промотыжены. Действительно, небольшая небрежность в этом деле сократила бы урожай весьма значительно; опыт заставил индейцев в полной мере осознать это обстоятельство, и они действуют соответственно с ним. Очевидно, что препятствием к расширению земледелия является не необходимость трудиться, а отдаленность отдачи от этого труда. Поистине я уверен, что у некоторых племен усилия, затрачиваемые таким образом, намного превышают усилия, затрачиваемые белыми. Те же самые участки земли, засеваемые непрерывно и неудобряемые, вряд ли приносили бы какие-то урожаи, не будь их почва тщательнейшим образом раздроблена на комки и разрыхлена и мотыгами, и вручную. В такой ситуации белый человек расчистил бы новый участок земли. Возможно, что этот новый участок не возместил бы в первый год трудов, положенных на его расчистку, и пришлось бы ждать вознаграждения за свои труды от последующих лет. Но для индейца последующие годы слишком далеки для того, чтобы произвести на него достаточное впечатление, хотя ради того, чтобы получить то, что труд может принести в течение нескольких месяцев, индеец трудится даже более усердно, нежели белый» *.

Правильность этого взгляда на положение вещей подтверждает опыт, приобретенный иезуитами в ходе своих интересных попыток цивилизовать парагвайских индейцев. Иезуиты добились необыкновенного доверия со стороны этих дикарей. Они приобрели над индейцами влияние, достаточное для того, чтобы заставить их изменить весь образ жизни. Иезуиты добились от индейцев абсолютного подчинения и повиновения, установили мир и обучили индейцев всем видам работ, существовавшим в европейском сельском хозяйстве, а также многим более сложным ремеслам. По сообщению Шарлевуа, при иезуитах в Парагвае повсюду были видны «мастерские позолотчиков, живописцев, скульпторов, ювелиров, часовщиков, механиков, плотников, красильщиков» и т. д. Ремесленники занимались своими ремеслами не ради собственной выгоды — весь продукт поступал в безраздельное распоряжение миссионеров, правивших народом с деспотическим произволом. Итак, препятствия, обусловленные отвращением индейцев к труду, были окончательно прео-

---

* R a e, p. 136 [ed. Mixter, p. 71].

должны. Единственную реальную трудность представляла непредусмотрительность народа, неспособность индейцев думать о будущем и соответственно необходимость в непрерывнейшем и самом мелочном надзоре со стороны наставников. «Так, поначалу если миссионеры доверяли индейцам заботы о волах, на которых индейцы пахали, то индейцы, по своей бездумной лени, вечером могли так и оставить животных запряженными в плуги. Хуже того, имели место случаи, когда индейцы резали этих волов себе к ужину, а когда им делали выговор за это, то они полагали, что в достаточной мере оправдались, сказав, что были голодны... Отцам-иезуитам, говорит Уллоа, приходилось посещать индейские хижины для того, чтобы выяснить, чего там недостает, ибо без такой заботы сами индейцы никогда ни за чем не проследят. Отцы-иезуиты должны присутствовать также и при забое скота — не только затем, чтобы мясо было поделено поровну, но и для того, чтобы ничто не пропало впустую». «Но, — говорит Шарлевуа, — несмотря на все эти заботы и надзор, а также все предосторожности, принятые для предотвращения всякой нехватки предметов первой необходимости, миссионеры иногда оказываются в немалом замешательстве. Часто случается, что они (индейцы) не запасаются количеством зерна, достаточным хотя бы для нового посева. Что касается прочих запасов, то, если за индейцами хорошенько не присмотреть, они быстро останутся без средств, необходимых для поддержания жизни» *.

Как пример промежуточной ступени эффективного стремления к накоплению, занимающей место между описанным выше положением вещей и состоянием современной Европы, заслуживают внимания китайцы. Из многих разнообразных особенностей, относящихся к их личным привычкам и социальным отношениям, можно заключить, что они обладают благоразумием и самоконтролем в большей мере, нежели другие народы Азии, но в меньшей, чем большинство европейских народов; для иллюстрации этого положения привожу следующее свидетельство.

«Прочность произведенных вещей является одним из главных качеств, характеризующих высокую степень развития эффективного стремления к накоплению. Путешественники в своих свидетельствах приписывают создан-

---

* R a e, p. 140 [ed. Mixter, p. 76].

ным китайцами орудиям весьма низкую прочность по сравнению со сходными, но созданными европейцами. Нам сообщают, что их дома, если они не принадлежат высшим сословиям, построены в основном из необожженного кирпича, глины или из переплетенных и обмазанных землею прутьев; крыши же сделаны из тростника, прикрепленного к деревянной решетке. Вряд ли можно представить более непрочные или более недолговременные сооружения. Внутренние перегородки в китайских домах сделаны из бумаги и требуют ежегодного обновления. Сходное замечание можно сделать и в отношении их хозяйственных орудий и утвари. Предметы эти почти полностью сделаны из дерева — металл в них использован в весьма ограниченном количестве; соответственно предметы эти быстро изнашиваются и требуют частой замены. Более значительная степень стремления к накоплению побудила бы китайцев к созданию этих предметов из материалов, требующих больших затрат в настоящий момент, но и более прочных. По той же причине пустоует много земель, которые в других странах были бы возделаны. Все путешественники обращают внимание на большие массивы земель, главным образом заболоченных, остающихся в своем естественном состоянии. Превращение заболоченных земель в земли пахотные является, вообще говоря, процессом, для завершения которого требуется несколько лет. Прежде чем участок заболоченной земли удастся сделать плодородным, его сначала нужно осушить, поверхность длительное время подвергать воздействию солнечных лучей и выполнить множество других работ. Хотя труд, положенный на освоение такого участка, принесет, вероятно, весьма значительный доход, он будет получен лишь по истечении долгого времени. Возделывание такой земли подразумевает более сильное эффективное стремление к накоплению, нежели то, что существует в китайской империи.

Как мы уже отметили, урожай всегда служит средством для достижения цели; это запас для удовлетворения будущих потребностей, регулируемый теми же законами, которым подчиняются прочие средства для достижения сходных целей. В Китае основной культурой является рис, дающий два урожая в год — первый в июне, второй в октябре. Таким образом, восьмимесячный период с октября по июнь является периодом, на который ежегодно

запасают продовольствие для пропитания, и различие между сделанными людьми оценками дня нынешнего и дня, который наступит восемь месяцев спустя, проявится в том самоограничении, которое люди практикуют ныне для того, чтобы защититься от нужды в будущем. У китайцев степень этого самоограничения, по-видимому, невелика. Действительно, отец Пареннен (кажется, один из умнейших иезуитов, долго живший среди китайцев всех сословий) утверждает, что причиною часто случающихся в Китае нехваток продовольствия и голода является именно серьезный недостаток у китайцев предусмотрительности и бережливости».

То, что фактором, ограничивающим производство, является недостаток именно предусмотрительности, а не трудолюбия, на примере китайцев очевидно еще более, чем на примере индейцев, ставших земледельцами лишь наполовину. Хорошо известно, что «в тех случаях, когда труд быстро приносит результаты, когда предпринятые работы требуют всего лишь краткое время для того, чтобы вызвать те события, ради свершения которых эти работы были предприняты, огромные достижения в изучении ремесел, соответствующих природе страны и потребностям ее жителей», придают производству энергичность и эффективность. «Теплый климат, естественное плодородие земель, приобретенное жителями знание секретов земледелия, открытие самых полезных видов растительной продукции и постепенная адаптация этих видов к любой почве позволяют китайцам очень быстро извлекать почти из каждого участка земной поверхности количество продукта, которое, по их оценке, намного превосходит вознаграждение за труд, затраченный на обработку этой земли и выращивание на ней посевов. В Китае обычно собирают два, иногда три урожая в год. Когда урожай приносит столь продуктивная зерновая культура, как рис, являющийся в Китае самой распространенной культурой, урожай эти едва ли могут не дать — почти что с любого участка земли, какой только можно сразу же освоить для выращивания риса, — весьма обильного возмещения за земледельческое искусство крестьян. Соответственно в Китае нет ни единого клочка земли из тех, что можно освоить для земледелия посредством затраты труда, который не заставил бы приносить доход на вложенный в его освоение труд. Поля взбираются на холмы и даже горы, скло-

ны которых превращены в террасы; а вода, являющаяся в этой стране великой производительной силой, поступает на каждый участок по дренажным трубам или подается на поля при помощи остроумно устроенных и простых гидравлических машин, которые этот своеобразный народ применяет с незапамятных времен. Китайцы достигают этого результата тем более легко, поскольку почвенный слой, даже в указанных ситуациях, очень глубок и покрыт большим количеством растительного перегноя. Но что еще может в большей степени, нежели устройство полей на холмах и горах, характеризовать готовность напрягать силы, превращая в орудия производства самые неподатливые материалы в тех случаях, когда эти орудия быстро приносят результаты, для достижения которых они и созданы? Это — часто встречающиеся на многих озерах и реках Китая и напоминающие плавучие огороды перуанцев сооружения — плоты, покрытые возделанным и плодоносящим слоем земли. В данном случае труд весьма быстро извлекает доход из подвергающихся его воздействию материалов. Ничто не может помешать растительности буйно развиваться, когда благотворное влияние солнечных лучей дополняют плодородие почв и обилие влаги. Как мы уже видели, в тех случаях, когда отдача от затраченного труда, хотя бы и весьма внушительная, отдаленна, дела обстоят иначе. Путешественники-европейцы удивляются, встречая такие маленькие плавучие фермы по краям болот, для превращения которых в пахотные земли требуется всего-навсего осушение. Европейцам кажется странным, почему бы не приложить усилия скорее к освоению суши, где эти усилия могли бы приносить плоды в течение долгого времени, чем затрачивать труд на создание сооружений, которые непременно обветшают и погибнут за несколько лет. Народ, среди которого оказываются эти путешественники, думает не столько о будущих годах, сколько о настоящем времени. У одного народа сила эффективного стремления к накоплению весьма отличается от силы этого стремления у другого народа. Взгляды европейца простираются к отдаленному будущему, и он удивляется китайцу, обреченному вследствие своей непредусмотрительности и своей недостаточной заботы о будущем на непрерывный и тяжелый труд и, как полагает европеец, на непереносимую нищету. Кругозор китайца ограничен более узкими рамками; он довольствуется тем, что живет со

дня на день, и приучен считать благом даже эту исполненную тяжкого труда жизнь» *.

Когда та или иная страна сумеет развить свое производство в той мере, в какой это возможно при существующем уровне знаний, получая при этом доход, величина которого соответствует средней для этой страны силе эффективного стремления к накоплению, она оказывается в положении, называемом «состоянием застоя» — состоянием, при котором капитал более не может увеличиваться, если не произойдет либо некоторого улучшения в способах производства, либо увеличения силы стремления к накоплению. При этом застойном состоянии, хотя капитал, в общем, не увеличивается, некоторые люди становятся богаче, а другие — беднее. Те люди, степень бережливости которых ниже обычного уровня, нищают, их капиталы гибнут, уступая место сбережениям тех людей, у которых сила эффективного стремления к накоплению выше средней. Эти последние становятся естественными покупателями земель, промышленных предприятий и других средств производства, принадлежавших их менее бережливым соотечественникам.

В дальнейшем станет ясно, в силу каких причин прибыли на капитал в одной стране выше, чем в другой, и в силу каких причин при известных обстоятельствах пустить в оборот какой-либо дополнительный капитал оказывается возможным разве что при условии получения меньших прибылей. В Китае, если эта страна в своем развитии действительно вступила, как предполагают, в фазу застоя, накопление приостановилось в момент, когда прибыли на капитал все еще [1848 г.] весьма высоки, как на то указывает норма ссудного процента, по закону равная 12%, а на практике, говорят, колеблющаяся между 18 и 36%. Поэтому следует предположить, что при этой высокой норме прибыли большее количество капитала, нежели то, каким эта страна уже располагает, не может найти применения и что сколько-нибудь более низкая норма прибыли не представляет соблазна, достаточно сильного для того, чтобы побудить китайца воздержаться от использования капитала в настоящий момент. Какой контраст с Голландией, на протяжении самого процветающего периода истории которой правительство могло зани-

---

* R a e, p. 151—155 [ed. Mixter, p. 88—92].

мать деньги обычно под 2%, а частные лица, представившие хорошие залоги, — под 3%. Поскольку Китай не является страной, подобной Бирме или княжествам Индии, где огромный ссудный процент есть всего лишь необходимая компенсация за риск, которому подвергается займодавец вследствие недобросовестности или нищеты государства и почти всех берущих в долг частных лиц, тот факт — если это действительно факт, — что в Китае увеличение капитала прекратилось в то время, когда прибыли на капитал все еще столь велики, означает гораздо меньшую степень эффективного стремления к накоплению — другими словами, то, что китайцы ценят будущее по сравнению с настоящим гораздо меньше, чем большинство европейских народов.

§ 4. До сих пор мы говорили о странах, в которых средняя сила стремления к накоплению уступает той, что в обстоятельствах сколько-нибудь сносной безопасности была бы оправдана разумом и здравым расчетом. Теперь мы должны поговорить о других странах, — странах, в которых эта сила решительно превосходит указанный уровень. В наиболее процветающих странах Европы найдется множество расточителей; в некоторых из них (и главным образом в Англии) обычную среди живущих физическим трудом людей степень экономности и предусмотрительности нельзя считать высокой; и все же у весьма многочисленной части общества — представителей свободных профессий, промышленников и торговцев, составляющих те классы, у которых, вообще говоря, обладание крупными средствами сочетается с более вескими мотивами к сбережению в большей мере, чем у любого другого класса, — дух накопления настолько силен, что признаки стремительно возрастающего богатства заметны всякому; и каждый раз, когда бы особые обстоятельства, обращающие значительную часть еще не инвестированного капитала в какой-нибудь один канал вроде железнодорожного строительства или рискованного спекулятивного предприятия за рубежом, ни делали очевидной громадность общей массы капитала, вызывает изумление огромное количество того капитала, который ищет приложения.

Имеется много обстоятельств, которые в Англии придают особую силу пристрастию к накоплению. То обстоятельство, что наша страна на протяжении долгого вре-

мени не подвергалась опустошениям, которые приносят войны, и то обстоятельство, что в Англии безопасность собственности от военного насилия и грабительского произвола была обеспечена гораздо раньше, чем в других местах, породили у нас давнюю и передающуюся по наследству уверенность в том, что средства, вверяемые их владельцем другим лицам, находятся в безопасности, — уверенность, которая в большинстве других стран возникла гораздо позднее и утвердилась менее прочно. Географические факторы, сделавшие естественным источником мощи и значимости Великобритании скорее производство, нежели войну, обратили необычайно большую часть наиболее предприимчивых и энергичных людей к ремеслам и торговле — к удовлетворению своих потребностей и утолению своего тщеславия скорее посредством производства и сбережения, чем посредством присвоения того, что уже произведено и сэкономлено. Многие зависело также от хороших политических институтов нашей страны, которые, предоставляя людям широкую свободу действий, поощряли их индивидуальную активность и укрепляли уверенность в собственных силах, а предоставляя свободу ассоциациям и объединениям — способствовали крупномасштабному предпринимательству в промышленности. Эти же учреждения в другом своем аспекте дают самый непосредственный и мощный стимул стремлению к приобретению богатства. Более ранний, чем в других странах, упадок феодализма устранил или значительно ослабил оскорбляющие своей несправедливостью различия между классами, ведущими свое происхождение от купцов, и теми, кто привык презирать эти классы; сложилось такое государственное устройство, при котором подлинным источником политического влияния стало богатство; приобретение богатства наделили искусственной ценностью, независимой от внутренне присущей богатству полезности. Богатство стало синонимом мощи; и, поскольку в обычном человеческом стаде мощь дает власть, богатство превратилось в главный источник значимости человека, в мерило жизненного успеха, в печать, удостоверяющую этот успех. Выбиться из одного сословия в следующее, имеющее более высокое положение в обществе, — великая жизненная цель представителей английских средних классов, а средством к ее достижению является приобретение богатства. И так как до сих пор быть бога-

тым, не утруждая себя, всегда значило стоять на общественной лестнице ступенькою выше тех, кто богат благодаря своему усердию, то целью честолюбивых устремлений становится сбережение не просто такого количества средств, какое позволит человеку получать крупный доход, пока он занимается предпринимательской деятельностью, но сбережение средств, достаточных для того, чтобы, удалившись от дел, жить в изобилии на накопленные доходы. В Англии действию перечисленных причин в огромной степени способствует та крайняя неспособность народа к личным наслаждениям, что составляет характерную особенность стран, по которым прошел пуританизм. Но если отсутствие вкуса к наслаждениям облегчило накопление, с одной стороны, то, с другой — наличие весьма неподдельного вкуса к расходам затруднило его. Связь между личной значимостью человека и внешними признаками богатства настолько сильна, что среди обширных классов нации, которая извлекает из своих трат удовольствия меньше, чем, пожалуй, любая другая нация в мире, глупое желание создавать видимость больших расходов имеет силу страсти. Благодаря этому обстоятельству эффективное стремление к накоплению в Англии никогда не достигало столь высокого уровня, как в Голландии, где торговые классы остались умеренны и скромны в своих привычках, поскольку там не было какого-либо богатого праздного класса, который давал бы примеры безрассудства в расходах, а торговым классам, обладающим значительной властью, следствием которой всегда является влияние в обществе, была предоставлена возможность установить свои собственные жизненные правила и нормы приличий.

Таким образом, в Англии и Голландии уже на протяжении долгого времени, а ныне и в большинстве других европейских стран (которые быстро следуют за Англией в том же направлении) стремление к накоплению не нуждается — для того, чтобы стать эффективным, — в тех обильных прибылях, какие требуются для этого в Азии, но в достаточной степени стимулируется нормой прибыли настолько низкой, что накопление вместо замедления теперь происходит, по-видимому, быстрее, чем когда-либо. Таким образом, второе условие увеличения производства — возрастание капитала — не проявляет какой-либо тенденции стать недостаточным. В той мере, в какой производ-

ство зависит от данного элемента, оно поддается увеличению, не имеющему каких-либо определенных границ.

Несомненно, что процесс накопления значительно замедлился бы, если бы прибыли на капитал стали еще ниже, чем в настоящее время. Но почему любое возможное увеличение капитала должно возыметь этот результат? Данный вопрос обращает мысль к тому последнему из трех условий производства, которое осталось нерассмотренным. Ограничение производства, не заключающееся в каком-либо неизбежном пределе увеличения двух других элементов — труда и капитала, должно быть обусловлено качествами того единственного элемента, который по природе своей и сути ограничен в количественном отношении. Ограничение это должно зависеть от свойств земли.

О ЗАКОНЕ ВОЗРАСТАНИЯ ПРОДУКТА ЗЕМЛИ

§ 1. Земля отличается от прочих элементов производства — труда и капитала — тем, что не поддается бесконечному увеличению. Площадь ее незначительна, а площадь наиболее плодородных почв ограничена еще более. Очевидно также и то, что количество продукта, которое можно вырастить на любом данном участке земли, имеет свой предел. Эта ограниченность площадей и производительности земли устанавливает истинные пределы увеличению производства.

То, что пределы эти являются пределами окончательными, люди всегда должны были понимать очень ясно. Но поскольку не было ни единого случая, когда бы этот окончательный рубеж был достигнут, поскольку нет ни одной страны, в которой вся земля, какая может приносить пропитание, возделана настолько совершенным образом, что с нее нельзя было бы получить большего продукта (не предполагая даже какого-то нового достижения в агрономических знаниях), и поскольку большая часть земной поверхности все еще остается абсолютно невозделанной, то обычно полагают — и поначалу такое предположение весьма естественно, — что в настоящее время любое проистекающее из этого источника ограничение производства или населения находится на неопределенно большом удалении и что должны пройти века, прежде чем возникнет какая-то практическая необходимость в том, чтобы заняться серьезным рассмотрением ограничивающего принципа.

Опасаясь, что мнение это является не просто заблуждением, но самым серьезным заблуждением, какое только можно найти в области политической экономии. Данный вопрос имеет более важное и существенное значение, нежели любой другой; он охватывает всю проблему причин существования нищеты в богатых и промышленных обществах; и пока этот предмет не понят вполне, продолжать наше исследование — напрасное дело.

§ 2. Ограничение производства свойствами почвы не походит на препятствие, представляющее собой что-то вроде стены, которая стоит неподвижно в одном определенном месте и является для движения таким препятствием, которое останавливает его внезапно и полностью. Ограничение это мы можем сравнить, скорее, с весьма эластичной и растяжимой лентой, которую вряд ли когда-либо растягивали настолько сильно, чтобы ее нельзя было растянуть еще, но сжимающее действие которой ощущается все же задолго до того, как достигнут окончательный предел ее растяжения, и ощущается тем сильнее, чем ближе подходят к этому пределу.

По достижении определенной и не очень высокой стадии развития сельского хозяйства¹ законом получения продукта земли становится то, что при любом данном состоянии земледельческого искусства и агрономических знаний с увеличением затрат труда продукт не увеличивается в равной степени; удвоение затрат труда не удваивает продукт; или, выражая ту же мысль другими словами, любого увеличения продукта добиваются за счет более чем пропорционального увеличения прилагаемого к земле труда.

Этот общий закон сельскохозяйственного производства является важнейшим положением политической экономии. Будь этот закон иным, почти все явления производства и распределения богатства были бы не такими, какие они есть. Самые глубокие заблуждения, какие все еще преобладают во мнениях по рассматриваемому нами вопросу, являются результатом непонимания того, что под более поверхностными силами, на которых фиксируется внимание, кроется действие данного закона, и ошибочного признания этих поверхностных сил конечными причинами тех следствий, на форму и образ действия которых эти силы могут оказать влияние, но сущность которых определяет один лишь указанный закон.

Очевидно, что в тех случаях, когда в целях увеличе-

---

¹ [В 6-м издании (1865 г.) впервые было опущено следующее имевшееся в первоначальном издании пояснительное придаточное предложение: «...фактически, как только люди сколько-нибудь энергично обратились к земледелию и применили в нем сколько-нибудь сносные орудия».]

ния количества продукта приходится прибегать к возделыванию земель худшего качества, продукт не возрастает в той же пропорции, в какой возрастают затраты труда. Само понятие «земля худшего качества» означает землю, которая при затратах труда, равных затратам труда на хорошей земле, приносит меньшее количество продукта. Земля может быть хуже либо по плодородию, либо по местоположению. Первое из названных обстоятельств требует пропорционально больших затрат труда для выращивания продукта, второе — для доставки выращенного продукта на рынок. Если участок *А* при некоторых определенных затратах на заработную плату, удобрения и т. д. дает 1 тыс. кварталов пшеницы, и для того, чтобы вырастить еще 1 тыс. кварталов пшеницы, придется прибегнуть к возделыванию участка *Б*, который либо менее плодороден, либо более удален от рынка, то труд, затраченный на производство этих 2 тыс. кварталов пшеницы, будет превышать труд, затраченный на производство первой из этих 2 тыс., более чем вдвое, а продукт земледелия возрастет в меньшей пропорции, нежели труд, затраченный на производство этого продукта.

Допустим, что, вместо того чтобы возделывать участок *Б*, было бы возможно заставить участок *А* посредством более совершенного его возделывания производить большее количество продукта. Участок *А* могли бы пахать или бороновать два раза вместо одного или три раза вместо двух; его могли бы вскапывать, а не пахать; после вспашки вместо боронования по нему можно было бы пройти мотыгой — и почва была бы размельчена сильнее; этот участок могли бы пропалывать чаще или тщательнее; используемые для возделывания этого участка орудия могли бы быть совершеннее или иметь более продуманную конструкцию; можно было бы вносить большее количество удобрений или более дорогостоящие виды удобрений, внесенные удобрения могли бы тщательнее перемешивать с почвой и внедрять в ее состав. Таковы некоторые из способов, посредством которых одну и ту же землю можно заставить приносить большее количество продукта; и в тех случаях, когда получить большее количество продукта необходимо во что бы то ни стало, в числе средств, обычно используемых для достижения этой цели, оказываются и некоторые из упомянутых способов. Но из того факта, что обрабатываются земли худшего качества, ясно,

что это большее количество продукта получают при более чем пропорциональном увеличении затрат. Менее плодородные земли или земли, лежащие на большем удалении от рынка, дают, разумеется, меньшую отдачу; и до тех пор, пока не увеличатся издержки производства продовольствия, а следовательно, и цены на него, удовлетворить растущий спрос за счет получаемого с этих земель продукта нельзя. Если бы, увеличивая приложение труда и капитала, можно было по-прежнему удовлетворять дополнительный спрос за счет продукта, получаемого с лучших земель, при пропорциональных издержках производства, не превышающих тех издержек, при которых эти лучшие земли приносят количество продукта, требовавшееся с них поначалу, то владельцы этих земель или хозяйствующие на этих землях фермеры могли бы удушить всех прочих поставщиков продовольствия, продавая его по более низким ценам, и монополизировать весь рынок. Правда, собственники менее плодородных или более отдаленных земель могли бы возделывать свои земли ради получения пропитания или обеспечения своей независимости; но никогда и никого нельзя было бы заинтересовать ведением на таких землях хозяйства, рассчитанного на извлечение прибыли. То обстоятельство, что хозяйствование на этих землях позволяет извлекать прибыль, достаточную для привлечения капитала к такой сфере его приложения, является доказательством того, что земледелие на более пригодных землях в своем развитии достигло некоторой точки, выше которой приложение любого большего количества труда и капитала принесло бы в лучшем случае не больше дохода, чем можно получить при тех же затратах от менее плодородных или не столь благоприятно расположенных земель.

В каком-нибудь обладающем высокоразвитым сельским хозяйством районе Англии или Шотландии тщательность возделывания земли является одним из симптомов и следствий тех более тяжелых условий, которые земля начала требовать за любое увеличение получаемых с нее продуктов. Пропорциональные издержки такого интенсивного земледелия гораздо выше (и для того, чтобы оно стало прибыльным, требуются более высокие цены на продовольствие), чем при более примитивной системе ведения сельского хозяйства; и если бы только была возможность получить доступ к еще незанятым землям, столь же

плодородным, как те, что уже освоены, то интенсивную систему земледелия не приняли бы. Там, где принятию этой системы есть альтернатива, заключающаяся в получении требующегося обществу увеличения количества продовольствия с неосвоенных земель столь же хорошего качества, как те, которые уже возделаны, люди не предпринимают никаких попыток выжимать из земли количество продукта, хотя бы сколько-нибудь приближающееся к тому, что могут дать лучшие европейские методы земледелия. В таких местах землю эксплуатируют до той степени, при которой она приносит максимальную отдачу пропорционально затраченному труду, но не более того; всякий дополнительный труд прилагают к другим производствам. «Проходит долгое время, — говорит наблюдательный путешественник по Соединенным Штатам *, — прежде чем глаз англичанина примиряется с невзрачностью зреющих хлебов и с той небрежностью (как мы назвали бы это) хозяйствования, которая не вызывает сомнений. Забывают о том, что там, где земля имеется в таком изобилии, а труд столь дорог, как здесь, должно следовать принципу, совершенно отличному от того, который господствует в густонаселенных странах, и что следствием этого будет, конечно же, недостаток, так сказать, аккуратности и законченности во всем, что требует труда». Из двух упомянутых причин правильным объяснением мне представляется скорее изобилие земель, нежели дороговизна труда; ибо в тех случаях, когда продовольствия не хватает, труд, каким бы дорогим он ни был, всегда будут прилагать к производству продовольствия, отдавая предпочтение этому его применению перед любым другим. Но в смысле получения желаемого результата труд этот, будучи приложен к новым землям, более эффективен, чем если бы его затратили на то, чтобы поднять земледелие уже освоенных земель на более высокий уровень, за исключением, пожалуй, земель, лежащих в окрестностях городов, где экономия на издержках перевозок может компенсировать гораздо более низкий уровень доходов от самой земли. Применение европейских методов интенсивного ведения

---

* John Godley. Letters from America, vol. I, p. 42.— См. также: Lyell. Travels in America, vol. II, p. 83.

сельского хозяйства на американских землях может стать выгодным только тогда, когда для освоения не останется никаких земель, кроме таких, какие вследствие либо отдаленности, либо меньшего плодородия потребуют значительного повышения цен для того, чтобы их возделывание стало прибыльным. В каком положении находится [1848 г.] американское сельское хозяйство по сравнению с сельским хозяйством Англии, в таком же положении обычное английское сельское хозяйство находится по сравнению с сельским хозяйством Фландрии, Тосканы или Терра-ди-Лаворо, где посредством приложения гораздо большего количества труда получают значительно больший валовой продукт, но на таких условиях, какие никогда не были бы выгодны предпринимателю, стремящемуся к получению прибыли, если бы намного более высокие цены на сельскохозяйственную продукцию не сделали эти условия выгодными для него.

Несомненно, что сформулированный сейчас принцип надлежит признать правильным с учетом определенных разъяснений и оговорок. Даже после того, как земля возделана настолько совершенным образом, что простое приложение дополнительного труда или дополнительного количества обычных удобрений не принесло бы отдачи, пропорциональной понесенным затратам, все же может случиться, что приложение гораздо большего дополнительного труда и капитала для улучшения самой почвы посредством ее осушения или внесения в нее постоянно действующих удобрений было бы столь же щедро вознаграждено продуктом, как и любая часть затраченного раньше труда и капитала. Иногда такие дополнительные затраты могут быть вознаграждены гораздо более обильно. Если бы капитал всегда искал себе самого выгодного применения и находил его, это было бы невозможно; но если при самом выгодном применении капитала вознаграждения приходится ждать долго, то предпочтение такому применению капитала отдадут только при довольно высоком уровне развития производства. Даже на этой высокой стадии развития производства законы или обычаи, связанные с земельной собственностью и арендой хозяйств, зачастую таковы, что препятствуют свободному устремлению имеющегося в стране незанятого капитала в русло усовершенствования сельского хозяйства. Поэтому требуемый растущим населением больший объем

продовольствия иногда производят за счет увеличения издержек, прибегая к интенсификации земледелия, тогда как средства, позволяющие производить это большее количество продовольствия без увеличения издержек, известны и доступны. Не может быть никаких сомнений в том, что если бы появился капитал для осуществления, в течение следующего же года, всех тех известных и получивших признание в Англии улучшений земель, которые окупились бы при существующих ценах, т. е. таких, которые увеличили бы продукт в той же или большей пропорции, в какой возросли бы затраты, то результат (в особенности если включить в наше предположение Ирландию) был бы таков, что на протяжении длительного времени не возникало бы необходимости в распахке более плохих земель. Значительную часть менее производительных из возделываемых ныне земель, не отличающихся особо выгодным местоположением, вероятно, перестали бы обрабатывать; или же (поскольку улучшения, о которых идет речь, затрагивают не столько хорошие земли, сколько плохие, повышая их качество) сокращение земледелия могло бы проявиться главным образом в менее интенсивном удобрении земли и в менее тщательной ее обработке — в отступлении к чему-то, что по характеру своему было бы ближе к американскому сельскому хозяйству; полностью заброшены же были бы только такие скудные почвы, улучшить которые оказалось бы невозможно. Таким образом, соотношение между совокупным продуктом со всей возделываемой земли и трудом, затраченным на производство этого продукта, было бы больше, чем прежде; и в этой степени действие общего закона убывающей доходности от земли было бы на время пресечено. Однако никто не может предположить, что даже при указанных обстоятельствах весь потребный стране продукт можно было бы получить исключительно с лучших земель и земель, обладающих преимуществами местоположения, которые ставят эти земли вровень с лучшими землями. Несомненно, что много продуктов по-прежнему производили бы в менее благоприятных условиях и с меньшей пропорциональной отдачей, чем та, которую получали бы от лучших земель и земель, наиболее выгодно расположенных. И пропорционально тому, как дальнейший рост населения потребовал бы еще большего увеличения производства продовольствия, указанный общий закон возобновил бы свое дейст-

ние, и дальнейшего увеличения производства продовольствия добивались бы ценой более чем пропорциональных затрат труда и капитала.

§ 3.² То, что продукт земли увеличивается *caeteris paribus* (при прочих равных условиях) в уменьшающемся отношении к увеличению затрачиваемого на его производство труда, является истиной, которую чаще игнорируют или не принимают во внимание, нежели отрицают по существу. Впрочем, истина эта встретила открытого опровергателя в лице хорошо известного американского политэконома Г. К. Кэри, утверждающего, что подлинный закон сельскохозяйственного производства является полной противоположностью тому, который сформулирован нами: что продукт возрастает в большей пропорции, нежели труд, или, другими словами, труд приносит постоянно возрастающую отдачу. Для того чтобы обосновать это утверждение, Кэри доказывает, что земледелие начинается не на лучших почвах, распространяясь с них, по мере увеличения спроса, на более скудные почвы, а, наоборот, на более скудных землях и затем весьма нескоро распространяется на более плодородные. Первопоселенцы неизменно начинают с освоения скудных и расположенных на возвышенностях земель; тучные, но болотистые почвы речных долин поначалу не могут быть освоены для земледелия по причине нездорового климата этих долин и огромного и продолжительного труда, который требуется для осушения и расчистки земель, лежащих в этих долинах. По мере того как население и богатство возрастают, земледельцы спускаются по склонам холмов, расчищая их по ходу своего движения, и самые плодородные почвы низменностей, как правило (Кэри говорит даже «всегда»), оказываются возделанными в последнюю очередь. Эти утверждения вкупе с заключениями, которые Кэри выводит из них, весьма пространно из-

² [Оценка доводов Кэри в этом и двух последующих абзацах в 6-м издании (1865 г.) заняла место небольшого абзаца, в котором Милль, не называя каких-либо имен, приводил утверждение о том, что «получаемые от земли прибыли выше на более высокой стадии развития земледелия, нежели на более низкой, а также выше тогда, когда к сельскому хозяйству прилагают много капитала, чем тогда, когда к нему прилагают мало капитала».]

ложены в его последнем и наиболее продуманном трактате «Основы социальной науки». По его мнению, эти положения разрушают самую основу того, что он называет английской политической экономией вместе со всеми ее практическими выводами, и в особенности доктриной о свободе торговли.

Что касается формулировки закона, то Кэри имеет веские доводы против некоторых известных авторитетов политической экономии, которые сформулировали установленный ими закон в слишком непререкаемой форме, не отметив, что в отношении начальной стадии развития земледелия в только что заселенной стране этот закон не является правильным. Там, где плотность населения мала, а капитала имеется в недостаточных количествах, земля, приведение которой в состояние пригодности для земледелия требует крупных затрат, непременно остается невозделанной, хотя тогда, когда наступает время освоения таких земель, они зачастую приносят больший объем продукта, нежели ранее возделанные земли, причем не только в абсолютном отношении, но и пропорционально затраченному на производство этого продукта труду, даже если мы включим в эти затраты труд, который был затрачен на первоначальную подготовку таких земель для возделывания. Но никто не утверждает, что закон убывающей доходности от земли действовал с самого возникновения общества, и, хотя некоторые политэкономы, возможно, считают, что закон этот вступил в действие ранее, чем это было на самом деле, все же он начал действовать достаточно рано для того, чтобы подтвердить заключения, основанные на нем. Кэри вряд ли станет утверждать, что в какой-нибудь старой стране — например, в Англии или Франции — пустуют или пустовали на протяжении столетий те земли, которые обладают большим естественным плодородием, нежели земли, занятые под пашни. Что же касается его необоснованного утверждения относительно местоположения необработанных участков — мне нет нужды распространяться о том, насколько это утверждение необоснованно, — то разве справедливо, что в Англии и во Франции в настоящее время невозделанная часть земли состоит из участков, лежащих на равнинах и в долинах, а возделанные земли находятся на холмах? Напротив, каждому известно, что в естественном состоянии оставлены именно земли, лежащие на возвышенностях, а так-

же имеющие скудные почвы, и что, когда рост населения требует расширения земледелия, последнее распространяется с равнин на возвышенности. Может быть, раз в столетие люди могут осушить Бедфордскую низменность или выкачать воду из Гарлемского озера, но такие явления составляют незначительные и преходящие исключения из нормального развития событий; и в старых странах, которые вообще находятся на высокой ступени цивилизации, остается свершить не много деяний подобно-го рода *.

Не сознавая того, Кэри сам приводит сильнейшее доказательство истинности закона, против которого он выступает, ибо одно из положений, отстаиваемых им наиболее энергично, гласит, что в развивающемся обществе цены на сырье, получаемое в сельском хозяйстве, имеют устойчивую тенденцию к росту. В таком случае элементарнейшие истины политической экономии показывают нам, что этого не могло бы произойти, если бы измеряемые трудом издержки производства этих продуктов не имели тенденции возрастать. Если приложение дополнительного труда к земле сопровождалось повышением пропорциональной отдачи от труда и это повышение пропорциональной отдачи являлось общим правилом, то цена получаемого с земли продукта, вместо того чтобы расти, необходимым образом должна падать по мере прогресса общества, если только издержки производства золота и серебра не упали того сильнее, а это случай настолько редкий, что за всю историю известно лишь два периода, когда такое падение издержек добычи золота и серебра имело место: первый последовал за открытием мексиканских и перуанских копей, второй — в котором мы ныне живем. В течение всех известных периодов, за исключением двух вышеуказанных, издержки производства дра-

---

* Можно утверждать, что Ирландия составляет исключение; значительная часть всей имеющейся в этой стране земли все еще [1865 г.] остается непригодной для земледелия вследствие недостаточного осушения. Но хотя Ирландия является старой страной, неблагоприятные социальные и политические обстоятельства сделали ее страной бедной и отсталой. Нет вовсе никакой уверенности и в том, что ирландские болота, если их осушить и распашать, займут место рядом с упоминаемыми Кэри плодородными речными долинами или среди каких-либо иных земель, за исключением самых скудных.

гоценных металлов были либо неизменными, либо росли. Следовательно, если справедливо утверждение о том, что по мере увеличения богатства и численности населения денежная цена сельскохозяйственного продукта имеет тенденцию возрастать, то и без других доказательств ясно, что тенденцию к возрастанию имеет и труд, который требуется для того, чтобы взрастить это большее количество продукта.

Я не захожу так далеко, как Кэри, и не утверждаю, что по мере роста населения издержки производства сельскохозяйственного продукта и соответственно его цена возрастают всегда и постоянно. Они имеют тенденцию возрастать; но действие этой тенденции может быть сдержано — и иногда его сдерживают на протяжении весьма длительных периодов. Результат зависит не от одного принципа, а от двух, совершенно противоположных. Существует другой фактор, пребывающий в постоянном и непримиримом противоборстве с законом убывающей доходности от земли; к рассмотрению этого фактора мы сейчас и приступим. Фактор этот не что иное, как прогресс цивилизации. Я пользуюсь этим общим и несколько неопределенным выражением потому, что явления, которые надлежит включить в предмет рассмотрения, настолько разнообразны, что любой термин, обладающий более ограниченным значением, едва ли смог бы все их объять.

Среди этих явлений наиболее очевидным является прогресс агрономических знаний, агрономического искусства и изобретений. Существует два рода усовершенствованных сельскохозяйственных процессов: одни из них наделяют землю способностью приносить больший абсолютный продукт без эквивалентного увеличения затрат труда; другие не обладают силой, позволяющей увеличивать объем продукта, зато обладают способностью сокращать затраты труда и расходы, ценой которых приобретают этот затраченный труд. К процессам первого рода следует причислить уничтожение парового поля, осуществленное путем введения севооборота, и использование новых сельскохозяйственных культур, которые можно с выгодой включить в севооборот. Изменение, произведенное в английском сельском хозяйстве к концу прошлого века посредством введения возделывания турнепса, считалось чем-то похожим на революцию. Значение улучшений такого рода проявляется не только в том, что они придают

земле способность приносить урожай ежегодно, а не оставаться не использованной через каждые 2—3 года для восстановления своих сил, но также и в непосредственном увеличении плодородия земли, поскольку значительный рост поголовья скота в результате увеличения производства кормов позволяет получать большее количество навоза для удобрения земель, занятых под зерновыми культурами. Следующим по порядку идет введение новых продовольственных культур, например картофеля, содержащих большее количество питательных веществ, или более продуктивных видов и разновидностей одного и того же растения, такого, как шведский турнепс. В этот же разряд улучшений надлежит поместить изучение свойств различных видов удобрений и максимально эффективных способов их применения; внедрение новых и более действенных удобрений, таких, как гуано, и использование с той же целью веществ, которые прежде растрачивали впустую; изобретения, подобные глубокой вспашке или керамическим дренажным трубам; улучшение пород или откорма рабочего скота; увеличение поголовья скота, который потребляет и превращает в пригодную для человека пищу то, что в противном случае пропало бы без толку, и тому подобное. Улучшениями другого рода — теми, что уменьшают затраты труда, не увеличивая при этом производительной способности земли, — являются такие улучшения, как усовершенствование конструкции сельскохозяйственных орудий; внедрение их новых видов, которые экономят физический труд, например веялки и молотилки; более искусное и экономичное применение мускульных усилий, например столь медленно свершавшееся в Англии внедрение шотландского способа пахоты упряжкой из двух лошадей, обслуживаемой одним пахарем, вместо обслуживаемой двумя работниками упряжки из трех или четырех лошадей, и т. д. Такие улучшения не увеличивают плодородия земли, но они в равной с улучшениями первого рода степени рассчитаны на то, чтобы противодействовать тенденции издержек производства сельскохозяйственного продукта возражать по мере роста населения и спроса.

Результат, аналогичный тому, который приносят сельскохозяйственные улучшения второго рода, дает и совершенствование средств сообщения. Хорошие дороги равносильны хорошим орудиям. Не имеет никакого значения

происходит ли экономия труда в процессе извлечения продукта из земли или же в процессе доставки этого продукта к месту потребления, не говоря уж о том, что сокращение издержек перевозки удобрений издалека или облегчение множества подобных перевозок с места на место, в пределах одного хозяйства, сокращает труд, затрачиваемый на само возделывание земли. Железные дороги и каналы, в сущности, снижают издержки производства всех отправляемых по ним на рынок товаров; и в буквальном смысле снижают издержки производства всех тех товаров, для производства которых все необходимые приспособления и материалы доставляют по этим путям сообщения. Благодаря железным дорогам и каналам можно возделывать такие земли, которые в других условиях стоило бы обрабатывать лишь в случае повышения цен на производимые продукты. В отношении продовольствия или материалов, доставляемых из-за моря, аналогичный эффект имеют усовершенствования в мореплавании.

Из сходных соображений следует, что многие усовершенствования сугубо технического характера, которые не имеют, по крайней мере внешне, никакого особенного отношения к сельскому хозяйству, тем не менее позволяют получать данное количество продовольствия при меньших затратах труда. Значительное усовершенствование в процессе выплавки железа привело бы к удешевлению сельскохозяйственных орудий, снизило стоимость железных дорог, вагонов и телег, кораблей и, возможно, построек, а также многих других предметов, которые в настоящее время создают, не используя железо, поскольку оно слишком дорого; результатом всего этого было бы снижение издержек производства продовольствия. Такое же следствие будет иметь и усовершенствование в процессах, составляющих то, что можно назвать обработкой, которой подвергают продовольственное сырье после того, как оно убрано с полей. Когда для помола зерна впервые применили силу ветра или воды, это новшество привело к удешевлению хлеба в столь же большой степени, как и весьма важное агрономическое открытие; всякое крупное усовершенствование в конструкции мельниц окажет сходное воздействие в том же направлении. Последствия удешевления перевозок уже рассмотрены. Имеются также технические изобретения, которые облегчают осущест-

вление всех крупномасштабных работ на поверхности земли. Совершенствование способов нивелирования важно для устройства осушительных систем, не говоря уж о строительстве каналов и железных дорог. В Голландии и в некоторых районах Англии болота осушают помпами, приводимыми в действие силой ветра или пара. Там, где необходимо сооружение оросительных каналов, водоемов или дамб, инженерное искусство создает огромные возможности для удешевления производства.

Те усовершенствования в обрабатывающей промышленности, которые нельзя использовать для облегчения самого производства продовольствия ни на какой из его стадий и которые поэтому не помогают противодействовать сокращению пропорциональной отдачи на труд, затраченный на возделывание земли, или замедлять это сокращение, дают, однако, другой эффект, практически равносильный предыдущему. Эти усовершенствования все же в известной степени компенсируют то, что они не предотвращают.

Поскольку все виды обрабатываемых промышленностью материалов получают от земли и из нее, а многие виды сырья дает сельское хозяйство, которое, в частности, всецело обеспечивает сырьем текстильную промышленность, общий закон, регулирующий получаемую от земли продукцию — закон убывающей доходности, — в конечном счете должен относиться к промышленности так же, как и к сельскому хозяйству. По мере того как население увеличивается, а способность земли давать возрастающий продукт испытывает все более сильное напряжение, получение всякого дополнительного количества материалов, а также продовольствия должно происходить за счет затрат труда, возрастающих более чем пропорционально по сравнению с увеличением объема продукции. Но так как стоимость сырья составляет обычно весьма малую долю общих издержек промышленного производства, сельскохозяйственный труд, имеющий отношение к производству промышленных товаров, также составляет лишь малую часть всего воплощенного в товаре труда. Весь прочий труд по мере увеличения объема производства имеет постоянную и сильную тенденцию к сокращению. Промышленные производства в гораздо большей, нежели сельское хозяйство, степени поддаются техническому усовершенствованию и позволяют внедрять изобретения, экономя-

щие труд; мы уже видели, в сколь огромной мере разделение труда и его искусное и экономное распределение зависят от масштабов рынка и от возможности производить товары в больших количествах. Соответственно в промышленности причины, способствующие увеличению производительности труда, решительно преобладают над той единственной причиной, которая ведет к сокращению производительности труда; вызванный общественным прогрессом рост производства происходит не при возрастании, а при постоянном снижении его относительных издержек. Этот факт нашел свое проявление в наблюдавшемся на протяжении последних двух столетий постоянном падении цен и стоимостей почти всех промышленных товаров, — падении, ускоренном техническими открытиями последних 70 или 80 лет и поддающемся продлению и расширению далее любого предела, какой можно было бы определить уверенно и точно.

Теперь совершенно понятно, что с увеличением продукта эффективность сельскохозяйственного труда может постепенно понижаться; вследствие этого цены на продовольствие могут постепенно возрастать, и производство продовольствия для всего населения может потребовать привлечения труда все большей его части; между тем производительная сила труда во всех прочих отраслях производства может возрастать столь стремительными темпами, что необходимое для производства продовольствия количество труда будет получено за счет экономии его в промышленных отраслях и, несмотря ни на что, полученный большой продукт в целом удовлетворит совокупные потребности общества лучше, нежели прежде. Выгоды могут распространиться даже на беднейший класс общества. Удешевление одежды и жилищ может компенсировать представителям этого класса удорожание продовольствия.

Таким образом, нет ни одного возможного усовершенствования, которое тем или иным образом не оказывает влияния, противодействующего закону убывающей доходности от сельскохозяйственного труда. Этот эффект дают не только улучшения в сфере производства. Таким же образом действуют улучшения в формах правления и почти во всех других сферах нравственной и общественной жизни. Представим себе страну, пребывающую в том состоянии, в каком находилась Франция до революции — налога-

ми обложены почти исключительно производительные классы, причем в соответствии с таким принципом, как будто они являются, в сущности, штрафом за производственную деятельность; при этом невозможно добиться какого-либо удовлетворения за любое нарушение права собственности или оскорбление личности, если оно причинено людьми, пользующимися силой или влиянием при дворе. Даже если мы посмотрим на тот результат, который дала революция лишь в плане увеличения производительности труда, разве ураган, снесший этот порядок вещей, не был равносильен многим изобретениям в сфере производства? Отмена лежавшего на сельском хозяйстве такого налогового бремени, как десятина, имеет тот же эффект, как если бы труд, необходимый для получения существующего объема продукции, внезапно сократился на одну десятую. Отмена хлебных законов или любых иных ограничений, не позволяющих производить товары там, где издержки их производства минимальны, равносильна огромному улучшению в самом производстве. Когда участок плодородной земли, ранее бывший охотничьим угодьем или предназначавшийся для иных увеселительных целей, освобождается под возделывание, совокупная производительность сельскохозяйственного труда возрастает. Хорошо известно, какое ослабляющее влияние на эффективность сельскохозяйственного труда оказало в Англии скверное исполнение законов о вспомоществовании бедным, а в Ирландии еще более пагубное влияние — дурная система аренды земли. Никакие улучшения не воздействуют на производительность труда более непосредственным образом, чем улучшения в порядке аренды и в законах, касающихся земельной собственности. Упразднение майоратов, удешевление процедуры передачи собственности и все, что бы ни способствовало проявлению присущей земле тенденции в условиях свободной системы переходить из рук тех, кто способен извлечь из нее немного, в руки тех, кто может извлечь из нее больше; замена аренды, не оформленной договором и не имеющей определенного срока, долгосрочной арендой, а никуда не годной коттерской системы — любой сколько-нибудь терпимой системой аренды; прежде всего обретение постоянной заинтересованности в земле теми людьми, которые ее обрабатывают, — все эти вещи являются столь же реальными улучшениями производства, а некоторые из них имеют столь же

большое значение, как изобретение «дженни» — прядильного станка периодического действия или паровой машины.

То же самое мы можем сказать и об улучшениях в деле просвещения. Сообразительность рабочего является одним из важнейших элементов производительности труда. В некоторых самых цивилизованных странах современный [1848 г.] уровень умственного развития настолько низок, что едва ли есть еще какой-либо источник, от которого можно ожидать более неограниченного увеличения производительной силы труда, чем от наделения умом тех людей, которые ныне имеют только руки. Старательность, бережливость и общая благонадежность работников важны так же, как и их развитие. Дружеские отношения и общность интересов, взаимное сочувствие между рабочими и хозяевами также в высшей степени важны; следовало бы сказать — были бы важны, потому что не известно, существует ли где-нибудь подобное чувство дружеского союза. Благотворное воздействие на производство совершенствование ума и личности оказывает не только тогда, когда оно затрагивает класс трудящихся. Увеличение умственной энергии, более солидное образование и более острое сознание долга, стремление к общественному интересу и благотворительности дали бы богатым и праздным классам право и способность выступать в роли инициаторов и покровителей самых ценных улучшений как экономического порядка, так и учреждений и обычаев своей страны. Посмотрим лишь на самые очевидные явления: отсталость французского сельского хозяйства как раз в тех моментах, в которых можно было бы ожидать полезного влияния просвещенного класса, отчасти объясняется исключительной приверженностью наиболее богатых землевладельцев к городским интересам и удовольствиям. Вряд ли есть какое-либо возможное улучшение дел человеческих, которое наряду с другими благами не оказало бы, прямо или косвенно, благотворного воздействия на производительность труда. Поистине, силу приверженности к промышленным занятиям во многих случаях следовало бы умерить посредством более широкого и возвышенного умственного образования, но тот труд, который действительно прилагают к этим занятиям, почти всегда будет становиться все более эффективным.

Прежде чем указать те главные выводы, которые сле-

дует сделать из природы двух противоборствующих сил, определяющих производительность сельскохозяйственного труда, мы должны заметить, что сказанное нами о сельском хозяйстве с небольшими вариациями справедливо и в отношении других занятий, воплощением которых является сельское хозяйство, — в отношении всех отраслей, занимающихся извлечением сырья из недр земного шара. Например, горнодобывающая промышленность обычно дает бо́льшую продукцию при более чем пропорциональном росте издержек. Горнодобывающая промышленность функционирует хуже, нежели сельское хозяйство, ибо даже для того, чтобы добыть обычный ежегодный объем продукции, этой отрасли требуются все большие и большие затраты труда и капитала. Поскольку шахты или рудники не воспроизводят извлеченные из них уголь или руду, то не только все шахты в конце концов будут истощены, но даже тогда, когда они еще не обнаруживают признаков истощения, их приходится эксплуатировать при постоянно возрастающих издержках: стволы шахт приходится все более углублять, штольни — отводить все далее от стволов и использовать все больше энергии для откачки воды из шахт; продукцию приходится поднимать с большей глубины или доставлять на большие расстояния. Следовательно, закон убывающей доходности применим к горной промышленности в еще более неограниченном смысле, чем к сельскому хозяйству; но противодействующая этому закону сила, сила усовершенствований в сфере производства, также действует в гораздо большей степени. Операции по разработке недр поддаются техническим усовершенствованиям в большей степени, нежели сельскохозяйственные работы; свое первое значительное применение паровая машина получила в горнодобывающей промышленности; существуют неограниченные возможности для усовершенствования тех химических процессов, посредством которых получают металлы. Имеется и другая возможность, отнюдь не редко реализующаяся на практике, которая выступает в качестве противовеса движению всех рудников и шахт к истощению, — открытие новых залежей, по богатству равных существующим или превосходящих их.

Подведем итоги: все естественные факторы, имеющиеся в ограниченных количествах, не только ограничены в своей конечной производительной силе, но задолго до

того, как эта сила подвергается предельному напряжению, удовлетворяют любой дополнительный спрос на все более тяжелых условиях. Действие этого закона можно, однако, приостановить или сдержать на время посредством всего, что увеличивает общую власть человека над природой, в особенности же посредством любого расширения человеческих знаний о свойствах и возможностях естественных факторов и являющегося следствием этих знаний господства людей над силами природы³.

---

³ [См. Приложение J. «Закон убывающей доходности».]

ВЫВОДЫ ИЗ ПРЕДЫДУЩИХ ЗАКОНОВ

§ 1. Из предыдущего изложения мы видим, что предел увеличения производства обусловлен одной из двух причин — нехваткой капитала или недостатком земли. Рост производства приостанавливается либо потому, что эффективное стремление к накоплению не обладает силой, достаточной для того, чтобы производить дальнейшее увеличение капитала, либо потому, что, как бы ни были люди, имеющие излишек дохода, расположены к сбережению какой-то его части, ограниченное количество земли, находящееся в распоряжении данного сообщества, не допускает применения дополнительного капитала с получением такого дохода, который служил бы достаточным вознаграждением за воздержание.

Для тех стран, где принцип накопления столь же ослаблен, как у различных народов Азии; где люди не станут ни сберегать, ни трудиться с целью получения средств для накопления иначе, как под побуждающим воздействием необычайно высоких прибылей — да и то лишь в том случае, если этих прибылей не приходится ждать в течение продолжительного времени; где либо слабо развиты производства, либо велик объем работ, требующих тяжелого, нудного труда, потому что для внедрения приспособлений, заставляющих природные силы выполнять работу, на которую затрачивают труд людей, там нет ни свободного капитала, ни достаточной предусмотрительности, — с экономической точки зрения для таких стран необходимо усиление трудолюбия и эффективно-го стремления к накоплению. Средствами к достижению этого служат, во-первых, улучшение форм управления, более совершенная защита собственности; умеренные налоги и уничтожение произвольных вымогательств, осуществляемых под видом сбора налогов; более долгосрочная и выгодная для арендаторов система аренды, обеспечивающая земледельцу, насколько это возможно, безраздельное обладание теми полученными благодаря трудолюбию, искусности и экономии выгодами, каких земледelec мо-

жет добиться собственными усилиями. Во-вторых, желаемого результата можно достичь посредством повышения уровня умственного развития народа, искоренения обычаев или предрассудков, препятствующих эффективному использованию труда, и развития умственной активности, пробуждающей в людях новые устремления. В-третьих, средством достижения указанных целей является внедрение заимствованных из-за рубежа ремесел, позволяющих увеличить прибыли, которые можно извлечь из дополнительного капитала, до размера, соответствующего малой силе стремления к накоплению, а также привлечение иностранного капитала, что делает рост производства не зависящим более от бережливости или предусмотрительности самих жителей. Кроме того, иностранный капитал если и не посредством фактического улучшения материального положения жителей, то посредством внедрения в их сознание новых понятий и сокрушения оков, налагаемых обычаями и привычками, имеет свойство порождать у местного населения новые потребности, большие устремления и заставляет их больше думать о будущем. В большей или меньшей мере эти соображения относятся к населению всех стран Азии, а также к наименее цивилизованным и неразвитым в промышленном отношении районам Европы, например России, Турции, Испании и Ирландии.

§ 2. Но есть и другие страны — и во главе их стоит Англия, — в которых ни дух трудолюбия, ни эффективное стремление к накоплению не нуждаются в каком-либо поощрении; где люди будут в поте лица трудиться за малое вознаграждение и ради получения небольшой прибыли будут сберегать крупные средства; где, хотя бережливость трудящихся гораздо ниже желаемой, у более состоятельной части общества дух накопления необходимо скорее ослабить, нежели усилить. В этих странах вообще бы не было недостатка в капитале, если бы его увеличение никогда не тормозилось или совсем не прекращалось вследствие слишком значительного сокращения доходов на капитал. Именно эта присущая доходам тенденция к постепенному сокращению является причиной того, что рост производства зачастую сопровождается ухудшением положения производителей; а эта тенденция, которая со временем может полностью приостановить рост производства;

является следствием необходимых и неотъемлемых условий получения продукта земли.

Во всех странах, сельское хозяйство которых миновало уже довольно¹ раннюю стадию своего развития, всякое увеличение спроса на продовольствие, вызванное ростом населения, всегда будет приводить к уменьшению той доли продовольствия, которая доставалась бы каждому индивидууму при справедливом разделе продовольствия, если только одновременно с увеличением спроса не произойдет улучшений в деле производства продовольствия. За неимением неосвоенных участков плодородной земли или новых усовершенствований, способствующих удешевлению продуктов питания, увеличения объема продукции никогда нельзя добиться иначе, чем посредством увеличения затрат труда в пропорции, превышающей ту, в какой возрастает объем сельскохозяйственной продукции. Населению придется либо больше трудиться, либо меньше есть, или добывать обычное количество продовольствия, жертвуя ради этого какой-то частью других привычных удобств. Всякий раз, когда, несмотря на рост населения², необходимость принесения этих жертв откладывалась, это случалось потому, что изобретения, облегчающие производство, продолжают появляться и совершенствоваться, потому, что приспособления, которые люди придумали для повышения эффективности своего труда, позволяют им на равных бороться с природой и исторгать у ее непокорных сил новые ресурсы с той же быстротой, с какой человеческие потребности используют и поглощают старые ресурсы.

Из этого следует тот важный вывод, что необходимость сдерживать рост населения не является особенностью, которая свойственна, как полагают многие, исключительно положению, характеризующемуся значительным имущественным неравенством. На любой определенной стадии развития цивилизации невозможно обеспечить большее число людей столь же хорошо, как их меньшее число. Не социальная несправедливость, а скупость природы является причиной бедствий, связанных с перенаселением. Несправедливость в распределении богатства даже не усу-

¹ [В 6-м издании (1865 г.) слово «довольно» заменило слово «очень», употребленное в первоначальном тексте.]

² [Уточняющее придаточное предложение «несмотря на рост населения» было внесено в 6-е издание (1865 г.).]

губляет этого зла, самое большое, она является причиной того, что зло это начинает ощущаться несколько ранее. Напрасно говорить о том, что все появившиеся на свет в результате роста населения, помимо ртов, наделены и руками. Народившиеся едоки требуют столько же пищи, сколько и взрослые, а руки их производят меньше. Если бы все орудия производства были общей собственностью всего народа, а продукт делился бы между всеми людьми строго поровну и если бы в устроенном таким образом обществе труд был бы столь же энергичен, а продукт имелся бы в таком же обилии, как ныне, то этого было бы достаточно для того, чтобы все население имело высокий уровень благосостояния. Но если бы численность этого населения удвоилась — что при существующих привычках людей и при таком поощрении к росту населения, несомненно, произошло бы за период немногим более 20 лет, — каково бы стало тогда материальное положение этих людей? Если методы производства за тот же период не будут усовершенствованы в почти беспримерной степени³, то, дабы обеспечить продовольствием столь значительно увеличившееся население, придется обратиться к возделыванию более скудных земель, а на лучших применить более трудоемкую и хуже вознаграждаемую обработку. Все это сделает в силу неизбежной необходимости каждого члена этого общества беднее, чем прежде. Если же население будет по-прежнему расти теми же темпами, то вскоре наступит момент, когда никто не будет иметь ничего, кроме самого необходимого, а после этого придет время, когда никто не будет иметь в достаточном количестве даже предметов первой необходимости и дальнейший рост населения приостановится вымиранием.

Увеличивается или уменьшается в данное время продукт производства пропорционально затраченному труду, улучшается или ухудшается в среднем положение людей, зависит от того, растет ли население быстрее, чем совершается процесс улучшения, или же процесс улучшения протекает темпами более быстрыми, чем темпы роста населения. Что касается положения народа в среднем, то всякое дальнейшее увеличение численности населения по-

---

³ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). Первоначальный текст был таков: «...в столь беспрецедентной степени, чтобы производительная сила труда удвоилась».]

сле того, как оно уже достигло такой степени плотности, которая позволяет воспользоваться основными благами комбинирования труда, идет ему во вред. Но процесс улучшения оказывает противодействие этой тенденции и позволяет большому числу людей жить, не испытывая какого-либо ухудшения материального положения и даже с постоянным повышением среднего уровня благосостояния. Процесс улучшения надлежит понимать здесь в широком смысле, объемлющем не только новые изобретения в сфере производства или расширение использования уже известных изобретений, но и улучшения государственно-политических учреждений, образования, воззрений и человеческих дел вообще — при условии, что эти улучшения имеют тенденцию, как это бывает почти со всеми улучшениями, придавать производству новые стимулы или возможности. Если производительные силы страны возрастают настолько стремительно, насколько это необходимо для такого увеличения продукта, какого требует растущее население, то нет нужды получать дополнительный продукт за счет возделывания земель еще более бесплодных, чем самые худшие из возделываемых в настоящее время, или за счет приложения дополнительного труда к уже освоенным землям при уменьшающейся отдаче от этого труда. И во всех случаях эту потерю сил компенсирует возросшая эффективность, с которой в процессе совершенствования используют труд в промышленных отраслях. Тем или другим образом возросшее население обеспечено, и всем живется так же хорошо, как и прежде. Но если рост человеческой власти над природой приостанавливается или замедляется, а население не снижает темпов своего роста; если люди, обладая лишь имеющейся у них властью над силами природы, попытаются побудить их к увеличению продукта, то этот дополнительный продукт возросшее население не сможет получить иначе, чем потребовав от каждого больших усилий или сократив долю, в среднем причитающуюся каждому из совокупного продукта.

В действительности в одни периоды быстрее растет население, в другие — более быстрыми темпами происходят улучшения. В Англии на протяжении длительного периода, предшествовавшего Французской революции, население росло медленно; но процесс улучшений, по крайней мере в сельском хозяйстве, по-видимому, протекал еще

медленнее, поскольку цены на зерно существенно повысились, хотя не произошло ничего такого, что снизило бы стоимость драгоценных металлов, и Англия из страны, экспортирующей продовольствие, стала страной, импортирующей его. Впрочем, эти факты не вполне убедительны ввиду того, что необычайно большое число урожайных лет в первой половине прошлого столетия и малое их число во второй половине и были одной из причин повышения цен в этот последний период, но причиной посторонней для обычного развития общества. Не известно, была ли снизившаяся производительность труда в сельском хозяйстве компенсирована в течение этого периода усовершенствованиями в промышленных отраслях или же снижением стоимости импортных товаров. Но со времени великих технических изобретений Уатта, Аркрайта и их современников отдача от труда возрастала, вероятно, столь же быстро, как и численность населения, и могла бы превзойти возрастание последнего, если бы это же самое увеличение отдачи труда не оказало стимулирующего воздействия на свойственную человеческому роду способность к размножению. В течение последних 20 или 30 лет [1857 г.] распространение более совершенных агрономических методов было столь стремительным, что земля теперь дает продукт, который пропорционально затраченному на его производство труду даже больше, чем прежде; цена на зерно в среднем стала значительно ниже, даже еще до того, как отмена хлебных законов столь существенно облегчила на данный момент давление населения на производство. Но хотя на протяжении какого-то отрезка времени процесс улучшений может протекать такими же — или даже более быстрыми — темпами, какими увеличивается численность населения, его темпы, конечно же, никогда не сравняются с теми, на какие способен рост населения; и если рост населения не будет действительно сдержан, то ничто не сможет предотвратить общего ухудшения положения рода человеческого. Если бы рост населения сдерживался еще сильнее при осуществлении тех же самых улучшений, то нация или все человечество пользовались бы гораздо большим объемом благ, чем теперь. Новые позиции, завоеванные в борьбе с природой при помощи улучшений, не были бы полностью использованы просто на то, чтобы содержать большее число людей. Хотя валовой продукт и не был бы столь

велик, его приходилось бы больше в расчете на душу населения.

§ 3. Когда темпы роста населения превосходят темпы процесса улучшений и страна вынуждена добывать средства к существованию при все более и более неблагоприятных обстоятельствах вследствие того, что ее земля не может удовлетворять дополнительный спрос иначе, как на более тяжелых условиях, существуют средства, при помощи которых есть надежда смягчить эту суровую необходимость, хотя бы даже не произошло никаких изменений в привычках населения, влияющих на возрастание его численности. Первое из этих средств — ввоз продовольствия из-за рубежа, второе — эмиграция.

Разрешение ввозить из другой страны более дешевое продовольствие равносильно агрономическому открытию, благодаря которому стало бы возможно производить продовольствие в стране-импортере при сходном снижении издержек этого производства. Эта мера точно так же увеличивает производительную силу труда. До разрешения ввозить продовольствие из-за рубежа вознаграждение за труд было равно такому-то количеству продовольствия, полученному за такое-то количество труда, который был затрачен на его производство; после того как импорт продовольствия был разрешен, вознаграждение стало равняться большему количеству продовольствия, полученному за такое же, как и прежде, количество труда, которое затрачено на производство хлопчатобумажных тканей, металлических изделий или каких-то других товаров, идущих в обмен на продовольствие. В том и другом случае на какое-то время прекращается уменьшение производительной силы труда; однако в обоих случаях уменьшение это тотчас же возобновляется — отступивший прилив начинает снова наступать. Может показаться, однако, что если какая-нибудь страна получает необходимое ей продовольствие со столь обширной территории, какую представляет собой весь обитаемый мир, то любое увеличение числа едоков в одном его уголке не может оказать значительного воздействия на такое огромное пространство. Численность населения этой страны может удвоиться и утроиться, а ее жители и не почувствуют последствий такого увеличения в сколько-нибудь усилившемся напряжении, с которым станут функционировать источники получения

продовольствия, или в каком-нибудь повышении цен на продовольствие во всем мире. Но в этом расчете не учтены некоторые обстоятельства.

Прежде всего страны, откуда можно импортировать зерно, занимают не всю сушу, а главным образом те ее части, которые непосредственно прилегают к морским побережьям и судоходным рекам. В большинстве же стран морские побережья являются той частью территории, которая заселена ранее и плотнее всего, и здесь редко имеется излишнее продовольствие. Поэтому главным источником снабжения продовольствием служат полосы земли, лежащие по берегам некоторых судоходных рек — таких, как Нил, Висла или Миссисипи; а в странах, производящих продовольствие, подобных земель не так уж много для того, чтобы они могли удовлетворять быстро растущий спрос в течение неограниченного времени и без усиления напряжения в производительных силах земли. При нынешнем состоянии путей и средств сообщения [1871 г.] получить дополнительные количества зерна с площадей, лежащих во внутренних, удаленных от морских побережий и судоходных рек областях, в большинстве случаев практически невозможно. Благодаря прокладке шоссейных дорог, строительству каналов и железных дорог указанное препятствие будет в конце концов уменьшено настолько, что перестанет быть непреодолимым; но прогресс в этом деле идет медленно, и даже очень медленно, во всех экспортирующих продовольствие странах, за исключением Америки. Между тем развитие путей и средств сообщения не может идти наравне с ростом населения, если только этот рост не будет ограничен.

Далее, даже если бы продовольствие можно было получать со всей площади стран, экспортирующих зерно, а не с малой части их территории, то все равно количество продовольствия, какое можно производить на этих площадях без пропорционального увеличения издержек производства, будет ограничено. Экспортирующие продовольствие страны можно разделить на две группы — те, в которых эффективное стремление к накоплению сильно, и те, в которых оно слабо. В Австралии и Соединенных Штатах Америки эффективное стремление к накоплению сильно; капитал быстро возрастает, и производство продовольствия можно расширять очень быстро. Но в таких странах и рост населения происходит необычайно стремительно.

Сельское хозяйство таких стран должно обеспечивать как собственное растущее население, так и растущее население стран, импортирующих продовольствие. Население таких стран в силу естественного хода вещей очень скоро и непременно окажется вынужденным обратиться к возделыванию земель, если не менее плодородных, то по крайней мере более удаленных и менее доступных, что одно и то же, и к методам земледелия, подобным тем, какие практикуют в старых странах, — методам, дающим меньший объем продукции пропорционально затратам труда и капитала.

Но стран, где одновременно имеется и дешевое продовольствие, и значительное промышленное производство, немного — ими являются лишь те страны, в которых ремесла и навыки, свойственные цивилизованной жизни, перенесены на богатые и невзрачные земли во вполне развитом виде. Из старых же стран могут экспортировать продовольствие только те, собственное промышленное производство которых пребывает в весьма отсталом состоянии, потому что капитал и, следовательно, население никогда не увеличивались темпами, достаточно быстрыми для того, чтобы вызвать повышение цен на продовольствие. К таким странам относятся [1848 г.] Россия, Польша и страны, лежащие на дунайских равнинах. В этих районах эффективное стремление к накоплению слабо, ремесла и методы производства в высшей степени несовершенны, капитал имеется в недостаточном количестве и возрастает, в особенности за счет внутренних источников, медленно. В том случае, если бы спрос на продовольствие для экспорта в другие страны возрос, эти районы смогли бы осуществить увеличение производства продовольствия в масштабах, позволяющих удовлетворить этот спрос, лишь постепенно. Капитал, необходимый для этого, нельзя было бы получить за счет перемещения в сельское хозяйство капитала, вложенного в другие сферы, ибо таких других сфер не существует. Хлопчатобумажные ткани или металлические изделия, которые можно было бы получать из Англии в обмен на зерно, русские и поляки производят теперь сами и обойдутся без английских товаров. Можно было бы рассчитывать на какие-то положительные изменения, которые со временем произошли бы вследствие возросших усилий, к которым побуждал бы производителей открытый для их продукта рынок; но привычки, царящие в странах, сель-

ское население которых состоит из крепостных или крестьян, только что освободившихся от крепостничества, противоположны привычкам, благоприятствующим такому росту усилий, и даже в наш динамичный век эти привычки меняются не так быстро. Если же полагаться на большие затраты капитала как на тот источник, благодаря которому должен возрасти продукт, то средства для этих затрат непременно придется получать либо путем медленного процесса сбережения, происходящего под воздействием побуждений, которые дадут новые товары и расширившиеся связи (а в этом случае население, вероятно всего, стало бы расти столь же быстро), либо из других стран. Если Англии необходимо получать быстро возрастающее количество зерна из России или Польши, то, для того чтобы произвести это количество зерна, в эти страны должен направиться английский капитал. Однако это сопряжено со столь многими трудностями, что становится положительно невыгодным. Такому перемещению капитала препятствуют различия в языках, образе жизни и тысяча других преград, поставленных учреждениями и общественными отношениями, которые существуют в стране — импортере капитала; а кроме того, это перемещение капитала неизбежно дало бы росту населения в стране — импортере капитала столь сильный стимул, что почти весь полученный таким образом прирост продовольствия был бы потреблен в самой же этой стране; следовательно, если бы перемещение капитала из одной страны в другую не было почти единственным способом внедрения иностранных ремесел, методов производства и действенного стимулирования отсталой цивилизации этих стран к развитию, то на это перемещение нельзя бы было полагаться как на средство, позволяющее увеличивать экспорт продовольствия и обеспечивать другие страны постоянно и беспрестанно растущим количеством продовольствия. Но развитие цивилизации — процесс медленный, предоставляющий достаточно времени для столь значительного увеличения населения и в самой стране — импортере капитала, и в получающих из нее продовольствие странах, в результате эффект, который возымеет этот процесс в деле сдерживания роста цен на продовольствие в условиях возрастающего спроса на продукты питания, вряд ли будет иметь решающее значение как для всей Европы, так и для какой-нибудь отдельной страны.

Следовательно, во всех случаях, когда рост населения происходит темпами более быстрыми, чем процесс улучшений, закон убывания доходности производства применим не только к странам, население которых кормится продуктами, полученными с собственной территории, но в равной мере и к странам, которые проявляют желание получать продовольствие из любого доступного места, где это продовольствие дешевле. И действительно, внезапное и резкое удешевление продовольствия, каким бы образом оно ни было осуществлено, подобно любому другому внезапному улучшению ремесел, наук и навыков, отбросило бы естественное развитие вещей на ступень-другую, не изменив, впрочем, хода и направления этого развития⁴. Свобода ввоза продовольствия дает еще одну возможность достигнуть, хотя бы временно, положительных результатов, причем более значительных, чем когда-либо предполагали как злейшие противники свободы торговли продовольствием, так и самые ярые ее приверженцы. Кукуруза, или индейское зерно, является продуктом, который можно производить в количествах, достаточных для того, чтобы прокормить всю Англию, при издержках, принимая во внимание его питательные качества, меньших, чем издержки производства такого же количества картофеля. Если когда-нибудь кукуруза заменит пшеницу в качестве основного

---

⁴ [Данное предложение в 3-м издании (1852 г.) заменило следующий отрывок первоначального текста: «Поистине, если бы освобождение торговли хлебом от ограничений произвело, в прошлом или будущем, внезапное удешевление продовольствия, то это, подобно любому другому внезапному улучшению ремесел, наук и навыков, отбросило бы естественное развитие вещей на ступень или две, вовсе не изменяя, однако, его хода и направления. Поначалу каждому досталась бы большая доля продукта, но эта большая доля немедленно начала бы уменьшаться, этот процесс продолжался бы до тех пор, пока население возрастало бы и его рост не сопровождался другими событиями, имеющими противоположную и уравнивающую тенденцию.

Пока было бы преждевременно пытаться решить, возможно ли, чтобы отмена хлебных законов дала значительное расширение тех пределов, до которых может возрасти численность населения, хотя бы на время. Все составляющие этот вопрос элементы ввергнуты во временный беспорядок последствиями недородов и полного неурожая картофеля. Но насколько можно предвидеть, имеется, по-видимому, мало оснований для того, чтобы ожидать, что ввоз обычных продуктов питания будет столь велик по объему или сможет возрастать с такой быстротой, чтобы значительно помешать действию общего закона».]

продукта питания бедноты, то производительная сила труда в деле добывания продовольствия возрастет в столь огромной мере, а расходы на содержание семей сократятся настолько, что для того, чтобы поглотить этот огромный прирост средств к существованию, населению, даже если оно начнет расти такими темпами, как в Америке, потребуется, вероятно, несколько поколений.

§ 4. Помимо ввоза зерна, существует еще одно средство, к которому может прибегнуть нация, испытывающая тяжелое давление возрастающей численности населения, — не на имеющийся у нее капитал, а на производительную способность ее земли; я имею в виду эмиграцию, особенно в форме колонизации. Эффективность этого средства — в той мере, в какой его практикуют, — реальна, ибо суть его заключается в поисках за пределами страны таких неосвоенных участков плодородной земли, которые, находясь они в самой этой стране, позволили бы удовлетворить спрос растущего населения, причем без какого-либо падения производительности труда. Поэтому, если район, предназначенный для колонизации, находится близко, а народ по своим привычкам и вкусам не противится переселению, указанное средство вполне эффективно. Переселение из старых районов американской конфедерации на новые территории, равносильное во всех отношениях колонизации, позволяет населению беспрепятственно расти в масштабах всего союза североамериканских штатов, причем пока этот рост не вызывает снижения отдачи на труд или увеличения трудностей в деле добывания средств к существованию. Если бы Австралия или внутренние области Канады были бы столь же близки к Англии, как Висконсин или Айова близки к Нью-Йорку; если бы избыточное население могло уходить туда, не пересекая океана, и обладало такой же предприимчивостью, любовью к риску, таким же беспокойным характером и столь же малой приверженностью к жизни в родных местах, как родственное ему население Новой Англии, то названные незаселенные континенты оказали бы Соединенному Королевству ту же услугу, какую старые североамериканские штаты получают от новых. Но в таком положении, в каком теперь находится Англия, разумно осуществляемая эмиграция является, пожалуй, одним из важнейших средств резкого и быстрого снижения давления численности населения;

при чрезвычайном стечении обстоятельств, как, например, в Ирландии, находящейся под воздействием трех факторов — неурожая картофеля, закона о бедных и массового сгона арендаторов с земли по всей стране, — добровольная эмиграция может в случае особо тяжкого кризиса привести к переселению значительно большего числа людей, чем то, какое когда-либо предлагали переселить в один прием в соответствии с общенациональным планом эмиграции⁵. Все еще предстоит доказать на опыте⁶, возможно ли поддерживать постоянный поток эмиграции на уровне, достаточном для того, чтобы, как в Америке, эмиграция поглощала всю ту часть ежегодного прироста населения (в том случае, когда этот прирост происходит с максимальной быстротой), которая, превышая успехи, достигнутые в навыках и ремеслах за тот же краткий период, имеет тенденцию осложнять жизнь каждого человека, пользующегося средним достатком. И до тех пор пока этого нельзя сделать, эмиграция не может избавить от необходимости сдерживать рост населения, даже если рассматривать эту проблему с экономической точки зрения. Здесь нам нет необходимости вдаваться в дальнейшее обсуждение этой проблемы. Колонизация, в общем, как практический вопрос, ее значение для старых стран и принципы, на основе которых ее следовало бы осуществлять, будут подробнее рассмотрены в одном из последующих разделов данного трактата.

---

⁵ [Это упоминание об Ирландии («при чрезвычайном... планом эмиграции») внесено в 3-е издание (1852 г.).]

⁶ [Так, начиная с 6-го издания (1865 г.), первоначальный текст был таков: «Невероятно, чтобы даже при самых совершенных приготовлениях постоянный поток» и т. д.]

КНИГА II
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

О СОБСТВЕННОСТИ

§ 1. Основные положения, изложенные в первой части этого трактата, в некоторых отношениях значительно отличаются от тех положений, к рассмотрению которых мы теперь приступаем. Законы и условия производства богатства имеют характер истин, свойственный естественным наукам. В них нет ничего, зависящего от воли, ничего такого, что можно было бы изменить. Все, что бы люди ни производили, должно быть произведено теми способами и при тех условиях, какие налагаются качествами внешних предметов и свойствами, внутренне присущими физическому и умственному устройству самих людей. Нравится это людям или нет, но объем их производства будет ограничен величиной их предшествующего накопления и при данной величине накопления будет пропорционален их энергии, мастерству, совершенству орудий и благоразумному использованию ими преимуществ совместного труда. Нравится это людям или нет, но удвоенное количество труда не взрастит на данной площади урожай в удвоенном количестве, если в процессах возделывания земли не произойдет неких улучшений. Нравится это людям или нет, но непроизводительный расход отдельных лиц будет *pro tanto* (пропорционально, соответственно) вести к обеднению общества, и только производительный расход отдельных лиц обогатит общество. Мнения или желания, которые могут существовать по этим различным вопросам, не властны над природой вещей. Действительно, мы не можем предсказать, до какой степени могут быть изменены способы производства или увеличена производительность труда при будущем расширении наших знаний о законах природы, которое предложит новые, неизвестные нам ныне процессы производства. Но как бы ни преуспели мы в стараниях расширить пределы, налагаемые свойствами вещей, мы знаем, что

пределы эти непременно существуют. Мы не можем изменить ни первичных свойств материи, ни первичных свойств ума, но можем с большим или меньшим успехом лишь применять эти свойства для того, чтобы вызывать явления, в которых мы заинтересованы¹.

Иначе с распределением богатства. Распределение всецело является делом человеческого учреждения. Как только вещи появляются, люди, порознь или коллективно, могут поступать с ними как им заблагорассудится. Они могут отдать их в распоряжение кого угодно и на каких угодно условиях. Далее, в общественном состоянии, в любом состоянии, кроме состояния полнейшего одиночества, всякое распоряжение какими бы то ни было вещами может иметь место только с согласия общества² или, вернее, с согласия тех, кто располагает активной силой общества. Даже то, что человек произвел своим личным трудом, без какой-либо посторонней помощи, он не может удержать в своем распоряжении иначе, чем с дозволения общества. Не только общество, но и отдельные люди могли бы отобрать у человека плоды его личного труда и отобрали бы, если бы общество осталось к этому равнодушным, если бы оно либо не вмешивалось *en masse* (в полном составе), либо не использовало и не оплачивало особых людей для того, чтобы предотвратить нарушение его владения этими вещами. Следовательно, распределение богатства зависит от законов и обычаев общества. Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают мнения и желания правящей части общества, и весьма различны в разные века в разных странах; и могли бы быть еще более разнообразными, если бы того пожелали люди.

Мнения и желания людей, без сомнения, не носят случайный характер. Они есть следствия основных законов

---

¹ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). Первоначальный вариант таков: «Но как бы ни... вещей, пределы эти существуют, существуют основные законы, которые созданы не нами, которые мы не можем изменить и которым мы можем лишь подчиняться.»]

² [Заключительные слова этого предложения внесены в 3-е издание, а слово «общее», предшествовавшее слову «согласие», было опущено. В следующем предложении обладание собственностью было поставлено в зависимость от «дозволения», а не «воли» общества.]

человеческой природы, соединенных с существующим уровнем знаний и опыта, существующими условиями общественных учреждений, интеллектуальной и нравственной культуры. Однако законы образования человеческих мнений не входят в предмет нашего рассмотрения. Они составляют часть общей теории прогресса человеческого рода, предмета изучения гораздо более обширного и сложного, нежели политическая экономия. Здесь мы должны рассмотреть не причины, а следствия правил, в соответствии с которыми можно распределить богатство. Причины правил распределения по меньшей мере столь же мало зависят от воли и имеют в такой же значительной мере характер физических законов, как и законы производства. Люди способны контролировать свои собственные действия, но не последствия, которые их действия имеют для них самих или для других людей. Общество может подчинить распределение богатства любым правилам, какие оно считает наилучшими; но какие практические результаты проистекут из действия этих правил — это должно быть открыто, подобно любым другим физическим или отвлеченным истинам, посредством наблюдения и исследования.

Мы переходим, таким образом, к рассмотрению различных, принятых на практике или мыслимых в теории способов распределения продуктов земли и труда. Среди этих способов нашего внимания требует прежде всего тот имеющий первостепенную важность фундаментальный институт, на котором всегда, кроме некоторых исключительных и очень ограниченных случаев, покоятся экономические системы общества, хотя в своих вторичных проявлениях институт этот разнообразен и подвержен видоизменениям. Я имею в виду, разумеется, институт частной собственности.

§ 2. Как институт, «частная собственность» не обязана своим происхождением каким-либо из тех соображений пользы, какие приводят в оправдание ее сохранения, когда она уже учреждена. И из истории, и из аналогичных состояний современных нам обществ о примитивных временах известно достаточно для того, чтобы показать, что суды (которые всегда предшествовали законам) перво-

начально были учреждены не для определения прав, но для пресечения насилия и прекращения ссор. Имея в виду главным образом эту цель, такие суды придали, что довольно естественно, силу закона праву первого захвата, рассматривая человека, который при изгнании или попытке изгнать другого человека из занимаемого этим другим человеком владения первым прибег к насилию, как агрессора. Сохранение мира, являвшееся изначальной целью гражданского правления, было, таким образом, достигнуто подтверждением права на владение для тех, кто уже обладал чем-то, хотя бы и не плодами собственных усилий, тем самым им и другим людям между прочим дали гарантию в том, что в подобных случаях они будут пользоваться защитой.

Рассматривая институт собственности как вопрос социальной философии, мы должны опустить из рассмотрения действительное происхождение этого института у любого из ныне существующих европейских народов. Представим некое сообщество, не обремененное каким-либо предшествующим владением, — группу колонистов, впервые занимающих необитаемую страну, не принеших с собой ничего, кроме того, что принадлежит им сообща, и имеющих полную возможность установить такие учреждения и такое государственное устройство, какие они сочтут наиболее целесообразными; требуется, следовательно, решить, будут ли они вести производительную деятельность на основе принципа частной собственности или же на основе какой-то системы общей собственности и коллективной организации.

Если они принимают частную собственность, то следует предположить, что ее установление не сопровождается какими-либо первоначальными неравенствами и несправедливостями, препятствующими благотворному функционированию этого принципа в старых обществах. Следует предположить, что каждый достигший зрелости человек, мужчина или женщина, получит гарантии свободного пользования и распоряжения своими физическими и умственными способностями и что орудия производства, земля и инструменты будут справедливо поделены между ними таким образом, чтобы все могли начать на равных — в том, что касается внешних обстоятельств, — условиях. Можно также представить, что при таком первоначальном разделе возможны компенсации за неспра-

ведливости природы и восстановлено равновесие посредством предоставления менее крепким в физическом отношении членам общины преимуществ в распределении, достаточных для того, чтобы поставить их в равное с прочими положение. Но в раздел, произведенный однажды, вновь вмешиваться уже не будут; индивидуумы будут предоставлены своим собственным усилиям и обычным шансам для выгодного использования того, чем их наделили при первоначальном разделе. Напротив, если бы частная собственность была исключена, то должен быть принят план, предусматривающий совместное владение землей и всеми орудиями производства как общим имуществом данного сообщества и ведение производства на общую пользу. Управление трудом общества было бы возложено на должностное лицо или на нескольких должностных лиц, которые, как можно предполагать, избраны обладающими правом голоса членами сообщества и которым, надо полагать, члены сообщества добровольно подчиняются. Раздел продукта стал бы подобным же образом общественным актом. Принципом распределения мог бы быть принцип либо полного равенства, либо распределения пропорционально потребностям или заслугам индивидуумов, т. е. любой принцип, соответствующий преобладающим в обществе идеям справедливости или политическим идеям.

В некоторой степени примерами таких ассоциаций являются монашеские ордена, общины моравских братьев, последователи Раппа и др., и из надежд³, которые они питают на избавление от нужды и несправедливостей, свойственных состоянию значительного неравенства богатств, вновь и вновь, во все периоды активных размышлений о первых, основополагающих принципах общества, возникают и обретают популярность планы более широкого применения этой же идеи. В век, подобный нынешнему [1848 г.], когда общее переосмысление всех первых принципов представляется неизбежным и когда страдающие слои общества участвуют в дискуссии в большей степени, чем в какой-либо из более ранних периодов истории, невозможно, чтобы такого рода идеи не стали распростра-

---

³ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). В первоначальном варианте — «вызывающей доверие меры».]

няться все более широко⁴. Недавние революции в Европе породили огромное количество подобных мнений, и необычайно большое внимание было обращено на различные формы, принимаемые этими идеями; внимание это едва ли уменьшится, напротив, будет все более и более возрастать.

Противников принципа частной собственности можно разделить на две категории: тех, чьи планы предполагают абсолютное равенство в распределении материальных средств жизни и наслаждений, и тех, кто допускает неравенство, но неравенство, основанное на некотором действительном или воображаемом принципе справедливости или общей целесообразности и не зависящее, подобно столь многим из существующих социальных неравенств, только от случая. Во главе первой группы следует поставить Оуэна и его последователей, как людей, которые, принадлежа к нынешнему поколению, выступили раньше всех. В более недавнее время как апостолы сходных док-

---

⁴ [Здесь в первоначальном тексте шел следующий отрывок: «Наиболее распространенными формами этой доктрины являются оуэнизм, или социализм, в нашей стране и коммунизм — на континенте. Эти учения предполагают демократическое управление производством и ресурсами общества и равный раздел продуктов. Более подробно разработанная и утонченная форма этого же плана, получившая временную известность под названием «сенсимонизм», предполагала административную власть монархии или аристократии, но не по происхождению, а по способности, вознаграждением каждого члена сообщества являлось жалованье, пропорциональное важности услуг, предположительно оказываемых каждым из членов сообществу в целом».

Во 2-м издании (1849 г.) этот отрывок был заменен существующей ныне ссылкой на «недавние революции в Европе» и следующим абзацем, подразделяющим «противников принципа индивидуальной собственности» на два класса. Однако современный вариант придаточного предложения, начинающегося словами «внимание это», появляется с 3-го издания (1852 г.). Во 2-м издании текст был таков: «Внимание это едва ли уменьшится; нападки на институт собственности являются при нынешнем состоянии человеческого интеллекта естественным выражением недовольства всех тех классов, на которых так или иначе тяжким бременем лежит нынешнее общественное устройство; и можно с уверенностью предсказать, что, пока невозможно будет сдерживать прогресс человеческого мышления, такие размышления никогда не прекратятся — пока законы собственности не будут освобождены от какого бы то ни было содержащегося в них элемента несправедливости и пока все хорошо обоснованное во мнениях и разумное в целях противников этого института не будет введено в структуру общества».]

трин обрели известность Луи Блан и Кабэ (хотя первый из них отстаивает равенство распределения только как переход к еще более высоким нормам справедливости, требующим, чтобы все работали по способностям и получали по потребностям). Эта экономическая система называется оригинальным словом «коммунизм» — словом континентального происхождения, лишь в последнее время появившимся у нас. Слово «социализм», которое возникло среди английских коммунистов и принято ими как название, характеризующее их собственную доктрину, теперь [в: 1849 г.] употребляется на континенте в более широком смысле, как термин, необязательно предполагающий коммунизм или полное уничтожение частной собственности, но применяемый по отношению к любой системе, требующей, чтобы земля и орудия производства были собственностью не отдельных лиц, а сообществ или ассоциаций, или же правительства. Среди таких систем двумя представляющими наибольшие интеллектуальные притязания являются те системы, которые названы сенсимонизмом и фурьеризмом — по именам их подлинных или считающихся таковыми создателей. Сенсимонизм как система более не существует, но в течение нескольких лет пропагандирования в обществе он посеял семена почти всех социалистических течений, с тех пор столь широко распространившихся во Франции; фурьеризм все еще [1865 г.] процветает, имея многочисленных талантливых и исполненных рвения последователей.

§ 3⁵. Каковы бы ни были достоинства или недостатки этих разнообразных планов, но справедливости ради нельзя сказать, чтобы они были практически неосуществимы. Ни один рассудительный человек не может усомниться в

---

⁵ [По причине, изложенной в предисловии к 3-му изданию, весь этот раздел был переписан в 3-м издании (1852 г.) с привлечением некоторых отрывков из 2-го издания. Был внесен публикуемый ныне первый абзац § 4, а следующий абзац модифицирован в результате исключения утверждения о том, что содержащиеся в § 3 доводы, хотя и «неприменимые к сенсимонизму», являются, по его мнению, «убедительными против коммунизма». Первоначальный текст § 3 см. в *Приложении К*. «Ранние и последующие взгляды Милля на социализм».]

том, что сельская община, состоящая из нескольких тысяч жителей, возделывающих на основе принципа общего владения такую площадь земли, которая ныне кормит это число людей, и производящая объединенным трудом при помощи самых совершенных процессов необходимые ее членам промышленные изделия, сможет производить количество продуктов, достаточное для того, чтобы содержать своих членов в комфорте, и избыток средства получить, а если в том возникнет необходимость, то и вынудить у каждого трудоспособного члена ассоциации требующееся для достижения этой цели количество труда.

Возражение, обычно выдвигаемое против системы общинной собственности и равного распределения продукта и состоящее в том, что каждый постоянно будет стараться увильнуть от положенной ему по справедливости доли труда, безусловно, указывает на действительное затруднение. Но те, кто настойчиво повторяет подобное возражение, забывают о том, до какой огромной степени это же затруднение существует и при системе, на основе которой ныне ведется девять десятых всего совершаемого в обществе труда. Это возражение предполагает, что добросовестный и успешный труд можно получить только от людей, которые сами, лично пользуются плодами своих усилий. Но как мала такая часть всего совершаемого в Англии труда, от минимально до максимально оплачиваемого, которую выполняют лица, работающие ради собственной выгоды. От жнеца-ирландца или чернорабочего до члена Верховного суда или министра почти весь труд, совершаемый в обществе, вознаграждается поденной платой или жалованьем определенного размера. Фабричный рабочий имеет меньшую личную заинтересованность в своем труде, нежели член коммунистической ассоциации, поскольку в отличие от члена коммунистической ассоциации он не работает на благо товарищества, членом которого является сам. Несомненно, скажут, что хотя сами рабочие в большинстве случаев не имеют личной заинтересованности в своем труде, но за ними наблюдают, их контролируют, направляют их труд и выполняют умственную часть работы лица, имеющие личную заинтересованность. Однако и это не является всеобщим правилом. На всех общественных и на многих крупнейших и наиболее успешных частных предприятиях не только вы-

полнение отдельных производственных процессов, но также контроль и наблюдение вверены получающим жалование должностным лицам. И хотя польза «хозяйского глаза» — если хозяин бдителен и способен — вошла в поговорку, следует помнить, что на социалистической ферме или фабрике каждый рабочий находился бы под наблюдением не одного хозяина, а всего сообщества. В крайнем случае упрямого нежелания выполнять надлежащую долю труда сообщество могло бы прибегнуть к тем же самым средствам, к каким ныне прибегает общество для принуждения людей соблюдать необходимые условия общественных отношений. Увольнение, единственное ныне существующее средство, бесполезно, если любой другой рабочий, которого могут нанять, трудится не лучше своего предшественника; право увольнять позволяет работодателю получать от своих рабочих лишь обычное количество труда, но этот обычный труд может быть в той или иной мере неэффективным. Даже тот рабочий, который лишается работы из-за собственной лени или небрежности, не подвергается, в самом неблагоприятном для него случае, ничему более суровому, чем соблюдение дисциплины рабочего дома, и если желание избежать этого является достаточным побуждением при одной системе, то оно будет таковым и при другой. Я вполне сознаю силу возбуждения, придаваемого труду тогда, когда выгоды от дополнительных усилий полностью или в значительной мере принадлежат рабочему. Но при нынешней системе промышленности это возбуждение в огромном большинстве случаев не существует. Если бы коммунистический труд и оказался менее энергичным, нежели труд крестьянина-собственника или ремесленника, работающего на собственную пользу, он был бы, вероятно, энергичнее, чем труд наемного рабочего, вовсе не имеющего личной заинтересованности в деле. При современном состоянии общества небрежность, проявляемая необразованными классами наемных рабочих к выполнению возложенных по условиям найма на них обязанностей, представляет собой самый вопиющий факт. Признанным условием коммунистического плана является всеобщее образование, а при этом условии члены ассоциации, несомненно, будут выполнять свои обязанности столь же прилежно, как выполняет свои обязанности большинство получающих жалование служащих из средних и высших классов, о которых не думают, что

они обязательно нарушают оказанное им доверие потому, что, до тех пор пока не уволены, они получают то же самое жалование, как бы небрежно ни выполняли они свои обязанности. Несомненно, говоря вообще, вознаграждение посредством определенного, фиксированного жалования не порождает максимального рвения ни у какого класса служащих, и это самое большее, что можно на разумных основаниях высказать против коммунистического труда.

Однако то, что даже это несовершенство будет непременно существовать, никоим образом не является столь несомненным, как полагают люди, не слишком привыкшие выходить в мыслях за пределы знакомого им порядка вещей. Люди способны проникаться общественным духом в гораздо большей степени, чем принято считать возможным в нынешний век. История свидетельствует об успехе, с которым можно приучить большие группы людей считать общественный интерес своим личным интересом. И нет почвы, которая бы более благоприятствовала развитию подобного чувства, чем коммунистическая ассоциация, поскольку все устремления, вся физическая и умственная деятельность, которые ныне используются в погоне за частными личными выгодами, потребуют иной сферы приложения и, естественно, найдут ее в заботах об общей пользе ассоциации. При коммунизме приверженность гражданина сообществу была бы обусловлена той же самой причиной, которой столь часто объясняют преданность католического священника или монаха интересам его ордена. И независимо от стремления служить на благо общества каждый член ассоциации был бы подвержен воздействию самого универсального и одного из сильнейших личных мотивов — влиянию общественного мнения. Никто, по-видимому, не станет отрицать силу, с которой этот мотив удерживает людей от поступков и оплошностей, положительно порицаемых обществом; но опыт всех случаев, в которых люди публично соревнуются друг с другом, пусть даже в пустяках или в том, из чего общество не извлечет никакой пользы, свидетельствует также о силе духа соревнования, побуждающего к самым энергичным усилиям ради одобрения и восхищения со стороны других людей. Социалисты вовсе не отвергают той конкуренции, которая состоит в состязании, кто сможет сделать больше для общей пользы. Следовательно, насколько ком-

мунизм уменьшит энергичность труда и уменьшит ли он энергичность труда в конечном счете вообще — этот вопрос должен считаться в настоящее время [1852 г.] еще нерешенным.

Другое возражение против коммунизма сходно с возражением, которое так часто и настойчиво выдвигают против законов о вспомоществовании бедным. Утверждают, что если каждому члену сообщества будут обеспечены средства к существованию — как ему самому, так и любому числу его детей — на том единственном условии, что он желает трудиться, то ограничение, налагаемое на размножение людей благоразумием, перестало бы действовать и население стало бы возрастать такими темпами, которые бы низвели сообщество через последовательные стадии усиливающейся нужды к фактическому вымиранию от голода. Действительно, для этого опасения были бы весьма серьезные основания, если бы коммунизм не обеспечивал никаких мотивов к ограничению, равносильных тем, которые он упразднил. Но коммунизм — это как раз такой порядок вещей, при котором можно ожидать, что общественное мнение самым энергичным образом выступит против эгоистической невоздержанности такого рода. Всякое увеличение численности населения, уменьшающее комфорт или увеличивающее труд массы, вызвало бы тогда прямое и очевидное неудобство для каждого отдельного члена ассоциации (чего не происходит сейчас), неудобство, которое при коммунизме нельзя приписать ни алчности работодателей, ни несправедливым привилегиям богатых. В таких изменившихся обстоятельствах общественное мнение непременно стало бы порицать эту или любую иную вредную невоздержанность, наносящую ущерб сообществу, и если порицания будет недостаточно, то общественное мнение пресечет невоздержанность теми или иными наказаниями. Коммунистический план, отнюдь не будучи особенно уязвимым для возражения, основанного на опасности перенаселения, напротив, имеет то преимущество, что в особой степени способствует предупреждению этого зла.

Более реальная трудность заключается в справедливом распределении труда среди членов общины. Существует много видов труда. И каким мерилom следует их соизмерять? Кто будет судить о том, какой объем занятия прячением хлопка, или распределением товаров из магази-

нов, или кладкой кирпича, или чистой дымоходов эквивалентен такому-то объему занятия вспашкой земли? Коммунистические авторы столь остро сознают сложность соизмерения качественно различных работ, что обычно считают необходимым обеспечить поочередное выполнение всеми всех видов полезного труда; однако разрешение этого вопроса подобным образом, положив конец разделению занятий, принесло бы в жертву столь многие преимущества кооперативного производства, что резко снизило бы производительность труда. Кроме того, даже среди выполняющих одинаковую работу номинальное равенство труда в действительности оказалось бы настолько вопиющим неравенством, что чувство справедливости восстало бы против претворения этого принципа. Люди неодинаково пригодны ко всякому труду; и одно и то же количество труда неравным бременем ложится на слабых и сильных, крепких и хрупких, быстрых и медлительных, тупых и сообразительных.

Но эти трудности, хотя они и существуют в действительности, все же преодолимы. Распределение работы по силам и способностям людей, смягчение общего правила в тех случаях, в которых его действие было бы слишком жестоким, не составляют проблем, которые человеческий ум, направляемый чувством справедливости, был бы не в состоянии разрешить. И самое худшее и самое несправедливое распределение труда при системе, имеющей своей целью равенство, было бы настолько далеко от неравенства и несправедливости, с которыми ныне распределяется труд (не говоря уж о вознаграждении), что эту несправедливость при сравнении едва ли стоит принимать во внимание. Следует также помнить, что коммунизм как общественная система существует лишь в идеале, что в настоящее время затруднения этой системы видны гораздо лучше, чем ее способности к их устранению, и что человеческий ум лишь начинает изобретать способы конкретной организации коммунистического общества с тем, чтобы преодолеть его трудности и извлечь максимальную выгоду из его возможностей ⁶.

---

⁶ [Последнее предложение этого абзаца («Невозможность предвидеть и предписать в точности способ, которым будут решаться эти трудности, не доказывает того, что он не станет, возможно, наилучшей и окончательной формой человеческого общества») было опущено в 4-м издании (1857 г.).]

Поэтому, если бы пришлось делать выбор между коммунизмом со всеми его возможностями и нынешним [1852 г.] состоянием общества со всеми присущими ему страданиями и несправедливостью; если институт частной собственности необходимым образом несет с собой как следствие такое распределение продуктов труда, какое мы видим ныне, — распределение, находящееся почти в обратной пропорции к труду, так что наибольшая доля достается людям, которые вовсе никогда не работали, несколько меньшая доля тем, работа которых почти номинальна, и так далее, по нисходящей, с сокращением вознаграждения по мере того, как труд становится все тяжелее и неприятнее, и вплоть до того, что люди, выполняющие самую утомительную и изнурительнейшую физическую работу, не могут с уверенностью рассчитывать на то, что заработают хотя бы на самые насущные жизненные потребности; если бы пришлось выбирать только между таким положением вещей и коммунизмом, то все затруднения коммунизма, большие или малые, были бы не более чем песчинкой на весах. Но для того, чтобы это сравнение было приемлемым, следует сравнивать коммунизм в его наиболее совершенной форме с системой частной собственности, но не такой, какова она есть сейчас, а с такой, какой ее можно сделать. Принцип частной собственности еще никогда не был подвергнут справедливому испытанию в какой-либо стране — и по сравнению с некоторыми другими странами в Англии он испытан, возможно, даже меньше. Общественное устройство стран современной Европы берет начало из распределения собственности, которое было результатом не справедливого раздела или приобретения посредством усердия, а завоевания и насилия; и несмотря на все сделанное трудом на протяжении многих веков для модификации того, что было создано насилием, существующая система сохраняет многочисленные и значительные следы своего происхождения. Законы собственности все еще не приведены в соответствие с теми принципами, на которых зиждется оправдание частной собственности. Законы эти обратили в собственность вещи, которые никак не следовало делать собственностью, и установили безусловную собственность на такие вещи, на которые должны существовать лишь ограниченные права собственности. Эти законы не обеспечивали справедливого равенства между людьми, обременив затруднениями

одних и предоставив преимущества другим, они умышленно благоприятствовали неравенству и не позволяли всем начать соревнование на равных условиях. То, что все действительно начнут на совершенно равных условиях, противоречит закону частной собственности; но если бы такие же старания, какие приложены к усугублению неравенства возможностей, проистекающего из естественного действия принципа частной собственности, были обращены на смягчение этого неравенства всеми способами, не подрывающими сам этот принцип; если бы законодательство имело тенденцию благоприятствовать диффузии, а не концентрации богатства — стимулировать разделение больших масс богатства, а не стремиться предотвратить это дробление, — тогда бы обнаружилось, что принцип частной собственности не имеет необходимой связи с теми материальными и социальными бедствиями, которые почти все социалистические авторы считают неотъемлемыми его последствиями.

Любая апология частной собственности содержит предположение о том, что частная собственность означает гарантию, предоставляемую людям на обладание плодами их собственного труда и бережливости. То, что одним людям гарантируется обладание плодами труда и бережливости других людей, полученными от этих других людей без каких-либо заслуг или усилий со стороны первых, является не сущностью данного института, но всего лишь его побочным последствием, которое, развившись до известной степени, не способствует целям, узаконивающим частную собственность, а вступает с ними в противоречие. Для того чтобы судить о конечном предназначении института собственности, мы должны предположить исправление всего, что является причиной функционирования этого института образом, противоположным указанному справедливому принципу пропорциональности между вознаграждением и трудом, принципу, на котором, как полагают во всех выдерживающих критику оправданиях частной собственности, и основан этот институт. Следует также предположить наличие двух условий, без которых и при коммунизме, и при любых иных законах или учреждениях положение масс непременно будет жалким и бедственным. Одним из этих условий является всеобщее образование, другим — надлежащее ограничение численности членов сообщества. При наличии этих двух условий

даже при нынешних общественных учреждениях не было бы нищеты; и если предположить существование этих условий, то вопрос о социализме не будет, как обычно заявляют социалисты, вопросом о единственном спасении от подавляющих ныне человечество бедствий, а всего лишь вопросом о сравнительных преимуществах этих систем, а это должно решить будущее. Мы слишком мало знаем о том, что могут совершить как индивидуальная деятельность, так и социализм в своих лучших формах, для того чтобы решить, какая из этих двух систем станет окончательной формой человеческого общества.

Если отважиться на догадку, то решение, вероятно, будет зависеть главным образом от одного соображения, а именно: какая из двух систем совместима с наибольшим объемом свободы и самобытности, непринужденности людей. После обеспечения средствами к существованию наиболее сильной из личных потребностей людей является свобода; и (в отличие от физических потребностей, которые по мере развития цивилизации становятся все умереннее и все более поддаются контролю) сила этой потребности не уменьшается, а возрастает по мере развития умственных и нравственных способностей. Идеалом и общественного устройства, и практической морали было бы обеспечение для всех людей полной независимости и свободы действий, без каких-либо ограничений, кроме запрета на причинение вреда другим людям; и образование, которое учило бы людей, или общественные учреждения, которые требовали бы от них, чтобы они обменивали контроль над своими действиями на какой бы то ни было комфорт и изобилие или отрекались от свободы ради равенства, лишали бы людей одного из самых возвышенных качеств человеческой природы. Остается выяснить, насколько сохранение этого качества совместимо с коммунистической организацией общества. Несомненно, что это возражение против социалистических планов, как и другие подобные возражения, крайне преувеличено. Нет необходимости требовать от членов ассоциации, чтобы они жили в большей, нежели сейчас, общности, как нет необходимости и в контроле за тем, как каждый из них распорядится своей индивидуальной долей продукта и досугом, который, вероятно, будет продолжительным, если ассоциация ограничится производством действительно стоящих труда вещей. Нет необходимости и приковывать

людей к тому или иному занятию или определенному месту. Налагаемые коммунизмом ограничения были бы свободой по сравнению с нынешним положением большинства людей. Основная масса рабочих в Англии и большинстве других стран имеет столь же малую возможность выбирать занятие и столь же малую свободу передвижения, находится практически в такой же зависимости от установленных правил и воли других людей, что меньшей свободой она могла бы пользоваться разве что при абсолютном рабстве; и это не говоря уже о совершенном семейном подчинении мужчинам женской половины человечества, той половины, которой оуэнизм и большая часть других форм социализма (и это делает им великую честь) дает права, во всех отношениях равные с правами до сих пор господствующего пола. Но о достоинствах коммунизма следует судить не в сравнении с нынешним дурным состоянием общества; недостаточно и того, что коммунизм обещает большую личную и умственную свободу, чем та, которой ныне пользуются люди, не имеющие в достаточном количестве ни той, ни другой свободы, для того чтобы считаться свободными. Вопрос в том, будет ли существовать какое-либо прибежище для индивидуальности характера, не станет ли общественное мнение тираническим ярмом, не превратит ли все общество в унылое единообразие мыслей, чувств и поступков абсолютная зависимость каждого от всех и надзор всех за каждым. Эта однообразность уже составляет один из вопиющих пороков существующего общества несмотря на то, что в современном обществе наблюдается гораздо большее разнообразие в воспитании и устремлениях и гораздо меньшая зависимость индивидуума от масс, чем то будет при коммунизме. Ни одно общество, в котором оригинальность является предметом порицания, нельзя считать здоровым. Совместима ли коммунистическая доктрина с этим разнообразным развитием человеческой природы, этими многообразными несходствами, этим разнообразием вкусов и талантов, разнообразием точек зрения, со всеми этими различиями, которые не только составляют значительную часть того, что делает человеческую жизнь интересной, но, стимулируя деятельность умов столкновениями и предоставляя каждому неисчислимое множество мыслей, до которых он не дошел бы сам, являются главной движущей силой интеллектуального и нравственного про-

гресса, — вот вопрос, все еще требующий исследования.

§ 4. До сих пор я ограничивался в своих замечаниях коммунистической доктриной, образующей крайний предел социализма; доктриной, согласно которой не только орудия производства, земля и капитал составляют общую собственность сообщества, но и раздел продукта, и распределение труда между членами сообщества осуществляется, насколько это вообще возможно, поровну. Те справедливые или несправедливые возражения, которые выдвигают против социализма, в основном относятся к этой его форме. Другие разновидности социализма отличаются от коммунизма главным образом тем, что не полагаются единственно на то, что Луи Блан назвал чувством чести труда, но в большей или меньшей степени сохраняют побуждения к труду, проистекающие из личной денежной заинтересованности. Таким образом, теории, проповедующие принцип вознаграждения, пропорционального труду, уже являются модификациями коммунистической теории в строгом ее смысле. Попытки практического осуществления социализма, предпринятые во Франции ассоциациями рабочих, трудившимися на собственный счет⁷, по большей части начинались распределением вознаграждения поровну, без учета количества выполненного отдельным членом ассоциации труда; но почти во всех случаях от этого порядка вскоре отказывались и обращались к поштучной системе вознаграждения. Исходный принцип апеллирует к более высоким стандартам справедливости и приемлем при гораздо более высоком уровне развития человеческой нравственности. В действительности установление пропорциональной зависимости между вознаграждением и выполненной работой справедливо лишь тогда, когда разница в количестве выполненной работы есть дело выбора самого человека; в тех случаях, когда эта разница зависит от природного неравенства сил или способностей, такой принцип вознаграждения сам по себе несправедлив: он дает уже имеющему, предназначает большую часть тем, кто уже благодетельствовал приро-

---

⁷ [Слова «которые ныне» — т. е. в 1852 г. — «весьма многочисленны и в некоторых случаях весьма успешны» были опущены в 4-м издании (1857 г.).]

дой. Впрочем, этот принцип вознаграждения весьма целесообразен как компромисс с тем эгоистическим типом характера, который сформирован современным уровнем нравственности и воспитан существующими общественными учреждениями; и до тех пор пока воспитание не будет всецело перестроено, этот принцип, скорее всего, окажется в практическом отношении более успешным, нежели попытки реализовать более высокий идеал.

Возражения, обычно выдвигаемые против коммунизма, совершенно неприменимы к двум тщательно разработанным формам некоммунистического социализма, известным под названиями «сенсимонизм» и «фурьеризм»; и хотя эти две системы открыты для других, именно к ним относящихся возражений, их можно по справедливости причислить к самым замечательным произведениям прошлого и настоящего в силу огромной интеллектуальной мощи, которая во многих отношениях отличает их, и в силу широкого и философского рассмотрения, которого удостоены в них некоторые фундаментальные проблемы общественной жизни и нравственности.

Сенсимонистская доктрина предполагает неравный, и именно неравный, раздел продукта; она предлагает, чтобы люди занимались различными делами, каждый соответственно своим склонностям или способностям, а не все бы одинаковыми; функции каждого определялись бы, как чины в полку, решением управляющего органа власти, а вознаграждением было бы жалование, соразмерное, по мнению этого органа, важности выполняемой функции и заслугам выполняющего ее лица. Правящая коллегия может быть учреждена различными способами, не противоречащими сущности системы. Она может быть назначена по результатам народного голосования. По замыслу творцов этой доктрины, правителями должны были стать отличающиеся одаренностью и добродетелью люди, получившие добровольное согласие остальных на приход к власти благодаря своему умственному превосходству⁸.

---

⁸ [В 3-м издании (1852 г.) было опущено следующее предложение: «Общество, устроенное таким образом, имело бы столь же разнообразный облик, как и сейчас, было бы еще более преисполнено интереса и побуждений, давало бы еще большее количество стимулов умственной деятельности и породило бы—чего следует опасаться—еще больше соперничества и вражды, чем существует ныне».]

Вполне вероятно, что при определенных состояниях общества этот план мог бы выгодно действовать. Действительно, история показывает пример успешного эксперимента подобного рода; этот пример — деятельность иезуитов в Парагвае — уже был упомянут мною. Цивилизованные и образованные люди, объединенные системой общности имущества, подчинили своему умственному господству племена дикарей, принадлежащие к той части человеческого рода, которая питала большее отвращение к последовательному труду ради достижения отдаленных целей, чем какая-либо другая достоверно известная нам раса. Индейцы почтительно подчинились абсолютной власти этих людей, заставивших их научиться искусствам цивилизованной жизни и заниматься трудом на пользу сообщества, выполнять работы, делать которые для самих себя индейцев не смогли побудить никакие стимулы. Эта общественная система просуществовала недолго и была преждевременно разрушена дипломатическими соглашениями и иноземной силой. Вероятно, что своим практическим осуществлением эта система вообще обязана огромному разрыву в знаниях и интеллектуальном развитии, который отделял немногочисленных правителей от всей массы управляемых, при отсутствии между ними каких-либо промежуточных по уровню социального или умственного развития групп. При любых других обстоятельствах этот эксперимент, скорее всего, потерпел бы полный крах. Данная система предполагает абсолютный деспотизм руководителей ассоциации; деспотизм, который едва ли намного бы смягчился, если бы носители деспотизма (вопреки мнению создателей системы) время от времени сменялись в соответствии с результатами народного голосования. Но предполагать, что один или несколько человек, выбранных тем или иным образом, смогут при помощи какого бы то ни было подчиненного им аппарата определять работу каждого соответственно его способностям, а вознаграждение каждого — соответственно его заслугам, быть фактически лицами, осуществляющими дистрибутивную справедливость по отношению к каждому члену сообщества; или предполагать, что любое применение ими своей власти вызовет общее удовлетворение и повиновение без какого-либо подкрепления этой власти силой, это — предположение, которое вряд ли требует обоснованного опровержения, ибо оно слишком химерично. Люди могут подчиняться установленному прави-

лу, вроде правила равенства, или случайности, или внешней необходимости, но чтобы горстка людей взвешивала каждого на своих весах и давала бы одному больше, а другому меньше, руководствуясь при этом своей прихотью и своим разумением, — такого люди не потерпят ни от кого, кроме лиц, которых считают существами сверхчеловеческой природы, опирающимися на сверхъестественное могущество.

⁹ Из всех форм социализма наиболее искусно и с наибольшей предусмотрительностью против всех возражений построено учение, известное под названием «фурьеризм». Эта система не предусматривает уничтожения частной собственности или хотя бы права наследования; напротив, она открыто признает в качестве элемента в распределении продукта как труд, так и капитал. Она предлагает, чтобы промышленные операции вели ассоциации, каждая состоящая примерно из двух тысяч членов, объединивших свой труд в районе площадью около квадратной лиги и работающих под руководством выбранных ими самими начальников. При распределении в первую очередь выделяется определенный минимум, обеспечивающий средства к существованию каждому члену сообщества, независимо от его трудоспособности. Оставшаяся часть продукта распределяется по известным, заранее определенным пропорциям между тремя элементами — Трудом, Капиталом и Талантом. Капитал сообщества может принадлежать, неравными долями, разным членам, которые в этом случае получают пропорциональные размерам их вкладов дивиденды — так же, как в любой другой акционерной компании. Право каждого на долю продукта, причитающуюся таланту, оценивают степенью или рангом данного индивидуума в тех нескольких группах рабочих, к которым принадлежит этот мужчина или эта женщина; эти степени всегда присуждаются решением товарищей по работе. Получив вознаграждение, никто не обязан расходовать или использовать его сообща с другими; у всех, кто предпочитает жить обособленным хозяйством, будут отдельные *ménages* (домашнее хозяйство), и никакие иные формы общежития не предусматриваются — кроме условия, по которому все члены ассоциации должны

---

⁹ [Изложение фурьеристской доктрины в этом и трех следующих абзацах внесено во 2-е издание (1849 г.).]

жить в одном огромном доме, ради экономии труда и средств (не только в строительстве, но во всех аспектах домашнего быта) и для того, чтобы вся купля — продажа сообщества осуществлялась одним агентом, с целью свести до возможного минимума ту громадную долю продукта, которую ныне уносят прибыли людей, занятых распределением.

В отличие от коммунизма эта система, по крайней мере в теории, не уничтожает ни одного из тех побуждений к труду, какие действуют при нынешнем состоянии общества. Напротив, если данная организация будет функционировать в соответствии с намерениями ее создателей, то она даже усилит эти побуждения, поскольку при ней каждый будет иметь гораздо большую уверенность в том, что лично пожнет плоды своего возросшего мастерства или своей возросшей физической или умственной энергии, чем при нынешнем общественном устройстве имеют все, кроме находящихся в самом выгодном положении или тех, кто пользуется особой благосклонностью случая. Кроме этих побуждений к труду, фюреристы имеют еще одно, новое. Они полагают, что решили великую и основную задачу — как сделать труд привлекательным. Они выдвигают весьма сильные аргументы в пользу того, что эта задача практически разрешима; в частности, один из их доводов разделяют и последователи Оуэна, а именно тот, что едва ли найдется какой-либо труд, пусть даже самый тяжелый и выполняемый людьми ради хлеба насущного, интенсивность которого превосходила бы интенсивность того труда, какому с готовностью и даже охотно предаются удовольствия ради люди, уже обеспеченные средствами к существованию. Это действительно весьма знаменательный факт, причем такой, из которого человек, изучающий социальную философию, может сделать важные выводы. Но довод, основанный на этом факте, легко можно развить слишком далеко. Если занятия, сопряженные с неудобствами и крайним утомлением, многие охотно выполняют как развлечения, то как можно не заметить того, что эти занятия являются развлечениями именно потому, что их выполняют по доброй воле и могут их бросить, когда пожелают? Свобода покинуть известное состояние зачастую составляет всю разницу между мучительностью и приятностью этого состояния. Многие из людей, проживающих в одном и том же городе, на одной

и той же улице или в одном и том же доме с января по декабрь без всякого желания сменить место жительства, сочли бы это абсолютно нетерпимым тюремным заключением, если бы были прикованы к тому же самому месту распоряжением властей.

По мнению фурьеристов, едва ли какой-либо род полезного труда по сути своей и неизбежно неприятен — если только он не считается позорным, не чрезмерен и не лишен стимула симпатии и стимула к соревнованию. Фурьеристы утверждают, что никому не придется подвергаться чрезмерному труду в обществе, где не будет праздных классов и где труд не будет растрачиваться на бесполезные вещи, на которые ныне тратится такое огромное количество труда; в обществе, которое в полной мере воспользуется могуществом объединения как для повышения эффективности производства, так и для сокращения расходов. Фурьеристы считают, что другие условия, необходимые для придания труду привлекательности, будут найдены в выполнении всего труда общественными группами, причем каждый может принадлежать одновременно к какому угодно числу групп, определяя свою принадлежность собственным выбором, а положение каждого в любой группе будет определяться мерой услуг, какую человек оказывается способным принести по выраженной в результате голосования оценке его товарищей. Исходя из различия вкусов и талантов, фурьеристы приходят к выводу о том, что каждый член сообщества будет состоять в нескольких группах, занятых выполнением разного рода работ, и физических, и умственных, и сможет достичь высокого положения в одной или нескольких таких группах, так что практическим результатом этого будет равенство или нечто более близкое к равенству, чем может показаться на первый взгляд, и оно будет порождено не стеснением, но, напротив, максимально возможным развитием разнообразных природных дарований, присущих каждому человеку.

Даже из столь краткого очерка должно стать очевидным, что эта система не нарушает ни одного из тех общих законов, которые влияют на человеческие действия, даже при нынешнем несовершенном состоянии нравственного и умственного воспитания¹⁰, и что было бы чрезвычайно

¹⁰ [Остальная часть этого абзаца приобрела свой настоящий вид с 3-го издания (1852 г.). Во 2-м издании (1849 г.) после слова

опрометчивым заявлять, что она не может иметь успеха или неспособна реализовать значительную часть надежд,

«влиять» шел следующий текст: «Все люди будут иметь надежду извлекать личную выгоду из каждой лично ими достигнутой степени усердия, воздержанности и таланта. Препятствия к успеху заключаются не в принципах, на которых основана эта система, но в трудно поддающейся контролю и управлению сущности ее механизма. Прежде чем большие группы людей удастся подготовить к совместной жизни в таких тесных союзах и тем более прежде, чем они обретут способность улаживать, посредством мирного урегулирования между собой, взаимные претензии со стороны каждого класса или рода работников и талантов, а также каждого отдельного члена каждого класса, следует предположить огромное улучшение человеческого характера. Если представить, что каждый человек, который получит право голоса в этом урегулировании, является заинтересованным лицом во всех смыслах этого понятия, что каждый человек будет призван принять участие в определении, посредством голосования, относительных размеров вознаграждения и относительной оценки самого себя в сравнении с другими работниками и своей собственной профессиональной или интеллектуальной группы в сравнении со всеми прочими группами, то станет ясно, что степень бескорыстия и свободы от тщеславия и раздражительности, которая потребовалась бы от каждого члена подобного сообщества, такова, какую ныне можно найти лишь у элиты человечества; если же эти качества не получат необходимого развития, то либо урегулирования не достигнут вовсе, либо, если урегулирования достигнут большинством голосов, оно породит зависть и разочарования, разрушающие ту внутреннюю гармонию, от которой, как открыто признают, зависит функционирование всей системы. Таковы действительные трудности этой системы, не означающие, однако, невозможности ее практического осуществления, и фюреристы, единственные из социалистов, весьма ясно понимающие подлинные условия проблемы, за решение которой они взялись, не лишены путей и способов борьбы с этими трудностями. С каждым успехом в деле образования и воспитания их система становится все более практически осуществимой, а самые попытки добиться торжества этой системы воспитывали бы в тех, кто принимает участие в таких попытках, многие из необходимых для ее функционирования добродетелей. Но пока мы рассматривали пример единичной фюреристской общины. Если же мы вспомним, что эти сообщества сами по себе являются составляющими некоего организованного целого (в противном случае соперничающие сообщества будут вовлечены в столь же жесткую конкуренцию, в какую сейчас вовлечены независимые торговцы и промышленники) и что для полного успеха фюреристского плана требуется никак не меньше, чем организация всей промышленности страны и даже всего мира из одного центра, то мы можем, не пытаясь поставить пределы дальнейшему развитию присущих человеческой природе способностей, утверждать, что политиконом еще довольно долго будет заниматься главным образом условиями существования и прогресса, характерными для общества, основанного на частной собственности и личной конкуренции, и, что, каким бы несовершенным образом

возлагаемых на нее ее приверженцами. Относительно этой, как и относительно других разновидностей социализма, остается желать, чтобы они получили возможность пройти испытания на практике, возможность, которой они справедливо требуют. Все они могут быть испытаны в умеренном масштабе без всякого личного или материального риска для кого бы то ни было, кроме участвующих в эксперименте. Опыт должен решить, насколько и как скоро сможет какая-либо одна из возможных систем общности собственности (или несколько таких систем) заменить собой «организацию промышленности», основанную на частной собственности на землю и капитал. Пока же мы можем, не пытаясь поставить пределы дальнейшему развитию присущих человеческой природе способностей, утверждать, что политэконом еще довольно долго будет заниматься главным образом условиями существования и прогресса, характерными для общества, основанного на частной собственности и на личной конкуренции, и что главной целью стремлений при нынешнем состоянии человеческого развития является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и предостав-

---

эти два принципа ни вознаграждали усилия и заслуги, они должны послужить основой главных улучшений в экономическом положении человечества, на которые можно надеяться в настоящее время».

Затем начинался новый параграф: «И обнаружится, что эти улучшения будут гораздо значительнее, чем готовы допустить приверженцы различных социалистических систем. Каковы бы ни были достоинства или недостатки их собственных теорий, до сих пор они демонстрируют крайне поверхностное знакомство с экономическими законами существующей общественной системы, в результате чего обычно считают неизбежными последствиями конкуренции бедствия, которые никоим образом не являются обязательными ее спутниками. Именно под воздействием этой ошибочной интерпретации существующих фактов многие социалисты, исповедующие возвышенные принципы и цели, рассматривают систему конкуренции как систему, коренным образом несовместимую с экономическим благосостоянием масс».

Далее следовал текст, начинающийся со слов: «Принцип частной собственности еще никогда не был подвергнут справедливому испытанию» и т. д., публикуемый выше, на с. 349 этой книги, и остальная часть этого абзаца.

Глава заканчивалась следующим абзацем, первое предложение которого сохранилось в последующих изданиях (см. с. 350 этой книги): «Мы слишком мало знаем о том, что могут совершить как индивидуальная деятельность, так и социализм в своих луч-

ление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах ¹¹.

ших формах для того, чтобы решить, какая из этих двух систем станет окончательной формой человеческого общества. По крайней мере на современной стадии развития человека следует (я полагаю) стремиться не к ниспровержению системы частной собственности, но к ее улучшению и к участию каждого члена общества в приносимых ею выгодах. Отнюдь не взирая на различные категории социалистов даже с оттенком неуважения, я с почтением отношусь к намерениям почти всех, кто известен как социалист, достижениям и талантам некоторых из них и рассматриваю их, вместе взятых, как один из самых ценных ныне существующих элементов человеческого совершенствования благодаря и тому импульсу, который они дают переосмыслению и обсуждению всех важнейших вопросов, и тем идеям, из которых самые передовые сторонники существующего общественного строя все еще могут многому научиться».]

¹¹ [См. Приложение К. «Ранние и последующие взгляды Милля на социализм» и Приложение Л. «Последующая история социализма».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

§ 1. Далее необходимо рассмотреть, каково содержание идеи частной собственности и какими соображениями следовало бы ограничить применение этого принципа.

Сведенный к основной своей сути, институт собственности заключается в признании за каждым человеком права на исключительное распоряжение предметами, которые этот человек, мужчина или женщина, создал собственным трудом или получил, либо в дар, либо по справедливому соглашению, без применения силы или обмана, от людей, создавших эту вещь. Основой всего является право работающего на то, что он сам произвел. Следовательно, против института собственности в том виде, в каком он существует ныне, могут быть выдвинуты возражения, что он признает за индивидуумами права собственности на вещи, ими не созданные. Могут, например, сказать, что рабочие на фабрике своим трудом и своими навыками создают всю продукцию; однако же закон, вместо того чтобы отдать им продукт, предоставляет им только условленную заработную плату и передает продукт некоему лицу, которое всего лишь предоставило капитал, не внося, возможно, никакого вклада в сам процесс производства, хотя бы в форме надзора. Ответ на это возражение состоит в том, что труд на фабрике является всего-навсего одним из условий, которые необходимо объединить для производства товара. Работу нельзя выполнять ни без материалов и оборудования, ни без сделанного заранее запаса средств к существованию для снабжения рабочих во время производства. Все эти вещи являются плодами предшествующего труда. Если бы рабочие имели эти вещи, им не было бы необходимости делить продукт с кем-нибудь; но, поскольку этих вещей у рабочих нет, им следует отдать некоторый эквивалент тем людям, которые располагают этими вещами, — как за предшествующий труд, так и за бережливость, благодаря которой продукт этого предшествующего труда не был растрочен на потакание

слабостям, но сохранен для производительного использования. Капитал может и не быть результатом труда и бережливости его нынешнего владельца и в большинстве случаев не является таковым; но он создан трудом и бережливостью какого-то предшествующего лица, которое действительно могло быть лишено капитала несправедливым образом¹, но по нынешним временам, скорее всего, передало свои права на капитал его нынешнему владельцу посредством дара или добровольного договора; и каждый из последовательно сменявших друг друга владельцев капитала, вплоть до его нынешнего владельца², должен был обладать по крайней мере воздержанием. Если скажут (и вполне справедливо), что люди, унаследовавшие сбережения других, получили преимущество, которого они, возможно, никоим образом не заслуживают, перед теми трудолюбивыми людьми, предшественники которых ничего им не оставили, то я не только соглашусь с этим, но буду решительно утверждать, что это незаслуженное преимущество следовало бы ограничить настолько, насколько такое ограничение будет совместимо со справедливостью по отношению к людям, которые считают себя способными распорядиться своими сбережениями, передав их своим потомкам. Но если правда состоит в том, что рабочие находятся в невыгодном положении по сравнению с теми, чьи предшественники сделали сбережения, то такой же правдой является и то, что это положение рабочих намного лучше того, в котором они оказались бы, если бы предшественники капиталистов не сделали сбережений. Рабочие участвуют в преимуществе, обеспеченном предшествующим накоплением, хотя и не в равном с наследниками размере. Условия сотрудничества между нынешним живым трудом и плодами прошлых трудов и экономии являются предметом урегулирования между двумя сторонами. Каждая из сторон необходима другой. Капиталисты не в состоянии делать что-либо без рабочих, как

---

¹ [Это было внесено в 3-е издание (1852 г.). Первоначальный текст был таков: «Труд и воздержание какого-то предшествующего лица, которое передало посредством дара или соглашения свои права нынешнему капиталисту».]

² [Это и два следующих предложения были внесены в 3-е издание.]

и рабочие без капитала³. Если рабочие конкурируют друг с другом за возможность получить работу, то капиталисты со своей стороны конкурируют друг с другом за рабочую силу в соответствии с полным объемом имеющегося в стране переменного капитала⁴. О конкуренции часто говорят как о непреходящей причине нужды и деградации рабочего класса, как будто высокие заработки не являются точно таким же продуктом конкуренции, как и низкие заработки. Вознаграждение труда обусловлено законом конкуренции в Соединенных Штатах в такой же мере, как и в Ирландии, причем в гораздо большей мере, нежели в Англии.

Таким образом, право собственности включает в себя свободу приобретения по соглашению. Право каждого на произведенное им предполагает право на предметы, произведенные другими, если эти предметы получены по добровольному согласию других людей, поскольку эти другие люди должны уступить продукты своего труда либо по своей доброй воле, либо обменять их на нечто, что они считают эквивалентом продуктам своего труда, и препятствовать им в этом — значит ограничивать их права собственности на продукт своего труда.

---

³ [Здесь в 3-м издании был опущен следующий отрывок первоначального текста: «Могут сказать, что они встречаются не на равных условиях: капиталист, как богатый, может воспользоваться затруднениями рабочего и продиктовать какие ему будут угодны условия. Несомненно, он мог бы поступить так, будь он единственным капиталистом. Капиталисты сообща могли бы поступить так, если бы они не были столь многочисленны для того, чтобы объединиться и действовать как единое целое. Но при современном положении вещей они не располагают таким преимуществом. Там, где объединение невозможно, условия соглашения зависят от конкуренции, т. е. от количества капитала, обеспеченного коллективной воздержанностью общества и сопоставляемого с числом рабочих.»]

⁴ [Следующие два предложения, до слова «Ирландия», во 2-м издании (1849 г.) заменили следующий отрывок первоначального текста: «Объединенное управление со стороны государства не заставит капитал пойти дальше или предложить рабочим более благоприятные условия труда до тех пор, пока либо не принудит общество в целом к более жесткой экономии, либо не установит более жесткие ограничения численности трудящегося населения. Невозможно увеличить частное, приходящееся на долю каждого рабочего, не увеличив делимое или не уменьшив делитель».

В 3-м издании во вставленный вместо приведенного отрывок были внесены слова «в гораздо... Англии.»]

§ 2. Прежде чем приступить к рассмотрению вещей, которые принцип частной собственности не включает в себя, следует особо оговорить еще одну вещь, охватываемую этим принципом, — то, что право собственности на некоторый предмет по истечении определенного времени должно предоставляться в силу давности владения им. В соответствии с основополагающей идеей собственности поистине ничто, приобретенное посредством насилия или мошенничества или распределенное в неведении об уже существующем у какого-либо иного лица праве собственности на распределяемый предмет, не должно рассматриваться как собственность, но в интересах безопасности законных владельцев необходимо, чтобы им не досаждали обвинениями в несправедливом приобретении тогда, когда по прошествии времени свидетели приобретения неизбежным образом погибают или исчезают из виду и уже нельзя выяснить подлинный характер сделки. Право на владение некоторой вещью, неоспариваемое в юридическом порядке в течение умеренного числа лет, должно стать полным правом, каким оно и является в соответствии с законами всех стран. Даже в тех случаях, когда какая-то вещь была приобретена несправедливым образом, лишение, возможно *bona fide* (по доброй воле, без злого умысла), владельцев обладания ею поколение спустя в результате возобновления права, которое долгое время пребывало в забвении, было бы, вообще говоря, большей несправедливостью и почти всегда приносило бы больший вред и отдельным лицам, и обществу в целом, чем если бы случившуюся несправедливость оставили неисправленной. То, что право, искони справедливое, должно быть аннулировано простым истечением времени, может показаться жестоким; но существует время, по истечении которого (говоря даже об отдельном случае, безотносительно к общему воздействию на безопасность владения) восстановление забытых прав было бы еще большей несправедливостью. Несправедливости, случающиеся между людьми, подобны землетрясениям и другим природным бедствиям в том, что чем дольше они остаются неисправленными, тем значительнее становятся препятствия к их исправлению, препятствия, возникшие в результате последующего роста того, что было вырвано с корнем или вывернуто наружу. Ни в одном деле, хотя бы самом простом и ясном, люди не руководствуются соображением о том, что ныне следует

сделать нечто потому, что это было впору сделать 60 лет назад. Вряд ли стоит отмечать, что эти причины невмешательства в совершенные давно акты несправедливости не могут быть приложены к несправедливым системам или учреждениям, поскольку дурной закон или дурная практика составляют не единичный и совершенный в отдаленном прошлом плохой акт, но обуславливают постоянное повторение дурных актов, пока такой закон или такая практика продолжают действовать.

Таковы основные черты частной собственности. Теперь следует рассмотреть, в какой степени формы существования этого института в различных состояниях общества, включая нынешнее, являются необходимыми следствиями его основного принципа или продиктованы теми причинами, на которых этот институт основан.

§ 3. Собственность не подразумевает ничего, кроме права каждого человека, мужчины или женщины, на свои способности, на то, что он может произвести с их помощью, и на что бы то ни было, что ему удастся выручить за произведенные им товары путем честного обмена; а вместе с этим правом и право каждого отдавать, если он того пожелает, свою собственность любому другому лицу, и право этого другого лица принимать продукт чужого труда и пользоваться им.

Из этого следует, таким образом, что, хотя право завещать или делать посмертный дар составляет часть идеи частной собственности, право наследования в отличие от права оставления наследства не входит в понятие частной собственности. То, что собственность людей, не распорядившихся ею при своей жизни, переходит к их детям и, если таковых нет, к ближайшим родственникам, может быть правильным или неправильным порядком, но не является следствием принципа частной собственности. Хотя решение таких вопросов связано со множеством соображений, отличных от соображений политической экономии, выдвижение на суд мыслящей публики того мнения по этим вопросам, которое более всего импонирует уму автора, не противоречит замыслу этой работы.

Не следует извлекать какую-либо презумпцию в пользу существующих по этому вопросу идей из их древности.

В ранние века собственность умершего переходила к его детям и ближайшим родственникам столь естественным и очевидным образом, что едва ли можно придумать какой-либо иной, способный конкурировать с ним порядок. Во-первых, дети и родственники умершего обычно находились тут же; все они являлись владельцами наследства, и если они не имели на это никаких иных прав, то по крайней мере имели право первого захвата, столь важное на ранних этапах развития общества. Во-вторых, они уже были некоторым образом совместными владельцами собственности умершего еще при его жизни. Если это была собственность на землю, то обычно государство даровало ее скорее семье, чем отдельному человеку, если собственность состояла из скота и движимого имущества, то ее, вероятно, приобретали и безусловно охраняли и защищали объединенными усилиями все члены семьи, способные по возрасту трудиться или сражаться. Исключительная личная собственность в современном смысле этого понятия едва ли существовала в представлениях того времени, и когда глава рода умирал, то после него действительно не оставалось ничего, кроме его доли при разделе, перешедшей к тому члену рода, который унаследовал его власть. Распорядиться собственностью иначе значило бы разрушить маленькое сообщество, объединенное представлениями, интересами и привычками, рассеять его членов по свету. Эти соображения, хотя и осознанные скорее чувством, нежели умом, оказали столь огромное воздействие на мышление людей, что породили идею о прирожденном, неотъемлемом праве детей на владения их предков — праве, опровергнуть которое человечество оказалось не в силах. В обществе, находившемся в состоянии дикости, право оставлять наследство редко пользовалось признанием; ярким доказательством этому, даже если б не было других, служит то, что понятие собственности было совершенно иным, чем в настоящее время*.

Но феодальная семья, последняя историческая форма патриархальной жизни, давно исчезла, и ныне ячейкой общества является не семья или клан, состоящие из всех

---

* [1862 г.] Отличные примеры этому и многим сходным моментам можно найти в серьезном труде: Maine. *Ancient Law and its Relation to Modern Ideas*.

считающихся потомками одного предка людей, а индивидуум или, самое большее, пара индивидуумов вместе с их не освободившимися от родительской опеки детьми. Ныне собственность является неотъемлемым правом не семей, а индивидуумов; дети, вырастая, не участвуют в занятиях или состоянии родителей, а если даже и участвуют в денежных операциях родителей, то делают это ради удовольствия отца или матери, не пользуясь правом голоса в отношении владения и управления всем состоянием, но обычно получая в исключительное пользование некоторую его часть; и по крайней мере в Англии родители вправе (за исключением тех случаев, когда препятствием тому являются законы, закрепляющие порядок наследования земли без права отчуждения или передачи всего имущества семьи старшему в роду) лишить наследства даже собственных детей и передать свое состояние посторонним лицам. Более дальние родственники, как правило, почти так же отдалены от семьи, как если бы они вообще никоим образом не были с нею связаны. Единственным правом, которым, как считается, они пользуются по отношению к своим более состоятельным родичам, является право на предпочтение, *caeteris paribus* (при прочих равных условиях), при получении выгодных должностей и на некоторую помощь в случае крайней необходимости.

Столь существенное изменение в общественном устройстве необходимым образом создает значительное различие в основаниях, на которых должно зиждиться распоряжение собственностью по праву наследования. Основаниями, которыми современные авторы обычно оправдывают передачу собственности лица, не оставившего завещания, являются, во-первых, предположение о том, что закон, распорядившись с собственностью такого лица подобным образом, с большей вероятностью совершает то, что сделал бы сам умерший владелец собственности, когда бы позаботился при жизни выразить свою волю; и, во-вторых, предположение о тяготах, которые постигнут тех, кто, живя вместе с родителями и пользуясь их состоятельностью, будет лишен наслаждений богатством и низвергнут в нищету и лишения.

Оба эти аргумента не лишены убедительности. Несомненно, закон должен исполнить по отношению к детям и иждивенцам человека, который умер, не оставив наследства, все, что сделал бы во исполнение своих обязанно-

стей родителя или покровителя⁵ умерший, насколько то может быть известно кому-либо, кроме него самого. Но поскольку закон не может выносить решения на основании притязаний отдельных лиц, но должен руководствоваться общими правилами, необходимо рассмотреть далее, какими эти правила должны быть.

Прежде всего мы можем заметить, что никто не обязан оставлять материальное обеспечение лицам, приходящимся родственниками по боковым линиям, если для того нет особых, касающихся конкретного человека оснований. Ныне никто и не ожидает этого, за исключением случаев, когда нет прямых наследников, да и в таких случаях не ожидали бы, если положения закона, касающиеся собственности, владелец которой умер, не оставив завещания, не порождали таких надежд. Следовательно, я не вижу никаких оснований, согласно которым наследование собственности умершего лицами, приходящимися ему родственниками по боковым линиям, вообще должно существовать. Бентам давным-давно выдвинул предложение (и другие высокие авторитеты согласны с этим мнением) о том, чтобы в случае отсутствия завещания и наследников по нисходящей или восходящей прямой линии родства собственность умершего переходила к государству как выморочное имущество. Маловероятно, чтобы это предложение оспаривали постольку, поскольку оно касается более дальних степеней родства по боковым линиям. Не многие станут утверждать, что существует какая-то веская причина, по которой сбережения каково-нибудь бездетного скряги должны после его смерти (как случается сплошь и рядом) пойти на обогащение дальнего родственника, никогда не выдавшего умершего, возможно, никогда не считавшего себя его родственником, если это родство не сулило известной выгоды, и имеющего на это состояние не больше морального права, чем совершенно посторонний умершему человек. Но суть этого довода от-

⁵ [Публикуемая далее часть этого абзаца заменила в 3-м издании (1852 г.) следующий первоначальный текст: «Но по случайности, или небрежности, или по более скверным причинам не сделал. Возможно ли посредством государственного управляющего состояниями лиц, не оставивших завещаний, установить конкретные потребности и осуществить справедливость в конкретных случаях — это довольно сложный вопрос, вдаваться в который я воздерживаюсь. Я лишь рассмотрю то, что можно было бы с лучшими основаниями установить в качестве общего правила».]

носится ко всем родственникам по боковым линиям в одинаковой мере, даже к самым близким. Родственники по боковым линиям не имеют каких-либо реальных прав, кроме тех, на какие могли бы с равным основанием ссылаться и неродственники; и в том, и в другом случае, если существуют действительные права на наследство, то соответствующим способом учета этих прав является посмертный дар⁶.

Права детей иного рода: эти права реальны и неотъемлемы. Решаюсь, однако, заметить, что даже эти права не всегда правильно понимают — то, что положено детям, в одних отношениях недооценивают, в других, как мне представляется, преувеличивают. Одной из главнейших обязанностей, заключающейся в том, что родители не должны производить детей на свет, если не могут содержать их в достатке, пока они малы, и воспитать их так, чтобы у них была возможность обеспечивать себя, когда они вырастут, на практике пренебрегают, а в теории от нее отделяются постыдным для человеческого ума образом. Вместе с тем, если родитель обладает собственностью, то права его детей на эту собственность являются, как мне кажется, предметом заблуждения противоположного свойства. Какое бы состояние ни получил по наследству или тем более ни приобрел родитель, я не могу согласиться с тем, что он несет по отношению к своим детям обязанность сделать их без каких-либо усилий с их стороны богатыми только потому, что они его дети. Я не согласился бы с этим даже в том случае, если бы унаследованное таким образом состояние всегда и несомненно шло на пользу самим детям. Но это в высшей степени сомнительно. Это зависит от характера человека. Не предполагая крайностей, можно утверждать, что в большинстве случаев в интересах не только общественного блага, но и частных лиц была бы передача по наследству

---

⁶ [Начиная с 3-го издания (1852 г.) опускается следующий фрагмент первоначального текста: «Если какие-либо близкие родственники умершего и известные как таковые пребывают в нужде, им можно было бы выделить при распределении государством имущества человека, не оставившего завещания, пожертвование или маленькую пенсию. Это было бы справедливостью или великодушием, каких они не испытывают при современных законах, поскольку по современным законам все отходит к ближайшим родственникам по боковой линии, как бы не велика была нужда более дальних родичей».]

детям не большого, а умеренного обеспечения. Многие рас-судительные родители сознавали справедливость этого утверждения, ставшего общим местом в сочинениях древ-них и новейших моралистов, и действовали бы в соответ-ствии с ним гораздо чаще, если бы не позволяли себе в большей мере сообразовываться с тем, что другие люди считают полезным для их детей, нежели с тем, что дейст-вительно полезно их детям.

Обязанности родителей по отношению к детям — это обязанности, неразрывно связанные с фактом порожде-ния человеческого существа. Родитель обязан перед обще-ством прилагать усилия к тому, чтобы сделать своего ребенка хорошим и полезным членом общества, а перед своими детьми — дать им в той мере, в какой это зависит от него, такое образование и такие орудия и средства, ка-кие позволят им вступить в жизнь с хорошими шансами достичь преуспевания собственным трудом. На это имеет право каждый ребенок; и я не могу согласиться с тем, что он, как ребенок, имеет право на большее. Можно привести пример, в котором эти обязательства выступают в подлин-ном свете, без каких-либо скрывающих или запутывающих их суть внешних обстоятельств; это пример с незакон-норожденным ребенком. Принято считать, что отец дол-жен предоставить своему незаконнорожденному ребенку такое обеспечение, какое позволило бы этому ребенку вести вполне хорошую в целом и общую жизнь. Я придержи-ваюсь мнения, что никакому ребенку, просто как ре-бенку, не полагается нечто большее, чем то, что признано положенным незаконнорожденному ребенку, и что ни один ребенок, получивший такое обеспечение, не имеет каких-либо поводов для недовольства, кроме несбывшихся ожи-даний, если остальная часть родительского состояния предназначается на общественные нужды или в пользу лиц, которых родитель предпочел вознаградить.

Вообще говоря, для того чтобы предоставить детям ту справедливую возможность на хорошую жизнь, на кото-рую они имеют право, их не следует с малолетства вос-питывать в привычках к роскоши, на удовлетворение ко-торых они не будут иметь средств в дальнейшей жизни. Это опять-таки является обязанностью, часто и вопиющим образом нарушаемой лицами, которые имеют доходы, ог-раниченные определенными сроками, и оставляют в нас-ледство незначительную собственность. Если дети богатых

родителей сжились, что с их стороны естественно, с привычками, соответствующими расходам, которые позволяют себе их родители, то родители, в общем, обязаны дать им более крупное обеспечение, чем было бы достаточно для детей, воспитанных иначе. Я говорю «в общем» потому, что даже здесь существует еще одна сторона вопроса. Вполне возможно отстаивать предположение о том, что для сильной натуры, которой придется пробивать себе дорогу в стесненных обстоятельствах, раннее познание некоторых ощущений и реальностей богатства является преимуществом — как для формирования характера, так и для счастья бытия. Но допустим, что дети, воспитанные в привычке к роскоши, получить которую они в дальнейшем едва ли смогут, имеют справедливое основание для жалоб, и что их притязания являются, таким образом, обоснованием для получения обеспечения, в какой-то мере обусловленного характером данного им воспитания; однако это такое притязание, которое особенно часто подвержено тенденции выходить за пределы его разумных границ. Данный случай — это как раз случай младших детей из семей аристократии и землевладельческого джентри, основная часть состояния у которых переходит к старшему сыну. Прочие сыновья, обычно многочисленные, воспитываются в тех же привычках к роскоши, что и будущий наследник, и получают в качестве доли младшего брата, в общем, то, что и диктует суть дела, а именно обеспечение, которого достаточно для того, чтобы они сами, но не их жена или дети могли поддерживать привычный образ жизни. Действительно, ни для одного мужчины то, что он должен собственным трудом добыть средства для вступления в брак и содержания семьи, не является поводом для недовольства.

Таким образом, я полагаю, что в том случае, когда единственными принимаемыми в расчет соображениями являются, говоря коротко, справедливость дела и подлинные интересы отдельных лиц и общества, предоставление младшим детям обеспечения, такого, какое признают достаточным для незаконнорожденных детей, составляет все, что родители обязаны сделать по отношению к своим детям, и соответственно все, что должно сделать государство по отношению к детям тех людей, которые умерли, не оставив завещаний. Я считаю, что избыток средств, если такой имеется, можно по справедливости обратить на

общественные нужды. Не следует, однако, думать, будто бы я советую родителям никогда не делать для детей больше того, чем то, на что дети имеют моральное право просто как дети. Сделать для детей гораздо больше в некоторых случаях настоятельно необходимо, во многих случаях похвально и во всех случаях допустимо. Средства к этому, впрочем, предоставляет право завещания. Не дети, а родители должны иметь право оказывать знаки любви, вознаграждать услуги и жертвы и даровать свои богатства в соответствии со своими предпочтениями или собственными суждениями о том, как следует распорядиться своим состоянием.

§ 4. Должно ли само право завещания быть подчинено ограничению — это вопрос, имеющий в конечном счете огромную важность. В отличие от наследования *ab intestato* (без завещания), право дарения является одним из атрибутов собственности; собственность на какую-либо вещь без права ее владельца дарить ее, посмертно или прижизненно, по своему усмотрению нельзя считать полной, и все доводы, говорящие в пользу существования частной собственности, говорят *pro tanto* (соответственно) и в пользу этого расширения ее. Но собственность — всего лишь средство для достижения цели, не сама цель. Подобно всем прочим вытекающим из собственности правам, и даже в большей степени, чем большинство таких прав, право завещания может осуществляться образом, противоречащим постоянным интересам человеческого рода. Так происходит тогда, когда завещатель, не довольствуясь завещанием имущества лицу А, предписывает, чтобы после смерти А имущество перешло к его старшему сыну, к сыну этого сына и так далее, всегда в таком порядке. Несомненно, что иногда люди, в надежде обеспечить семью навечно, трудятся ради приобретения состояния с большей энергией; но вред, наносимый обществу такими владениями на вечные времена, перевешивает ценность этого побуждения к труду, а для людей, имеющих возможность составить крупные состояния, побуждения к труду и без того достаточно сильны. Сходное злоупотребление правом дарения имеет место и в том случае, когда человек, который совершает похвальный поступок, оставляя собственность на общественные нужды, пытается навечно предписать детали применения этой собственности; когда, осно-

вывая, например, учебное заведение, он на веки вечные предписывает, какие науки следует в нем преподавать. Поскольку невозможно, чтобы кто-либо ведал, какие теории будут заслуживать изучения спустя века после его смерти, закон не должен придавать силу подобным распоряжениям собственностью иначе, чем подчинив эти распоряжения постоянным пересмотрам (по истечении определенных периодов), осуществляемым соответствующим органом.

Существуют очевидные ограничения. Но даже элементарнейшее осуществление права завещания, заключающееся в определении лица, к которому перейдет собственность завещателя сразу после его смерти, всегда считалось одной из тех привилегий, которые следовало бы ограничить или модифицировать в соответствии с представлениями о целесообразности. Введившиеся до настоящего времени ограничения почти всецело были в интересах детей. В Англии это право в принципе не ограничено, и почти единственное препятствие ему возникает из распоряжения прежнего собственника, вследствие которого лицо, являющееся в данный момент держателем состояния, не может завещать своего имущества, так как владеет им лишь пожизненно, а следовательно — ему нечего завещать. Согласно римскому праву, на котором главным образом основывается гражданское законодательство стран континентальной Европы, первоначально завещание не разрешалось вовсе, и даже после того, как оно было допущено, предусматривалось выделение в обязательном порядке *legitima portio* (законной доли) для каждого ребенка; и подобный закон все еще действует у некоторых континентальных народов. Согласно действующему после революции французскому праву, родитель может распорядиться по своему усмотрению лишь частью своего имущества, равной доле одного ребенка, причем доли всех детей равны. Это закрепление, как можно назвать такой порядок, основной части собственности за детьми, вместе взятыми, представляется мне столь же малооправданным, как и закрепление всей собственности за одним ребенком, хотя установленный во Франции порядок не оскорбляет идею справедливости столь же непосредственно. Я не могу согласиться с тем⁷, что родители должны быть при-

⁷ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). Первоначальный текст был таков: «Вызывает сомнение, должны ли...» и т. д.]

нуждаемы к тому, чтобы оставлять своим детям даже то обеспечение, на которое, по моему убеждению, последние, как дети, имеют моральное право. Детей можно лишить этого права вследствие того, что они, в общем, недостойны его или по причине их особенно дурного поведения по отношению к родителям; дети могут иметь иные средства к существованию или планы на будущее; данное моральное право детей может быть полностью удовлетворено тем, что сделано для них ранее посредством предоставления им образования и продвижения их в жизни, или, наконец, другие люди могут иметь права более высокого порядка, нежели права детей⁸.

Во французском праве крайнее ограничение права завещания было принято в качестве демократической меры для того, чтобы разрушить право первородства и противодействовать присущей наследуемой собственности тенденции концентрироваться крупными массами. В теории я согласен с тем, что эти цели в высшей степени желательны; но думаю, что используемые для их достижения средства не самые разумные. Если бы я создавал свод законов, руководствуясь тем, что представляется мне, в сущности, наилучшим, не принимая во внимание реальные мнения и чувства, то предпочел бы ввести ограничения не на то, что люди могут дарить, а на то, что следовало бы позволять людям получать в дар или по наследству. Каждому человеку следовало бы предоставить право распоряжаться всей своей собственностью по своей воле; но не бросать всю свою собственность щедрой рукой на обогащение какого-то одного лица сверх определенного максимума, который надобно установить на уровне, достаточно высоком для того, чтобы предоставить средства для обеспечения благосостояния и независимости. Имущественные неравенства, возникающие вследствие неодинаковых свойств человеческой природы, таких, как трудолюбие, бережливость, упорство, талант и даже до известной степени

⁸ [В 3-м издании здесь был опущен следующий отрывок первоначального текста: «Но как бы то ни было с простым обеспечением, я считаю, что справедливость и целесообразность всецело против того, чтобы кто-то был принуждаем делать нечто сверх этого. То, что кто-то с детства уверен в том, что унаследует крупное состояние независимо от доброй воли и любви другого человека, является, если только не действуют весьма благотворные влияния иного рода, почти фатальным моментом в образовании этого человека».]

удача, неотъемлемы от принципа частной собственности, и если мы принимаем этот принцип, то должны мириться и с этими его последствиями; но я не вижу ничего предосудительного в установлении предела тому, что любой человек может обрести просто по милости других, без какого-либо применения своих способностей, и в предъявлении к такому человеку требования трудиться ради получения большего доступа к богатству, если он того желает*. Не думаю, чтобы степень ограничения, которую наложат на право завещания, была бы обременительна для любого завещателя, знающего подлинную ценность крупного состояния, ценность, заключающуюся в удовольствиях и благах, которые можно купить на эти средства; даже при самой преувеличенной оценке этих удовольствий и благ каждому должно быть очевидно, что разница в счастье, испытываемом обладателем состояния, которое обеспечивает умеренную независимость в средствах, и обладателем состояния, в пять раз более крупного, незначительна по сравнению с наслаждением, которое можно было бы дать, и постоянными выгодами, которые можно было бы распространить, распорядившись с четырьмя пятыми этого крупного состояния каким-то иным образом. Действительно, до тех пор пока на практике преобладает мнение о том, что самое лучшее, что можно сделать для любимых существ, — это осыпать их до пресыщения теми, в сущности, бесполезными вещами, на которые по большей части тратятся крупные состояния, в принятии подобного закона было бы мало пользы, даже если бы удалось добиться его принятия, поскольку если существует такая склонность, то найдется и сила обходить этот закон.

---

* [1865 г.] В том случае, если капитал используется его владельцем в каких-нибудь производственных операциях, имеются веские основания сохранить за ним право передавать все занятые фактически в одном предприятии капиталы одному лицу. То, что он будет иметь возможность передать предприятие под контроль того из своих наследников, кого считает наиболее способным управлять этим предприятием хорошо и эффективно, есть благо; и тем самым будет устранена необходимость (часто возникающая и вызывающая неудобства в условиях французского права) ликвидировать промышленное или коммерческое предприятие по смерти его главы. Подобным же образом следует разрешить собственнику, передающему одному из своих наследников моральное бремя содержать родовое имение, парк или угодья для игр, даровать вместе с этим и такую сумму имущества, какая необходима для приличного выполнения этого.

Закон будет бесполезен до тех пор, пока не будет энергично поддержан общественным мнением, что (судя по прочной приверженности общественного мнения во Франции к закону о принудительном разделе наследства) весьма возможно в некоторых состояниях общества и при некоторых системах правления, как бы ни противоречило такой возможности современное положение в Англии. Если бы данное ограничение удалось осуществить практически, это принесло бы огромную пользу. Богатство, которое нельзя было применять для сверхобогащения⁹ немногих, пошло бы либо на общественно полезные цели, либо же, переходя к частным лицам, распределилось бы среди большего числа людей. По мере того как те огромные состояния, которые никому не нужны для каких-то личных целей, кроме тщеславия или вредного могущества, будут становиться все малочисленнее, произойдет огромное увеличение числа лиц, не стесненных в средствах, обладающих благами досуга и всеми теми подлинными наслаждениями, какие дает богатство, исключая наслаждение тщеславием; появится класс, который будет гораздо более полезным образом, нежели ныне, оказывать обществу те услуги, каких народ, имеющий пользующиеся досугом классы, вправе ждать от них — либо от их непосредственных трудов, либо от тона, который они задают чувствам и вкусам общественности. Большая доля накоплений, образовавшихся в результате успешного труда, также будет, вероятно, передана на общественные нужды, либо посредством прямого завещания государству, либо посредством пожертвований в пользу учреждений, как уже и происходит в значительной мере в Соединенных Штатах, где идеи и практика, касающиеся наследования, выглядят необычайно рациональными и благотворными*.

⁹ [Приставка «сверх» была внесена в 3-м издании (1852 г.).]

* «Щедрые завещания и пожертвования на общественные цели, как на нужды благотворительности, так и на нужды образования, составляют поразительную черту новейшей истории Соединенных Штатов и Новой Англии в особенности. У богатых капиталистов вошло в обычай оставлять по завещанию часть своего состояния в качестве пожертвований в пользу общественных учреждений, некоторые богатые люди и при жизни делают огромные денежные пожертвования на те же цели. Здесь нет обязательного закона о равном разделе собственности между детьми, как во Франции, а с другой стороны, нет и обычая передачи всего семейного состояния старшему сыну, или права первородства, как в Англии, так что люди богатые могут свободно делить свои

§ 5. Следующим моментом, который надлежит рассмотреть, является вопрос о том, приложимы ли основания, на которых покоится институт собственности, ко всем вещам, на которые в настоящее время признано право исключительной собственности, и если это не так, то какими иными доводами оправдано это признание.

Поскольку основополагающий принцип собственности заключается в предоставлении всем гарантии на обладание тем, что создано их трудами и накоплено благодаря их бережливости, этот принцип нельзя приложить к тому, что не является продуктом труда — к необработанной субстанции земли. Если бы производительная сила земли была всецело определена природой и ни в коей мере не трудом или если бы имелись средства выяснить, что и насколько обусловлено каждым фактором, то допустить, чтобы отдельные лица завладели даром природы и монополизировали его, не только означало бы сделать пустое, ненужное дело, но и было бы верхом несправедливости. Землепользование в сельском хозяйстве действительно по необходимости должно быть исключительным. В продолжение определенного времени человеку, который вспахал и засеял поле, должно позволить и собрать урожай; но земля может поступать в пользование лишь на один год, как это было у древних германцев; или можно периодически осуществлять ее передел, по мере роста населения; или, наконец, государство может выступать в роли единственного землевладельца, а земледельцы могли быть арендаторами, держащими свои угодья на основании срочного или бессрочного договора.

Но хотя земля и не является продуктом труда, большинство ее ценных качеств являются таковыми. Труд есть

богатства между родственниками и обществом; учредить майорат здесь невозможно, и родители часто имеют счастье видеть задолго до своей смерти, что все их дети хорошо обеспечены и независимы. Я видел список завещаний и пожертвований, сделанных в течение последних 30 лет в пользу религиозных, благотворительных и литературных учреждений в одном лишь штате Массачусетс, и эти пожертвования составляли не менее 6 млн. долл., или более 1 млн. ф. ст.» — *Lyell. Travels in America, vol. I, p. 263.*

[1852 г.] В Англии, любой человек, имеющий каких-нибудь близких родственников, завещая на общественные или благотворительные цели нечто большее, чем пустячные посмертные дары, делает это с риском, что после смерти будет объявлен присяжными сумасшедшим или по крайней мере что его состояние будет растрачено на тяжбы с целью уничтожить завещание.

не только необходимое условие использования земли как орудия производства, но почти столь же необходим для ее преобразования. Значительный труд часто требуется с самого начала для расчистки земли под угодья. Во многих случаях, даже когда земля расчищена, производительность ее является всецело следствием труда и искусства. Бедфордская равнина производила мало сельскохозяйственной продукции или даже ничего до тех пор, пока не была осушена. Ирландские болота мало что могут произвести, за исключением топлива, до тех пор, пока и с ними не сделают того же. Во Фландрии, в округе Ваэс труд настолько облагородил одну из самых неплодороднейших почв в мире, подобную по своему составу пескам Гудвина, что эти земли стали одними из наиболее урожайных в Европе. Земледелие нуждается также в постройках и изгородях, которые всецело являются продуктами труда. Плоды этого труда нельзя пожать в короткие сроки. Труд и затраты приходится совершать немедленно, выгоды же от них распространяются на многие годы, возможно на все будущее. Человек, в настоящее время владеющий землей, не станет прилагать этого труда и делать вложения, если выгода от них пойдет не ему, а другим, посторонним людям. Если он осуществляет такие улучшения, то должен иметь достаточно времени в будущем, чтобы извлечь из них прибыль, и ни в каком другом случае он не питает такой уверенности в том, что всегда будет иметь достаточное для этого время, как в том, когда его аренда является вечной*.

* «То, что придавало человеку смекалку и упорство в труде, что заставляло его направлять все свои усилия к цели, полезной для человеческого рода, была мысль о вечном владении. Земли, нанесенные реками по течению, всегда самые плодородные, но в то же время им постоянно грозит опасность наводнения или они бывают испорчены болотами. Под гарантией вечного владения предприняли длительные и тяжкие труды, чтобы осушить болота, воздвигнуть дамбы против наводнений, распределить по ирригационным каналам благотворные воды на те поля, которые та же вода обрекла на бесплодие. Полагаясь на ту же самую гарантию, человек, не довольствуясь более ежегодными продуктами земли, выявил среди дикой растительности те многолетние растения, кустарники и деревья, которые могли быть ему полезны, улучшил их посредством культивирования, изменил, можно сказать, самое их естество и размножил их. Есть плоды, доведение которых до их нынешнего совершенства потребовало столетий культивирования, другие же были вывезены из отдаленнейших районов. Для того чтобы обновлять почву, делать ее более плодо-

§ 6. Существуют причины, составляющие с экономической точки зрения оправдание собственности на землю. Можно заметить, что они имеют силу лишь постольку, поскольку собственник земли улучшает ее. Как только землевладелец в любой стране перестает, в общем, улучшать землю, у политической экономии не находится слов в защиту земельной собственности в том виде, в каком она существует. Ни одной здравой теорией частной собственности никогда не предполагалось, что собственник земли должен просто пользоваться ею, как синекурой.

В Великобритании землевладелец зачастую улучшает землю. Но нельзя сказать, чтобы английские землевладельцы в целом были таковы. А в большинстве случаев английский землевладелец предоставляет право обработки земли на таких условиях [1848 г.], которые не позволяют делать улучшения и любому другому. В южной части острова, где обычно не заключают договоров об аренде, едва ли можно делать постоянные улучшения иначе, чем на капитал землевладельца; соответственно юг Англии по сравнению с ее северной частью и южной частью Шотландии все еще является крайне отсталым в смысле сельскохозяйственных улучшений. Истина состоит в том, что любое общее улучшение земли землевладельцами едва ли совместимо с законом или обычаем первородства. Когда земля целиком отходит к одному наследнику, она переходит к нему обыкновенно без всяких денежных средств, которые позволили бы ему улучшить ее, ибо личная собственность расходуется на обеспечение младших детей, да и сама земля зачастую тяжко обременена долгами по той же самой причине. Поэтому лишь малая часть земле-

---

родной посредством перемешивания ее частиц и соприкосновения с воздухом, люди вскрыли вспашкой землю на большую глубину; они закрепили на склонах холмов почву, которая могла бы сползти вниз, и покрыли лик страны растительностью, повсюду богатой и полезной для рода человеческого. Среди их трудов есть такие, плоды которых будут пожаты лишь через 10 или 20 лет, есть и такие, которые будут еще приносить пользу потомкам спустя несколько веков. Все действуют сообща, увеличивая производительную силу природы, обеспечивая человечество неизмеримо более богатым доходом, доходом, значительную часть которого потребляют те, кто не имеет доли в собственности на землю, но кто не обрел бы средств к существованию, если бы не то присвоение земли, по которому они на первый взгляд были лишены прав на нее». — Sismondi. *Étude sur l'Economie Politique, Troisième Essai. De la Richesse Territoriale.*

владельцев располагает средствами для проведения дорогостоящих улучшений, если только остальные не осуществляют их на деньги, взятые в долг, увеличивая тем самым заклады, которыми в большинстве случаев земля уже была обременена к тому времени, как они вступили во владение ею. Но положение владельца, обремененного большими закладными имения, столь непрочное, бережливость столь неприятна человеку, видимое состояние которого во много раз превышает его реальные доходы, а колебания ренты и цен, поглощающие только часть его дохода, представляются столь грозными тому, кто может назвать своим собственным очень немногое, кроме этой части дохода, что не удивительно, если лишь немногие землевладельцы оказываются в состоянии принести немедленные жертвы ради будущей прибыли. Даже если бы они вообще имели к тому сильную склонность, только те люди могут сделать это благоразумно, кто серьезно изучил принципы научного ведения сельского хозяйства, а крупные землевладельцы редко изучают что-либо серьезно. По крайней мере они могли бы дать фермерам побуждения к совершению того, что сами они не хотят или не могут сделать; но, даже заключая договоры об аренде, землевладельцы связывают своих арендаторов соглашениями, основанными на обычаях устаревшего и отвергнутого земледелия, что вызывает в Англии общее недовольство [1848 г.]; тогда как большинство из них, вообще отказывая в заключении договоров об аренде и не предоставляя фермеру никакой гарантии на сохранение арендуемого участка в течение срока более длительного, чем один сельскохозяйственный сезон, включая жатву, держат землю в состоянии, немногим более благоприятствующем улучшению, чем во времена наших варварских предков, которые

...immetata quibus jugera liberas
Fruges et Cererum ferunt,
Nec cultura placet longior annua.

(...из земель, не разделенных, свободно собирали
Плоды и Церере приносили их,
Те, что угодно было дать земледелию в течение года.)

Таким образом, земельная собственность в Англии очень далека от того, чтобы полностью удовлетворять

условия, которые делают земельную собственность экономически оправданной. Но если эти условия недостаточно исполнены даже в Англии, то в Ирландии они [1848 г.] не выполнены вовсе. За отдельными исключениями (некоторые из них весьма похвальны), владельцы ирландских поместий ничего не делают для земли, кроме того, что выкачивают из нее ее продукт. То, что так язвительно было сказано в ходе дискуссий об «особом бремени» — что величайшим «бременем земли» являются землевладельцы, — в буквальном смысле справедливо по отношению к ним. Ничего не возвращая земле, они поглощают весь ее продукт, за исключением того картофеля, который положительно необходим жителям, чтобы не умереть с голоду; а когда у них появляется какой-нибудь проект улучшения, то предварительным к его осуществлению шагом обычно является лишение людей даже этой жалкой малости, низведение их до нищеты, если не до голодной смерти*. Когда земельная собственность ставит себя в такое положение, ее уже нельзя защищать и настает время для установления нового порядка землевладения.

Когда говорят о «неприкосновенности собственности», следует всегда помнить, что земельной собственности не свойственна такая же неприкосновенность, как другим видам собственности. Земля не создана человеком. Она изначальное достояние всех людей. Ее присвоение всецело является вопросом общей целесообразности. В тех случаях, когда частная собственность на землю нецелесообразна, она несправедлива¹⁰. Отлучение от того, что произведено другими людьми, ни для кого не является лишением, ибо люди не обязаны производить что-либо в пользу другого лица, которое, не получая доли в том, чего не существовало бы вовсе, если бы не труд других людей, ничего не теряет. Но родиться на свет и обнаружить, что все дары природы уже присвоены другими и вновь пришед-

---

* [1862 г.]. Я настоятельно прошу читателя помнить о том, что этот абзац был написан 15 лет назад. Столь удивительны происходящие в наше время изменения и нравственные, и экономические, что за ними невозможно поспеть, не переписывая постоянно работу, подобную этой. [В издании 1865 г. — «18 лет», в издании 1871 г. — «более 20 лет назад».]

¹⁰ [Это и предыдущее предложение в 3-м издании (1852 г.) заменили следующий первоначальный текст: «Существуют общественные причины для ее присвоения. Но если бы эти причины утратили свою силу, этот предмет стал бы несправедливым».]

шим не осталось места, — это уже является определенной несправедливостью. Для того чтобы примирить людей, которые некогда уже допустили в свое сознание мысль о том, что они, как люди, обладают любыми моральными правами, с этим положением вещей, всегда будет необходимо убеждать их в том, что исключительное присвоение является благом для всего человечества, включая и их самих. Но это то, в чем нельзя было бы убедить ни одного здравомыслящего человека, если бы отношения между землевладельцем и земледельцем повсеместно были таковы, как в Ирландии.

Даже те, кто с наибольшим упорством отстаивает права земельной собственности, сознают ее качественное отличие от собственности других видов; и там, где основная масса членов общества лишена доли в собственности на землю и земельная собственность превратилась в исключительный атрибут меньшинства, люди обычно пытаются примирить ее, хотя бы в теории, со своим чувством справедливости, стараясь придать ей обязанности и возводя ее в статус либо моральной, либо юридической власти. Но если государство вправе рассматривать владельцев земли как должностных лиц общества, то, делая лишь один шаг далее, можно сказать, что государство вправе и избавляться от них. Право землевладельцев на землю всецело подчинено общей политике государства. Принцип собственности не предоставляет землевладельцам никакого иного права на землю, кроме права на компенсацию за любую часть их земельной собственности, какой государство может лишить их во имя своих интересов. На это землевладельцы имеют неотъемлемое право. Землевладельцы и владельцы какой бы то ни было собственности, признанной государством в качестве таковой, должны иметь гарантию в том, что не будут лишены своей собственности, не получив за нее ее денежной стоимости или ежегодного дохода, равного тому, какой они извлекали из этой своей собственности. Это причитается им в силу тех общих принципов, на которых покоится собственность. Если земля была приобретена на средства, полученные благодаря труду и воздержанию нынешних землевладельцев или их предков, компенсация причитается им на этом основании; даже если земля была приобретена иначе, компенсация все же причитается им на основании права давности. Для достижения цели,

которая принесет пользу всему сообществу, никогда и не может быть необходимым принесение в жертву какой-то одной части этого сообщества. В тех случаях, когда подлежащее отчуждению имущество является предметом какой-нибудь исключительной привязанности со стороны его собственника, компенсация должна быть больше, нежели простой денежный ее эквивалент. Но, соблюдая это условие, государство вправе поступать с земельной собственностью так, как того могут требовать интересы общества, вплоть до совершения, если этого потребуют общественные интересы, со всей земельной собственностью того, что делают с ее частью во всех тех случаях, когда принимают закон о прокладке железной дороги или новой улицы¹¹. Общество слишком сильно заинтересовано в должном возделывании земли и в условиях, связанных с владением землею, чтобы оставлять эти вопросы на усмотрение класса лиц, именуемых землевладельцами, в тех случаях, когда они показывают, что недостойны такого доверия. Законодательная власть, которая могла бы, если пожелала, превратить все сословие землевладельцев во владельцев государственных процентных бумаг или лиц, получающих пенсии, могла бы, *a fortiori* (тем более) коммутировать средние доходы ирландских землевладельцев в фиксированный налог за аренду и возвести арендаторов в статус собственников, при непременном условии¹², что полная рыночная стоимость земли будет выплачена землевладельцам в том случае, если они предпочтут такую выплату предложенному выше варианту компенсации.

Нам еще представится возможность рассмотреть разнообразные формы земельной собственности и землевладения, преимущества и недостатки каждой из них; в дан-

¹¹ [В 3-м издании (1852 г.) был опущен следующий отрывок первоначального текста: «Я не утверждаю, будто бы случаи, в которых бы пригодилась для серьезного рассмотрения столь радикальная мера, могли встречаться часто. Но даже если государству никогда не придется на деле воспользоваться этой крайней своей прерогативой, ее тем не менее следует утвердить, поскольку принцип, позволяющий большее, дозволяет и меньшее, и хотя бы никогда не появилось необходимости сделать все, что санкционировано этим принципом, сделать меньше, чем все, может быть не только целесообразно, но зачастую целесообразно в весьма высокой степени».]

¹² [Вводное предложение («...без чего эти акты будут ничем не лучше грабежа») было опущено в 3-м издании (1852 г.).]

ной главе мы сосредоточиваем внимание на самом праве собственности на землю, на основаниях, оправдывающих земельную собственность, и (как на естественных последствиях этих оснований) на условиях, которыми следовало бы ограничить право собственности на землю. То, что понятие собственности на землю следовало бы толковать в узком смысле и что во всех вызывающих сомнение случаях баланс должен складываться не в пользу собственника земли, представляется мне почти аксиомой. Совершенно противоположным образом обстоит дело с движимой собственностью и со всеми вещами, являющимися продуктом труда: владелец таких вещей должен обладать абсолютным правом на пользование ими и на исключительную собственность на них, кроме тех случаев, когда это право причиняет реальный вред другим; но в случае с собственностью на землю ни одному человеку не следовало бы предоставлять какого-либо исключительного права, если способность этого человека производить положительное благо нельзя доказать. Пользоваться дозволением вообще на какое-либо исключительное право в отношении части общего наследия тогда, когда есть другие, не имеющие вовсе никакой его части, — это уже привилегия. Никакое количество движимого имущества, которое человек может приобрести собственным трудом, не мешает другим приобрести такое же количество движимости теми же самыми средствами; в силу самой природы земельной собственности любой землевладелец отлучает других от пользования принадлежащей ему землей. Привилегию, или монополию, можно оправдывать только как необходимое зло; в тех случаях, когда она доведена до такого состояния, при котором из нее не происходит компенсирующее благо, она становится несправедливостью.

Исключительное право на землю с целью ее возделывания не предполагает еще исключительного права проходить по этой земле, и никакое подобное право не должно признаваться, разве что в степени, необходимой для того, чтобы защитить урожай от ущерба и личную жизнь владельца от вторжений. Поэтому попытка двух герцогов закрыть доступ в некоторые части шотландского нагорья [1848 г.] и лишить всех остальных людей многих квадратных миль гористой местности, ради того чтобы не тревожить диких животных, является злоупотреблением, так как она переходит законные границы права земельной

собственности. В тех случаях, когда земля не предназначается для возделывания, нельзя привести ни одного веского довода в пользу того, чтобы она вообще являлась частной собственностью; и если кому-либо дозволено называть землю своею, то такому человеку следует знать, что он владеет землей с молчаливого согласия общества и на предполагаемом условии, что его владение землей, поскольку оно не приносит, вероятно, остальным членам общества никакой пользы, по крайней мере и не лишит их известной выгоды, которую они смогли бы извлечь из этой земли, не будь она присвоена. Даже если речь идет о возделываемой земле, то и тогда человек, которому закон дозволяет владеть тысячами акров земли в качестве только ему принадлежащей доли, хотя он всего лишь один из миллионов людей, не имеет права думать, будто бы все это дано ему затем, чтобы он пользовался или злоупотреблял этой землей, поступал с нею так, как если бы это не касалось никого, кроме него самого. Рента и прибыли, которые он может получить от этой земли, находятся в его полном распоряжении; но что касается земли, то во всем, что он делает с нею, и во всем, что воздерживается с нею делать, он морально обязан соотносить свои интересы и прихоти с общественной пользой, а во всех тех случаях, когда это необходимо, его следовало бы и принуждать к этому в законодательном порядке. Человечество в целом по-прежнему сохраняет свое изначальное право на почву той планеты, которую оно населяет, в такой мере, в какой это право совместимо с целями, ради которых человечество поступилось остальным.

§ 7. Помимо собственности на продукт труда и собственности на землю, есть другие вещи, являющиеся или являвшиеся субъектами права собственности, хотя на них права собственности не должны распространяться вовсе. Но поскольку цивилизованный мир, в общем, составил мнение по этим вопросам, здесь нет необходимости останавливаться на них подробно. Прежде всего это собственность на человеческие существа. Почти излишне замечать, что этот институт не может иметь места в любом обществе, выдвигающем хоть какие-то притязания на то, что оно основано на справедливости или товариществе между людьми. Но хотя это учреждение и несправедливо, все-таки в тех случаях, когда государство ясным образом уза-

конило его, и на протяжении жизни нескольких поколений людей покупали, продавали и наследовали с санкции закона, уничтожить эту собственность, не дав за нее полной компенсации, — значит совершить другую несправедливость. Этого зла удалось избежать при осуществлении в 1833 г. великой меры справедливости, меры, являющейся как одним из добродетельнейших, так и одним из самых благотворнейших в практическом отношении деяний из всех, когда-либо свершенных каким-либо народом коллективно. Другими примерами собственности, которую не следовало бы учреждать, являются права собственности на общественные должности; так, например, на судебные должности, продававшиеся при старом режиме во Франции, или наследственные права юрисдикции, которые в странах, не вполне вышедших из феодализма, передаются наследнику вместе с землей. В Англии примерами такого рода являются право собственности на офицерские патенты в армии [1848 г.] и право жаловать церковные приходы, назначать приходских священников. Иногда создают собственность на право облагать население налогами — например, при предоставлении монополии или другой исключительной привилегии. Более всего эти злоупотребления распространены в полуварварских странах, но встречаются и в самых цивилизованных. Во Франции есть [1848 г.] некоторые важные ремесленные и профессиональные группы, в том числе нотариусы, поверенные, печатники и (до недавнего времени)¹³ пекари и мясники, численность которых ограничена законом. Патент или привилегия, предоставляемая человеку, который входит в разрешенное законом число занимающихся той или иной профессией, обуславливает высокую рыночную цену на его услуги. Если дело обстоит таким образом, то при уничтожении данной привилегии отказать в компенсации было бы, вероятно, несправедливо. Есть другие случаи, в которых решение вопроса о компенсации вызывает большие сомнения. В этих случаях его решение зависит от того, что при данных конкретных обстоятельствах следует считать достаточным основанием для признания права давности и было ли юридическое признание, которого удостоилось это злоупотребление, достаточным для превращения этого злоупотребления в институт или же это

---

¹³ [Это дополнение внесено в 5-е издание (1862 г.).]

признание было равносильно только временному разрешению. Было бы абсурдно требовать компенсации за убытки, понесенные вследствие изменений в таможенных тарифах, которые, как всем известно, меняются из года в год, или за монополии, подобные тем, какие Тюдоры даровали отдельным лицам — за милости, которые оказаны деспотической властью и которые оказавшая их власть была вправе и в состоянии отменить в любой момент.

Но довольно об институте собственности — предмете, рассмотреть который было необходимо в целях политической экономии, но при рассмотрении которого мы не могли ограничиться только экономическими соображениями. Теперь нам предстоит выяснить, на основе каких принципов и с какими результатами осуществляется распределение продукта земли и труда при отношениях, которые этот институт устанавливает между различными членами общества.

О КЛАССАХ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ РАСПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПРОДУКТ

§ 1. Предположив факт существования частной собственности, мы должны затем перечислить различные классы лиц, возвышению которых она способствует, содействие или по меньшей мере согласие которых необходимо для производства и которые поэтому могут ставить условием предоставление им известной доли продукта. Мы должны выяснить, в соответствии с какими законами распределяется продукт между этими классами в результате спонтанного действия интересов участвующих в распределении лиц; после чего возникнет вопрос о том, какие последствия имеют или могли бы иметь законы, учреждения или правительственные меры, направленные на устранение или изменение этого самопроизвольного распределения.

Весьма часто повторяется, что тремя неизменными условиями производства являются труд, капитал и земля, причем под капиталом разумеют средства и приспособления, представляющие собой накопленные результаты предшествовавшего труда, землю же понимают как материалы и орудия, предоставленные природой, независимо от того, содержатся ли они в недрах земли или же составляют ее поверхность. Поскольку каждый из этих элементов производства может быть присвоен по отдельности, обособленно, то можно считать, что производственное сообщество разделено на землевладельцев, капиталистов и производящих работников. Каждый из этих классов, как таковой, получает некоторую долю продукта; ни одно другое лицо и ни один другой класс не получают ничего, кроме того, что уступают им эти три класса. Остальная часть общества существует фактически за их счет, предоставляя им за это эквивалент, заключающийся в непроеизводительных услугах, если вообще предоставляется какой-либо эквивалент. Поэтому в политической экономии считают, что эти три класса составляют все общество.

§ 2. Но хотя эти три класса иногда существуют как обособленные, делящие между собою продукт классы, они

не обязательно и не всегда существуют в таком виде. В действительности дело обстоит столь противоположным образом, что едва ли найдется одно или два общества, в которых полное обособление этих классов является общим правилом. Англия и Шотландия, вместе с некоторыми частями Бельгии и Голландии — почти единственные в мире страны, в которых используемые в сельском хозяйстве земля, капитал и труд составляют, в общем, собственность различных лиц. Обычно один и тот же человек обладает либо двумя, либо всеми тремя обязательными элементами производства.

Положение, при котором одно и то же лицо владеет всеми тремя необходимыми для производства элементами, охватывает две существующие в современном обществе крайности, касающиеся независимости и человеческого достоинства класса трудящихся. Первая из них имеет место тогда, когда сам трудящийся является собственником. Это — обыкновеннейший случай в северных штатах Американского Союза, один из самых распространенных случаев во Франции, Швейцарии, трех скандинавских королевствах и некоторых частях Германии* и обычный случай в неко-

* «В полученном из Норвегии отчете, — как свидетельствуют члены парламентской комиссии по изучению действия закона о вспомоществовании бедным, собравшие информацию почти из всех европейских стран, — констатируется, что по последней переписи населения в 1825 г. из 1 051 318 жителей 59 464 человека были фригольдерами. Так как под этими 59 464 фригольдерами следует понимать 59 464 главы семейств, или приблизительно 300 тыс. человек, то фригольдеры должны составлять более четверти всего населения. Макгрегор утверждает, что в Дании (считая, вероятно, и Зеландию с прилегающими к ней островами) из 926 110 жителей 415 110 человек, или почти половину, составляют землевладельцы и фермеры. В Шлезвиг-Гольштейне из 604 085 жителей 196 017, или около $\frac{1}{3}$ населения, составляют землевладельцы и фермеры. По Швеции доля землевладельцев и фермеров во всем населении не дана; но в отчете, присланном из Стокгольма, количество земли, приходящееся в среднем на каждое жилище рабочего, оценено в 1—5 акров; и хотя в отчете, присланном из Гётеборга, приведена более низкая оценка, в нем указывается, что крестьяне имеют много земли. Нам сообщают, что в Вюртемберге $\frac{2}{3}$ трудящегося населения являются собственниками своих жилищ и что почти все имеют огороды площадью от $\frac{3}{4}$ акра до 1,5 акра». В некоторых из этих сообщений не проведено различие между землевладельцами и фермерами; но «все отчеты сходятся в том, что констатируют наличие очень малого количества поденщиков» («*Preface to Foreign Communications*», р. XXXVIII). Что касается общего статуса трудящихся, то положение наемного работника характерно [1848 г.] почти исключительно для Великобритании.

торых частях Италии и Бельгии. Несомненно, во всех этих странах существуют крупные земельные владения, и еще больше число таких земельных владений, которые, не будучи крупными, требуют эпизодической или постоянной помощи наемных работников. Однако много земли принадлежит собственникам, которые владеют участками, слишком малыми для того, чтобы их обработка требовала еще какого-то другого труда, кроме труда крестьянина и членов его семьи, или хотя бы полностью поглощала даже этот труд. Используемый в таких хозяйствах капитал не всегда принадлежит крестьянину — собственнику земли, многие собственники этих мелких земельных владений закладывают их для того, чтобы получить средства для возделывания; но крестьянин вкладывает этот полученный под залог своей земли капитал в дело на собственный страх и риск, и, хотя платит процент за пользование ссудой, закладная никому не дает никаких прав вмешательства, за исключением разве что права со временем завладеть заложенной землей, если крестьянин прекратит выплачивать ссудный процент.

Другим примером положения, при котором земля, труд и капитал принадлежат одному и тому же лицу, служат рабовладельческие страны, в которых сами работники являются собственностью землевладельца. Наши вест-индские колонии до освобождения там рабов и производящие сахар колонии тех стран, которые все еще не совершили [1848 г.] аналогичного акта справедливости, дают примеры крупных сельскохозяйственных и промышленных предприятий (производство сахара и рома представляет собой комбинацию сельскохозяйственного и промышленного труда), в которых земля, фабрики (если их можно так назвать), машины и низведенные до жалкого состояния работники — все является собственностью капиталиста. В этом случае, как и в его крайней противоположности — случае крестьянина-собственника, — раздел продукта не происходит.

§ 3. В случае, когда все три необходимых для производства элемента не являются собственностью одного лица, часто оказывается, что одно лицо владеет двумя такими элементами. Иногда одно и то же лицо владеет капиталом и землей, но не имеет рабочей силы. Такой землевладелец вступает в соглашение непосредственно с

работником, предоставляя ему полностью или частично необходимый для возделывания земли инвентарь. Эта система обычна в тех частях континентальной Европы, в которых трудящиеся, не будучи, с одной стороны, крепостными, не являются, с другой стороны, и собственниками. Она была очень распространена во Франции до революции и все еще широко практикуется в некоторых районах этой страны в тех случаях, когда земля не является собственностью того, кто ее обрабатывает. Эта система, в общем, преобладает в подобных Маремме в Тоскане и римской Кампанье равнинных районах Италии, за исключением тех из них, которые являются преимущественно скотоводческими. При такой системе продукт делится между двумя классами — землевладельцами и работниками.

Существуют другие случаи, когда работник не имеет земли, но является собственником того небольшого инвентаря, который используется для обработки земли и который землевладелец не имеет обыкновения предоставлять арендатору. Эта система, в общем, преобладает [1848 г.] в Ирландии. Она является почти господствующей системой в Индии и большинстве стран Востока, в которых правительство либо сохраняет за собой собственность на землю (как оно обычно и поступает), либо допускает превращение земельных наделов в абсолютную или ограниченную собственность отдельных лиц. В Индии, однако, дела обстоят настолько лучше, нежели в Ирландии, что землевладелец обычно предоставляет своим арендаторам ссуды, если те не в состоянии обрабатывать землю без ссуд. За эти ссуды туземный землевладелец обычно взysкивает высокие проценты; но главный землевладелец — правительство — предоставляет беспроцентные ссуды, возвращая затраченные на них средства после сбора урожая, вместе с арендными платежами. В данном случае, как и раньше, продукт делится между теми же двумя классами — землевладельцами и работниками.

В классификации групп, между которыми распределяется продукт сельскохозяйственного труда, имеются существенные вариации. В промышленности всегда действуют не более чем два класса — рабочие и капиталисты. Во всех странах первыми ремесленниками были или рабы, или входившие в состав семей женщины. В промышленных заведениях древних, независимо от того, были ли эти заведения крупными или мелкими, работники обычно яв-

лялись собственностью капиталиста. В общем, если какой-то физический труд и считали совместимым с достоинством свободного человека, то это был только труд в сельском хозяйстве. Противоположная система, при которой капитал был собственностью работника, возникла одновременно со свободным трудом, и именно при этой системе промышленность добилась первых своих великих достижений. Ремесленник, владея своим ткацким станком или теми немногими инструментами, которыми он пользовался, работал ради своей собственной пользы или по крайней мере достигал такого положения, хотя обычно в течение некоторого определенного числа лет он трудился на других — сначала как ученик, а затем как квалифицированный, работающий за плату подмастерье, прежде чем получал разрешение стать мастером. Но в средневековых цехах и гильдиях не было статуса постоянно работающего по найму квалифицированного подмастерья, который бы всю жизнь был наемным работником и более ничем. В деревнях, где плотнику или кузнецу доходы от его предприятия не позволяют и самому кормиться, и в то же время давать средства к существованию наемным работникам, такой ремесленник и поныне сам себе работник; в сходных обстоятельствах лавочники и лавочницы сами себе приказчики и приказчицы. Но везде, где это позволяют масштабы рынка, в настоящее время прочно установилось различие между классом капиталистов, или нанимателями рабочей силы, и классом работников, причем капиталисты, в общем, не вносят со своей стороны никакого иного труда, кроме труда по управлению и надзору. .

О КОНКУРЕНЦИИ И ОБЫЧАЕ

§ 1. В условиях господства частной собственности раздел продукта обусловлен двумя определяющими факторами: конкуренцией и обычаем. Важно установить величину влияния, оказываемого каждым из этих факторов, и то, каким образом действие одного из них изменяется под влиянием другого.

Политэкономы вообще, а английские в особенности, привыкли придавать почти исключительное значение первому из этих факторов, в малой мере учитывая влияние другого — и противоположного — принципа. Они склонны выражаться так, как будто думают, что конкуренция действительно всегда совершает то, к свершению чего она имеет тенденцию в теории. Отчасти это становится понятным, если принять во внимание, что лишь благодаря принципу конкуренции политическая экономия имеет право притязать на научный характер. В той мере, в какой размер ренты, прибыли, заработная плата и цены определяются конкуренцией, для них можно установить законы. Предположив, что конкуренция является единственным регулятором ренты, прибылей, заработной платы и цен, можно сформулировать довольно общие и обладающие научной точностью принципы, в соответствии с которыми будут регулироваться ренты и т. д. Политэконом справедливо считает это своим прямым делом; и от политической экономии, как от абстрактной, или гипотетической, науки, нельзя требовать, чтобы она сделала нечто большее, да на большее она и неспособна. Но предполагать, будто бы конкуренция на самом деле имеет столь неограниченную силу, значило бы придерживаться совершенно превратного представления о действительном ходе человеческих дел. Я не говорю об естественных или искусственных монополиях или о каком-либо вмешательстве власти в свободный ход производства или обмена. Политэкономы все-

гда принимают во внимание подобные нарушающие действие конкуренции причины. Я говорю о тех случаях, в которых действие конкуренции ничем не ограничено, в которых конкуренция не встречает никаких помех ни в сущности дела, ни в искусственных препятствиях, но в которых результат определяется все-таки не конкуренцией, а обычаем или привычкой, а конкуренция либо вовсе не имеет места, либо проявляется образом, совершенно отличающимся от того, какой обычно считают для нее естественным.

§ 2. В сущности, принципом, в сколько-нибудь значительной степени регулирующим соглашения экономического характера, конкуренция стала лишь со сравнительно недавнего времени. Чем глубже заглядываем мы в прошлое, тем более значительно влияние установившихся обычаев на все сделки и обязательства. Причина тому очевидна. Обычай — самый могущественный защитник слабых от сильных; единственный их защитник там, где нет законов или правительства, которые способны предоставить им защиту. Обычай — это преграда, которую в какой-то мере вынуждена уважать тирания даже тогда, когда люди повержены в состояние крайнего угнетения. Свобода конкуренции — пустой звук для трудящегося населения, живущего в бурном военном обществе; в таком обществе трудящиеся никогда не смогут установить условия своего труда в соответствии с этим принципом; здесь всегда есть господин, кладущий на весы свой меч и предписывающий условия по своему желанию. Но хотя вопросы и решаются по праву сильнейшего, не в интересах и вообще не в правилах сильнейшего использовать это право до предела, и каждое смягчение этого права имеет тенденцию превращаться в обычай, а каждый обычай имеет тенденцию превращаться в право. И не конкуренция в какой-либо форме, а возникающие таким образом права определяют при примитивном состоянии общества ту долю продукта, которой пользуются создавшие продукт люди. Более конкретный пример — отношения между землевладельцем и земледельцем, и платежи земледельца землевладельцу определяются на всех стадиях общественного развития, кроме самой новейшей, обычаем страны. До

недавних времен условия пользования землей никогда не были (как общее правило) делом конкуренции. Широко распространено было мнение о том, что временный владелец земли имеет право сохранять свое владение, пока выполняет установленные обычаем требования, становясь, таким образом, в известном смысле совладельцем этой земли. Даже там, где такой владелец не приобрел права постоянной аренды, условия пользования землей зачастую были твердо установленными и неизменными.

Например, в Индии и других азиатских обществах со сходным устройством райоты, или поселяне-фермеры, не считаются арендаторами, не имеющими подписанного договора с землевладельцем, или даже арендаторами, пользующимися землей в течение определенного срока в соответствии с таким договором. Действительно, в большинстве деревень есть некоторое число райотов, находящихся в таком непрочном положении, но это люди, поселившиеся в этих деревнях в известный, сравнительно недавний период, или же их потомки; за теми, кого считают потомками или представителями первопоселенцев, и даже за многими простыми арендаторами, исстари занимающими свои наделы, признано право сохранять свои земли до тех пор, пока они выплачивают установленную обычаем ренту. Правда, в большинстве случаев отсутствует ясность в вопросе о том, как велика эта рента и какой она должна быть: узурпация, тирания и иноземное господство в значительной мере уничтожили касающиеся этого свидетельства. Но когда старое и чисто индусское княжество подпадает под власть британского правительства или под управление его чиновников и начинается подробное изучение системы доходов этого княжества, обычно обнаруживают, что, хотя требования главного землевладельца — государства — разбухли вследствие фискальной алчности так, что все пределы этим требованиям практически исчезли из виду, все же для каждого нового увеличения чрезмерных поборов считалось необходимым придумывать особое название и особый предлог, поэтому государство требовало иной раз в дополнение к номинальной ренте еще 30 или 40 различных иных платежей. Не вызывает сомнений, что к такому окольному способу увеличения платежей не прибегали бы, если бы землевладелец имел признанное право увеличивать ренту. Употребление этого

способа служит доказательством тому, что некогда существовало эффективное ограничение платежей и настоящая обычная рента и что подразумеваемое право райота на пользование землей, пока он в соответствии с обычаем платит ренту, некогда в прошлом было реальным, а не формальным *. Британское правительство Индии всегда упрощает порядок держания земли, консолидируя различные повинности крестьян в одну подать и тем самым превращая ренту как формально, так и фактически в произвольный предмет или по меньшей мере вопрос, подлежащий конкретному соглашению, но оно строжайшим образом уважает право райота на землю, хотя до реформ, осуществленных нынешним поколением (реформ, даже теперь лишь частично исполненных), оно редко оставляло райоту больше того, что едва составляло необходимое для поддержания жизни пропитание ¹.

В Европе нового времени земледельцы постепенно вышли из состояния личного рабства. Завоевавшие Западную империю варвары нашли, что легчайший способ управления завоеванным — оставить земли в руках их прежних жителей, а легчайший способ избавиться от столь противного труда, как надзор за толпами рабов, — разрешить рабам некоторую свободу действий под обязательство снабжать господина провизией и работать на него. Обычным для достижения этой цели способом было предоставление крепостному в его исключительное пользование такого количества земли, какое считалось достаточным для его пропитания, и принуждение его к труду на землях господина, когда в том была потребность. Постепенно эти неопределенные обязанности были трансформированы в одну определенную повинность — предоставлять твердо установленное количество продуктов или труда; и поскольку со временем господа стали склонны употреблять свои доходы скорее на покупку предметов роскоши,

---

* Своды древнеиндусских законов упоминают в качестве должной ренты иногда $\frac{1}{6}$, иногда $\frac{1}{4}$ продукта; но нет доказательств тому, что в какой-либо период истории действительно на практике руководствовались изложенными в этих сборниках правилами.

¹ [Так пачиная с 6-го издания (1865 г.). Первоначальный (1848 г.) текст был таков: «...хотя оно редко оставляет ему намного больше того, что едва составляет необходимое для жизни пропитание».]

нежели на содержание свиты, натуральные платежи были заменены платежами денежными. Каждая уступка, которую господин поначалу делал добровольно и мог отменить по своей прихоти, постепенно приобретала силу обычая и в конце концов получала признание судов, которые обеспечивали ее проведение в жизнь как закона. Именно таким образом сервы постепенно возвысились до положения лично свободных арендаторов, державших свои земли в вечном пользовании на строго определенных условиях. Последние иногда были очень тяжелыми, и народ пребывал в весьма бедственном положении. Но его повинности определялись обычаем или законом страны, а не конкуренцией.

Там, где земледельцы никогда не были, строго говоря, лично зависимыми от господ, или после того, как их личная зависимость от господ прекратилась, насущные потребности бедного и малоразвитого общества породили другую систему, которую в некоторых, даже весьма передовых частях Европы находят достаточно выгодной, чтобы сохранять ее и по сегодняшний день. Я говорю о системе половничества, *испольщина*. При этой системе земля разделена на мелкие хозяйства, принадлежащие отдельным семьям, причем землевладелец обычно предоставляет инвентарь, считающийся необходимым с точки зрения существующей в стране сельскохозяйственной системы, и получает вместо ренты и прибыли определенную часть продукта. Эта часть, обычно выплачиваемая натурой, составляет, как правило (и как предполагают слова *métayer*, *mezzaiuolo* и *medietarius*), половину продукта. Существуют, впрочем, места, такие, как Неаполитанская провинция с ее богатыми вулканическими почвами, где землевладелец берет себе две трети продукта, и все-таки землевладелец благодаря превосходному сельскому хозяйству умудряется прожить. Но составляет ли доля землевладельца две трети или половину продукта — это твердо установленная доля, неизменная для всех ферм и всех арендаторов. Обычай страны является универсальным правилом, и никто не помышляет повышать или понижать ренту или сдавать землю в аренду на иных, нежели обычные, условиях. Как регулятор ренты конкуренция не существует.

§ 3. Цены, если только нет монополии, гораздо раньше подпадают под влияние конкуренции и в гораздо большей

степени подчинены ей, нежели ренты; но это влияние никоим образом, даже при нынешней активности торговой конкуренции, не является столь абсолютным, как иногда полагают. В политической экономии нет тезиса, который встречался бы чаще, чем тезис о том, что на одном и том же рынке не может быть двух различных цен. Действительно, таков естественный результат неограниченной конкуренции; и все же каждому известно, что на одном и том же рынке почти всегда² имеются две цены. Не только в каждом большом городе и почти в каждой отрасли торговли имеются дешевые и дорогие лавки, но и в одной и той же лавке один и тот же товар зачастую продают разным покупателям за разную цену; и, в общем, каждый розничный торговец приводит масштаб цен в соответствие с предполагаемой категорией покупателей. В оптовой торговле основными товарами действительно господствует конкуренция. Там как покупатели, так и продавцы — это купцы или промышленники, закуски которых не подвержены влиянию праздности или вульгарной погони за внешней красотостью, но являются деловыми сделками. Поэтому для оптовых рынков тезис о том, что не бывает двух цен на один и тот же товар в одно и то же время, справедлив: в каждом месте в данное время есть рыночная цена, которую можно указать в прейскуранте. Но розничная цена, цена, которую уплачивает подлинный потребитель, по-видимому, очень медленно и весьма неполно поддается воздействию конкуренции; и даже в тех случаях, когда в розничной торговле все же есть конкуренция, она зачастую, вместо того чтобы снижать цены, приводит попросту к разделу прибылей от высокой цены между большим числом торговцев. Поэтому-то столь значительная часть уплачиваемой потребителем цены поглощается прибылью розничных торговцев; и всякий, кто поинтересуется тем, какая часть цены досталась людям, сделавшим купленные им вещи, часто будет удивлен ее ничтожностью. Правда, если рынок, будучи большим городом, дает крупным капиталистам достаточный стимул к занятию розничной торговлей, то, в общем, обнаружи-

---

² [Эти слова в 3-м издании (1852 г.) заменили стоявшие в первоначальном тексте слова «очень часто».]

вается, что лучшим спекулятивным методом разворачивания крупного дела является подрыв позиций конкурентов посредством продажи товаров по более низким ценам, а не просто раздел сферы деятельности с другими. Такое влияние конкуренции становится все более и более ощутимым в основных отраслях розничной торговли в больших городах; и быстрота, и дешевизна перевозок, уменьшая зависимость потребителей от торговцев, действующих непосредственно в окрестностях тех мест, где они проживают, ведут ко все большему уподоблению всей страны большому городу; но до сих пор [1848 г.] лишь в крупных деловых центрах розничные цены были определены главным образом или хотя бы в значительной мере конкуренцией. В прочих местах конкуренция либо не действует вовсе, либо же если и действует, то лишь вызывая временное колебание цен; привычным регулятором цен является обычай, время от времени изменяемый существующими в умах покупателей и продавцов представлениями о какой-то справедливости или сообразности цен.

Во многих отраслях торговли условия торговой деятельности определены положительной договоренностью между подвизающимися в данной отрасли торговли предпринимателями, которые используют всегда находящиеся в их распоряжении средства, чтобы сделать неудобным или неприятным положение любого члена своей корпорации, отступающего от установленных обычаев. Хорошо известно, что одной из таких отраслей до недавнего времени была книготорговля и что, несмотря на действующий в ней дух активного соперничества, конкуренция не дала своего естественного эффекта, заключающегося в разрушении установленных обычаем правил книготорговли³. Во всех свободных профессиях вознаграждение регулируется обычаем. Гонорары, получаемые врачами, хирургами, адвокатами, почти одинаковы для всех врачей, хирургов и т. д. Эта неизменность вознаграждений обусловлена, разумеется, не недостаточной конкуренцией между представителями этих профессий, но тем, что действие конкурен-

---

³ [До 4-го издания (1857 г.) текст был таков: «...одной из таких отраслей была книготорговля... конкуренция не дает» и т. д.]

ции проявляется в сокращении шансов каждого конкурента на получение вознаграждения, а не в снижении размеров самих вознаграждений.

Поскольку обычай столь успешно удерживает свои позиции в борьбе с конкуренцией даже там, где вследствие многочисленности конкурентов и общей энергии, проявляемой в погоне за прибылью, ее дух наиболее силен, можно с уверенностью полагать, что господство обычая еще более прочно там, где люди довольствуются меньшими денежными барышами, не столь дорожа ими по сравнению со своим покоем или своими удовольствиями. Я думаю, в странах континентальной Европы нередко можно найти, что в одних местах цены на некоторые или все товары и услуги гораздо выше, нежели в других, не столь уж отдаленных от первых, причем эту разницу невозможно объяснить какой-либо иной причиной, кроме той, что так было всегда: покупатели привыкли к этому и не протестуют. Предприимчивый конкурент, обладающий достаточным капиталом, мог бы сбить цены, нажив при этом состояние, но предприимчивых конкурентов нет, люди, располагающие капиталом, предпочитают оставлять его там, куда он инвестирован, или же получать меньшую прибыль более спокойным образом.

Эти замечания следует принять в качестве общей коррективы, которую надлежит прилагать ко всем касающимся действия конкуренции выводам, содержащимся в последующих частях данного трактата, независимо от того, напоминает автор об этой коррективе или нет. Вообще мы должны рассуждать так, как будто конкуренция действительно дает свои известные и естественные эффекты во всех случаях, когда ее действие не ограничено каким-либо положительным препятствием. Но в тех случаях, когда конкуренция не существует, хотя могла бы существовать, или когда она существует, однако ее естественные последствия преодолены воздействием какого-то иного фактора, наши выводы в большей или меньшей мере окажутся неприменимыми. Для того чтобы избежать ошибки, мы должны, применяя выводы политической экономии к событиям реальной жизни, учитывать не только то, что произойдет при воображаемом условии максимального господства конкуренции, но и то, насколько изменится результат, если господство конкуренции будет неполным.

Первыми по порядку, в котором будут рассмотрены и оценены различные состояния экономических отношений, стоят те из них, в которых конкуренция не играла никакой роли и в которых арбитром сделок были либо грубая сила, либо установившийся обычай. Эти состояния и будут предметом следующих четырех глав.

ГЛАВА V

О РАБОВЛАДЕНИИ

§ 1. Среди форм, принимаемых обществом под воздействием института собственности, есть, как я уже отмечал, две таких, которые, будучи совершенно различны во всем остальном, схожи, однако, в том, что собственность на землю, труд и капитал сосредоточена в одних руках. Одной из этих форм является рабовладение, другой — крестьянская собственность на землю. В первом случае землевладелец владеет работниками как своей собственностью, во втором — работник является собственником земли. Начнем с рассмотрения первой из этих форм.

При этой системе весь продукт принадлежит землевладельцу. Пропитание и другие жизненные потребности его работников составляют часть его издержек. Работники не владеют ничем, кроме того, что рабовладелец считает необходимым им дать, да и этим они владеют лишь до тех пор, пока рабовладельцу не заблагорассудится отобрать то, что дано рабам; и работают они настолько напряженно, насколько желает того рабовладелец — или насколько он в состоянии принудить их. Пределом их убожества служит лишь человечность господина или его финансовые интересы. В данном случае мы не касаемся первого из указанных моментов, характеризующих положение рабов. Какое отношение рабовладельца к рабам может продиктовать второй момент — зависит от возможностей ввоза новых рабов. Если взрослых здоровых рабов можно получать в достаточном числе и ввозить при умеренных издержках, своекорыстие будет толкать рабовладельцев к тому, чтобы изнурять рабов трудом до смерти, заменяя погибших вновь ввозимыми и отдавая ввозу предпочтение перед длительным и дорогостоящим процессом их естественного размножения. И нельзя сказать, чтобы рабовладельцы, в общем, плохо усвоили эту истину. Известно, что именно такова была практика в наших рабовладельческих колониях, пока работорговля была разрешена законом, и,

говорят, такова по-прежнему практика рабовладельцев на Кубе¹.

В тех случаях, когда приток рабов на рынок можно было обеспечить только за счет военнопленных или похищенных из отдаленных, скудно заселенных рассеянными племенами районов известного мира, более выгодным, в общем, оказывалось поддерживать численность рабов посредством их естественного размножения, которое требовало гораздо лучшего обращения с ними; и по этой причине, вкупе с некоторыми другими, положение рабов в Древнем мире, несмотря на случавшиеся время от времени гнусности, было, вероятно, гораздо менее скверным, нежели положение рабов в колониях стран нового времени. Обычно в качестве примера самой страшной формы личного рабства приводят илотов, однако, сколь мало правды в этом примере, явствует из того факта, что они имели определенное вооружение (хотя и не располагали доспехами гоплитов) и составляли неотъемлемую часть военной силы государства. Несомненно, они были низшей и поставленной в жалкое положение кастой, но их рабство представляется одной из наименее тягостных разновидностей личной зависимости работника от господина. Более жуткую окраску рабовладение приобретает у римлян в тот период, когда римская аристократия жадно предавалась разграблению только что завоеванного мира. Римляне были жестоким народом, и их никчемная знать забавлялась с жизнью мириадом принадлежавших ей рабов с той же безрассудной щедростью, с какой проматывала любую другую часть своих несправедливо обретенных богатств. И все же рабство избавлено от одной из самых худших своих черт, когда оно совместимо с надеждой; освобождение от рабской зависимости было легким и обычным делом; вольноотпущенники сразу же получали полные права гражданства, и были случаи, когда они приобретали не только богатство, но под конец жизни удостаивались даже почестей. По мере развития более гуманного законодательства при императорах рабу в значительной степени была предоставлена защита закона: он получил право владеть собственностью, и зло рабства в целом приняло более мяг-

---

¹ [Первоначальный текст был следующий: «...и в тех штатах Американского Союза, которые получают регулярный приток негров из других стран». Эти слова были опущены в 4-м издании (1857 г.).]

кую форму. Однако до тех пор, пока рабство не приобретает смягченной формы вилланства, при которой рыбы не только обладают собственностью и юридическими правами, но и их повинности в большей или меньшей мере ограничены обычаем, и они частично трудятся ради собственной выгоды, их положение редко таково, чтобы вызвать стремительный рост как населения, так и производства².

§ 2. До тех пор пока страны, в которых допускается рабство, мало заселены по сравнению с площадью пригодных для возделывания земель, труд рабов, при любом сколько-нибудь сносном управлении им, дает гораздо больше продукта, чем необходимо для их содержания; в особенности постольку, поскольку сильный надзор, которого требует их труд, предотвращая разобщенность населения, обеспечивает некоторые преимущества объединенного труда. Следовательно, при наличии хороших земель и климата и умеренной заботы о собственных интересах владельца большого числа рабов располагает средствами к тому, чтобы разбогатеть. Однако воздействие такого состояния общества на производство совершенно очевидно. Утверждение о том, что труд, вымогаемый под страхом наказания, неэффективен и непроизводителен, является truизмом. Действительно, в некоторых обстоятельствах людей можно заставить кнутом попытаться совершить то, за что они не взялись бы ни за какую плату, которую мог бы предложить им работодатель без ущерба для своих интересов. И вполне вероятно, что производственные операции, требующие значительного объединения усилий, как, например, производство сахара, не получили бы столь бы-

---

² [Слова «так и производства» были внесены в 3-е издание (1852 г.), причем был опущен следующий отрывок первоначального текста: «Это (т. е. медленный рост населения. — *Прим. англ. изд.*) не может объясняться материальной скудностью, ибо не было рабов, пища, одежда и жилье которых были бы хуже, чем у свободного ирландского крестьянина. Обычно причиной этого считают огромную диспропорцию между полями, которая почти всегда существует тогда, когда рабов не разводят, а ввозят; однако эта причина не может быть единственной, поскольку негритянское население наших вест-индских колоний оставалось почти постоянным после того, как ввоз рабов в эти колонии был пресечен. Каковы бы ни были причины этого явления, рабское население редко является быстрорастущим населением». Текст следующего предложения был слегка изменен в соответствии с этими поправками.]

строгое распространения в американских колониях, не будь рабовладения, удерживающего сосредоточенные массы работников воедино. Есть также дикие племена, которые питают такое отвращение к постоянному труду, что у них едва ли может установиться производственная жизнь прежде, чем либо их завоюют и обратят в рабство, либо же они станут завоевателями и обратят в рабство других. Но при всей справедливости этих соображений остается очевидным, что рабовладение несовместимо со сколько-нибудь высоким уровнем развития ремесел и знаний и сколько-нибудь значительной эффективностью труда. Ибо рабовладельческие страны для удовлетворения своих потребностей во всех товарах, при производстве которых необходимо высокое мастерство, обычно³ зависят от других стран. Безнадежное рабство отупляет и опрубляет ум; сообразительность рабов, хотя ее часто поощряли в Древнем мире и на Востоке, на более высокой ступени общественного развития является источником столь серьезной опасности и предметом, вызывающим у рабовладельцев такой страх, что в некоторых штатах Америки учить раба считалось весьма строго наказуемым уголовным преступлением⁴. Все производственные процессы, выполняемые рабами, осуществляются примитивнейшим и самым несовершенным образом. Даже физическая сила раба используется в среднем менее чем наполовину. Непроизводительность и расточительность производственной системы в рабовладельческих государствах поучительным образом показаны в ценных сочинениях Олмстеда⁵. Самой мягкой формой рабства является, конечно же, положение крепостного, который, будучи прикреплен к земле, обеспечивает себя продуктами со своего надела и отрабатывает определенное число дней в неделю на своего господина. Приведем, однако, лишь одно из мнений о крайней неэффективности крепостного труда. Цитируемый далее отрывок взят из «Эссе о распределении богатства» (являющегося, ско-

---

³ [Слово «обычно» заменило в 3-м издании (1852 г.) слово «всегда».]

⁴ [До 6-го издания (1865 г.) указание было неопределенным— «в некоторых странах является». В 7-м издании (1871 г.) слово «является» превратилось в «было».]

⁵ [Это предложение внесено в 6-е издание (1865 г.).]

рее, эссе о ренте) профессора Джонса *, сочинение которого представляет собой богатейшее собрание ценных фактов, относящихся к системам землевладения в различных странах.

«Русские или, скорее, те немецкие авторы, которым довелось наблюдать русские нравы и обычаи, сообщают по этому вопросу некоторые поразительные факты. Они говорят, что два косца из графства Мидлсекс накосят за день столько же травы, сколько скашивают за день шесть русских крепостных, и что, несмотря на дороговизну продовольствия в Англии и его дешевизну в России, заготовка какого-то количества сена, которая обошлась бы английскому фермеру в полушку, русскому помещику будет стоить три или четыре копейки **. Как считается, Якоб, статский советник из Пруссии, доказал, что в России, где все дешево, труд крепостного вдвое дороже, чем труд работника в Англии. Шмальц, основываясь на собственном опыте и личных наблюдениях, дает удивительный отчет о непроизводительности крепостного труда в Пруссии ***. В Австрии определенно утверждают, что труд крепостного эквивалентен всего лишь одной трети труда свободного наемного работника. Эти расчеты, сделанные в одной талантливой работе по сельскому хозяйству (кое-какими извлечениями из которой мне было разрешено воспользоваться), приложены к решению практической задачи по определению числа работников, необходимых для обработки земли в поместье некоторой данной величины. Действительно, отрицательное воздействие барщины на трудолюбие сельского населения столь очевидно, что в самой Австрии, в которой предложения в пользу каких-либо изменений нелегко пролагают себе дорогу, проекты и планы замены барщины пользуются такой же популярностью, как и в более динамичных северогерманских областях» ****.

---

* "Essay on the Distribution of Wealth and on the Sources of Taxation". By the Rev. Richard Jones, p. 50 (с. 43 в переиздании этой работы, сделанном в 1895 г. под названием "Peasant Rents").

** Schmalz. *Economie Politique*. French translation, vol. I, p. 66.

*** Ibid., vol. II, p. 107.

**** Венгерское революционное правительство в период своего краткого существования даровало своей стране одно из самых величайших благ, какое она только могла получить, благо, отнять которое пришедшая на смену этому правительству тирания не

То, чего недостает в качестве самого труда, нельзя восполнить никаким совершенством управления и надзора. Как замечает тот же автор*, землевладельцы «необходимым образом, как хозяева собственных поместий, являются единственными наставниками и руководителями усердия сельского населения», поскольку там, где работники являются собственностью господина, между господином и работниками нет места какому-то промежуточному классу капиталистов-фермеров. Крупные землевладельцы везде образуют праздный класс или же, если они все-таки трудятся, то только там, где труд включает в себе наиболее захватывающие занятия и где они могут получить львиную долю, которую господа всегда сохраняют за собой. Как замечает Джонс, «безнадежно и неразумно было бы ожидать, что благородные землевладельцы, со всех сторон опражденные привилегиями и титулами и привлекаемые к военной и политической карьере присутствием их положению преимуществами и привычками, когда-нибудь в целом превратятся в заботливых, рачительных земледельцев». Всякий может судить о том, каковы были бы результаты, если бы даже в Англии обработка земли в каждом поместье зависела бы от его владельца. Тогда мы имели бы несколько примеров большой учености и энергии и многочисленные примеры скромных успехов в ведении собственных хозяйств, но общее состояние сельского хозяйства было бы жалким.

§ 3. Понесут ли сами землевладельцы убытки от освобождения принадлежащих им рабов — это другой вопрос, отличный от вопроса о сравнительной общественной эффективности свободного и рабского труда. Рассмотрению этого вопроса в его отвлеченной форме посвящено много рассуждений — как будто эти абстрактные рассуждения дают возможность прийти к какому-то универсальному решению. Какой труд будет наиболее выгодным предпринимателю — рабский или свободный, — зависит от размера заработков свободных работников. Размеры же этих заработков зависят от численности трудящегося насе-

осмелилась, — оно освободило крестьянство от остатков крепостнических уз, от барщины, декретировав, предоставление землевладельцам компенсации за счет государства, а не освобожденных крестьян.

* Jones. Op. cit., p. 53, 54 ("Peasant Rents", p. 46, 47).

ния, взятой по отношению к капиталу и земле. Вообще наемный труд настолько эффективнее рабского, что предприниматель может выплатить в виде заработков гораздо более значительную сумму, чем та, в которую ему прежде обходилось содержание рабов, и все-таки извлечь пользу из этой перемены, но он не может увеличивать заработки беспрестанно. Упадок крепостничества в Европе и уничтожение этого института в западноевропейских странах, безусловно, были ускорены теми изменениями, которые непременно должен был вызвать рост населения в материальной заинтересованности хозяина. По мере того как стал ощущаться недостаток земли, вызванный ростом населения, содержание крепостных при отсутствии каких-либо улучшений в сельском хозяйстве неизбежно становилось все более дорогостоящим, а их труд — все менее ценным. При тех ставках заработной платы, какие существуют в Ирландии или в Англии (где труд пропорционально его эффективности так же дешев, как в Ирландии), никому ни на миг не придет в голову, что рабство могло бы оказаться прибыльным. Будь ирландские крестьяне рабами, их владельцы платили бы крупные суммы просто за то, чтобы избавиться от них, с такой же готовностью, как делают теперь [1848 г.] их землевладельцы. Столь же мало сомнений вызывает и то, что на богатых и недостаточно населенных землях вест-индских островов при сопоставлении прибылей, сулимых свободным и рабским трудом, опромный перевес был на стороне рабства и что компенсация, предоставленная рабовладельцам за уничтожение рабства, была не более, а скорее менее⁶, чем эквивалент за понесенные ими убытки.

Здесь нет необходимости говорить еще что-либо по столь полно изученному и определенно решенному вопросу, каким является вопрос о рабстве⁷. Недостатки рабства

---

⁶ [До 5-го издания (1862 г.) было «по всей вероятности, меньше».]

⁷ [Публикуемый вариант окончания этого параграфа был написан для 6-го издания (1865 г.). Первоначальный текст (1848 г.) был таков: «Любопытно узнать, как долго прочие страны, имеющие рабовладельческие колонии, будут довольствоваться своим отставанием от Англии в деле, имеющем столь великую важность, как для справедливости, которая в настоящее время решительно не является модной добродетелью, так и для филантропии, которая, несомненно, является таковой. Европа, проявляя терпимость по отношению к этой чудовищной мерзости, имеет гораздо мень-

не требуют более доказательств; хотя настроения, проявленные большей частью влиятельных классов в Великобритании по отношению к развернувшейся в Америке борьбе, показывают, сколь прискорбным образом чувства и мнения, питаемые нынешним поколением [1865 г.] англичан по этому вопросу, отстали от положительных деяний поколения, предшествовавшего им. То, что дети освободителей вест-индских негров благодушно ожидали становления крупного и могущественного военного государства, принципы которого обязывали его, а самые сильные интересы толкали к тому, чтобы стать вооруженным распространителем рабства в любом районе мира, куда могла бы проникнуть его мощь, и поощряли это своими симпатиями, обнаруживает такое состояние умов в ведущей части наших высших и средних классов, какое печально видеть и какое долгое время будет лежать пятном на истории Англии. К счастью, они не дошли до того, чтобы действительно помогать чем-либо, кроме слов, тому нечестивому предприятию, которому они не стыдились желать успеха; и ценой крови лучших сынов свободных штатов — но к неизмеримому возвышению интеллектуального и нравственного достоинства этих штатов — прокля-

---

ше оправданий, нежели Америка, ибо могла бы избавиться от нее с неизмеримо большей легкостью. Я говорю о рабстве негров, а не о крепостничестве у славянских народов, которые еще не продвинулись далее состояния цивилизации, соответствующего веку господства в Западной Европе вилланства, и от которых можно ожидать лишь того, что они выйдут из этого состояния столь же постепенно, как бы сильно ускорен ни был этот процесс, благотворным влиянием идей более передовых стран.

К этому тексту во 2-м издании (1849 г.) было прибавлено примечание: «Дании принадлежит честь первой страны континентальной Европы, последовавшей примеру Англии; освобождение рабов было одним из первых актов временного правительства Франции. Еще в более недавнее время сдвиг в сознании американцев к решимости избавиться от этого отвратительного позорного пятна проявился самыми удовлетворительными симптомами».

В 3-м издании (1852 г.) последняя часть упоминания о славянских народах была переделана следующим образом: «...которые, по всей видимости, будут обязаны своим освобождением от этого великого зла влиянию идей, проникающих из более передовых стран, нежели стремительности собственного продвижения по пути совершенствования». В примечании перед словами «временное правительство Франции» были введены определения «героическое и оклеветанное». В 5-м издании (1862 г.) второе предложение примечания было заменено словами: «Ныне правительство Голландии серьезно занято тем же благотворительным делом».]

тое рабство было изгнано из великой американской республики, чтобы найти свое последнее временное убежище в Бразилии и на Кубе. Ни одна европейская страна, за исключением только Испании, не участвует более в этой мерзости. Даже крепостничество утратило ныне законное существование в Европе. Дании принадлежит честь первой континентальной страны, которая по примеру Англии освободила рабов в своих колониях; и отмена рабства была одним из первых актов героического и оклеветанного временного правительства Франции. Не намного отстало правительство Голландии, и ныне ее колонии и зависимые территории, думаю, без исключения, свободны от настоящего рабства, хотя принудительный труд по требованию администрации все еще [1865 г.] остается признанным учреждением на Яве, но можно надеяться, что и он скоро будет заменен полной личной свободой.

О КРЕСТЬЯНАХ-СОБСТВЕННИКАХ

§ 1. В условиях господства крестьянской собственности на землю, как и при рабовладении, весь продукт принадлежит одному владельцу и не разделяется на ренту, прибыль и заработную плату. Во всех прочих отношениях эти два состояния общества представляют крайние противоположности. Одно представляет собой состояние величайшего угнетения и унижения класса трудящихся. Второе — состояние, при котором трудящиеся пользуются самой неограниченной свободой решать свою судьбу.

Однако преимущества мелкой земельной собственности представляют собой один из самых спорных вопросов политической экономии. На континенте выгода от существования многочисленного населения собственников присутствует в сознании большинства людей как аксиома, хотя некоторые и не согласны с этим господствующим мнением. Но английские политэкономы либо не знают о суждении континентальных специалистов по сельскому хозяйству, либо спешат отвергнуть это мнение на том основании, что эти специалисты не имеют случая наблюдать, как функционирует крупная земельная собственность при благоприятных обстоятельствах, ибо ее преимущества ощутимы лишь там, где есть также крупные фермерские хозяйства, а поскольку эти хозяйства в районах возделывания пахотных культур предполагают большую концентрацию капитала, чем та, какая обычно имеет место на континенте, крупные континентальные поместья по большей части, за исключением крупных скотоводческих хозяйств, сдаются в аренду для обработки мелкими участками. В этом есть известная доля правды; но сам довод допускает возможность его парирования; ибо если на континенте мало знают о возделывании земли в крупном масштабе и с применением крупного капитала, то и основная масса английских авторов не лучше знакома с крестьянами-собственниками и почти всегда имеет самые

ошибочные представления об их социальном положении и образе жизни. И все-таки даже в Англии старые предания сходятся с господствующим на континенте мнением. «Сословие йоменов», которое, пока оно существовало, превозносили как славу Англии и которое столь часто оплакивают с тех пор, как оно исчезло, состояло либо из мелких землевладельцев, либо из мелких фермеров, и если йомены были главным образом мелкими фермерами, то тем более примечательна выношенная ими и ставшая их отличительной чертой твердая независимость. Есть в Англии местность, к сожалению очень небольшая, где крестьяне-собственники до сих пор [1848 г.] составляют обычное явление; именно крестьянами-землевладельцами являются «государственные люди» в графствах Камберленд и Уэстморленд, хотя, по-моему, многие из них, если не все, платят известные обычные налоги, которые, будучи фиксированны, не более воздействуют на их собственнические права, чем поземельный налог. Вот мнение лишь одного из тех, кто знаком с этой местностью и кто дал свой отзыв о прекрасных результатах такого землевладения в этих графствах. Прототипом описанного Уодсвортом крестьянства не смогло бы послужить сельское население ни одной другой части Англии *.

* Уодсворт в своем небольшом сочинении, посвященном описанию Озерного края, говорит о верхней части долин как об области, на протяжении веков являвшейся «совершенной республикой пастухов и земледельцев, по большей части собственников тех земель, которые они занимают и возделывают. Каждый мужчина запахивает столько земли, сколько необходимо для обеспечения его семьи или для оказания время от времени помощи соседу. Две или три коровы дают каждой семье молоко и сыр. Единственным зданием, возвышающимся над этими жилищами, является приходская церковь — верховный руководитель этого простого общества, члены которого живут в центре могущественной империи, образуя идеальное общество или организованную общину, устройство которой обусловлено и упорядочено защищающими ее горами. Здесь нет высокородных аристократов, рыцарей или эсквайров, но многие из этих скромных сынов гор исполнены сознанием того, что земель, по которой они ступают и которую они обрабатывают, на протяжении более чем 500 лет владели люди одного с ними имени и одной с ними крови... В каждом лежащем в этих долинах имении выращивали столько зерна, сколько было достаточно для того, чтобы обеспечить хлебом семью владельца, и не более. Бури и сырой климат побудили жителей усеять свои гористые земли сложенными из местного камня постройками, служившими загонами, в которых в непогоду задают корм овцам. Каждая семья пряла настриженную с собственных овец шерсть,

Однако общая система возделывания земли в Англии не позволяет на опыте познакомиться с сущностью и функционированием крестьянской земельной собственности, а англичане, в общем, глубоко невежественны во всем, что касается структуры сельского хозяйства в других странах, так что самое представление о крестьянах-землевладельцах чуждо английскому уму. Этому препятствуют даже языковые формы: привычным обозначением собственников земли является понятие «лендлорды» — термин, коррелятом которому всегда считают понятие «арендаторы». Когда во время ирландского голода в дискуссиях, ведшихся в парламенте и газетах, было выдвинуто предложение о создании крестьянской собственности на землю как средство улучшения положения в Ирландии, нашлись не лишённые претензий авторы, которым слово «собственник» сообщало столь смутную, далекую от всякой определенности идею, что они по ошибке приняли мелкие держания ирландских арендаторов-коттеров за крестьянскую земельную собственность. Поскольку этот предмет понимают столь плохо, я считаю необходимым, прежде чем вдаваться в теорию крестьянской земельной собственности, сделать что-нибудь для того, чтобы показать, как же в действительности обстоит дело, представив более пространное, чем было бы позволительным при иных условиях, некоторые свидетельства об уровне развития земледелия, о благосостоянии и благоденствии земледельцев в тех странах и частях стран, где большая часть земли не имеет другого собственника и другого хозяина, кроме работника, который обрабатывает ее.

§ 2. Не буду сосредоточивать внимания на положении в Северной Америке, где, как хорошо известно, земля, за исключением бывших рабовладельческих штатов¹, почти всегда принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Страна,

---

из которой шила себе одежду; среди них то и дело встречались ткачи; прочие же свои потребности жители края удовлетворяли за счет пряжи, которую они чесали и пряли по домам и затем относили на рынок или, чаще, отвозили на вычужных лошадях, еженедельно маленьким караваном уходящих вниз по долине или через горы, в наиболее удобный город». — *“A Description of the Scenery of the Lakes in the North of England”*, 3rd ed., p. 50—53, 63—65.

¹ [Эти слова в 7-м издании (1871 г.) заменили слова «повсюду, где нет проклятья рабства».]

в которой естественное плодородие американских земель сочетается со знаниями и мастерством современной Европы, находится в столь исключительных условиях, что вряд ли что-нибудь, кроме необеспеченности собственности или тиранического правления, сможет нанести материальный ущерб процветанию трудящихся классов. Я мог бы вместе с Сисмонди подробнее остановиться на примере древней Италии, особенно Лациума, — примере, показывающем, что те самые районы Кампании, которые в древности были полны жителей, при другом режиме обезлюдели из-за малярии. Но я предпочту привести свидетельства того же автора относительно вещей, известных ему из личных наблюдений.

«Для того, — пишет де Сисмонди, — чтобы судить о счастье крестьян-землевладельцев, следует всесторонне рассмотреть и изучить прежде всего положение в Швейцарии. Именно на ее примере мы узнаем, что, если сельское хозяйство ведут те же люди, которые пользуются его плодами, они оказываются способны обеспечить значительное благосостояние очень многочисленному населению; мы познакомимся также с великой независимостью характера, обусловленной независимым положением, и со значительной торговлей потребительскими товарами — результатом нестесненных обстоятельств всех жителей даже в стране, климат которой суров, почвы всего лишь умеренно плодородны, а поздние морозы и непостоянство погоды часто разбивают надежды земледельца. Невозможно без восхищения видеть рубленые дома самых бедных крестьян — дома, столь просторные, окруженные столь добротными оградами, столь нарядно покрытые резьбой. Внутри этих домов просторные коридоры разделяют комнаты многочисленных членов семьи; в каждой комнате находится лишь одна кровать, в изобилии снабженная постельным бельем и белоснежными простынями; кругом стоит тщательно поддерживаемая в порядке мебель; гардеробы полны белья; молочная просторна, хорошо проветрена и блещет чистотой, под той же крышей хранятся огромные запасы зерна, солонины, сыра и дров; в коровниках стоит самая лучшая и самая ухоженная в Европе скотина; в саду растут цветы; мужчины и женщины одеты тепло и опрятно, причем женщины с гордостью сохраняют древний наряд; на всех лицах — печать здоровья и силы. Пусть другие страны похваляются своими богатствами — Швей-

цария всегда может с гордостью показать на своих крестьян» *.

Свое мнение относительно крестьянской собственности на землю вообще этот известный автор. выражает таким образом:

«Повсюду, где мы находим крестьян-собственников, мы находим также благосостояние, безопасность, уверенность в будущем и независимость, которые обеспечивают одновременно и счастье, и добродетель. Крестьянин вместе с детьми выполняет всю работу в своем маленьком наследственном владении, не платит ни ренты кому-либо, кто стоял бы выше его, ни заработной платы кому-либо, кто стоял бы ниже его; регулирует объем своего производства собственным потреблением, ест хлеб, выращенный на собственном поле, пьет вино из своего винограда, носит одежду, сработанную из выращенной в собственном хозяйстве конопли и настриженной с собственных овец шерсти, мало интересуется ценами на рынке, ибо существует не много вещей, которые он мог бы продать и которые ему было бы необходимо купить, и резкие колебания конъюнктуры никогда не разоряют его. Вместо того чтобы бояться будущего, он смотрит на него с надеждой, ибо он использует каждый миг, не занятый сезонными работами, на что-либо полезное для своих детей и будущих поколений. Ему достаточно нескольких минут работы, чтобы посадить семя, из которого за сотню лет вырастет большое дерево, вырыть канаву и подвести воду из родника, улучшать постоянными заботами — в урываемое от досуга время — многие виды окружающих его животных и растений. Его маленькая вотчина является настоящим сберегательным банком, всегда готовым принять все его небольшие доходы и использовать все моменты его досуга. Вечно действующая сила природы возвращает эти вклады сторицей. Крестьянин обладает сильным ощущением счастья, которое сопутствует положению собственника. Соответственно он всегда обнаруживает готовность купить землю любой ценой. Он платит за землю больше, чем она того стоит, возможно, больше, чем получит с нее; но разве он не прав в том, что высоко ценит преимущество постоянного обладания объектом для выгодного применения своего труда и не испытывает необходимости предлагать

---

* "Études sur l'Economie Politique", Essai III.

последний на рынке за очень низкую цену — преимущество постоянной возможности иметь хлеб, не покупая его по чрезмерно высокой цене?

Крестьянин-собственник — единственный из всех земледельцев, кто больше всего получает от земли, ибо он является единственным из земледельцев, кто более всего думает о будущем и лучше других изучил свое дело на практике. Кроме того, только он один использует человеческие силы с максимальной выгодой, потому что распределяет занятия между всеми членами своей семьи, приберегая некоторые дела на любой день в году, так чтобы никто никогда не был без работы. Из всех земледельцев он самый счастливый, и в то же время нигде земля не доставляет столько занятий столь многим жителям и не кормит их так обильно, не выказывая никаких признаков истощения, как там, где земледельцы являются собственниками земли. Наконец, среди земледельцев крестьянин-собственник больше всех поддерживает развитие торговли и промышленности, поскольку он богаче других» *.

В отношении наиболее просвещенных швейцарских кантонов эту картину неумолимого усердия и того, что можно назвать любовным интересом к земле, подтверждают английские наблюдатели. «Прогуливаясь по окрестно-

* В другой своей работе (*«Nouveaux Principes d'Economie Politique»*, liv. III. ch. 3) он пишет: «Проезжая практически по всей Швейцарии и по некоторым провинциям Франции, Италии и Германии, мы можем не спрашивать, видя тот или иной клочок земли, принадлежит ли этот участок крестьянину-собственнику или же фермеру-арендатору. Разумная забота, предусмотренные для работника удобства, красота местности, созданная хозяйской рукой, являются ясными указаниями на то, что участок принадлежит крестьянину-собственнику. Правда, правительство, проводящее политику угнетения, может уничтожить благосостояние и притупить ум, которые должны бы развиваться благодаря мелкой собственности; налоги могут отнять лучшие продукты полей, наглость правительственных чиновников может нарушить безопасность крестьянина, невозможность добиться справедливости при столкновении с могущественным соседом может вызвать охлаждение духа крестьянина-собственника — и вот в прекрасной стране, вновь переданной под управление короля Сардинии, собственник наравне с поденщиком влечет нищенское существование». Здесь Сисмонди говорит о Савойе, где крестьяне в основном были собственниками своих земель и, согласно заслуживающим доверия сообщениям, пребывали в крайней нищете. Но, он продолжает далее, «напрасное дело — соблюдать лишь одно из правил политической экономии; само по себе оно недостаточно для того, чтобы произвести благо, но по меньшей мере оно уменьшает зло»,

стям Цюриха, — пишет Инглис, — и поглядывая по сторонам, поражаешься необыкновенному трудолюбию жителей; и если мы узнаем, что собственник здесь получает прибыль в 10%, то испытываем желание сказать: «Он заслужил это». Я говорю сейчас о сельском труде, хотя полагаю, что жители Цюриха отличаются усердием во всех видах деятельности, и могу уверенно сказать, что по трудолюбию, проявляемому ими в обработке земли, они не имеют соперников. Когда я между четырьмя и пятью часами утра по обыкновению растворял окно, чтобы взглянуть на озеро и отдаленные Альпы, я видел в поле работника; а когда я возвращался с вечерней прогулки, спустя долгое время после захода солнца, может быть уже в половине девятого вечера, работник все еще косил траву или подвязывал виноградные лозы... На что вы ни взглянете — на поле, сад, изгородь, даже на дерево, цветы или овощное растение, — везде вы увидите доказательства исключительной заботы и трудолюбия, которые вкладываются в возделывание земли. Например, если тропинка проходит по краю поля или через поле, то колосьям не дают склоняться над тропой, как в Англии, где их может сорвать или затоптать любой прохожий; поля повсюду обнесены изгородями, кольца которых расположены на расстоянии примерно ярда друг от друга, а в 2—3 футах от поля вдоль него сделаны посадки деревьев. Если вы взглянете на поле, где находятся большие грядки цветной или кочанной капусты, ближе к вечеру, то обнаружите, что каждое растение полито. В садах, которые очень велики в окрестностях Цюриха, на каждом растении видны следы самой любовной заботы. Овощи посажены с правильностью, которая кажется математической; не видно ни одного сорняка, ни одного камня. Рассаду не засыпают сверху землей, как это делается у нас, но высаживают в маленькую ямку, каждая из которых слегка унавожена, и каждое растение ежедневно поливают. В тех случаях, когда высевают семена, землю непосредственно над семенами совершенно размельчают; каждый куст, каждый цветок подвязан к колышку, а для растений, вьющихся по стене, на ней воздвигают решетку, к которой привязывают побеги, и нет ни единой ветки, которая не имеет своего постоянного места» *.

---

* H. D. Inglis. Switzerland, the South of France, and the Pyrenees in 1830, vol. I, ch. 2.

Об одной из отдаленных долин в Высоких Альпах тот же автор повествует таким образом *:

«По всей долине Энгадин земля принадлежит крестьянам, которые, подобно жителям любого другого места, где существует этот порядок вещей, весьма отличаются друг от друга по размерам своих владений... Вообще говоря, энгадинский крестьянин живет целиком продуктами своей земли, за исключением некоторых необходимых его семье иностранных товаров, таких, как кофе, сахар, вино. Лен выращивают, обрабатывают, прядут и ткут прямо в хозяйстве крестьянина. У него есть и шерсть, которая превращается в синюю куртку, не проходя через руки ни красильщика, ни портного. Земля не может получить большей обработки, чем она уже получила. Для нее сделано все, что только может изобрести трудолюбие и крайняя любовь к доходу. В долине Энгадин, самая низшая часть которой лежит на высоте немногим меньшей, чем вершина Сноудона, нет и фута пустующей земли. Повсюду, где только может расти трава, она растет; везде, где скала может выдержать хотя бы былинку, на ней видна зелень; рожь посеяна там, где может созреть хотя бы один ее колосок. Есть также подходящие участки для овса и ячменя; и на любом клочочке земли, где только может вызреть пшеница, ее пытаются выращивать. Ни в одной европейской стране не найти столь малого числа бедных, как в долине Энгадин. В деревне Сусс, население которой насчитывает приблизительно 600 жителей, нет ни одного человека, который не имел бы средств, достаточных для комфортабельной жизни, или задолжал бы кому-нибудь хотя бы за крошку им съеденного».

Несмотря на общее процветание швейцарского крестьянства, нельзя утверждать, что по всей стране наблюдается полное отсутствие пауперизма и (даже можно сказать) нищеты; совершенно противоположным примером служит крупнейший и богатейший из кантонов — кантон Берн; хотя в тех его частях, которые заселены крестьянами-собственниками, их трудолюбие столь же замечательно, а довольство и благосостояние столь же бросаются в глаза, как и в других подобных местах, кантон в результате действия самой неупорядоченной системы вспомоществования бедным, какая существует в Европе, за исключением анало-

---

* Ibid., ch. 8 and 10.

личной системы, существовавшей в Англии до принятия нового закона о бедных, обременен многочисленными пауперами *. И в некоторых других отношениях Швейцария не может служить примером всех благоприятных результатов, которые дает крестьянская собственность на землю. Существует ряд статистических отчетов швейцарских кантонов, составленных по большей части с величайшей тщательностью и весьма разумно и содержащих подробную и относящуюся к сравнительно недавнему времени информацию о положении, в котором находятся земли и население. Судя по этим отчетам, крестьянская земельная собственность зачастую дробится на столь мелкие участки, что такое дробление следует считать чрезмерным; а задолженность крестьян-собственников в процветающем кантоне Цюрих «граничит», как выражается автор отчета, «с неправдоподобной» **; так что «только упорнейший труд, строжайшая экономия, крайняя воздержанность и полная свобода торговли позволяют им удерживать свои позиции». И все же общим заключением, к которому приходишь на основании этих книг, является заключение о том, что с начала нашего столетия и во взаимосвязи с раздроблением многих крупных имений, принадлежавших аристократии или кантональным правительствам, произошло поразительное и стремительное улучшение почти во всех отраслях сельского хозяйства, равно как и улучшение жилищ,

---

* [1852 г.] С тех пор как было написано это предложение, произошли существенные изменения в вспомоществовании бедным и соответствующем законодательстве кантона Берн. Но я недостаточно знаком с сутью и эффектом этих изменений для того, чтобы говорить здесь о них более подробно.

** В оригинале употреблено выражение "*eine an das unglaubliche gränzende Schuldenmasse*" («граничащая с неправдоподобной суммой задолженности») ("Historisch-geographisch-statistische Gemälde der Schweiz". Erster Theil. Der Kanton Zürich. Von Gerold Meyer von Knonau, 1834, S. 80—81). Автор прибавляет, что в кантоне Цюрих есть деревни, в которых нет ни одного незаложенного крестьянского надела. Из того, что совокупная масса закладных велика, не следует, однако, будто каждый крестьянин-собственник погряз в долгах. Например, сообщается, что в кантоне Шафхаузен заложены почти все принадлежащие крестьянам земельные участки, но размеры закладов редко превышают половину зарегистрированной стоимости этих наделов (Zwölfter Theil. Der Kanton Schaffhausen, von Edward Im-Thurn, 1840, S. 52), и полученные под заклад земли средства часто идут на улучшение и расширение надела (Siebenzehnter Theil. Der Kanton Thurgau, von J. A. Pupikof er, 1837, S. 209).

обычаев и пищи народа. Автор отчета по кантону Тюргау даже утверждает, что нередко после раздела феодальных поместий на угодья, ставшие собственностью крестьян, треть или четверть поместья дают столько же зерна и кормов для такого же поголовья скота, сколько давало раньше все поместье до раздробления*.

§ 3. Одной из стран, в которых крестьяне-собственники существуют истари и наиболее многочисленны по отношению ко всему населению, является Норвегия. Интересное описание социального и экономического положения в этой стране дано Лэйнгом. Его показания со всей решительностью свидетельствуют в пользу мелкой земельной собственности как в Норвегии, так и в других местах. Прочитирую несколько отрывков.

«Если мелкие землевладельцы не являются хорошими хозяевами, то это обусловлено не той же самой причиной, по которой, как нам говорят, они являются плохими хозяевами в Шотландии и которая состоит в их праздности и недостаточном усердии. Размах, с которым осуществлена ирригация в этих теснинах и долинах, указывает на такой дух трудолюбия и сотрудничества» (я убедительно прошу обратить на этот момент особое внимание), «ничего подобного которому не могут продемонстрировать шотландские мелкие землевладельцы. Поскольку травы составляют основной зимний корм скота, а они, как и зерновые, а также картофель, подвержены выгоранию и засухе вследствие тонкости почвенного слоя и мощного отражения солнечных лучей скалами, проделан величайший труд для того, чтобы провести воду из самых высоких точек теснин по такому уровню, на котором она становится доступной в самых высоких точках полей каждого фермера. Этого достигают тем, что отводят воду из самого высокого, не пересыхающего летом потока по деревянным желобам (представляющим половины трубо выдолбленных бревен) сквозь леса, через ущелья, вдоль скалистых, зачастую отвесных склонов теснин и там, где этот основной желоб проходит через самые высокие точки владений каждого фермера, от него отводят боковые лотки. Полученную таким образом воду каждый фермер распределяет по своим полям при помощи передвижных желобов и в летнее вре-

---

* "Thürgau", S. 72.

мя, укладывая передвижной желоб между двумя бороздами, поливает подряд все борозды из черпаков, похожих на те, какими пользуются отбелщики для смачивания ткани. Не увидев собственными глазами, не поверишь, какие большие пространства земли пересекают эти быстро возведенные оросительные сооружения. Протяженность основных желобов очень велика. Я прошел по одной долине 10 миль и на всем этом протяжении по обеим сторонам были проложены желоба; с одной стороны цепь желобов протянулась по главной долине на 40 миль*. Может быть, люди, делающие подобные вещи, и плохие хозяева, но они не ленивы, им известен принцип совместного организованного труда и содержания в порядке общепользованных сооружений. В этом отношении они стоят, несомненно, гораздо выше членов любой нашей коттерской общины в горной Шотландии. Они чувствуют себя собственниками, получающими выгоду от своего труда. Превосходное состояние дорог и мостов служит еще одним доказательством того, что страну населяют люди, имеющие общую заинтересованность в исправном их содержании. Там нет никаких дорожных пошлин» **.

---

* [1852 г.] Райхеншпергер в своем сочинении ("Die Agrarfrage"), на которое ссылается Кэй в работе "Social Condition and Education of the People in England and Europe", замечает, что «самые обширные и связанные с большими издержками планы обводнения лугов и полей осуществлены с величайшим совершенством в тех районах Европы, в которых земельная собственность раздроблена особенно сильно и находится в руках мелких владельцев. В качестве примеров он приводит равнину вокруг Валенсии, некоторые южные департаменты Франции, в частности Воклюз и Буш-дю-Рон, Ломбардию, Тоскану, округа Сиенны, Лукки, Бергамо, Пьемонт, многие части Германии и т. д., — в общем, те части Европы, где земля раздроблена и поделена между мелкими собственниками. Во всех этих частях построены значительные и дорогостоящие системы и осуществлены проекты полной приращивания силами самих мелких земельных собственников, которые ныне поддерживают эти сооружения в исправном состоянии, показывая тем самым, что они способны выполнить посредством объединения работу, требующую затрат огромного количества капитала». — Kay, vol. I, p. 126.

** Laing. Journal of a Residence in Norway, p. 36, 37. [Из 3-го издания (1852 г.) был опущен следующий процитированный в первых двух изданиях отрывок из работы Лэйнга: «Я знаю, что любимым и постоянным замечанием наших авторов работ по сельскому хозяйству является замечание о том, что эти мелкие земельные собственники — худшие из хозяев. Может быть, это и так; но народ может находиться в жалком состоянии, хотя земля

Говоря о последствиях, которые имеет крестьянская собственность на землю в странах континентальной Европы вообще, тот же автор высказывается следующим образом *:

«Если послушать крупного фермера, ученого специалиста по сельскому хозяйству (английского. — Дж. М.), политэконома, то получается, что хорошее ведение сельского хозяйства должно погибнуть вместе с крупными фермами; они считают абсурдной саму мысль о том, что хорошее ведение сельского хозяйства может существовать иначе, чем при наличии крупных ферм, в которых обработка земли ведется с применением значительного капитала. Осушение, удобрение, экономная система хозяйства, расчистка земли, правильный севооборот, дорогие орудия и инвентарь — все это существует исключительно на крупных фермах, где землю обрабатывают с применением крупного капитала и наемного труда. В книгах это звучит очень хорошо; но если мы, отложив книги, посмотрим на поля и беспристрастно сравним то, что мы видим при одинаковых условиях наилучшей обработки в районах

населяемой им страны очень хорошо возделана; или же люди могут быть счастливы, хотя они и плохие земледельцы... «Хорошее хозяйство» — это выражение из двух слов, имеющее не большее отношение к счастью или благосостоянию народа, чем понятия «хорошее ткачество» или «хорошее литье железа». То, что человеческие силы следует использовать хорошо, а не плохо, при производстве зерна, железа или тканей, несомненно, является предметом великой важности, но счастье или благосостояние народа не зависит всецело от этого. *Это оказывает большее воздействие на его численность, нежели на его положение.* Тот крестьянин, который, выращивая хлеб, работает только на самого себя, который является собственником своей земли и не должен выплачивать в качестве ренты треть своего продукта, может себе позволить быть на одну треть более плохим хозяином, чем арендатор, и, несмотря на это, находиться в более предпочтительном положении. Правда, наши авторы книг по сельскому хозяйству заявляют, что сельскохозяйственные рабочие в своем качестве работников на фермах находятся в гораздо лучшем положении, чем то, в каком они пребывали бы, будь они мелкими земельными собственниками. Мы знаем лишь мнение хозяина по этому вопросу. Спросите и работника. То же самое говорили нам колонисты о своих рабах. Если собственность есть благо и желаемая вещь, то подозреваю, что и самое маленькое количество ее есть благо и желаемая вещь и что то состояние общества, при котором собственность более всего рассеяна, является состоянием с наилучшим устройством».]

* "Notes of a Traveller", p. 299 et seqq.

с крупными фермами и в районах с мелкими фермами, мы придем к заключению, что на землях Фландрии, Восточной Фрисландии, Гольштейна — короче, на всей полосе, в которой на континенте, от Зунда до Кале, лежат пахотные земли одинакового с английскими землями качества, — урожай выше, чем на землях, лежащих вдоль всего английского побережья, от залива Ферт-оф-Форт до Дувра, напротив этой полосы и в тех же широтах. Очевидно, что при одинаковых почвенных и климатических условиях кропотливый труд на мелких участках пахотной земли дает более высокую производительность там, где эти мелкие земельные участки находятся в собственности обрабатывающих их хозяев, как во Фландрии, Голландии, Фрисландии, округе Дитмарш в Гольштейне. Английские авторы книг по сельскому хозяйству и не пытаются утверждать, что наши крупные фермеры, даже в Бервикшире, Роксброшире или лотинских графствах, приближаются к тому, что составляет отличительные особенности мелких фламандских хозяев или их сельскохозяйственной системы, — огородническому типу обработки земли, внимательному отношению к удобрению, осушению и содержанию земли в ухоженном состоянии, без сорняков, или к той производительности, которая достигнута на небольших и мало плодородных участках земли. Даже в тех приходах Шотландии или Англии, где земли хорошо возделаны, много земли пустует по углам и краям полей крупных ферм, под пролегающими через них дорогами, которые излишне широки потому, что скверны, а скверны потому, что широки, под запущенными общинными угодьями, пустошами, бесполезными полосами и группами жалких деревьев и тому подобными непроизводительными участками, которые, будь они объединены и обработаны, могли бы содержать всю приходскую бедноту. Но крупный капитал, вложенный в земледелие, вкладывают, разумеется, в самые лучшие почвы в стране. Он не может затронуть мелкие непроизводительные клочки земли, для повышения плодородия которых требуется больше времени и труда, чем это совместимо с быстрой отдачей прибыли на капитал. Но если время и труд наемных работников нельзя с выгодой использовать для обработки таких земель, то время и труд самого собственника могут быть с пользой приложены к этому делу. Поначалу он трудится на своей земле на условиях не лучших, чем извлечение из нее едва достаточ-

ных для пропитания средств. Но поколения создают плодородие и ценность земли, достигают более высокого уровня жизни и даже весьма совершенных методов ведения хозяйства. Дренажные каналы, откорм скота в стойлах в течение всего лета, удобрение земли жидким навозом являются неперенными элементами хозяйствования на мелких фермах Фландрии, Ломбардии, Швейцарии. Наши самые передовые районы, в которых хозяйство ведется на основе крупных ферм, только-только начинают воспринимать эти методы. Молочное животноводство и производство больших сыров посредством кооперации многих мелких хозяев *; взаимное страхование собственности от пожара и града, самая научная и дорогостоящая из всех сельскохозяйственных операций новых времен — производство сахара из свеклы; обеспечение хозяйствами мелких фермеров европейских рынков льном и коноплей; обеспечение изобилия бобовых, фруктов, птицы в повседневном рационе даже беднейших классов за рубежом и явная нехватка такого разнообразия на столах наших средних классов, при том, что это изобилие и разнообразие, в сущности, связаны

* Заслуживает упоминания способ, который используют швейцарские крестьяне, объединяясь для производства сыра с помощью совместного капитала. «Каждый швейцарский приход нанимает человека, обычно уроженца округа Грюйер, что в кантоне Фрейбург, для выпаса скота и выделки сыров. Считается, что на каждые 40 коров необходимы один сыродел, один прессовщик или помощник сыродела и один пастух. От каждого из этих людей владельцы скота получают уведомления о том, какое количество молока дает каждая корова, и эти сведения ежедневно заносятся в книгу. Сыродел и его помощники доят коров, сливают все молоко вместе и делают из него сыр, а в конце сезона каждый владелец коров получает такой вес сыра, какой пропорционален количеству данного его коровами молока. Посредством этой системы кооперации каждый владелец коров вместо мелких сыров, которые он мог бы выделывать из надоенного от своих трех или четырех коров молока и которые не удовлетворяли бы рыночным требованиям, получает такого же веса крупный сыр рыночной кондиции и более высокого качества, так как этот сыр сделан людьми, не занятыми другими делами. Оплата сыродела и его помощников определена поголовьем коров и производится деньгами или сыром, иногда же они берут коров как бы в наем, за что платят владельцам коров деньгами или сыром». — «Notes of a Traveller», p. 351. Похожая система существует во Франции в департаменте Юра. Более подробное описание см.: L a v e r g n e. *Economie Rurale de la France*, 2nd ed., p. 139 et seqq. Одним из самых примечательных моментов в этом интересном примере объединения усилий является доверие к честности нанимаемых людей, доверие, которое эта система предполагает и которое должно оправдываться на опыте.

с ведением хозяйства на основе мелких ферм, — все это составляет черты, характерные для страны, в которой земель владеют мелкие фермеры-собственники, черты, которые должны заставить исследователя помедлить, прежде чем принять отстаиваемую нашими врачевателями земли догму, гласящую, что одни только крупные фермы, где обработку земли ведут с применением наемного труда и значительных капиталов, выявляют максимальную производительность почвы и обеспечивают максимальное снабжение жителей страны продуктами первой необходимости и продуктами, дающими комфорт».

§ 4. Из многих процветающих районов Германии, в которых преобладает крестьянская земельная собственность, я выбираю Пфальц, ибо этот пример дает возможность процитировать английский источник, явившийся результатом недавних личных наблюдений за сельским хозяйством и жителями этого края. Хаунт, писатель, который имеет привычку считать все английские предметы и все черты английской общественной жизни *en beau* (прекрасными) и который, говоря о рейнских крестьянах, конечно же, подчеркивает грубость их орудий и более низкое качество вспашки, тем не менее показывает, что под влиянием вселяющего энергию чувства собственности они компенсируют несовершенства своего инвентаря интенсивностью его применения. «Крестьянин боронит и расчищает свою землю до тех пор, пока не приведет ее в аккуратнейший порядок, и получаемый им урожай вызывает восхищение» *. «Крестьяне ** — великий и постоянный элемент сельской жизни. Они составляют важную часть населения страны потому, что сами являются владельцами. Фактически эта страна находится по большей части в руках простого народа. Земля поделена на участки между множеством людей... Эти крестьяне в отличие от наших не лишены возможности приобретать в собственность возделываемую ими землю и не зависят от труда, предоставляемого другими, — они сами являются собственниками земли. Возможно, именно по этой причине они, пожалуй, самые трудолюбивые крестьяне в мире. Они энергично трудятся с раннего утра до позднего вечера, так как сознают, что

---

* "Rural and Domestic Life of Germany", p. 27.

** Ibid, p. 40.

трудятся на себя... Немецкие крестьяне работают очень много, хотя не испытывают какой-либо нужды. У каждого человека есть свой дом, сад, принадлежащие ему деревья по обочинам дорог, деревья, обычно столь обремененные плодами, что владделец вынужден всячески подпирать и подвязывать ветви, чтобы они не сломались под тяжестью этих плодов. У каждого есть делянка зерновых, делянка кормовой свеклы, делянка конопли и т. д. Он сам себе господин; у него и у каждого члена его семьи есть сильнейшие мотивы к труду. Результат этого видишь в непрестанном усердии, равного которому нет в мире, и в бережливости, которая еще сильнее, нежели трудолюбие. Правда, немцы не так деятельны и бойки, как англичане. Их никогда не увидишь в суматохе или в спешке, как если бы они вознамерились переделать огромное количество дел в короткое время... Напротив, они делают дела медленно, но постоянно. Они упорно работают изо дня в день, из года в год, как самое терпеливое, неутомимое и настойчивое из животных. Английский крестьянин настолько оторван от идеи собственности, что приобретает привычку взирать на нее как на предмет, от которого он отлучен созданными крупными собственниками законами, и вследствие этого утрачивает дух и чувство цели... Немецкий бауэр, напротив, смотрит на страну как на нечто созданное для него и ему подобных. Он чувствует себя человеком; он имеет долю в своей стране — долю такую же, какую имеет и основная масса его соседей; до тех пор пока он активен и бережлив, никто не может угрожать ему сносом с земли или работным домом. Поэтому походка его тверда; он смотрит вам в лицо с видом свободного, но вместе с тем почтительного человека».

Об их трудолюбии тот же автор повествует далее следующим образом: «В году нет часа, когда бы они не находили себе непрестанного занятия. Среди зимы, если погода позволяет им каким бы то ни было образом выбраться из дома, они всегда находят какую-нибудь работу. Пока поля скованы морозом, крестьяне вывозят на них навоз. Если же мороза нет, они заняты чисткой канав, рубкой старых или недостаточно хорошо плодоносящих фруктовых деревьев. Наиболее бедные из них, не имевшие возможности запасти достаточное количество дров, всю зиму бывают заняты тем, что поднимаются в горные леса и доставляют оттуда топливо. Простые англичане были бы

весьма удивлены, если бы увидели, каким напряженным трудом немцы добывают себе дрова. Во время самого сильного мороза и снега отправьтесь в немецкие горы и леса — и вы найдете там немцев, корчующих пни, обрубаящих ветви и собирающих всеми способами, которые разрешают лесничие, сучья, палки, куски дерева, все это они затем перевозят домой с невероятным трудом и терпением» *. После описания заботливого и старательного ухода за виноградниками Хауитт продолжает **: «В Англии, с ее большим количеством лугов и крупных ферм, как только убран урожай зерновых и поля оставлены под кормовые травы, сельская местность погружается в состояние сравнительного покоя и тишины. Здесь же крестьяне повсюду и без устали мотыжат и косят, сажают и вырубают, пропалывают и собирают. У них, как у производящего овощи для продажи на рынке огородника, один урожай сменяется другим. У них есть своя морковь, мак, конопля, лен, эспарцет, люцерна, сурепка, кольраби, капуста, сахарная свекла, редька, турнепс и белая репа, ворсянка, артишоки, кормовая свекла, пастернак, фасоль, бобы и горох, вика, кукуруза, гречиха, марена на продажу промышленнику, картофель, значительные посадки табака, просо — все это или почти все возделывается силами семьи на собственном участке. Им приходится сначала сеять и сажать эти культуры, многие из них пересаживать, мотыжить землю, окучивать, пропалывать, обирать насекомых, обрезать верхушки; многие из этих культур приходится косить и собирать по мере и в порядке их созревания. У них есть заливные луга, какими являются почти все их луга, и их надо обводнять, косить на них траву и снова обводнять; заново прочищать засорившиеся русла или копать новые каналы; они должны собирать ранние плоды, выносить на рынок зелень и свежие овощи; присматривать за крупным рогатым скотом, овцами, телятами, жеребятками, по большей части содержащимися в стойлах, и за домашней птицей; они должны подрезать свой виноград, когда он в летнюю жару стремительно разрастается, и прореживать листву, когда она слишком густа; и любой может представить себе, какую картину непрестанного труда это являет».

---

* "Rural and Domestic Life of Germany", p. 44.

** Ibid., p. 50.

Этот любопытный набросок, справедливость которого может засвидетельствовать любой наблюдательный путешественник, побывавший в этом в высшей степени возделанном и населенном краю, согласуется с более подробным описанием, сделанным известным жителем этой местности, профессором Рау, в небольшом трактате «О сельском хозяйстве Пфальца» *. Д-р Рау приводит свидетельства, говорящие не только о трудолюбии, но и о мастерстве и сообразительности крестьян; доказательства расчетливого применения крестьянами удобрений и превосходного севооборота, постоянного улучшения ими своего сельского хозяйства на протяжении жизни прошлых поколений и по-прежнему деятельного духа дальнейшего совершенствования. «Неутомимость селян, которых можно видеть за работой весь день и в течение всего года и которые никогда не пребывают в праздности, потому что хорошо распределяют свои работы и в любой отрезок времени находят себе подходящее занятие, столь же хорошо известна, как и их достойное похвалы рвение обращать себе на пользу любое возникающее обстоятельство, подхватывать каждое появляющееся полезное новшество и даже изыскивать новые и полезные методы. Нетрудно понять, что крестьянин в этой области много размышляет о своей работе: он может обосновать свои производственные методы, даже если эти обоснования не всегда понятны; он настолько точно знает пропорции, насколько их возможно знать на память, не прибегая к помощи цифр; он чуток к таким общим знамениям времен, какие, как ему представляется, предвещают выгоду или убыток» **.

² Изучение всех других районов Германии подтверждает то же самое. «В Саксонии, — пишет Кэй, — общеизвестным фактом является то, что в течение последних 30 лет, с тех пор как крестьяне стали собственниками земли, наблюдается стремительное и постоянное улучшение жилищ, образа жизни, одежды крестьян и в особенности культуры земледелия. Я дважды прошел пешком в сопровождении немецкого проводника через ту часть Саксонии, которую

---

* "Ueber die Landwirthschaft der Rheinpfalz, und insbesondere in der Heidelberger Gegend". Von Dr. Karl Heinrich Rau. Heidelberg, 1830.

** R a u. Op. cit., p. 15, 16.

² [Остальная часть этого раздела была внесена в 3-е издание (1852 г.).]

называют «саксонской Швейцарией», с целью увидеть, в каком состоянии находятся села и земледелие, и я могу, не опасаясь возражений, утверждать, что во всей Европе нет сельского хозяйства более совершенного, чем у трудолюбивого и старательного населения долины в этой части Саксонии. Здесь, как и в кантонах Берн, Во, Цюрих и в рейнских провинциях, хозяйства необычайно процветают. Их содержат в прекрасном состоянии, и они всегда аккуратны и хорошо управляемы. Земля расчищена, как в саду. Ее не обременяют изгороди или кустарник. Едва ли увидишь камыш, чертополох или хоть немного сорной травы. Луга каждую весну обильно поливают жидким навозом, извлеченным из стоков ферм. Саксонские луга настолько очищены от сорняков, что напоминают мне скорее английские газоны, нежели луга других местностей. Крестьяне стремятся превзойти друг друга количеством и качеством производимых продуктов, обработкой земли и уровнем общей возделанности своих участков. Все мелкие собственники исполнены страстного желания изыскать способы такого ведения хозяйства, которые давали бы максимальные результаты; они усердно добиваются усовершенствований; посылают своих детей в агрономические школы с тем, чтобы те стали помощниками своим отцам; и каждый собственник быстро подхватывает новое усовершенствование, введенное кем-либо из его соседей в своем хозяйстве» *. Это описание, если оно не содержит преувеличений, указывает на уровень развития интеллекта, весьма отличающийся от уровня развития интеллекта не только английских рабочих, но и английских фермеров.

Книга Кэя, опубликованная в 1850 г., содержит, кроме массы фактического материала, собранного в результате проведенных в различных районах Европы наблюдений и исследований самого автора, также указания многих известных авторов, подтверждающих благотворные последствия крестьянской земельной собственности. Среди процитированных им свидетельств относительно воздействия крестьянской земельной собственности на сельское хозяйство я выбрал следующее.

---

* "The Social Condition and Education of the People in England and Europe; showing the results of the Primary Schools, and of the division of Landed Property in Foreign Countries". By Joseph Kay, M. A., Barrister-at-Law and late Travelling Bachelor of the University of Cambridge. Vol. I, p. 138—140.

«Райхеншпергер, который сам является жителем той части Пруссии, где земельная собственность более всего раздроблена, опубликовал пространный и весьма подробный труд, чтобы продемонстрировать восхитительные последствия, которые имеет система фригольдов. Он высказывает вполне определенное мнение о том, что не только *валовой* продукт, получаемый с любого данного количества акров земли, которая находится во владении мелких собственников или крестьян-собственников и которая возделывается ими, больше валового продукта, получаемого с такого же количества акров земли, которая находится во владении немногих крупных собственников и возделывается арендаторами-фермерами, но и что чистый продукт с первой из указанных площадей, остающийся за вычетом всех издержек возделывания земли, также превышает объем чистого продукта, полученного со второй площади...» Он ссылается на один факт, который, по-видимому, доказывает, что плодородие земли в странах, где земля принадлежит мелким собственникам, должно стремительно возрастать. Он говорит, что в рейнских провинциях Пруссии цена на землю, поделенную на мелкие, принадлежащие на правах собственности участки, гораздо выше и растет гораздо быстрее, нежели цена на землю крупных поместий. Он, как и профессор Рау, утверждает, что это повышение цены на мелкие земельные участки разорило бы тех людей, которые недавно купили их, если бы производительность мелких земельных участков не возрастала по меньшей мере в равной с повышением цены пропорции. *А поскольку мелкие земельные собственники постепенно становились все более и более зажиточными*, несмотря на то что покупали свои участки по все более высоким ценам, то он доказывает с очевидной справедливостью, что, по-видимому, не только валовые прибыли от мелких земельных владений, но и получаемые от таких владений чистые прибыли также постепенно растут и что чистая прибыль с акра земли, на которой хозяйствует мелкий собственник, выше, нежели чистая прибыль с акра земли, на которой хозяйствует крупный землевладелец. Он говорит — п, пожалуй, справедливо, — что возрастающая цена на землю, принадлежащую мелким собственникам, не может быть простым результатом конкуренции, иначе этот рост цен уменьшил бы прибыли и зажиточность мелких собственников, но этого не последовало за ростом цен.

«Альбрехт Таэр, другой известный немецкий специалист по различным системам сельского хозяйства, в одной из своих последних работ («Grundsätze der rationellen Landwirthschaft») выражает свое решительное убеждение в том, что *чистый продукт* земли больше тогда, когда на земле хозяйствуют мелкие собственники, нежели тогда, когда на ней хозяйствуют крупные землевладельцы или арендаторы... Это мнение Таэра тем более примечательно, поскольку в молодости он был весьма ярким сторонником английской системы крупных имений и крупных ферм».

Исходя из собственных наблюдений, Кэй прибавляет: «Самым совершенным и самым экономичным типом сельского хозяйства из всех, когда-либо виденных мною в какой-либо стране, является тот, который ведут крестьяне-собственники в Пруссии, Саксонии, Голландии и Швейцарии» *.

§ 5. Но самым убедительным примером, опровергающим господствующее в Англии предубеждение против возделывания земли крестьянами-собственниками, является пример Бельгии. Изначально бельгийские почвы были одними из худших в Европе. «Провинции Западная и Восточная Фландрии и Эно, — пишет Маккуллох **, — образуют далеко простирающуюся равнину, роскошная растительность которой указывает на неутомимые заботы и труд, вложенные в ее возделывание, ибо здешняя естественная почва почти полностью состоит из бесплодного песка, и ее значительное плодородие всецело является результатом весьма искусного хозяйствования и продуманного применения различных органических удобрений». Существует тщательно подготовленный и исчерпывающий трактат «Фламандское земледелие», опубликованный в фермерской серии брошюр Общества по распространению полезных знаний. Автор этого трактата замечает ***, что фламандские земледельцы, «кажется, не нуждаются ни в чем, кроме участка для обработки, каковы бы ни были качество или структура почвы, со временем они заставят ее производить что-нибудь. Песок в округе Кампайн не сравним ни с чем, кроме песка, который лежит на морском берегу и которым он, вероятно, и был первоначально.

* К а у. Op. cit., vol. I, p. 116—118.

** Geographical Dictionary, art. "Belgium".

*** К а у. Op. cit., vol. I, p. 11—14.

В высшей степени интересно проследить шаг за шагом процесс улучшения. Вот вы видите хижину и примитивный хлев, возведенные на месте, вид которого не подает решительно никаких надежд. Лишь корни вереска не дают расползтись холмам, в беспорядке наметенным ветром из белого сыпучего песка; только небольшой участок выровнен и окружен канавой; часть его покрыта молодым ракишником, часть засажена картофелем, да покажется, может быть, клочок не слишком буйно растущего клевера»; но хозяин собирает и твердый, и жидкий навоз, «и это ядро, из которого через несколько лет разрастется во все стороны маленькое хозяйство... Если навоза нет, то единственным растением, которое можно поначалу посадить на голом песке, является ракишник, произрастающий на самых бесплоднейших почвах; через три года его уже можно рубить на хворост для пекарей и кирпичников, что дает известный доход. Опавшая листва ракиш несколько обогатила почву, а боковые отростки корней придали почве незначительную степень плотности. Теперь почву можно вспахать и засеять гречихой или даже рожью, не удобряя землю навозом. К моменту уборки урожая этих культур будет, возможно, собрано какое-то количество навоза и можно начинать правильный ряд посевов. Если клевер и картофель позволяют фермеру держать корову и получать навоз, улучшение происходит стремительно; за несколько лет почва претерпевает полное преобразование: она становится жирной, удерживающей влагу и обогащенной органическим растительным веществом, которое дают корни клевера и других растений при своем разложении. После того как эта земля постепенно приведена в хорошее состояние и возделывается правильным образом, различие между почвами, хорошими от природы, и почвами, которые сделали такими труд и усердие, оказывается гораздо меньшим, чем вначале. По крайней мере урожай культур и на тех, и на других почвах кажутся более одинаковыми, чем это бывает на почвах разных качеств в других странах. Это служит важным доказательством превосходства фламандской системы, ибо показывает, что земля постоянно пребывает в состоянии улучшения и что скудость почвы компенсируется большим вниманием к возделыванию и унавоживанию почвы, особенно к последнему».

Люди, которые столь интенсивно трудятся на своих

мелких земельных владениях или фермах, в течение веков практикуют те принципы севооборота и применения навоза, которые в Англии считаются одними из новейших открытий; и даже ныне компетентные судьи признают превосходство их сельского хозяйства как единого целого над сельским хозяйством Англии. «Возделывание бедных, сыпучих или умеренно плотных почв, — говорит последний из процитированных авторов *, — во Фландрии, в общем, превосходит обработку тех же почв на самых передовых фермах такого же рода в Англии. Мы намного опередили фламандского фермера по размерам капитала, разнообразию сельскохозяйственных орудий, в деле отбора и разведения крупного рогатого скота и овец» (хотя, согласно тому же источнику **, фламандцы далеко «впереди нас в деле откорма коров»), «и английский фермер, в общем, более образован, нежели фламандский крестьянин. Но в смысле пристального внимания к качествам почвы, умения распорядиться и применить различные виды навоза, продуманности севооборота и в особенности экономного отношения к земле, обеспечивающего постоянное пребывание каждой ее части в состоянии производства, мы все еще можем кое-чему поучиться у фламандцев», причем не у каких-нибудь исключительно просвещенных и предприимчивых фламандцев, а вообще извлечь уроки из общей практики.

Значительная часть лучше всего возделанных районов Бельгии состоит из крестьянских земельных владений, в которых хозяйствуют их собственники, всегда возделывающие землю либо целиком, либо частично при помощи лопаты ***. «Если всю землю обрабатывают лопатой и не держат лошадей, то держат коров, из расчета одна корова на каждые три акра земли, которых кормят исключительно посевными травами и корнеплодами. Этот способ возделывания земли является основным в округе Ваэс, где участки, находящиеся в собственности крестьян, очень мелки. Всю работу выполняют различные члены семьи»; дети рано начинают «помогать соответственно своему возрасту и силам в разных мелких делах — таких, как прополка, рыхление земли, кормление коров. Если

---

* "Flemish Husbandry", p. 3.

** Ibid., p. 13.

*** Ibid., p. 73 et seqq.

крестьяне в состоянии вырастить достаточное количество ржи и пшеницы, чтобы обеспечить себя хлебом, и достаточное для прокорма коров количество картофеля, репы, моркови и клевера, они живут хорошо; а выручка от продажи семян сурепки, льна, конопли и масла, за вычетом расходов на покупку удобрений, правда всегда значительных, дает им весьма изрядную прибыль. Предположим, площадь всего надела равна шести акрам, что является вполне обычным наделом, с которым может управиться один человек»; тогда (здесь мы опускаем описание обработки земли), «если принять хозяина, его жену и троих маленьких детишек за трех с половиною взрослых людей, то этой семье потребуется 39 бушелей зерна, 49 бушелей картофеля, откормленный боров, а также масло и молоко, полученные от одной коровы; полтора акра дадут необходимое количество зерна и картофеля и некоторое количество зерна, позволяющее закончить откорм борова, который получает, сверх того, пахтанье; второй акр, занятый под клевером, морковью и картофелем, даст в сочетании с высаженной по жнивью репой больше корма, чем необходимо для одной коровы; следовательно, для того чтобы прокормить эту семью, достаточно двух с половиною акров, а продукцию, полученную с остальных трех с половиною акров, можно продать, чтобы получить средства на выплату арендных платежей или процентов на полученную в долг сумму на покупку надела, восполнение износа сельскохозяйственных орудий, закупку дополнительных удобрений и одежды для семьи. Но эти акры — самая прибыльная часть хозяйства, ибо здесь выращивают коноплю, лен и сурепку; а заняв еще один акр под клевер и корнеплоды, можно держать и вторую корову, продавая полученные от нее продукты. Итак, мы имеем решение проблемы: каким образом может кормиться и благоденствовать семья на шести акрах умеренно плодородной земли». Показав посредством вычислений, что такую площадь земли может самым совершенным образом возделывать семья хозяина надела, не прибегая к какой-либо помощи наемного труда, автор продолжает: «В хозяйстве площадью в 10 акров, полностью возделанной лопатой, прибавление к членам семьи еще одного мужчины и одной женщины значительно облегчит все работы; при наличии же лошади и телеги для вывоза удобрений, перевозки урожая с полей на ферму и периодического боронования можно очень

хорошо возделать и 15 акров... Таким образом, станет понятно, — пишет автор после нескольких страниц, заполненных подробностями и вычислениями *, — что, обрабатывая землю лопатой, трудолюбивый человек, располагающий малым капиталом, занимающий лишь 15 акров хорошей рыхлой земли, может не только прожить сам и прокормить семью, уплачивая порядочную арендную плату, но и в течение жизни накопить значительную сумму денег». Но неумолимое усердие, благодаря которому он достигает этих результатов и столь большая доля которого уделена не просто возделыванию земли, но улучшению самой почвы ради отдаленной отдачи от этого улучшения, — разве такое усердие никоим образом не связано с тем фактом, что крестьянин-собственник не платит арендных платежей? Было бы такое усердие возможным, если бы земледelec либо не предполагал, что его аренда вечна, либо не питал определенной надежды в один прекрасный день стать благодаря труду и экономии собственником арендуемой земли?

Что касается их образа жизни, то «фламандские фермеры и работники живут гораздо экономнее, чем люди того же класса в Англии: они редко едят мясо, за исключением воскресных дней и периода жатвы, их повседневную еду составляют пахтанье, картофель и черный хлеб». На основании именно такого рода доказательств английские путешественники, второпях проезжающие по Европе, объявляют крестьянство любой континентальной страны бедным и несчастным, ее сельскохозяйственную и общественную систему — несостоятельной, а английские порядки — единственной системой, при которой работникам живется хорошо. И правда, английская система единственная, при которой работники — хорошо ли, плохо ли им живется — никогда не стремятся к чему-то лучшему. Английские рабочие столь мало привыкли считать возможным не тратить всего ими заработанного, что по привычке ошибочно принимают признаки бережливости за признаки нищеты. Посмотрим же на правильное истолкование этого явления.

«Таким образом, *они постепенно накапливают капитал*, и предмет их величайшего желания является обладание собственной землей. Они с готовностью ухватываются за любую возможность купить маленькую ферму, и

---

* "Flemish Husbandry", p. 81.

конкуренция настолько взвинтила цены, что земля дает немногим более 2% от суммы, уплаченной за нее при покупке. Крупные земельные владения постепенно исчезают, дробятся на мелкие участки, продаваемые по высокой цене. Но богатство и трудолюбие населения постоянно возрастают, причем скорее рассеиваются в массах его, нежели накапливаются в руках отдельных лиц».

Рядом с такими известными и доступными фактами немного удивительно узнать, что на Фландрию ссылаются не как на пример, говорящий в пользу крестьянской собственности на землю, но как на предостережение против нее — предостережение, не имеющее более прочного основания, чем предположение об избытке населения, которое умозрительно выведено из нужды, охватившей крестьянство Брабанта и Восточной Фландрии в бедственном 1846—1847 гг. Доказательства, процитированные мною, даны автором, сведущим в данном вопросе и не имеющим какой-либо экономической теории, которую он должен был бы отстаивать; они показывают, что нужда, как бы ни была она жестока, явилась не результатом неспособности этих мелких земельных владений с избытком обеспечить при любых нормальных обстоятельствах потребности всех, кого они должны прокормить. Она явилась результатом того условия, воздействию которого необходимым образом подчинены люди, использующие свою землю для выращивания на ней своего пропитания, а также того, что превратности климата эти люди должны вынести сами и что они не могут переложить их на потребителя, как это делают крупные фермеры. Когда мы вспомним сельскохозяйственный сезон 1846 г., с его недородом всех зерновых и почти полным неурожаем картофеля, то несколько не удивимся тому, что при столь необычайном бедствии продукции, полученной с 6 акров, половина из которых была засеяна льном, коноплей или масличными культурами, не хватило для пропитания семьи в течение года. Но нельзя сопоставлять бедствующего фламандского крестьянина и английского капиталиста, ведущего хозяйство на нескольких сотнях акров земли. Будь этот крестьянин англичанином, он был бы не таким капиталистом, а поденщиком, работающим под надзором капиталиста. А разве среди поденщиков нет нужды во времена дороговизны? Разве не было в тот год нужды в странах, где нет ни мелких земельных собственников, ни мелких

фермеров? Я не знаю никаких причин, позволяющих верить в то, что по сравнению с другими странами и соответственно масштабу неурожая нужда в Бельгии была более значительной *.

§ 6³. Свидетельства благотворного действия крестьянской собственности на островах Английского канала носят столь убедительный характер, что я не могу не прибавить к уже упомянутым многочисленным цитатам выдержку из описания экономического состояния этих островов, данного автором, который соединяет личные наблюдения с внимательным изучением сведений, предоставленных другими людьми. Уильям Торнтон в своей работе «В защиту крестьян-собственников» — книге, которая благодаря превосходно собраным в ней материалам и равно превосходной их обработке заслуживает того, чтобы почитаться образцовым трудом, оправдывающим мелкую крестьянскую собственность на землю, говорит об острове Гернси в следующих выражениях: «Даже в Англии не отправляют на рынок хотя бы приблизительно столь же большое количество продуктов с такого ограниченного пространства земли. Этот факт сам по себе мог бы служить доказательством тому, что земледельцы должны быть далеки от бедности, поскольку, будучи полными собственниками всей возвращенной ими продукции, они, конечно же, продают лишь то, в чем не нуждаются сами. Но их хорошее положение очевидно для любого наблюдателя». «Счастливейшее из всех сообществ, с которыми мне когда-либо приводилось сталкиваться, находится на этом островке Гернси», — го-

---

* [1849 г.] В последнее время слышатся сетования, касающиеся нужды в Бельгии; однако это бедствие имеет более или менее постоянный и общий характер только для той части населения, которая занята в промышленности — либо только в ней, либо сочетая этот труд с занятием сельским хозяйством; и причиной ее, по-видимому, является сокращение спроса на товары бельгийского производства.

К предшествующим показаниям относительно Германии, Швейцарии и Бельгии можно прибавить следующее свидетельство Нибура по поводу римской Кампаньи. В письме из Тиволи он пишет: «Везде, где существуют наследственные арендаторы или мелкие собственники, вы найдете трудолюбие и честность. Думаю, что человек, который использовал бы крупное состояние на устройство мелких фригольдов, смог бы положить конец разбою в горных районах». — “Life and Letters of Niebuhr”, v. II, p. 149.

³ [Этот раздел был внесен во 2-е издание (1849 г.).]

ворит Хилл. «Неважно, — отмечает Джордж Хэд, — куда заблагорассудится пойти путешественнику — везде господствует комфорт». Но что более всего удивляет английского путешественника во время первой прогулки или поездки за пределы порта Сейнт-Питерз, так это вид жилищ, которыми густо усеяна местность. Многие из этих домов таковы, что в Англии принадлежали бы людям среднего сословия; но англичанин приходит в замешательство, задаваясь вопросом о том, какие же люди живут в других домах, которые, хотя, в общем, и недостаточно велики для фермеров, почти неизменно во всех отношениях слишком уж хороши для поденщиков... За исключением немногих рыбацких хибар, буквально на всем острове нет ни одного столь скверного дома, который можно было бы сравнить с обыкновенным жилищем английского сельскохозяйственного рабочего... «Посмотрите, — говорит бывший бейлиф Гернси, де л'Иль Брок, — на лачуги англичан и сравните их с коттеджами наших крестьян... Нищие на Гернси совершенно неизвестны... Пауперизм — по меньшей мере пауперизм среди трудоспособных — почти столь же редок, как и попрошайничество. Отчеты сберегательных банков также свидетельствуют об общем достатке, коим пользуются трудящиеся классы на Гернси. В 1841 г. в Англии из примерно 15 млн. жителей вкладчиками было менее 700 тыс., или каждый двадцатый, а средняя величина вкладов равнялась 30 ф. ст. На Гернси в том же году из 20 тыс. жителей вкладчиков было 1920 человек, а средняя величина вкладов составляла 40 ф. ст.» * Сведения по островам Джерси и Олдерни примерно того же рода.

Торнтон приводит множество доказательств эффективности и производительности ведения сельского хозяйства на основе мелких крестьянских владений, делая из этих доказательств следующий обобщающий вывод: «Таким образом, мы видим, что на двух главных островах Английского канала плотность сельского населения — на одном вдвое, на другом втрое — выше, чем в Англии, где на одного земледельца приходится 22 акра обрабатываемой земли, тогда как на Джерси на одного земледельца приходится 11, а на Гернси — 7 акров обрабатываемой земли. Между тем сельское хозяйство этих островов содержит,

---

* William Thomas Thornton. A Plea for Peasant Proprietors, p. 99—104.

помимо земледельцев, еще и неземледельческое население, плотность которого превышает соответственно в четыре и в пять раз плотность неземледельческого населения Англии. Это различие возникает не из какого-то превосходства почв или климата островов Английского канала, ибо их почвы от природы довольно скудны, а климат не лучше, чем в южных графствах Англии. Различие это всецело происходит от неутомимого трудолюбия фермеров и обильного уваживания» *. «В 1837 г., — пишет Торнтон в другом месте **, — средняя урожайность пшеницы на английских крупных фермах составляла только 21 бушель с акра, а самая высокая урожайность для любого графства в среднем составляла не более 26 бушелей. С того времени урожайность в Англии в среднем не превышала 30 бушелей. На Джерси, где средняя площадь хозяйств составляет только 16 акров, средний урожай пшеницы с акра в 1834 г. должен был, по словам Инглиса, равняться 36 бушелям; но, судя по официальным таблицам, в течение пятилетнего периода, закончившегося в 1833 г., средний урожай пшеницы с акра был на островах равен 40 бушелям. На Гернси, где хозяйства еще меньше, урожай в четыре квартала с акра считается, по сведениям Инглиса, хорошим, но все-таки вполне обычным». «3 шилл. *** за акр посредственной земли в Англии сочли бы весьма хорошей рентой; но на островах Английского канала лишь очень скверную землю сдали бы в аренду за плату меньше, чем 4 ф. ст. за акр».

§ 7. Неблагоприятные впечатления от крестьянской собственности на землю обычно черпают во Франции; как часто утверждают, именно во Франции эта система принесла уже свои плоды в виде самого жалкого из всех мыслимых состояний сельского хозяйства, и она вследствие дальнейшего дробления мелких наделов быстро ведет, если уже не довела, крестьянство на грань голодной смерти. Трудно объяснить господство убеждений, столь вопиющим образом противоположных действительному положению дел. Сельское хозяйство во Франции пребывало в жалком состоянии, а французское крестьянство — в великой нужде

---

* William Thomas Thornton. Op. cit., p. 38.

** Ibid., p. 9.

*** Ibid., p. 32.

до революции. В то время крестьяне не были в таком всеобщем порядке собственниками земли, как теперь. Однако во Франции были обширные районы, где земля даже тогда в значительной мере являлась собственностью крестьян, и многие из этих районов составляли самые разительные исключения из общего скверного состояния сельского хозяйства и нищеты. Неоспоримым авторитетом по данному вопросу является Артур Янг, закоренелый враг мелких ферм, корифей современной английской школы агрономов, который, объездив в 1787—1789 гг. почти всю Францию, в тех случаях, когда встречал примечательное превосходство в деле обработки земли, никогда не стеснялся приписывать это превосходство крестьянской собственности. «Покидая Сов, — пишет он *, — я был весьма поражен видом большой полосы земли, состоявшей, казалось, из одних только громадных скал; и все же большая часть этой площади была разгорожена и засажена с самой усердной заботливостью. У каждого есть олива, тутовое дерево, миндальное или персиковое дерево, между которыми тут и там вьются виноградные лозы; так что вся поверхность покрыта самой причудливой смесью этих растений и выступающих скал, какую только можно вообразить. Жители этой деревни заслуживают поощрения за свое трудолюбие, и, будь я французским министром, они получили бы его. Вскоре они превратили бы все окружающие их пустыни в сады. Такая горстка деятельных земледельцев, превращающая скалы в плодородные почвы потому, я полагаю, что эти скалы — *их собственность*, сделала бы то же самое с пустошами, если б ее воодушевлял тот же всемогущий принцип». И снова **: «Я был в Россендале (возле Дюнкерка), где ле Брюн произвел в почве дюн улучшения, которые он весьма любезно показал мне. Между городом и Россендалем множество опрятных домиков, при каждом из которых есть огород и одно или два огороженных поля из самого никудышного, наметенного ветром с дюн песка, который, естественно, бел как снег, но улучшен усердным трудом. Волшебная сила *собственности* обращает песок в золото». И еще ***: «Выходя из Ганжа, я

---

* Arthur Young. Travels in France, Vol. I, p. 50. [По изданию раздела этой работы, сделанному мисс Бетэлл Эдвардс, с. 53.]

** Ibid., p. 88.

*** Ibid., p. 51.

был удивлен, обнаружив результаты самых величайших усилий в деле ирригации из всех виденных мною ранее во Франции; а затем прошел мимо нескольких крутых гор, склоны которых были прекрасно возделаны террасами. Усиленное обводнение также существует в Сен-Лорансе. Эта местность представляет весьма интересное зрелище для фермера. Совершенная мною поездка по пересеченной местности от Ганжа до горы была самой интересной из всех, какие мне приходилось делать во Франции, повсюду видишь сильное напряжение трудолюбия; самое сильное воодушевление. Деятельность местного населения смела со своего пути все трудности и одела зеленью самые скалы. Спрашивать, какова причина этого, значило бы наносить оскорбление здравому смыслу; обладание собственностью *должно* было свершить это. Дайте человеку в гарантированное владение холодную, открытую всем ветрам скалу, и он превратит ее в сад; дайте ему в аренду на девять лет сад, и он обратит его в пустыню».

Описывая сельскую местность у подножия Западных Пиренеев, он уже руководствуется не предположениями, а точными сведениями. «По дороге* в Моненг мне вскоре представилось зрелище, столь новое для меня во Франции, что я едва мог поверить собственным глазам. Один за другим следуют многочисленные добротные построенные, аккуратные и *комфортабельные* фермерские коттеджи, сложенные из камня и крытые черепицей; при каждом доме — маленький сад, окруженный изгородью из подстриженных колючих кустов, с обилием персиковых и других фруктовых деревьев, несколькими великолепными дубами, растущими тут и там среди живых изгородей, и молодыми деревцами, ухоженными с таким великим старанием, какое может проявить лишь заботливый собственник. Возле каждого дома находится ферма, отлично огороженная, с травой, скошенной по краям, и содержащимися в порядке межами вокруг засеянных зерновыми полей, с воротами для перехода с одного огороженного участка на другой. Есть некоторые районы Англии (где еще сохранились мелкие йомены), напоминающие эту местность в Беарне; но у нас очень мало такого, что было бы равным увиденному мною во время этой двенадцатимильной поездки от По до Моненга. Все это находится в руках мелких

---

* Young. Op. cit., vol. I, p. 56.

собственников, причем нет ферм, столь малых по размерам, чтобы вызывать озлобление и нищету населения. Над всем веет дух опрятности, тепла и комфорта. Доказательства этого видим во вновь построенных жителями домах и хлевах, в их маленьких садах, изгородях, дворах перед домами, даже в курятниках и свинарниках. Крестьянин не станет печься об удобствах своей свиньи, если его собственное счастье висит на ниточке аренды сроком на девять лет. Мы находимся ныне в Беарне, всего в нескольких милях от места рождения Генриха IV. Быть может, жители этого края унаследовали свое благоденствие от этого доброго государя? Кажется, что великодушный гений этого доброго монарха все еще царствует над страной; у каждого крестьянина *есть курица в горшке*.

Артур Янг часто отмечает превосходное состояние сельского хозяйства французской Фландрии, где фермы «все малы и в значительной мере находятся в руках мелких собственников» *. В области Ко, также являющейся краем мелких собственников, сельское хозяйство находилось в жалком состоянии, которое он объясняет тем, что это «край мануфактур и сельское хозяйство — всего лишь побочное занятие по отношению к распространенному по всей области производству хлопчатобумажных тканей» **. Этот район по-прежнему остается средоточием мануфактур и краем мелких земельных собственников и теперь, будем ли мы судить по внешнему виду созревших хлебов или на основании официальных отчетов, является одним из наиболее возделанных районов во Франции. Во «Фландрии, Эльзасе и в части Артуа, а также на берегах Гаронны Франция обладает сельским хозяйством, равным нашему» ***. В этих областях и в значительной части Керси земли «возделаны скорее как сады, нежели как поля. Пожалуй, они так похожи на сады вследствие малых размеров участков, являющихся собственностью их владельцев» ****. В этих районах уже тогда получил всеобщее распространение тот замечательный севооборот, который столь давно практиковали в Италии, но которым в то время, в общем, пренебрегали во Франции. «Быструю смену культур, при которой уборка урожая одной является не

* Young. Op. cit., vol. I, p. 322—324.

** Ibid., vol. I, p. 325.

*** Ibid., p. 357.

**** Ibid., p. 364.

чем иным, как сигналом к посеву другой» (тот же самый факт, который поражает всех наблюдателей в долине Рейна), «едва ли можно выполнить с бóльшим совершенством; а когда такие культуры распределены столь равномерно, как мы обычно обнаруживаем в этих провинциях, когда культуры, очищающие и улучшающие почву, подготавливают ее для таких культур, которые ее портят и истощают, то это является вопросом, возможно самым существенным для хорошего земледелия».

Не следует, впрочем, думать, что свидетельства Артура Янга по вопросу о крестьянской собственности на землю всегда благоприятны. В Лотарингии, Шампани и других местах он находит, что сельское хозяйство скверно, а мелкие земельные собственники весьма бедствуют вследствие, как он считает, крайнего раздробления земли. Свое мнение он обобщает таким образом*: «До моего путешествия я полагал, что земли мелких хозяйств, находящихся в частной собственности, весьма хорошо возделаны и что владелец такого хозяйства, который не должен платить каких-либо арендных платежей, может по собственной воле и в достаточной мере осуществлять улучшения и эффективно вести свое хозяйство; но то, что я увидел во Франции, в огромной степени ослабило мое доброе мнение о мелких землевладельцах. Во Фландрии я видел превосходные хозяйства у собственников, имеющих от 30 до 100 акров; но здесь мы редко найдем такие маленькие клочки находящейся в собственности земли, какие обычны в других провинциях. В Эльзасе и на берегах Гаронны, т. е. на почвах столь плодородных, что они не требуют особых усилий, некоторые находящиеся в собственности мелкие земельные участки также хорошо возделаны. В Беарне я проезжал через местность, населенную мелкими хозяевами, внешний вид, опрятность, спокойствие и счастье которых очаровали меня; при малых размерах их владений одна только собственность могла породить эти качества; но их владения тем не менее не были так уж ничтожно малы; насколько я мог судить по расстоянию от одного дома до другого, каждый участок имел 80 акров. За исключением этих и весьма немногочисленных других примеров, я не видел в мелкой земельной собственности ничего заслуживающего уважения, кроме самого неисто-

---

* Young. Op. cit., p. 412.

щимого, упорнейшего трудолюбия. Поистине необходимо внушить читателю, что хотя земледелие, с которым я сталкивался в огромном разнообразии примеров мелкой земельной собственности, было так скверно, как только можно себе представить, тем не менее трудолюбие мелкого собственника столь разительно и достойно похвал, что никакие оценки не будут слишком высоки для него. Оно служит достаточным доказательством того, что из всех моментов, побуждающих к тяжелому и непрестанному труду, самым действенным является собственность на землю. И эта истина обладает такой неограниченной силою, что я не знаю более надежного способа распространить земледелие на горную вершину, чем дать жителям окрестных сел дозволение приобрести эту вершину в собственность; и действительно, мы видим, что в горах Лангедока и прочих областей крестьяне на собственных спинах, корвинами носили землю с тем, чтобы создать почву в тех местах, которым природа отказала в ней».

Итак, можно сказать, что этот знаменитый агроном и проповедник системы *grande culture* (крупного землевладения) по опыту пришел к тому заключению, что мелкие земельные участки, находящиеся в собственности крестьян и возделанные ими, дают восхитительные результаты в тех случаях, когда эти участки не слишком малы, а именно не настолько малы, чтобы не полностью занять время и внимание семьи собственника земли. Он часто сетует, со вполне очевидной обоснованностью, на то количество праздного времени, которым располагали крестьяне в тех случаях, когда их земельные наделы были слишком малы, несмотря на рвение, с которым они трудятся, улучшая свои маленькие вотчины любыми способами, какие только могут им подсказать их знания или изобретательность. Соответственно он рекомендует установить в законодательном порядке предел дробления мелкой земельной собственности. Это предложение никоим образом нельзя назвать неоправданным в странах, если только такие существуют, где *morcellement* (раздел, раздробление), уже зашедшие далее, нежели это целесообразно с точки зрения состояния капитала и природы основных возделываемых культур, все еще продолжает прогрессировать. Система, при которой каждый крестьянин должен иметь клочок земли, хотя бы и в полной собственности, но недостаточный для того, чтобы поддерживать его в состоя-

нии комфорта, является системой, обладающей всеми недостатками и едва ли каким-нибудь из достоинств мелкой земельной собственности, поскольку крестьянин должен либо жить в нищете, кормясь получаемым со своей земли продуктом, либо зависеть в столь же обычном порядке, как если б он не имел никакой земельной собственности, от заработков, получаемых за работу по найму, за работу, найти которую, ко всему прочему, у него мало надежды, если все земельные владения в данной округе примерно тех же размеров. Выгоды крестьянской собственности на землю обусловлены тем, что она не чрезмерно раздроблена, т. е. тем, что к крестьянским наделам не предъявляют требования прокормить слишком много людей в соотношении с продуктом, который могут взрастить на них эти люди. Подобно большинству вопросов, касающихся положения трудящихся классов, этот вопрос растворяется в проблеме народонаселения. Необходимо рассмотреть, является ли мелкая земельная собственность стимулом к чрезмерному увеличению населения или же препятствием, сдерживающим такой его рост?

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

§ 1. Прежде чем приступить к рассмотрению воздействия крестьянской собственности на основные экономические интересы трудящихся классов, а также воздействию на увеличение населения, давайте определим в общих чертах моральные и социальные последствия такого территориального устройства, которые можно считать вполне установленными — либо сущностью дела, либо фактами и свидетельствами авторов, процитированными в предшествующей главе.

Читатель, малосведущий в данном предмете, поражен, должно быть, сильнейшим впечатлением, произведенным на всех упомянутых мною авторов, трудолюбием крестьян-собственников, которое один швейцарский автор назвал «почти сверхчеловеческим»*. По крайней мере в этом вопросе мнение всех крупных специалистов единодушно. Люди, видевшие только одну сторону в крестьянской собственности на землю, обычно считают, что крестьяне-собственники самые трудолюбивые на свете. Столь же мало сомнений среди наблюдателей вызывает и ответ на вопрос о том, с какой особенностью положения крестьянства связано это исключительное трудолюбие. Это та «магическая сила собственности», которая, по словам Артура Янга, «обрабатывает песок в золото». Однако идея собственности вовсе не предполагает отсутствие арендных платежей, как не предполагает и отсутствие налогов. Она только означает, что плата за аренду должна быть фиксированной, а не подверженной тенденции возрасти в ущерб владельцу земли в результате осуществленных им же самим или по воле помещика улучшений. Арендатор, являющийся наследственным или пожизненным держателем своей земли и уплачивающий за нее твердую сумму, в сущности, является собственником земли; копигольдер в не меньшей мере является таковым, чем фригольдер.

---

* "Der Canton Schaffhausen". Op. cit., p. 53.

Что необходимо, так это постоянное владение землей на фиксированных условиях. «Дайте человеку в гарантированное владение холодную, открытую всем ветрам скалу, и он превратит ее в сад; сдайте ему в аренду на девять лет сад, и он обратит его в пустыню».

Приведенные выше подробности и другие, еще более детальные, которые можно найти у тех же авторитетных авторов относительно искусной системы обработки земли, и тысячи способов, посредством которых крестьянин-собственник заставляет каждый лишний час и каждый свободный момент служить делу некоторого будущего увеличения продукта и стоимости своей земли, объясняют то, что было сказано в одной из предыдущих глав* по поводу гораздо большего объема валовой продукции, получаемого при любом подобии равенства агрономических знаний с земель такого же качества на мелких фермах — по крайней мере в тех случаях, когда эти мелкие фермы являются собственностью земледельцев. Трактат «Фламандское земледелие» особенно поучителен в отношении способов, посредством которых неутомимое трудолюбие более чем восполняет недостаток ресурсов, несовершенство орудий и незнание научных теорий. Утверждают, что земли, возделанные крестьянами во Фландрии и Италии, дают более богатые урожаи, при равных почвенных условиях, нежели земли в районах наилучшего возделывания в Шотландии и Англии. Несомненно, что обработка земли крестьянами дает более богатые урожаи благодаря такому количеству труда, какое, будь оно оплачено нанимателем рабочей силы, обошлось бы дороже, чем извлеченная выгода; но для крестьянина это не издержки: это — посвящение времени, которое ему удастся сберечь, любому занятию, если не сказать — господствующей страсти**.

---

* См. выше, кн. I, гл. IX, § 4.

** Прочтем данное историком Мишле образное описание чувств, питаемых крестьянином-собственником к своей земле.

«Если бы мы захотели узнать сокровенные помыслы, главную страсть французского крестьянина, это очень легко сделать. Давайте прогуляемся в воскресный день по сельской местности и последуем за крестьянином. Смотрите, вот он идет впереди нас. Два часа дня; его жена пошла к вечерне; на нем воскресный наряд; полагаю, он собирается навестить свою возлюбленную.

Какую возлюбленную? Свою землю.

Я не говорю, что он прямо к ней и направляется. Нет, сегодня он отдыхает — может пойти на свое поле, может и не пойти.

¹ Мы видели также, что напряжение усилий не является единственной причиной преуспевания фламандских земледельцев в деле получения блестящих результатов. Тот же мотив, который сообщает такую энергию их трудолюбию, ранее предоставил в их распоряжение объем агрономических знаний, лишь гораздо позднее достигнутый в странах, где сельское хозяйство ведется всецело силами наемного труда. Де Лавернь* дает равно высокую оценку агрономическому искусству мелких собственников в тех частях Франции, где *petite culture* (мелкое землевладение) действительно существует. «На богатых равнинах Фландрии, на берегах Рейна, Гаронны, Шаранты, Роны все увеличивающие плодородие земли и производительность труда способы известны самим мелким земледельцам, которые практикуют эти способы, каких бы значительных первоначальных затрат и усилий они ни требовали. Используемые собственником обильные удобрения, собранные с превеликими издержками, восстанавливают и непрестанно увеличивают плодородие почвы, несмотря на интенсивность земледелия. Породы крупного рогатого скота превосходны, хлеба великолепны. Табак, лен, рапс, сахарная свекла в одних местах, виноград, оливы, сливы, тутовые деревья — в других в изобилии прино-

---

Разве он не ходит туда каждый будний день? Поэтому он сворачивает в сторону, идет другой дорогой, у него есть дело в другом месте. И все же — он пришел к своему полю.

И правда, он прошел рядом — вот удобный случай. Он смотрит на поле, но явно не желает зайти на него. И все же он заходит.

Вероятно, он не будет работать; на нем воскресный наряд: чистые рубаха и блуза. А все же невредно выдернуть вот этот сорняк и выкинуть вон тот камень. Вот, на самой дороге, еще и пенек; но у крестьянина нет с собой орудий, он выкорчует его завтра.

Затем он складывает руки и смотрит — пристально, серьезно, внимательно. Он окидывает свою землю долгим, очень долгим взглядом и, похоже, погружается в раздумье. Наконец, если он чувствует, что за ним наблюдают, если видит прохожего, он медленно уходит. Отойдя шагов на тридцать, он останавливается, оборачивается и бросает на свою землю прощальный взгляд, мрачный и глубокий, — но для тех, кто способен понять этот взгляд, он исполнен страсти, любви, преданности» — «Le Peuple» by J. Michelet, 1re partie, ch. 1.

¹ [Этот абзац был внесен в 5-е издание (1862 г.)]

* «Essai sur l'Economie Rurale de l'Angleterre de l'Ecosse, et de l'Irlande», 3me éd., p. 127. [Ср. со с. 116 английского перевода. «Rural Economy of Great Britain and Ireland» (1855).]

сят свои сокровища только населению, состоящему из усердных тружеников. И разве не *petite culture* (мелкое землевладение) обязаны мы большей частью овощей и фруктов, возвращенных ценою огромных издержек в окрестностях Парижа?»

§ 2. Другим аспектом крестьянской собственности, в котором ее существенно важно и должно рассмотреть, является ее воздействие как средства, способствующего народному просвещению. Книги и обучение в школах абсолютно необходимы, но не вполне достаточны для просвещения. Умственные способности разовьются более всего там, где их более всего упражняют; а что даст им большее упражнение, как не наличие множества интересов, ни одним из которых нельзя пренебречь и обеспечить которые можно лишь разнообразными усилиями воли и разума? Некоторые из людей, с пренебрежением относящиеся к мелкой земельной собственности, особенно сильно подчеркивают заботы и беспокойства, донимающие крестьянина-собственника в рейнских провинциях или во Фландрии. Но именно эти заботы и тревоги делают его гораздо более развитым по сравнению с английским поденщиком. Разумеется, изображать положение поденщика как безмятежное, не омраченное тревогами — значит несколько злоупотребить правилами честного ведения спора. Я не могу вообразить себе каких-либо обстоятельств, при которых поденщик был бы свободен от тревог, когда имеется возможность оказаться без работы; если только он не имеет доступа к щедрым раздачах приходских пособий и не требует без всякого стыда и колебаний такого пособия². При современном состоянии общества и населения у поденщика много таких забот, но ни одна из них не оказывает на мышление стимулирующего воздействия, наоборот, все они угнетают его. Положение крестьянина-собственника континентальной Европы противоположно. Не многие в большей степени, нежели он, свободны от той тревоги, кото-

---

² [Здесь в первоначальном тексте шли следующие слова, опущенные в 3-м издании (1852 г.): «...тогда он действительно может чувствовать то, о чем говорится в старых виршах:

Сгинь, горе, прочь, заботы,

Приход обязан нас обеспечить.

Но если он не огражден подобным образом, поденщик...»
и т. д.]

рая повергает в трепет и парализует человека, — тревоги, вызванной неуверенностью в хлебе насущном; для того чтобы он оказался под этой угрозой, требуется столь редкое стечение обстоятельств, как сочетание полного неурожая картофеля с большим недородом всех зерновых. Его тревогами являются обычные превратности большего или меньшего преуспевания; его заботы — это заботы о том, чтобы взять причитающуюся ему по справедливости долю жизненных благ, чтобы быть свободным человеком, а не находиться в положении вечного дитяти, пребывание в котором трудящихся классов господствующая филантропия, кажется, одобряет. Крестьянин-собственник не является более существом, отличным от людей средних классов; у него те же занятия и цели, придающие рассудку представителей этих классов наибольшую часть получаемого им развития. Если существует первый, главный принцип умственного развития, то он таков — уму полезна та дисциплина, при которой он активен, а не та, при которой он пассивен. Секрет развития способностей заключается в том, чтобы дать им широкое поле деятельности и сильное побуждение к ней. Это нисколько не умаляет важности и даже необходимости других видов духовного развития. Обладание собственностью не предохранит крестьянина от грубости, эгоистичности и узости мышления. Такие вещи зависят от иных влияний и других видов образования. Но упомянутый нами великий стимул к одному роду умственной деятельности никоим образом не препятствует каким-либо другим способам интеллектуального развития. Напротив, привычка обращать в практическое применение каждую приобретенную частицу знаний способствует тому, чтобы сделать плодотворным чтение и обучение в школах, которые без такого вспомогательного воздействия в слишком многих случаях уподоблялись бы семени, брошенному на скалу.

§ 3. Положение крестьянина-собственника оказывает благотворное влияние не только на его умственное развитие. Оно в не меньшей мере благоприятствует нравственным добродетелям — благоразумию, умеренности и самоконтролю. Там, где класс трудящихся состоит в основном из поденщиков, они обычно непредусмотрительны — легкомысленно тратят все, что позволяют им их средства, не думая о будущем. Эта особенность столь хорошо

известна, что многие люди, весьма заинтересованные в благоденствии трудящихся классов, придерживаются твердого мнения о том, что увеличение зарплат, если оно не будет сопровождаться по меньшей мере соответствующим улучшением вкусов и нравов трудящихся, принесло бы им не много проку. Склонность чересчур много думать о завтрашнем дне, проявляемая в расходах крестьян-собственников и тех, кто надеется стать собственниками, представляет собой крайнюю противоположность поведению поденщиков. Крестьян-собственников чаще обвиняют в скупости, нежели в расточительности. Они отказывают себе в разумных удовольствиях и живут крайне скудно ради того, чтобы экономить. В Швейцарии почти каждый, кто имеет хоть какие-то возможности делать сбережения, делает их; бережливость фламандских фермеров уже была отмечена; у французов, хотя они и славятся народом, любящим удовольствия и наслаждения, дух бережливости среди сельского населения распространен, в общем, очень широко, и в своих отдельных проявлениях французы грешат скорее чрезмерностью, нежели недостаточностью. Среди тех людей, в ком путешественники, введенные в заблуждение лачугами, в которых они обитают, травами и кореньями, которые составляют их пропитание, видят доказательства и примеры общей нищеты, многие прячут в кожаных мешках целые состояния из пятифранковых монет. Эти состояния создаются и хранятся на протяжении жизни, может быть, целого поколения, пока не будут извлечены и потрачены на удовлетворение самой заветной мечты их владельцев — на покупку земли. Если и можно опасаться какого-нибудь нравственного вреда для общества, в котором крестьянство обладает землей, то этот вред заключается в том, что крестьяне слишком уж пекутся о своих денежных интересах и могут поэтому стать ловкими и расчетливыми в предосудительном смысле этих слов. Французский крестьянин — не сельский прощак и не чистосердечный *«paysan du Danube»* (крестьянин с берегов Дуная); и в действительности, и в литературе он теперь *«le rusé paysan»* (хитрый крестьянин). Это та стадия, которой он достиг в ходе постепенного развития ума и личной свободы, развития, обусловленного данным порядком вещей. Но проявляющаяся в этом направлении некоторая чрезмерность есть малое и преходящее зло по сравнению с безразсудством и непредусмотрительностью

трудящихся классов и недорогая цена, уплаченная за бесценного достоинства добродетель независимости как общую для народа характерную черту, независимости, которая является одним из первых условий превосходства человеческой личности — тем стволем, без которого другие добродетели, будучи привиты человеку, редко укореняются сколько-нибудь прочно в его характере. Независимость необходима классу трудящихся хотя бы для достижения сносного уровня материального благосостояния. Она-то и составляет то качество, которым крестьянство Франции и большинства европейских стран с крестьянской земельной собственностью выгодно отличается от остального трудящегося населения.

§ 4. Возможно ли, чтобы экономическое состояние общества, столь благоприятствующее умеренности и благоразумию во всех прочих отношениях, оказалось бы пагубным для этих же качеств в главном вопросе — росте численности населения? Между тем такое мнение высказывается большинством английских политэкономов, касавшихся этой темы. Мнение Маккуллоха хорошо известно. Джонс утверждает *, что «на крестьянское население, получающее свой доход с земли и потребляющее его в виде продуктов, натурой, внутренние сдерживающие моменты или мотивы, располагающие его к ограничению своей численности, оказывают, как правило, весьма слабое воздействие. В результате, если только некоторая внешняя причина, совершенно не зависящая от их воли, не заставит таких земледельцев замедлить темпы увеличения своей численности, они, проживая на ограниченной территории, очень быстро приблизятся к состоянию бедности и нужды и в конце концов будут остановлены лишь физической невозможностью обеспечить себе пропитание». В другом месте ** он говорит об этих крестьянах, что они находятся «именно в том состоянии, при котором животная склонность к увеличению своего рода менее всего сдерживается теми уравнивающими мотивами и желаниями, которые регулируют рост населения в высших сословиях или у более цивилизованных народов». «Причины этой

---

* "Essay on the Distribution of Wealth", p. 146. [„Peasant Rents”, p. 132.]

** Ibid., p. 68 („Peasant Rents”, p. 59).

особенности» Джонс обещал указать в последующей работе, которая, однако, так и не появилась. Я совершенно неспособен догадаться, из какой теории человеческой природы и мотивов, влияющих на человеческое поведение, он вывел бы эти причины. Артур Янг принимает ту же самую «особенность» за факт; но, хотя ему и не слишком свойственно смягчать свои мнения, он не доводит свое учение до такой чрезвычайной крайности, как это сделал Джонс. Потому что он, как мы уже видели, убедился на различных примерах в том, что крестьянское население, о котором говорит Джонс, не проявляет тенденции к погружению в «состояние бедности и нужды» и не находится в опасности дойти до «физической невозможности обеспечить себя пропитанием».

Легко поддается объяснению, почему относительно этого вопроса существует подобное разногласие. Добываю ли трудящиеся свое пропитание, обрабатывая землю или получая заработки, они всегда увеличивают свою численность до предела, установленного их привычным уровнем благосостояния. Когда этот уровень низок и не превышает потребности скудного существования, то размеры находящихся в собственности крестьян земельных наделов, так же как и ставки заработной платы, настолько малы, что едва позволяют прокормиться. Крайне низкие представления о том, что необходимо для существования, вполне совместимы с крестьянской земельной собственностью; и если народ всегда жил в нищете и привычка примирила людей с нею, то будут иметь место перенаселение и чрезмерное раздробление земли. Но это не относится к сути дела. В действительности вопрос таков—если крестьяне имеют в собственности такую площадь земли, какой вполне достаточно для того, чтобы обеспечить зажиточное существование, то более или менее вероятно, что они утратят это состояние вследствие непредусмотрительного увеличения своей численности, чем если бы они были наемными работниками, имеющими такой же уровень благосостояния. Все соображения *a priori* (независимые от опыта, предшествующие ему) говорят в пользу меньшей вероятности утраты крестьянами этого состояния. Зависимость заработков от численности населения есть предмет размышлений и споров. То, что в случае значительного увеличения населения заработки снизятся, является вопросом, вызывающим действительные сомнения, и всегда

предметом, для осознания которого рассудком требуется некоторое напряжение умственных способностей. Но каждый крестьянин в состоянии, исходя из очевидных фактов, оценить которые он полностью способен, удовлетворительно и самостоятельно ответить на вопрос, можно ли заставить его земельный надел обеспечивать несколько семейств таким же достатком, каким он обеспечивает одну семью. Мало найдется людей, желающих оставить своих детей в худшем положении, чем то, какое они сами занимали. Отец, имеющий землю, которую он передаст по наследству, вполне способен судить о том, даст ли она им достаточные средства к существованию или нет; но люди, существующие на заработки, не видят причин, почему бы их сыновьям не быть в состоянии обеспечить себя тем же самым образом, и соответственно уверяются случаем. «Даже в самых полезных и необходимых ремеслах и производствах, — пишет Лэйнг *, — спрос на работников не есть видимое, известное, постоянное измеримое требование; тогда как все заранее известно в земледелии» при мелкой земельной собственности. «Труд, который следует приложить, количество продовольствия, которое даст этот труд с крестьянского надела, являются зримыми и известными в крестьянских вычислениях относительно средств к существованию. Сможет или не сможет участок имеющейся у него земли прокормить семью? Может ли он жениться или нет? Вот вопросы, на которые каждый крестьянин-собственник в состоянии ответить без промедления, сомнений или размышлений. Эта зависимость от случайности, при которой суждения делают, не имея перед собой никаких ясных ориентиров, является причиной опрометчивых, непредусмотрительных браков как в низших, так и в высших классах и производит меж нами бедствия перенаселенности. А когда определенность полностью устранена из расчетов каждого человека, то в них неизбежно присутствует случайность; как это и есть там, где верные средства к существованию являются при нашем распределении собственности уделом лишь малой доли населения, вместо того чтобы быть уделом примерно двух третей народа».

Не было еще автора, который бы острее сознавал бедствия, приносимые трудящимся классам избытком на-

---

* "Notes of a Traveller", p. 46.

селения, нежели Сисмонди, и это одно из оснований его ревностной защиты крестьянской земельной собственности. Он имел обширные возможности на примере не только одной страны изучить воздействие крестьянской земельной собственности на народонаселение. Посмотрим же, что он пишет. «В тех странах, в которых сельское хозяйство по-прежнему ведут мелкие собственники, население увеличивается систематически и стремительно до тех пор, пока не достигает своих естественных границ; это означает, что наделы, передаваемые по наследству, продолжают делиться и дробиться между многочисленными сыновьями до тех пор, пока каждая семья, увеличивая затраты труда, может извлекать из меньшего земельного надела доход, равный прежнему. Отец, владеющий огромным естественным пастбищем, делит его между своими сыновьями, которые превращают это пастбище в поля и луга; эти сыновья делят свои наделы между своими сыновьями, которые уничтожают залежи; каждое улучшение агрономических знаний позволяет сделать еще один шаг в процессе дробления собственности. Но не существует никакой опасности, что мелкому землевладельцу придется растить детей лишь затем, чтобы сделать их нищими. Он точно знает, какое наследство должен им оставить; ему известно, что закон разделит это наследство поровну между его детьми; он знает предел, за которым этот раздел обрекает его детей на потерю того общественного положения, которое занимал он сам, и простая семейная гордость, общая и для крестьянина и для дворянина, заставляет его воздерживаться от того, чтобы пускать на свет детей, которых он не может должным образом обеспечить. Если же детей рождается больше, они по меньшей мере не вступают в брак или договариваются между собой о том, кто из многочисленных братьев продолжит род. В швейцарских кантонах не найдешь крестьянских участков, которые постоянно бы дробились до такой степени, что низводили бы их владельцев ниже уровня, обеспечивающего почетный достаток; хотя обычай уходить на военную службу в другие страны, открывая перед детьми неопределенную и не поддающуюся расчету карьеру, иногда вызывает перенаселение» *.

---

* "Nouveaux Principes", book III, ch. 3.

Сходное свидетельство есть и в отношении Норвегии. Хотя там нет закона или обычая первородства и производств, которые поглощали бы избыточное наследиение, дробление земельной собственности не доводят до крайних пределов. «По-видимому, — говорит Лэйнг*, — раздел земли между детьми за тысячу лет своего действия не вызвал сокращения земельных владений до такого минимального размера, при котором они едва обеспечат человеческое существование. На фермах я насчитал от 25 до 40 коров — и это в стране, где фермер должен по меньшей мере семь месяцев в году держать скот на зимних кормах и в хлевах. Очевидно, что та или иная причина, влияющая на всю совокупность земельной собственности, противодействует ее разделу между детьми. Этой причиной может быть только та, которая, как я давно предположил, была бы действительна при подобном социальном устройстве; а именно в стране, где земля находится не в арендном пользовании, как в Ирландии, но в полной собственности; ее концентрация, происходящая вследствие смерти сонаследников и заключения наследницами браков в пределах группы землевладельцев, уравнивает ее дробление в результате предоставления всем детям равной доли наследства. При таком состоянии общества обнаружится, я полагаю, что общая масса земельной собственности будет слагаться из такого-то количества владений, дающих 1000 ф. ст. дохода в год, такого-то количества владений, дающих 100 ф. ст. годового дохода, и такого-то количества наделов, дающих 10 ф. ст. годового дохода, причем это число владений должно сохраняться постоянно». Существование такого факта предполагает распространение в обществе весьма действенного, налагаемого благоразумием препятствия росту населения; и будет правильным отнести часть похвал, полагающихся этой благоразумной сдержанности, на счет особенного приспособления, которым система крестьянской собственности на землю воспитывает такую сдержанность.

³ «В некоторых районах Швейцарии, — пишет Кэй**, — как, например, в кантоне Ааргау, крестьянин не женится до 25 лет, а обычно женится в гораздо более позднем воз-

---

* "Residence in Norway", p. 18.

³ [Этот и два следующих абзаца были внесены в 3-е издание.]

** К а у. Op. cit., vol. I, p. 67—69.

расте; женщины же в этом кантоне очень редко выходят замуж ранее, чем им исполнится 30 лет... Раздел земли и дешевизна способа, посредством которого она переходит от одного человека к другому, поощряет бережливость работников не только в сельских районах. Таким же образом, хотя и в меньшей степени, они воздействуют и на работников в мелких городках. В небольших провинциальных городках работник обычно владеет маленьким участком земли за пределами города. На этом участке он выращивает овощи и фрукты, зимой идущие в пищу его семьи. Закончив свою дневную работу, он и его семья приходит на огород на короткое время, которое они используют на посадку, сеяние, прополку или, в зависимости от времени года, подготовку к посеву или уборке урожая. Желание стать собственником одного из этих огородов оказывает весьма сильное воздействие, укрепляющее благоразумные привычки и ограничивающее непредусмотрительные браки. Некоторые предприниматели из кантона Ааргау говорили мне, что горожанин редко доволен жизнью, пока не купит огород или огород и дом, и что городские работники, как правило, откладывают свои браки на несколько лет для того, чтобы скопить сумму, достаточную для покупки либо одного, либо обоих этих предметов роскоши».

Этот же автор показывает на основании статистических данных *, что в Пруссии средний возраст вступления в брак не только намного выше, нежели в Англии, но «постепенно становится выше, чем ранее», а в то же время «незаконнорожденных детей в Пруссии рождается меньше, чем в любой другой европейской стране». «По какой бы части Северной Германии и Швейцарии я ни путешествовал, — пишет Кэй **, — всюду и все заверяли меня в том, что желание получить землю, испытываемое крестьянами, действует как сильнейшее из возможных препятствий к чрезмерному увеличению населения» ***.

* К а у. Op. cit., vol. I, p. 75—79.

** Ibid., p. 90.

*** Прусский министр статистики в работе «Der Volkswohlstand im Preussischen Staate», цитату из которой я вынужден заимствовать у Кэя, доказав цифрами значительное и прогрессирующее увеличение потребления продовольствия и одежды в расчете на душу населения, справедливо делает вывод о соответствующем увеличении производительности сельского хозяйства и далее продолжает: «После 1831 г. по всей стране все более и более развивается процесс раздела имений. Ныне мелких независимых собст-

По словам Фоша, консула Англии в Остенде*, во Фландрии «сыновья фермеров и те, кто имеет средства стать фермерами, откладывают женитьбу до тех пор, пока не вступят во владение фермой». Став фермерами, они стремятся к главной цели — стать собственниками. «Первое, что делает со своими сбережениями датчанин, — говорит Браун, консул в Копенгагене**, — это покупает часы, затем — лошадь и корову, которых он дает внаем и которые приносят хороший доход. Следующая его желанная цель — стать собственником, а этому классу людей в Дании живется лучше, чем любому другому. Поистине я не знаю ни в одной стране людей, которые бы с большей легкостью могли достичь все действительно необходимое для жизни, чем представители этого класса, очень многочисленного по сравнению с классом работников».

Но опыт, самым решительным образом опровергающий утверждения о присущей крестьянской собственности тенденции порождать избыток населения, — это опыт Франции. В этой стране, где значительную часть крестьянских владений составляют владения мелкие, эксперимент проведен не в самых благоприятных условиях. Численность собственников земли во Франции точно не установлена, но по всем оценкам их немногим менее 5 млн.; это при минимальном исчислении количества душ в семье (а в отношении Франции следует руководствоваться таким расчетом) показывает, что более половины населения составляют люди, либо обладающие земельной собственностью, либо имеющие законное право на получение ее по наследству. Большинство земельных владений составляют наделы столь малые, что не обеспечивают пропитание своим собственникам, из которых, согласно некоторым подсчетам, не менее 3 млн. вынуждено кое-как восполнять средства к существованию, либо работая по найму, либо

венников намного больше, чем прежде. И все же, как бы много мы ни слышали жалоб о пауперизме среди зависимых работников, мы никогда не слышим сетований по поводу усиления пауперизма среди крестьян-собственников». — Кау. Опр. cit., vol. I, p. 262—266.

* В сообщении, представленном членам комиссии по изучению системы вспомоществования бедным, — "Foreign Communications", p. 640. Приложение F к первому докладу комиссии.

** Ibid., p. 268.

арендуя дополнительную землю, обычно на условиях ипольщины. В тех случаях, когда имеющейся собственности недостаточно для того, чтобы владелец ее мог избежать зависимости от заработков, положение собственника утрачивает бóльшую часть присущей ему эффективности как средства, препятствующего перенаселению; и если бы пророчество, которое так часто делали в Англии, сбылось и Франция превратилась в «страну бедняков», то этот эксперимент не доказал бы ничего, что свидетельствовало бы против тенденций, которые проявила бы та же самая система мелких собственников при других обстоятельствах. Но каковы же факты? Они говорят о том, что темпы роста населения во Франции самые низкие в Европе. В течение жизни того поколения, которое революция возвысила из крайности безнадежной нищеты к непривычному достатку, произошло значительное увеличение населения. Но выросло поколение, которое, родившись при улучшившихся обстоятельствах, не приучено к нужде; и именно на это поколение дух бережливости оказывает самое разительное действие, сдерживая рост населения в пределах роста национального богатства. Согласно составленной профессором Рау* таблице темпов ежегодного роста насе-

* Эта таблица такова (смотри с. 168 сделанного в Бельгии перевода известной работы Рау):

Страна, район	Год	%	Страна, район	Год	%
Соединенные Штаты	1820—1830	2,92	Шотландия	1821—1831	1,30
Венгрия (по Рореру)		2,40	Саксония	1815—1830	1,15
Англия	1811—1821	1,78	Баден (по Хей-нишу)	1820—1830	1,13
	1821—1831	1,60	Бавария	1814—1828	1,08
Австрия (по Рореру)		1,30	Неаполитанское королевство	1814—1824	0,83
Пруссия	1816—1827	1,54	Франция (по Матье)	1817—1827	0,63
	1820—1830	1,37	по более недавним данным		0,55
	1821—1831	1,27	(Моро де Жонне)		
Нидерланды	1821—1828	1,28			

Но Рау замечает, что цифра, данная Моро де Жонне, не заслуживает большого доверия.

Следующая таблица, данная Кетле (в работе "Sur l'Homme et le Développement de ses Facultés, vol. I, ch. 7), также со ссылкой на труд Рау, содержит дополнительные моменты и в некоторых пунктах отличается от предыдущей таблицы, вероятно, вследствие того, что автор использовал в этих случаях усредненные темпы роста населения за разные годы:

ния, темпы прироста населения во Франции с 1817 по 1827 г. составляли 0,63%, в Англии в течении того же десятилетия — 1,6, а в Соединенных Штатах — приблизительно 3%. Согласно проведенному Легуа анализу официальных отчетов*, темпы роста населения, составлявшие в период с 1801 по 1806 г. ежегодно 1,28%, в период с 1806 по 1831 г. равнялись в среднем всего лишь 0,47, в 1831—1836 гг. темпы роста населения составляли в среднем 0,6, в 1836—1841 гг. — 0,41 и в 1841—1846 гг. — 0,68% **⁴. По переписи 1851 г. население за 5 лет увеличилось всего на 1,08%, что дает темпы роста, равные

Страна, район	%	Страна, район	%	Страна, район	%
Ирландия	2,45	Рейнские провинции Пруссии	1,33	Неаполитанское королевство	0,83
Венгрия	2,40	Австрия	1,30	Франция	0,63
Испания	1,66	Бавария	1,08	Швеция	0,58
Англия	1,65	Нидерланды	0,94	Ломбардия	0,45

Весьма тщательно подготовленный Легуа и опубликованный в *Journal des Economistes* за май 1847 г. отчет, сообщающий результаты проведенной во Франции в предыдущем, 1846 г. переписи населения, обобщен в следующей таблице:

Страна	Согласно переписи, %	Превышение рождаемости над смертностью, %	Страна	Согласно переписи, %	Превышение рождаемости над смертностью, %
Швеция	0,83	1,14	Вюртемберг	0,01	1,00
Норвегия	1,36	1,30	Голландия	0,90	1,03
Дания	—	0,95	Бельгия	—	0,76
Россия	—	0,61	Сардиния	1,08	—
Австрия	0,85	0,90	Великобритания	1,95	1,00
Пруссия	1,84	1,18	(исключая Ирландию)		
Саксония	1,45	0,90	Франция	0,68	0,50
Ганновер	—	0,85	Соединенные Штаты	3,27	—
Бавария	—	0,71			

* *Journal des Economistes*, March and May 1847.

** Легуа придерживается мнения, что в 1841 г. численность населения была занижена и рост населения за период с 1841 по 1846 г. соответственно преувеличен и что действительный прирост населения в течение всего этого периода представляет нечто среднее между этими двумя показателями или немногим более одного человека на две сотни жителей.

⁴ [Это предложение было внесено в 4-е издание.]

0,21% в год; по переписи 1856 г. население за 5 лет увеличилось всего на 0,71, или на 0,14% в год; так что, по словам Лаверня, «*la population ne s'accroît presque plus en France*» («население во Франции почти не увеличивается») *. Даже этот медленный рост всецело является результатом снижения смертности; численность родившихся детей вовсе не возрастает, тогда как рождаемость постоянно снижается **. Этот медленный рост численности населения при более быстром увеличении капитала вызвал заметное улучшение положения класса трудящихся. Условия существования той части этого класса, кото-

---

* *Journal des Economistes*, February 1847. — [1865 г.] В январском номере за 1865 г. того же журнала Легуа приводит некоторые цифры с незначительными изменениями, как я полагаю, правильными. Темпы роста населения в исправленном виде таковы (в %): 1,28; 0,31; 0,69; 0,60; 0,41; 0,68; 0,22 и 0,20. Данные последней переписи 1861 г., включенные в таблицу, показывают некоторую реакцию — темпы роста населения, исключая недавно присоединенные департаменты, составляют 0,32%. [Эмиль Левассёр (в работе «*La Population Française*», 1889, v. I, p. 315) приводит подсчеты Луа, согласно которым на территории, составляющей Францию после 1871 г., рост населения равнялся (в %): 1801—1821 гг. — 0,56; 1821—1841 гг. — 0,59; 1841—1861 гг. — 0,36; 1861—1881 гг. — 0,27.]

** Легуа приводит следующие данные о числе ежегодно родившихся:

1824—1828 гг.	—	981 914, т. е. 1 на 32,30 человек населения
1829—1833 гг.	—	965 444 « 34,00 «
1834—1838 гг.	—	972 993 « 34,39 «
1839—1843 гг.	—	970 617 « 35,27 «
1844—1845 гг.	—	983 573 « 35,58 «

За последние два года рождаемость, по мнению Легуа, возросла в результате значительной иммиграции. «Вообще же снижение рождаемости, — замечает он, — при постоянном, хотя и не очень быстром увеличении населения и числа заключаемых браков можно отнести только на счет усиления благоразумия и предусмотрительности в семьях. Таково и должно быть естественное последствие действий наших гражданских и общественных учреждений, с каждым днем все более раздробляющих земельную и движимую собственность и таким путем пробуждающих у нашего народа инстинкты бережливости и благосостояния».

В четырех департаментах, среди которых находятся два наиболее процветающих департамента Нормандии, смертность даже и при таких условиях превышала рождаемость. [1857 г.] Перепись 1856 г. вскрывает примечательный факт абсолютного сокращения населения в 54 из 86 департаментов. Важное замечание в теории, утверждающей, что Франция представляет «страну бедняков». См. анализ результатов переписи, данный де Лавернем.

рую составляют собственники земли, точно установить не-
легко, поскольку условия эти крайне разнообразны; но
положение простых работников, не извлекавших непосред-
ственных выгод из происшедших при революции измене-
ний в собственности на землю, несомненно и значительно
улучшилось за прошедшее с тех пор время*. Д-р Рау

* «Те классы нашего населения, которые живут только
на заработки и, следовательно, более всего подвержены нищете,
ныне (1846 г.) гораздо лучше обеспечены предметами первой не-
обходимости — едой, жилищами и одеждой, чем в начале века.
Это можно доказать свидетельствами всех лиц, кто помнит более
ранний из упомянутых периодов. Если возникают какие-то сомне-
ния по данному вопросу, их можно легко рассеять, спросив мне-
ние старых земледельцев и работников, как это сделал я сам в
различных местностях, не столкнувшись ни с одним показанием
противоположного смысла; мы можем также обратиться к фактам,
собранным внимательным и точным в своих наблюдениях Вил-
лерме (*"Tableau de l'Etat Physique et Moral des Ouvriers"*, liv. II,
ch. I). Из опубликованной в 1846 г. книги: A. Clément. *Recher-
ches sur les Causes de l'Indigence*, p. 84—85. Этот же автор (с. 118)
говорит о «значительном повышении заработков сельскохозяйст-
венных поденщиков, имевшем место после 1789 г.», и приводит
следующее доказательство повышения привычек, требований даже
той части городского населения, состояние которой обычно изо-
бражают как самое прискорбное. «За последние 15 или 20 лет в
привычках рабочих, проживающих в наших промышленных горо-
дах, произошла значительная перемена: ныне они тратят на одеж-
ду и наряды гораздо больше, чем прежде... Некоторые классы
работников, как, например, лионские *"canuts"*» (которые, согласно
всем описаниям, являются, подобно нашим ткачам-надомникам,
весьма низкооплачиваемым классом ремесленников), «более не
показываются, как раньше, в грязных лохмотьях» (с. 164).

[1862 г.] Предшествующие заявления, будучи лучшими из тех,
к которым я имел доступ в то время, были взяты из раннего из-
дания этой работы; но теперь в серьезном труде Леонса де Ла-
верня *«Economie Rurale de la France depuis 1789»* можно найти
свидетельства, носящие более недавний и более подробный и точ-
ный характер. Согласно мнению этого усердного, хорошо осве-
домленного и в высшей степени беспристрастного исследователя,
средние дневные заработки французского работника возросли с
начала революции на 19—30%, тогда как их общие, совокупные
заработки увеличились благодаря более постоянной работе в еще
большей пропорции, чуть ли не вдвое. Приведем следующие слова
де Лаверня (издание 2, с. 57): «Артур Янг оценивает средний
дневной заработок в 19 су (9,5 пенса); ныне средний дневной
заработок должен равняться примерно 1 франку 50 сантимам
(1 шилл. 3 пенсам), и это увеличение представляет лишь часть
улучшений. Хотя численность сельского населения осталась при-
мерно прежней, поскольку прирост населения, происшедший по-
сле 1789 г., сосредоточился в городах, фактическое количество ра-
бочих дней увеличилось — во-первых, потому, что продолжитель-

свидетельствует о подобном же факте в другой стране, а именно в Пфальце, где дробление земельной собственности, вероятно, дошло до крайних пределов *.

Мне неизвестно ни одного достоверного примера, подтверждающего справедливость утверждения о том, что крестьянская земельная собственность вызывает стремительный рост населения. Несомненно, можно привести в пример такие страны, где она не препятствует этому росту, и одна из них — Бельгия, виды на будущее у которой, в том, что касается населения, в настоящий момент представляются весьма и весьма неопределенными. Население Бельгии — самое быстрорастущее на континенте; и когда

ность жизни увеличилась и численность трудоспособных возросла, и, во-вторых, потому, что работа лучше организована — частично посредством отмены нескольких праздников, частично просто вследствие более оживленного спроса. Если мы примем во внимание увеличение количества рабочих дней сельскохозяйственного рабочего, то совокупный годовой заработок его должен был удвоиться. Этому увеличению заработков соответствует по меньшей мере равное увеличение жизненных удобств, поскольку цены на основные предметы первой необходимости изменились незначительно, а цены на промышленные товары, например на ткани, существенно снизились. Жилища работников также улучшились — если не во всех, то по меньшей мере в большинстве провинций Франции».

Оценка де Лавернем средней величины дневных заработков основана на тщательном сравнении различных провинций Франции с этой и других экономических точек зрения.

* В своей небольшой книге о сельском хозяйстве Пфальца, которую мы уже цитировали, он говорит, что дневные заработки работников в последние годы войны были необычайно высокими и оставались такими до 1817 г., впоследствии они сократились в денежном выражении, но, поскольку многие товары подешевели в еще большей пропорции, положение народа, несомненно, улучшилось. Пища, предоставляемая нанимателями своим сельскохозяйственным работникам, также значительно улучшилась и в количественном и в качественном отношениях. «Теперь она значительно лучше, чем лет 40 назад, когда беднейший класс получал меньше мяса и муки и совсем не получал сыра, масла и тому подобного» (с. 20). «Такое увеличение заработков, — прибавляет профессор, — которое необходимо определять не в денежном выражении, но в количестве предметов первой необходимости и удобств, которое работник в состоянии приобрести, является, по всеобщему согласию, доказательством того, что масса капитала возросла». Данное обстоятельство доказывает не только это, но также и то, что численность трудящегося населения не увеличилась в равной степени и что в этой стране, как и во Франции, даже чрезвычайное дробление земли совместимо с усилением благоразумного воздержания, препятствующего росту населения.

условия страны потребуют, как это вскоре должно случиться, сдержать этот стремительный рост, придется преодолеть значительную инерцию существующей привычки. Одним из неблагоприятных обстоятельств является огромная власть, которую имеет над умами бельгийцев католическое духовенство, повсеместно оказывающее сильное противодействие ограничению роста населения. Однако следует помнить, что до сих пор неутомимое трудолюбие и великое агрономическое искусство народа делали эти высокие темпы роста населения практически безвредными; огромное число все еще не разделенных крупных поместий представляет вследствие их постепенного расчленения возможность для необходимого увеличения валового продукта; кроме того, существуют крупные промышленные города, горнорудные и угледобывающие районы, привлекающие значительную часть ежегодного прироста населения и дающие ему работу.

§ 5. Но даже в тех случаях, когда крестьянская собственность на землю сопровождается избытком населения, этому злу не обязательно сопутствует дополнительная экономическая невыгода, проистекающая из слишком сильного дробления земли. Из того, что находящаяся в собственности земля поделена на мельчайшие участки, вовсе не следует, что и хозяйства должны быть мелкими. Подобно тому как крупная земельная собственность вполне совместима с мелкими хозяйствами, так и мелкая земельная собственность вполне совместима с хозяйствами адекватного размера; и дробление надела не является неизбежным следствием даже чрезмерного увеличения численности крестьян-собственников. Фламандские крестьяне, как и следовало ожидать, учитывая удивительное понимание ими вопросов, касающихся земельной собственности, давно усвоили этот урок. «Обычай не делить находящиеся в собственности земельные участки,—пишет д-р Рау*,—и мнение о том, что это выгодно, столь полно сохранились во Фландрии, что и теперь, в тех случаях, когда у умершего крестьянина остается несколько детей, они не помышляют о разделе вотчины, даже если она не закреплена за стар-

---

* Р. 334 перевода, опубликованного в Брюсселе. Он цитирует в качестве авторитетного источника работу: *Schwerz. Landwirtschaftliche Mittheilungen*, I, S. 185.

шим из наследников без права отчуждения и не является собственностью, вверяемой наследникам на попечение; рассматривая вотчину как драгоценный камень, который, будучи разделен, потеряет свою ценность, они предпочитают продать ее целиком и поделить вырученные от продажи деньги». То, что такое же чувство должно быть широко распространено даже во Франции, доказывает значительная частота сделок по продаже земли, общая площадь проданных участков за 10 лет составила четверть всех обрабатываемых в этой стране земель; и Пасси в своей брошюре «Об изменениях в состоянии сельского хозяйства департамента Эр после 1800 г.» * приводит другие факты, подтверждающие тот же вывод. «Пример этого департамента, — пишет он, — свидетельствует о том, что между распределением земельной собственности и распределением земледелия не существует, как вообразили некоторые авторы, зависимости, которая имела бы неодолимую тенденцию уравнивать их. Ни в одной части этого департамента изменения собственности не оказали ощутимого воздействия на размеры наделов. В то время как в районах мелких хозяйств земли, принадлежащие одному собственнику, обычно распределены между многими арендаторами, в местах, где преобладает *grande culture* (крупное землевладение), вовсе не редки случаи, когда один и тот же фермер арендует земли, принадлежащие нескольким собственникам. В частности, на вексенских равнинах многие энергичные и богатые земледельцы не довольствуются одной фермой; другие расширяют площади основного землевладения за счет соседних земель, какие только они могут арендовать, и таким образом составляют хозяйства с общей площадью земель, в некоторых случаях достигающей или превышающей 200 га» (500 английских акров). «Чем больше поместий расчленяется, тем чаще возникают такого рода сделки; и поскольку они способствуют выгоде всех заинтересованных сторон, то, вероятно, со временем примут еще более широкое распространение».

⁵ «В некоторых местах, — пишет де Лавернь **, — на-

---

* Это одна из многих важных статей, помещенных в *Journal des Economistes*, органе ведущих экономистов Франции, статья, оказывающая честь их знаниям и способностям. Статья Пасси переиздана отдельной брошюрой.

⁵ [Этот абзац был внесен в 5-е издание (1862 г.).]

** *Economie Rurale de la France*, p. 455.

пример в окрестностях Парижа, где преимущества *grande culture* становятся очевидными, наблюдается тенденция к увеличению размеров хозяйств, несколько ферм сливаются воедино и фермеры расширяют свои владения, арендуя *parcelles* (парцеллы, мелкие земельные наделы) у разных собственников. В других местах проявляется тенденция к разделу как слишком крупных ферм, так и слишком крупных участков земли, принадлежащих на правах собственности. Земледелие спонтанно находит ту организационную форму, которая соответствует ему наилучшим образом». Этот же известный автор констатирует поразительный факт*; департаменты Нор, Сомма, Па-де-Кале, Нижняя Сена, Эна и Уаза являются департаментами с максимальной численностью мелких *côtes foncières* (наделов, принадлежащих на правах собственности). Все они относятся к наиболее богатым департаментам с наилучшим земледелием во Франции, а первый из них — самый богатый и имеющий лучшее сельское хозяйство.

Несомненно, чрезмерное дробление земельных владений и их слишком малые размеры являются широко распространенным злом в некоторых странах, в которых существует крестьянская земельная собственность — в частности, в отдельных районах Германии и Франции. Правительства Баварии и Нассау сочли необходимым в законодательном порядке положить предел дроблению земельных наделов, а прусское правительство безуспешно предлагало такую же меру на усмотрение сословий своих рейнских провинций. Но, по моему мнению, мы нигде не найдем доказательств того, что *petite culture* (мелкое землевладение) является системой крестьян-собственников, а *grande culture* (крупное землевладение) — системой крупных землевладельцев. Напротив, я уверен, что там, где мелкая земельная собственность распылена между слишком многими собственниками, крупная земельная собственность также распределена между слишком большим числом фермеров, и в обоих случаях причина одна и та же — недостаток капитала, агрономического искусства и сель-

---

* С. 117. Факты, свидетельствующие о сходной тенденции, см. на с. 141, 250 и в других местах того же важного трактата. С другой стороны, этот труд в равной степени изобилует доказательствами вредного влияния дробления земельной собственности, когда оно чрезмерно или когда оно неприемлемо вследствие природы почв и производимых ими продуктов.

скохозяйственного предпринимательства. Есть основания думать, что дробление земельной собственности во Франции не превышает тех размеров, какие обуславливаются этой причиной; что оно уменьшается, а не увеличивается и что искренние или мнимые опасения, высказываемые в некоторых кругах по поводу усиливающейся *morcellement* (парцелляция, дробление земельных участков), являются в высшей степени необоснованными *.

Если крестьянская земельная собственность и способствует раздроблению земельных владений сверх предела, который соответствует методам ведения сельского хозяй-

---

* [1852 г.] Лэйнг, в своей последней работе «Observations on the Social and Political State of the European People in 1848 and 1849» — книге, посвященной восхвалению Англии и унижению в других странах всего того, что другие авторы и даже он сам в предыдущих своих работах считали достойным похвалы, — утверждает, что, «хотя сама земля не подвергается разделу и раздроблению» по смерти собственника, «стоимость ее подвергается дроблению — с последствиями, почти столь же пагубными для общественного прогресса. Стоимость каждой наследственной доли ложится долговым бременем на землю». Вследствие этого положение сельского населения ухудшается; «каждому поколению живется хуже, чем предшествующему, хотя земля не более и не менее раздроблена и возделана не хуже». Это автор выдвигает в качестве объяснения огромной задолженности мелких земельных собственников во Франции (с. 97—99). Если б эти объяснения были правильны, они перечеркнули бы все, что Лэйнг утверждал столь решительно в других своих работах и что он повторяет в настоящей относительно свойственной земельной собственности силе предотвращать перенаселение. Но он совершенно заблуждается в том, что касается фактов. Единственная страна, о которой он пишет на основе личных наблюдений, — это Норвегия, однако он не утверждает, что в ней положение крестьян-собственников ухудшается. Уже приведенные нами факты доказывают, что в отношении Бельгии, Германии и Швейцарии его утверждение в равной мере бьет мимо цели; а данные, приведенные относительно медленного увеличения населения во Франции, показывают, что, если бы положение французского крестьянина и ухудшилось, это ухудшение нельзя было приписывать причине, указанной Лэйнгом. Истина, полагаю, состоит в том, что в каждой без исключения стране, в которой преобладает крестьянская собственность на землю, положение народа улучшается, продукция, получаемая от земли, и даже ее плодородие возрастают, и благодаря большому излишку продовольствия, остающегося после того, как прокормятся сельские классы, увеличиваются численность и благосостояние городского населения.

ства и является обычным для крупных поместий в данной стране, то причина этого должна заключаться в одном из благотворных влияний системы крестьянской собственности на землю, а именно в той необычайно высокой степени, в которой эта система способствует развитию предпримчивости среди тех людей, кто, не являясь пока крестьянами-собственниками, надеются стать таковыми. В Англии сельскохозяйственный работник не имеет каких-либо иных сфер приложения своих сбережений, кроме сберегательного банка, у него нет перспективы с помощью бережливости достичь в обществе какого-то положения, за исключением разве что положения мелкого лавочника, со всеми присущими ему шансами разориться. Поэтому в Англии нет ничего, что напоминало бы тот весьма сильный дух бережливости, который овладевает человеком, если он может благодаря сбережениям подняться из положения поденщика до положения собственника земли. По мнению почти всех специалистов, подлинной причиной *morcellement* является более высокая цена, которую можно получить за землю, продавая ее крестьянам в качестве объекта производительного вложения их небольших накоплений, нежели предоставляя ее целиком богатому покупателю, не имеющему никакой иной цели, кроме как жить на доходы с купленной земли, не улучшая ее. Для тех, кто не имеет земли, надежда получить ее для производительного помещения сбережений является самым мощным побуждением к трудолюбию, бережливости и самоограничению, от которых зависит успех в достижении этой желанной цели.

В результате этого анализа непосредственного функционирования и косвенных влияний крестьянской собственности на землю полагаю установленным, что между этой формой земельной собственности и несовершенством производственных знаний и навыков отсутствует какая-либо необходимая, обязательная связь; что крестьянская собственность на землю благоприятствует самому эффективному использованию ресурсов почвы ровно в стольких же отношениях, в скольких не благоприятствует ему; что никакое другое из существующих состояний сельского хозяйства не оказывает столь благотворного воздействия на трудолюбие, мышление, бережливость и благоразумие населения и не имеет свойства в столь сильной степени отвращать непредусмотрительный рост его численности и

что поэтому ни одно из существующих состояний не является, в общем, столь благоприятным и для нравственного, и для материального благоденствия населения. По сравнению с английской системой ведения сельского хозяйства с помощью наемной рабочей силы крестьянскую собственность на землю должно считать в высшей степени благотворной для класса тружеников *. В данном случае

* История Франции дает потрясающие подтверждения этим выводам. Трижды в течение веков крестьяне были покупателями земли — и все три периода приобретения земли крестьянами непосредственно предшествовали трем главным эпохам процветания французского сельского хозяйства.

В худшие времена, — говорит историк Мишле («Le Peuple, v. I, ch. I»), — времена всеобщей нищеты, когда даже богатые бедны и вынуждены продавать, бедняки получают возможность покупать: поскольку других покупателей не появляется, приходит оборванный крестьянин со своей золотой монетой и приобретает немного земли. За этими периодами бедствий, во время которых крестьянин мог купить землю по низкой цене, всегда следовал внезапный и мощный всплеск процветания, объяснить который люди были неспособны. Например, около 1500 г., когда Франция, истощенная Людовиком XI, шла, казалось, к своей окончательной гибели в Италию, отправившееся на войну дворянство было вынуждено продавать землю, которая, переходя в новые руки, внезапно начала процветать; люди принимались трудиться и строиться. Этот счастливый период был назван, в стиле придворных историков, временем *доброты Людовика XII*.

К несчастью, это время длилось недолго. Едва земля оправилась от разорения, как на нее набросились сборщики налогов; затем последовали религиозные войны и, казалось, разрушили все до основания; войны, сопровождавшиеся жуткой нищетой, периодами страшного голода, когда матери пожирали собственных детей. Кто поверил бы в то, что страна оправится от этого? Но едва закончилась война, как из опустошенных полей, хижин, все еще почерневших от пожаров, крестьяне извлекают свои потаенные сокровища. Крестьянин покупает — и через 10 лет Франция обретает новый лик; за 20 или 30 лет стоимость всех земельных владений удвоилась и утроилась. Этот момент, опять-таки окрещенный царственным именем, называют временем *доброты Генриха IV и великого Ришелье*.

Нет нужды снова говорить о третьей эпохе; это эпоха революции.

Любой, кто захотел бы изучить картину, противоположную нарисованной выше, может сравнить эти исторические периоды, характеризующиеся расчленением крупной и созданием мелкой земельной собственности, с охватившими всю нацию страданиями, которые сопровождали крупнейшее экономическое событие английской истории XVI столетия — «расчистку» земли от мелких йоменов для освобождения пространства под крупные пастбищные хозяйства и с последовавшим за этим постоянным ухудшением положения трудящихся классов. [Первоначально эта цитата из

нам нет необходимости сравнивать крестьянскую земельную собственность с совместной собственностью на землю ассоциаций работников ⁶.

Мишле была приведена в конце гл. X «Средства уничтожения коттерской аренды». На свое нынешнее место она была перемещена в 5-м издании (1862 г.).]

⁶ [Последние два предложения в 3-м издании (1852 г.) заменили следующее заключительное предложение первоначального текста: «В одной из будущих глав будет рассмотрено, имеют ли эти соображения полезное применение к каким-либо социальным проблемам нашего времени, и в чем заключается такое их применение».

О положении крестьян-собственников в Германии в более поздние десятилетия можно узнать из работ: Buchenberger. Agrarwesen (являющейся одним из томов изданного под редакцией: Wagner. Lehrbuch der Politischen Oekonomie (1892), § 69, 70, 73); Blondel. Études sur les Populations Rurales de l'Allemagne (1897); David. Sozialismus and Landwirthschaft (1903). О том, прогрессирует ли *morcellement* во Франции, см. работу: Gide. Economic Sociale (1905), p. 429, и далее.]

ГЛАВА VIII

ОБ ИСПОЛЬЩИКАХ

§ 1. Рассмотрев положение, в котором продукт земли и труда безраздельно принадлежит труженику, перейдем к рассмотрению положения, когда этот продукт подвергается разделу, но только между двумя классами — работниками и землевладельцами, причем характерные капиталистам признаки присущи, смотря по обстоятельствам, то первым, то вторым. Действительно, мы можем представить, что только два класса людей участвуют в разделе продукта, и одним из этих классов является класс капиталистов; представители же второго класса совмещают характерные качества работников и землевладельцев. Это может происходить двумя способами. Работники, хотя они и являются собственниками земли, могут сдавать ее арендатору и работать на этого арендатора по найму. Но такое положение, даже в тех весьма редких ситуациях, которые могли бы способствовать его возникновению и развитию, не требует какого-либо особого рассмотрения, поскольку ни в каком существенном отношении не отличается от системы, слагающейся из трех составных элементов — работников, капиталистов и землевладельцев. Другой случай представляет довольно обычное явление и состоит в том, что крестьянин-собственник владеет землей и возделывает ее, получив небольшой необходимый капитал под залог своей земли. Однако и этот случай не представляет какой-то важной особенности. При таком положении только один человек, сам крестьянин, имеет какое-либо право или власть вмешиваться в управление хозяйством. Он выплачивает капиталисту определенную ежегодную ренту в качестве ссудного процента, так же как выплачивает в виде налогов другую определенную сумму правительству. Не задерживаясь более на этих случаях, обратимся к рассмотрению тех случаев, которые имеют определенные своеобразные черты.

В том случае, когда раздел продукта происходит меж-

ду двумя сторонами — работником (или работниками) и землевладельцем, — вопрос о том, какая из двух сторон предоставляет капитал или, как это иногда случается, предоставляют ли они его совместно, каждая в определенной пропорции, не имеет особенно большого значения. Существенное различие состоит не в этом, а в другом обстоятельстве, а именно: что регулирует раздел продукта между этими двумя сторонами — обычай или конкуренция. Мы начнем с только что указанного случая, основным, а в Европе почти единственным, примером которого является испольщина.

Принцип системы половничества состоит в том, что работник или крестьянин заключает соглашение об аренде непосредственно с землевладельцем, которому, однако, не платит фиксированную денежную или натуральную ренту, а отдает известную долю продукта или, скорее, даже то, что остается от продукта за вычетом количества, считающегося необходимым для восполнения капитальных издержек. Эта уплачиваемая землевладельцу доля продукта составляет, как и подразумевает название системы, половину, но в некоторых районах Италии она равна двум третям продукта. В том, что касается обеспечения арендатора орудиями производства, обычай разнится от места к месту; в одних местах землевладелец предоставляет орудия производства полностью, в других — половину, в некоторых — известную конкретную часть средств производства, как, например, скот и семена, тогда как работник сам обеспечивает себя орудиями*. «Эти отношения, —

---

* Согласно сообщениям Артура Янга (т. I указ. соч., с. 403) в дореволюционной Франции в этом отношении наблюдались огромные местные различия. В Шампани «землевладелец обычно предоставляет половину скота и половину семян, а испольщик — свою рабочую силу, орудия и средства для уплаты налогов, но в некоторых районах землевладелец участвует и в этого рода расходах. В Руссийоне землевладелец платит половину налогов; а в Гийэни, от Оша до Флерана, многие землевладельцы платят налоги полностью. Близ Огийона, в долине Гаронны, испольщики предоставляют половину скота. В Нанжи (Иль-де-Франс) мне встретились соглашения, по которому землевладелец обеспечивал арендатора скотом, орудиями, упряжью и средствами для уплаты налогов, а испольщик предоставлял рабочую силу и из собственных средств выплачивал подушную подать, землевладелец оплачивал ремонт дома и ворот, испольщик чинил окна, землевладелец предоставлял семена в первый год аренды, испольщик — в последний, в остальные годы они обеспечивали семенной фонд поровну.

отмечает Сисмоиди, говоря главным образом о Тоскане *, — часто определяются договором, перечисляющим те обязанности и те взываемые время от времени платежи, которые берет на себя ипольщик; тем не менее отличия одного подобного договора от другого незначительны. Обычай одинаково регулирует все эти соглашения, и стороны руководствуются им в случаях, не предусмотренных в тексте договора об аренде. Землевладелец, попытавшийся отойти от обычая, вымогавший у ипольщиков больше своего соседа, принявший в качестве основы для соглашения не равный раздел продукта, а какие-нибудь другие условия, сделался бы ненавистным и мог быть уверенным в том, что не заполучит к себе ни одного честного ипольщика. Таким образом, арендные соглашения всех ипольщиков можно считать тождественными — по крайней мере в каждой провинции, — их условия никогда не вызывают конкуренции среди ищущих найма крестьян; никто из них не предлагает возделывать земли на более выгодных землевладельцу условиях, чем другие ипольщики». О том же свидетельствует и Шатовё **, говоря об ипольщиках Пьемонта. «Они считают ее (ферму) своей вотчиной и никогда не помышляют о возобновлении соглашения об аренде, а продолжают из поколения в поколение вести хозяйство на занимаемой земле — на одних и тех же условиях, без всяких записей или письменных документов» ***.

В Бурбонне землевладелец обеспечивает ипольщика всей жизнью, однако ипольщик продает, обменивает и покупает ее по своему усмотрению; управляющий ведет счетную книгу этих продаж и покупок, поскольку землевладелец получает половину выручки от продаж и оплачивает половину покупок». В Пьемонте, пишет Артур Янг, «землевладелец обычно платит налоги и оплачивает ремонт строений, а арендатор обеспечивает себя скотом, орудиями и семенами» (т. II, с. 151).

* "Études sur l'Économie Politique", 6me essai: De la Condition des Cultivateurs en Toscane.

** "Letters from Italy". Цитирую по переводу, сделанному д-ром Ригби, р. 22.

*** Эта фактически вечная аренда не является, однако, повсеместно распространенной даже в Италии; и именно отсутствием обусловленной сроками аренды Сисмонди объясняет скверное положение ипольщиков в некоторых неаполитанских провинциях, в Лукке и на генуэзской Ривьере, где землевладельцы получают преобладающую (впрочем, все же фиксированную) долю продукта. Земледелие в этих странах превосходно, но народ крайне бедствует. «То же несчастье постигло бы, вероятно, и народ Тосканы, если бы общественное мнение не взяло земледельца под защиту; по собственник земли здесь не осмелился бы диктовать необыч-

§ 2. В тех случаях, когда раздел продукта является делом укоренившегося обычая, а не изменяющегося соглашения, отсутствуют и законы распределения, которые должна исследовать политическая экономия. Остается только рассмотреть, как и в случае с крестьянами-собственниками, те воздействия, которые оказывает ипольщина, во-первых, на нравственное и материальное положение крестьянства и, во-вторых, на эффективность труда. В обоих этих отношениях ипольщина обладает преимуществами, характерными для крестьянской земельной собственности, но только в меньшей степени. Поскольку ипольщику принадлежит лишь половина плодов его собственного труда, а не весь произведенный им продукт, у ипольщика более слабое побуждение к напряженному труду, чем у крестьянина-собственника. Но у ипольщика побуждение к труду гораздо сильнее, нежели у поденщика, у которого нет никакой иной заинтересованности в результате своего труда, кроме того, чтобы не оказаться уволенным. Если ипольщика нельзя согнать с занимаемой им земли, не нарушив каким-нибудь образом соглашения об аренде, то он имеет более сильное побуждение к упорному труду, чем любой фермер-арендатор, держащий свою землю без соглашения об аренде. Ипольщик является по меньшей мере партнером землевладельца, у которого он арендует землю и с которым делит пополам их совместные доходы. Там же, где постоянство его аренды гарантировано обычаем, у ипольщика появляются местные привязанности и он обретает значительную часть тех чувств, которые присущи собственнику. По моему мнению, половины продукта достаточно для того, чтобы дать ипольщику покой и пропитание. Ответ на вопрос, так ли это, зависит (при любом данном состоянии сельского хозяйства) от степени раздробленности земли, которая в свою очередь обусловлена действием принципа народонаселения. Увеличение численности людей сверх того количества, которое может быть должным образом обеспечено занятием в сельском хозяйстве или занято в производстве, свойственно даже крестьянам — собственникам земли — и, конечно же, не менее, но скорее более присуще населению, состояще-

---

ные для данной страны условия аренды и, даже заменяя одного ипольщика другим, он ничего не изменяет в условиях аренды». — "Nouveaux Principes", liv. III, ch. 5.

му из испольтчиков. Однако тенденция следовать благо-разумию в этом вопросе, подмеченная нами в системе крестьянской земельной собственности, в немалой мере роднит эту систему с испольтчиной. И при испольтчине решение вопроса о том, можно ли прокормить семью или нет, является делом простого и точного подсчета. Если собственнику всего продукта нетрудно понять, сможет ли он увеличить производство настолько, чтобы так же хорошо содержать большее число людей, то не менее простой проблемой является этот же вопрос и для собственника половины продукта *. Испольтчина создает, по-видимому, еще одно препятствие чрезмерной рождаемости, помимо и сверх тех, что предоставляет система крестьянской земельной собственности. При испольтчине существует землевладелец, который может осуществлять сдерживающее воздействие, отказывая в согласии на дальнейшее раздробление наделов. Впрочем, я не придаю очень большого значения этому препятствию, поскольку ферма может быть

---

* Бастиа утверждает, что даже во Франции, где испольтчина бесспорно находится в самых неблагоприятных условиях, эта система оказывает весьма заметное воздействие, сдерживающее рост населения.

«Считается вполне установленным фактом, что стремление к чрезмерному умножению проявляется главным образом у того класса, который существует на заработки. На представителей этого класса предусмотрительность, замедляющая вступление в брак, оказывает небольшое воздействие потому, что бедствия, истекающие из чрезмерной конкуренции, представляются им лишь в весьма превратном виде и в значительно отдаленной перспективе. Поэтому для народа самым благоприятным положением является такая организация общества, при которой не существовало бы постоянного класса наемных работников. В странах, где существует испольтчина, заключение браков определено главным образом спросом на рабочую силу, возникающим в сельском хозяйстве. Число заключаемых браков увеличивается тогда, когда по какой бы то ни было причине в ущерб производству остаются незанятые наделы, и сокращается тогда, когда все наделы заняты. Соотношение между размером фермы и числом рабочих рук нетрудно установить, и такой расчет действует сильнее всякой предусмотрительности. Поэтому в тех случаях, когда не происходит ничего, что открывало бы возможности к найму для избыточного населения, численность населения остается неизменной, как видим в наших южных департаментах». — “*Considérations sur le Métauage*”. — *Journal des Economistes*, February, 1846.

[Характеристика Бастиа как человека, пользующегося «высоким авторитетом среди французских политэкономов», была опущена в 3-м издании (1852 г.).]

обременена лишними рабочими руками и не будучи раздробленной; а поскольку по мере увеличения числа рабочих рук увеличивается и валовой продукт, как бывает почти всегда, то землевладелец, получающий половину продукта, извлекает из этого прямую выгоду, тогда как неудобства ложатся только на работников. Несомненно, в конечном счете землевладелец страдает от нищеты своих исполщиков, будучи вынужден авансировать их, особенно во время больших недородов; и предвидение этого конечного неудобства может оказать благоприятное воздействие на тех землевладельцев, которые предпочитают обеспеченность в будущем сиюминутной прибыли.

Адам Смит очень точно отметил характерный недостаток исполщины. Указав на то, что исполщики «явно заинтересованы в том, чтобы весь продукт в целом был возможно более значителен и их доля была, таким образом, больше», он продолжает*: «Однако интересы землевладельцев этого последнего рода никогда не могут побуждать их затрачивать на дальнейшее улучшение земли хотя бы часть того небольшого капитала, который они могли накопить из своей доли продукта, потому что землевладелец, не принимавший участия в этих затратах, должен был все же получать половину того избыточного продукта, который мог получиться в результате этой затраты. Установлено, что десятина, составляющая только десятую часть всего получаемого продукта, служит весьма большим препятствием к улучшению. Поэтому платеж, доходивший до половины продукта, должен был фактически совершенно остановить их. В интересах половника было извлечь из земли все, что она была в состоянии дать при затрате капитала, предоставленного ему землевладельцем, но никогда интересы его не требовали добавления к этому капиталу хотя бы доли его собственных средств. Во Франции, где пять шестых королевства, как сообщают, заняты этой категорией земледельцев, помещики жалуются, что их половники не упускают ни одного представляющегося случая использовать помещичий скот для извоза вместо сельскохозяйственных работ, потому что в первом случае вся выручка целиком достается им, а в последнем делится с помещиком». Действительно, сама природа земельной

---

* А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, кн. III, гл. 2, с. 287—288.

аренды подразумевает, что все требующие капитальных расходов улучшения должны быть осуществлены на капитал землевладельца. Впрочем, дело обстоит, в сущности, так везде даже в Англии, где фермер держит землю без формального договора в течение неопределенного срока по воле землевладельца или (если Артур Янг прав) хотя бы на основании соглашений об аренде, заключенных сроком на 9 лет. Если землевладелец желает предоставить капитал для осуществления улучшений, исполнитель в высшей степени заинтересован в том, чтобы способствовать этим улучшениям, ибо половина выгоды от них достанется ему самому. Однако согласие исполщика вследствие вечности аренды, которой в рассматриваемом нами случае он пользуется согласно обычаю, становится необходимым условием улучшений; несомненно, что дух рутины и нелюбовь к новшествам, присущие сельскому населению тогда, когда эти свойства не сглажены просвещением, являются серьезной помехой к улучшениям. Это, по-видимому, признают и сами защитники системы исполщины.

§ 3. Английские специалисты удостоили исполщину беспощадных оценок. «Нет ни единого слова, которое можно было бы сказать в пользу этой практики, — замечает Артур Янг*, — а против нее можно привести тысячу доводов. В ее пользу можно выдвинуть лишь единственно веское оправдание — необходимость; нищета фермеров столь велика, что землевладельцу приходится обеспечивать хозяйства всем необходимым для производства — или же хозяйства не будут обеспечены ничем; это — самое тяжкое бремя землевладельца, который вынужден, таким образом, брать на себя большую часть риска, связанного с ведением хозяйства самым опаснейшим из всех способов — полностью вверяя свою собственность в руки невежественных в своей массе людей, многие из которых беззаботны, а некоторые, несомненно, злонамеренны... При этом самом жалком из всех способов сдачи земли в аренду обманутый землевладелец получает до смешного ничтожную ренту, фермер пребывает в состоянии крайней нищеты, земля обработана жалким образом, и вся нация страдает столь же жестоко, как и сами стороны, участвующие в таком порядке аренды... Можно считать доказанным, что

* "Travels", vol. I, p. 404—405.

повсюду, где бы ни преобладала эта система, население ни на что не способно и ввергнуто в нищету... * В округе Милана везде, где (как я видел) сельская местность скудна и страдает от недостатка воды, земля находится в руках испольтчиков; они почти всегда должны своим землевладельцам за семена или продовольствие, и «их положение более скверное, нежели положение поденщика... Существует лишь несколько районов** (в Италии), где земли сданы занимающим их арендаторам за денежную ренту; но повсюду, где бы ни встречался этот порядок, собираемые арендаторами урожаи более значительны, что является неопровержимым доказательством несостоятельности системы половничества». «Повсюду, где бы она (испольщина) ни была принята,—пишет Маккуллох***,—она положила конец всем улучшениям и низвела земледельца до самой крайней нищеты». Джонс**** разделяет общее мнение, подтверждая его цитатами из Тюрго и Дестютта-Траси. Однако все эти авторы (за исключением случайного упоминания Артура Янга об Италии) черпали, по-видимому, свои впечатления главным образом во Франции, причем Франции дореволюционной*****. Положение же, в котором пребывали французские испольтчи-

---

* "Travels", vol. II, p. 151—153.

** Ibid., vol. II, p. 217.

*** "Principles of Political Economy", 3rd ed., p. 471.

**** "Essay on the Distribution of Wealth", p. 102—104 ("Peasant Rents", p. 90—92).

***** Де Траси отчасти является исключением, поскольку его наблюдения охватывают более поздний период, нежели период революции; но он признает (как Джонс указывает в другом месте), что знаком лишь с ограниченным районом, причем земля там слишком раздроблена и мало плодородна.

Пасси высказывает мнение, что при испольщине французские крестьяне должны пребывать в нищете, а земля должна быть скверно обработана потому, что доля продукта, на которую притязает землевладелец, слишком велика. Лишь при более благоприятных климатических условиях земля, не отличающаяся чрезвычайным плодородием, может приносить ренту, равную половине всего валового продукта, и оставлять еще крестьянам-фермерам достаточно средств для того, чтобы позволить им успешно выращивать более дорогие и ценные продукты сельского хозяйства («Systèmes de Culture», p. 35). Данное возражение обращено только против определенного количественного соотношения в разделении продуктов, которое, будучи, действительно общим, при системе испольщины не является все же существенной чертой последней.

ки при старом порядке, никоим образом не представляет собой типичной формы данного рода соглашений об аренде. Для этой формы аренды существенно важно, чтобы землевладелец платил все налоги. Но во Франции свобода дворянства от прямого налогообложения заставила правительство взвалить бремя все более возрастающих фискальных вымогательств всецело на земледельцев — и именно воздействию этих вымогательств Тюрго приписывал крайнюю нищету польщиков, нищету, в некоторых случаях столь чрезмерную, что в Лимузене и Ангума (провинциях, которыми он управлял) польщики, согласно его сообщениям, после вычета всех платежей редко имели более 25—30 ливров (20—24 шилл.) на душу для потребительских расходов в течение всего года: *«Je ne dis pas en argent, mais en comptant tout ce qu'ils consomment en nature sur ce qu'ils ont récolté»* («Я говорю не о деньгах, но об эквиваленте всего, потребленного натурой из собранного урожая»)*. К этому еще следует прибавить, что они не имели твердо установленной аренды, какую имели итальянские польщики. («В Лимузене, — пишет Артур Янг**, — польщиков считают людьми, которые немногим лучше дворовых слуг, их можно прогнать, когда заблагорассудится, они обязаны во всем сообразовываться с волей землевладельцев».) Итак, очевидно, что пример французских польщиков не может служить доказательством против польщины в ее лучшей форме. Люди, у которых нет ничего, что они могли бы назвать своим собственным, которым, как ирландским коттерам, ни при каких обстоятельствах уже не может житься хуже, лишены всего, что удерживало бы их от размножения и дробления земли до тех пор, пока не наступит фактическое вымирание от голода.

---

* “Mémoire sur la Surcharge des Impositions qu'éprouvait la Généralité de Limoges, adressé au Conseil d'Etat en 1766”, p. 260—304 of the fourth volume of Turgot's Works. Время от времени принимаемые землевладельцами обязательства уплачивать часть налогов (о чем упоминает Артур Янг) были, по сообщениям Тюрго, обязательствами недавнего происхождения, принятыми вынужденно, под давлением необходимости. «Землевладелец соглашается на это лишь тогда, когда не может найти польщиков на других условиях; следовательно, даже в этом случае польщик всегда низведен до такого уровня, какого едва достаточно для того, чтобы не умереть с голоду» (p. 275).

** Young. Op. cit., vol. I, p. 404.

Совершенно иную картину представляет, по свидетельству опытных ученых, система ипольщины в Италии. Во-первых, о дроблении земельных участков. Согласно сообщениям Шатовё *, в Ломбардии не много ферм, площадь которых превышает 50 акров, но мало и таких, площадь которых меньше 10 акров. Все эти фермы заняты ипольщиками, получающими половину дохода. На фермах всюду бросаются в глаза обширные и богатые постройки, редко встречающиеся в других европейских странах **. Планировка этих построек «представляет наибольшее внутреннее пространство при наименьшем размере здания; они прекрасно приспособлены для размещения и надежного хранения урожая и одновременно экономны и в минимальной степени подвержены угрозе возникновения пожара». Дворы этих ферм «представляют собой столь правильное и удобное целое, систему настолько ухоженную и приведенную в порядок, что наши грязные и скверно устроенные фермы не могут дать какого-либо адекватного представления о них». То же описание относится к Пьемонту. Севооборот здесь превосходен. «Думаю, что, пожалуй, ни одна страна не может отправить на рынок столь значительной доли продукции, как Пьемонт» ***. Хотя почва от природы не очень плодородна, «число городов удивительно велико». Поэтому земледелие должно быть в высшей степени производительным как в отношении чистого, так и валового продукта земли. «За сельскохозяйственный сезон каждый плуг обрабатывает 32 акра... Ничто не может быть совершеннее или аккуратнее рыхления почвы и окучивания уже поднявшейся во весь рост кукурузы при помощи одного только плуга, запряженного парой волов, причем в ходе этих работ ни одному растению кукурузы не причиняют вреда, тогда как все сорняки уничтожаются самым действенным образом». Вот до чего доходит земледельческое искусство. «Ничто не может быть превосходнее урожая и предшествующего, и последующего». Пшеницу «обмолачивают катком, который тянет ведомая мальчиком-погонщиком лошадь, в то время как работники вилами переворачивают солому, а работа длится примерно полмесяца; эта работа очень быстрая,

---

* "Letters from Italy", translated by Rigby, p. 16.

** Ibid., p. 19, 20.

*** Ibid., p. 24—31.

экономная и позволяет полностью вымолотить зерно. ...Ни в одной части света экономику сельского хозяйства и управление им не понимают лучше, чем в Пьемонте. Этим и объясняется огромный вывоз продовольствия из Пьемонта при большой плотности населения». И все это при земледелии, ведущемся на основе ипольщины.

О долине реки Арно на всем ее протяжении, как выше, так и ниже Флоренции, тот же автор пишет следующее *: «Нижняя часть горных склонов покрыта лесами оливковых деревьев, листва которых скрывает бесконечное множество мелких ферм, занимающих эту полосу; выше по склонам вздымают свои кроны каштановые деревья, сочная зелень которых контрастирует с бледной окраской листвы олив и придает яркость всему амфитеатру. Вдоль дороги по обеим ее сторонам расположены деревенские дома, на расстоянии не более сотни шагов один от другого... Дома расположены на небольшом расстоянии от дороги и отделены от нее стеной и террасой шириною в несколько футов. По этим стенам обычно расставлено много античных ваз, в которых растут цветы, алоэ и молодые апельсиновые деревца. Сами дома совершенно скрыты виноградной лозой... Перед этими домами мы видели крестьянок, одетых в полотняные рубашки, шелковые корсеты и соломенные шляпки, украшенные цветами... Поскольку дома расположены столь близко друг от друга, очевидно, земельные участки, относящиеся к ним, должны быть малы и земельная собственность в этих долинах должна быть весьма сильно раздроблена; площадь здешних наделов колеблется в пределах от 3 до 10 акров. Земля, окружающая дома, поделена на поля маленькими канавками или рядами деревьев, некоторые из них — тутовые, но большинство составляют тополя, листья которых идут на корм скоту. Каждое дерево поддерживает виноградную лозу... Эти наделы, расположенные полосами, достаточно велики для того, чтобы их обрабатывать бесколесным плугом упряжкой из двух волов. Каждые 10 или 12 фермеров совместно держат пару волов, используя их по очереди при обработке всех хозяйств... Почти на каждой ферме содержат хорошую лошадь, которую запрягают в маленькую двухколесную повозку, аккуратно сделан-

---

* "Letters from Italy", translated by Rigby, p. 78—79.

ную и выкрашенную в красный цвет. Эта лошадь выполняет все хозяйственные перевозки, а также доставляет дочерей фермеров в церковь и на танцы. Таким образом, по праздникам можно видеть сотни этих повозок, они мчатся во все концы и везут молоденьких, украшенных цветами и лентами женщин».

Эта картина вовсе не говорит нам о нищете, и в отношении сельского хозяйства она решительно освобождает итальянскую по крайней мере в том виде, в каком она существует в указанных странах, от упреков английских авторов. Но что касается положения самих земледельцев, свидетельства Шатовё в некоторых моментах не так благоприятны. «Ни естественное плодородие почвы, ни поражающее глаз путешественника изобилие продуктов не составляют благосостояния жителей. Благосостояние определяется численностью людей, между которыми делится весь продукт, и от этой численности зависит размер той доли, которой каждый может воспользоваться. Здесь эта доля очень мала. Действительно, до сих пор я изображал восхитительную страну, хорошо обводненную, плодородную, покрытую вечнозеленой растительностью; я показал ее поделенной на бесчисленные огороженные участки, которые, подобно многим садовым клумбам, демонстрируют тысячу разнообразных растений; я показал, что на каждом из этих участков находятся хорошо построенные дома, овитые виноградниками и украшенные цветами; но, войдя в эти дома, мы обнаруживаем полное отсутствие всех жизненных удобств, более чем скудную еду и все признаки лишений» *. Не сравнивает ли здесь Шатовё, сам того не сознавая, положение итальянцев с положением фермеров в других странах, тогда как надлежащей мерой сравнения является положение сельскохозяйственных помещиков?

«Меня уверяли, — пишет Артур Янг **, — что эти итальянцы (в особенности вокруг Флоренции) живут припеваючи, что по праздникам они хорошо одеваются и не лишены предметов роскоши, вроде серебра, золота и шелка, а при изобилии хлеба, вина и бобов хорошо питаются. В некоторых случаях это, возможно, и так, но в общем

---

* "Letters from Italy", translated by Rigby, p. 73—76.

** "Travels", vol. II, p. 156.

дело обстоит совершенно иначе. Нелепо думать, что испольтчики, ведя хозяйство на такой площади, какую можно обработать парой волов, способны жить, не испытывая стеснений; и явным доказательством их нищеты является то, что землевладелец, обеспечивающий испольтчиков половиной скота, зачастую вынужден ссужать крестьянина деньгами для того, чтобы тот смог приобрести свою половину... Испольтчики, проживающие не в непосредственной близости от города, столь бедны, что землевладельцы ссужают им даже зерно для пропитания; их пищу составляет черный хлеб, выпеченный из муки с примесью вики; их питье, называемое *aquarolle*, представляет смесь небольшого количества вина с водой; мясо они едят только по воскресным дням; их одежда самая заурядная». Джонс признает, что испольтчики, проживающие близ Флоренции, имеют весьма высокий уровень благосостояния, и объясняет это отчасти производством соломенных плетеных изделий, благодаря которому крестьянки, по словам Шатовё *, могут заработать от 15 до 20 пенсов в день. Но даже этот факт свидетельствует в пользу испольтщины, ибо в тех частях Англии, где женщины и дети из класса работников занимаются либо плетением из соломки, либо вязанием кружев, как, например, в Бедфордшире и Букингемшире, положение этого класса не лучше, а, пожалуй, даже хуже, чем в других местах, причем заработки сельскохозяйственных рабочих занижены ровно на столько, сколько дают заработки от занятий указанными промыслами.

Несмотря на собственное заявление о нищете испольтчиков, Шатовё высказывается в пользу этой системы — по крайней мере в Италии. «Ведение сельского хозяйства на основе испольтщины занимает и постоянно интересует собственников земли **, чего никогда не бывает с крупными землевладельцами, сдающими свои поместья в аренду на условиях выплаты фиксированных рент. Испольтщина устанавливает общность интересов и отношения доброжелательности между землевладельцами и испольтчиками; доброжелательности, свидетелем которой я часто был и которая приносит огромные преимущества в нравственное состояние общества. Землевладелец, при этой системе всегда заинтересованный в урожае, никогда не отказыва-

---

* "Letters from Italy", p. 75.

** Ibid., p. 295—296.

ет в авансе под залог урожая, авансе, который земля обещает воздать с лихвой. Именно посредством этих авансов и под воздействием возбужденной таким образом надежды богатые землевладельцы постепенно улучшили все сельское хозяйство Италии. Это благодаря им существуют многочисленные ирригационные системы, обводняющие итальянские земли, а также возникло террасное земледелие на склонах холмов — постепенные, но постоянные улучшения, которые простые крестьяне по недостатку средств никогда бы не смогли осуществить и которые никогда бы не свершили ни фермеры, ни сдающие свои поместья в аренду на условиях выплаты фиксированных рент крупные землевладельцы, поскольку они недостаточно заинтересованы в этих улучшениях. Таким образом, эта система взаимной заинтересованности породила союз между богатым землевладельцем, средства которого обеспечивают осуществление улучшений в сельском хозяйстве, и исполщиком, заботы и труд которого благодаря общим интересам направлены на то, чтобы извлечь максимальную пользу из этих предварительных вложений».

Но самое благоприятное для этой системы свидетельство мы встречаем у Сисмонди, оно обладает тем преимуществом, что основано на конкретных и точных данных; сообщения Сисмонди — это не заметки путешественника, а наблюдения землевладельца, проживающего в сельской местности и близко знакомого с деревенской жизнью. Его описания относятся к Тоскане вообще и особенно к долине Ньеволе, в которой находится его собственная земля. Эта местность лежит за пределами земель, непосредственно прилегающих к Флоренции и находящихся предположительно в благоприятных условиях. Это один из тех районов, в которых размеры ферм, по-видимому, минимальны. Ниже следует данное Сисмонди описание жилищ и образа жизни исполщиков этого района*.

«Дом с добротными, сложенными из известняка на известковом же растворе стенами, всегда имеет по меньшей мере еще один, иногда два этажа, помимо первого. На первом этаже обычно расположены кухня, хлев для двух коров или волов и кладовая, получившая свое название — *tinaia* — от больших чанов (*tini*), в которых оставляют

---

* Из его шестого очерка, на который уже дана ссылка.

выбравать на вино вовсе не давленный виноград; здесь же ипольщик хранит бочки, масло и зерно. Почти всегда к дому пристроен навес, под прикрытием которого ипольщик может чинить свои орудия или рубить корм скоту. На втором и третьем этажах расположены две, три, а часто и четыре спальни. Обычно самую просторную и хорошо проветриваемую из них ипольщик отводит в мае и июне для выращивания тутового шелкопряда. Основными предметами мебелировки комнат являются огромные сундуки для хранения одежды и белья и несколько деревянных стульев, но молодая жена всегда приносит в хозяйство шкаф из орехового дерева. Над кроватями нет пологон и занавесей, но на каждой кровати, помимо тюфяка, набитого эластичной кукурузной соломой, лежат один-два матраца, набитых шерстью или же у самых бедных крестьян очесами, хорошее одеяло, простыни из прочной холщовой ткани; лучшую семейную постель по шраздникам застилают шелковым покрывалом. Единственный очаг находится в кухне, где стоят также большой деревянный стол, за которым семья обедает, скамьи, большой сундук, используемый для хранения хлеба и других пищевых продуктов, а также для замешивания теста; здесь же находится довольно полный набор сковородок, блюд и глиняных тарелок — посуды, впрочем, дешевой; одна или две металлические лампы, безмен и по меньшей мере два медных кувшина для ношения и хранения воды. Все белье и рабочая одежда членов семьи сделаны из ткани, сотканной женщинами, живущими в доме. Одежда и мужчин, и женщин сшита из материала, который, будучи толстым, называется *mezza lana*, а будучи тонким — *mola* и сделан из грубой конопляной или кудельной нити с хлопчатобумажной или шерстяной набивкой; ткань эту красят те же женщины, которые соткали ее. Едва ли можно поверить в то какое количество ткани и *mezza lana* могут накопить крестьянки благодаря неутомимому трудолюбию, сколько простыней припрятано у них; какое количество рубаш, курток, брюк, юбок и платьев есть у каждого члена семьи. В качестве примера прилагаю в примечании описи личного имущества члена крестьянской семьи, которую я знаю наилучшим образом; эта семья не принадлежит к самым богатым, но и не самая бедная и благодаря собственному трудолюбию счастливо живет на половину продукта, получаемого с площади менее 10 арпанов зем-

ли *. Молодые женщины получают в приданое 50 крон — 20 сразу, а остальное частями, по две кроны в год. Тосканская крона равна 6 франкам (4 шилл. 10 пенсам). В других районах Тосканы, где наделы, арендуемые на условиях ипольщины, крупнее, самое обычное приданое крестьянской девушки составляет 100 крон, или 600 франков».

Разве это нищета или похоже на нищету? Когда обычное — а де Сисмонди говорит даже «обычайшее» — приданое дочери ипольщика составляет сумму, равную в английских деньгах 24 ф. ст., что в Италии и среди указанного сословия эквивалентно по меньшей мере 50 ф. ст.; когда женщина, приданое которой составляет всего лишь половину этой суммы, имеет описанный гардероб, который Сисмонди представляет как самый средний, тогда этот класс по своему общему положению вполне сравним даже со значительной частью фермеров-капиталистов из других стран и стоит несравнимо выше поденщиков любой страны, за исключением какой-нибудь новой колонии или Соединенных Штатов. Впечатления путешественников о плохом качестве пищи ипольщиков, противопоставленные этим свидетельствам, позволяют сделать весьма ограниченные выводы. Дешевизна пищи ипольщиков может быть следствием скорее бережливости, нежели необходимости. Дорогостоящее питание не является излюбленной роскошью южных народов, все классы которых питаются главным образом овощами, а крестьяне любой страны континентальной Европы не имеют пристрастия английского работника к белому хлебу. Но, по мнению Сисмонди, пища тосканского крестьянина «здоровая и разнообразная:

---

* Опись *trousseau* (приданого) Жанны, дочери Валенте Папини, при ее вступлении в брак с Джоваккино Ланди 29 апреля 1835 г. в Порта Веккья, что близ Пешьи:

«28 рубашек, 7 хороших платьев (из особой шелковой ткани), 7 платьев из набивной хлопчатобумажной ткани, 2 зимних рабочих платья (из *mezza lana*), 3 летних рабочих платья и 3 юбки (из *tola*), 3 белые юбки, 5 передников из набивного полотна, 1 — из черного шелка, 1 — из черной мериносовой шерсти, 9 цветных рабочих передников (из *tola*), 4 белых, 8 цветных и 3 шелковых платка, 2 вышитые вуали и 1 тюлевая вуаль, 3 полотенца, 14 парчулок, 2 шляпы (одна фетровая, другая соломенная); две оправленные золотом камеи, пара золотых серег, четки с двумя серебряными римскими кронами, 1 коралловое ожерелье с золотым крестиком... Все более богатые невесты того же класса имеют, помимо перечисленного, *veste di seta* — богатое праздничное платье, которое они одевают всего лишь четыре-пять раз в жизни».

ее основу составляет пшеничный хлеб — хотя и грубого помола, но без отрубей и всяких иных примесей. Зимой крестьяне едят всего лишь два раза в день: в десять утра они едят полленту, вечером — суп, а затем — хлеб с какой-нибудь закуской (*companatico*). Летом они едят три раза в день — в восемь утра, в час дня и вечером; но очаг растапливают лишь раз в день, в обед, который состоит из супа, солонины или вяленой рыбы, фасоли или зелени, которые едят с хлебом. Солонина занимает в их питании очень малое место, ибо считается, что 40 фунтов засоленной свинины в год вполне достаточно для одного человека; дважды в неделю маленький кусочек такой солонины кладут в похлебку. По воскресным дням на столе у них всегда появляется блюдо из свежего мяса, но количество его невелико, и, как бы ни была многочисленна семья, мяса бывает не больше фунта или полутора фунтов. Нельзя забывать о том, что тосканские крестьяне обычно производят оливковое масло для собственного потребления и используют его не только для заправки ламп, но и для приправы всех идущих в пищу овощей, которые благодаря маслу становятся более вкусными и питательными. На завтрак они едят хлеб, а иногда сыр и фрукты; на ужин — хлеб и салат. Пьют они скверное местное вино, *vinella* или *piquette*, которое делают путем выбраживания залитых водой виноградных выжимок. Однако они всегда сохраняют несколько бутылок самого лучшего своего вина на день обмолота зерна и семейные праздники. Примерно 50 бутылок скверного вина и 5 мешков пшеницы (что равно примерно 1 тыс. фунтов хлеба) считаются припасом, необходимым для пропитания в течение одного года взрослого человека.

Не менее достойны внимания и замечания Сисмонди относительно нравственного воздействия этого состояния общества. Поскольку права и обязанности исполщика зафиксированы обычаем, а все государственные и местные налоги платит землевладелец, «исполщик обладает выгодами земельной собственности, не неся бремени ее защиты. Все связанные с землей спорные вопросы приходится решать землевладельцу; арендатор живет в мире со своими соседями — между ними нет никакого повода для вражды или недоверия, он сохраняет доброе взаимопонимание как с соседями-крестьянами, так и со своим землевладельцем, сборщиком налогов и церковью; он мало про-

дает и мало покупает; он не соприкасается с крупными суммами денег, но редко должен оплачивать что-либо. О мягком и добром характере тосканцев часто говорят, в недостаточной, однако, степени отмечая ту причину, которая более всего способствует поддержанию этой мягкости, — порядок аренды, при котором весь класс сельских хозяев, составляющий более трех пятых населения, избавлен почти от всякой возможности к ссоре». Фиксированность аренды, которой ипольщик обладает в соответствии с обычаем до тех пор, пока выполняет свои обязанности, придает ему местные привязанности и почти такое же сильное чувство заинтересованности, какое присуще собственнику. «Ипольщик живет на сданном ему в аренду наделе, как в своем наследственном владении, преданно любя свое хозяйство, трудясь не покладая рук над его улучшением, веря в будущее и обеспечивая то, что после него его землю будут обрабатывать его дети и внуки. Действительно, большинство ипольщиков живет на одних и тех же фермах из поколения в поколение; они знают свои фермы во всех подробностях с той скрупулезностью, дать которую может одно лишь чувство собственности. Делянки расположены одна над другой, террасами зачастую не более 4 футов шириной, но нет ни одного клочка земли, качества которого ипольщик не изучил. Этот участок сухой, а другой — холодный и сырой; здесь почвенный слой глубок, а там лежит тонкой корочкой, едва покрывающей скалу; на одном участке лучше всего растет пшеница, на другом — рожь; здесь следовало бы затратить усилия на посев кукурузы, тут неподходящая почва для бобов и lupина, а дальше прекрасно будет расти лен, берег этого ручья подойдет для конопли. Таким образом, с удивлением узнаешь от ипольщика о том, что почва участка площадью 10 арпанов имеет такое разнообразие свойств и качеств, какое не в состоянии обычно выявить богатый фермер в хозяйстве площадью 500 акров. Ибо такой фермер знает, что является всего-навсего временным владельцем, и, более того, он знает, что должен вести работы в соответствии с общими правилами и пренебрегать деталями. Но заинтересованность и любовь к земле настолько пробудили сообразительность опытного ипольщика, что сделали его очень наблюдательным, и, располагая своим будущим, ипольщик думает не только о себе одном, но и о своих детях и внуках. Поэтому, сажая оливу — дерево,

которое простоит века, — и прокапывая на дне лощины, где он сажает оливу, канаву, чтобы спускать воду, которая может повредить дереву, он изучает все слои земли, которые ему предстоит прокопать» *.

§ 4. Я не предлагаю эти цитаты в качестве доказательств превосходства, внутренне присущего итальянцам; но они, несомненно, достаточны для того, чтобы доказать, что ни «земля, возделанная жалким образом», ни народ, пребывающий в «самой крайней нищете», не состоят в необходимой связи с итальянцами и что безмерные поношения, щедро излитые на эту систему английскими авторами, основаны на крайне узком видении данного предмета. Я смотрю на сельское хозяйство Италии просто как на значительное дополнительное свидетельство в пользу мелких наделов, находящихся в постоянной аренде. Это пример того, что может быть выполнено при этих двух условиях, учитывая помехи, проистекающие из специфической природы соглашения об аренде исполу, когда побуждения арендатора к труду лишь в половину столь же сильны, как были бы, если бы он хозяйствовал на земле на той же основе вечности аренды, уплачивая денежную ренту, либо фиксированную, либо изменяющуюся в соответствии с некоторым правилом, которое оставляло бы арендатору всю

---

* О сообразительности этогомышленого народа де Сисмонди пишет в самых лестных выражениях. Немногие из них умеют читать, но почти всегда в семье есть мужчина, которого прочтут священники и который читает вслух зимними вечерами. Их язык мало отличается от чистейшего итальянского языка. Всеобщим среди них является пристрастие к стихотворным импровизациям. «Крестьяне долины Ньеволе летом по праздникам с 9 до 11 часов вечера часто посещают театр; входной билет стоит им немногим более 5 фр. су (2,5 пенса). Их любимым автором является Альфьери; этим людям, не умеющим читать и ищущим у этого сурового поэта отдохновения от своих тяжких трудов, известна вся история Атридов». В отличие от большинства сельских жителей они находят удовольствие в красоте своей местности. «В холмах долины Ньеволе перед каждым домом имеется ток площадью, редко превышающей 25—30 сажень; зачастую это единственное ровное место на всей ферме; одновременно эта площадка является террасой, господствующей над равнинами и долиной, с нее открывается вид на восхитительную местность. Кажется, всякий раз, когда я останавливался полюбоваться открывшимся с такой площадки видом, ко мне подходил хозяин-испольщик, чтобы насладиться моим восхищением и показать пальцем на красоты, которые, по его мнению, могли ускользнуть от моего внимания».

выгоду от его собственных усилий. Аренда исполу не является такой арендой, которую мы желали бы ввести там, где потребности общества не вызвали ее к жизни естественным порядком, но нам не следует стремиться уничтожить ее на основании просто априорного убеждения о ее неудобствах. Если в Тоскане исполу функционирует на практике столь хорошо, как это представляет со всем видимым знанием мельчайших подробностей такой компетентный специалист, как Сисмонди; если образ жизни народа и величина ферм сохранились на протяжении веков и по-прежнему остаются такими *, как он пишет, то было бы жаль, если бы уровень благосостояния сельского населения, столь значительно превосходящий то, что имеет место в большинстве европейских стран, подвергся риску при попытке ввести под видом совершенствования сельского хозяйства систему денежных рент и создать класс фермеров-капиталистов. То, что такое изменение приведет к лучшему, не следует принимать за само собою разумеющуюся истину даже там, где исполу бедны, а дробление наделов весьма значительно. Увеличение размеров ферм и введение того, что называют улучшениями сельского хозяйства, обычно сокращает численность работников, занятых в земледелии; и если рост торгового и промышленного капитала не предоставит вытесненному из села населению возможностей к найму или если нет пустошей, которые можно было бы поднять и на которых можно было бы расселить этих людей, то конкуренция снизит заработки настолько, что этим людям, в их новом положении поденщиков, будет житься, вероятно, хуже, чем тогда, когда они были исполщиками.

Джонс выдвигает против французских экономистов прошлого века весьма основательные возражения, состоя-

---

* «Никогда, — пишет Сисмонди, — не сыскать семьи исполщика, которая предлагала бы своему землевладельцу разделить занимаемый ею участок, если только объем работ на нем действительно не превышает способностей членов этой семьи и если они не уверены в том, что сохранят на меньшем участке земли те же самые блага. Мы никогда не встретимся с тем, чтобы в брак вступали несколько сыновей, создавая соответствующее число новых семей; лишь один из них женится и берет на себя хозяйство; никто из остальных не женится, если только первый не оказался бездетным или если кому-нибудь из них не предложат еще один надел на условиях исполщины». — «New Principles of Political Economy», book III, ch. 5.

щие в том, что экономисты эти, преследуя свою излюбленную цель — введение денежных рент, сосредоточили рассуждения единственно на замене испольтчиков фермерами, вместо того чтобы рассмотреть пути превращения нынешних испольтчиков в фермеров. Такое превращение, как он справедливо замечает, едва ли может осуществиться до тех пор, пока испольтщикам не будет предоставлена возможность делать сбережения и стать собственниками всего необходимого для ведения хозяйства. Землевладельцы же должны в течение продолжительного времени смиряться с сокращением своих доходов вместо того, чтобы ожидать их роста, надежда на который является, вообще говоря, для землевладельцев непосредственным мотивом к участию в подобной попытке. Если бы это превращение было совершено и не сопровождалось бы какими-либо иными изменениями в положении испольтщика, если бы испольтщик, сохраняя все прочие права, обладание которыми гарантировано ему обычаем, попросту избавился от притязаний землевладельца на половину продукта, вместо которой испольтщик уплачивал бы умеренную фиксированную ренту, он находился бы в лучшем положении, чем ныне, поскольку ему принадлежали бы все плоды сделанных им улучшений, а не половина их. Но даже в этом случае выгода не была бы лишена некоторых отрицательных моментов, ибо испольтщик, хотя он сам и не является капиталистом, имеет своим партнером капиталиста и пользуется, по крайней мере в Италии, значительным капиталом, что доказано превосходными постройками на их усадьбах. Однако невозможно предположить, что землевладельцы и впредь будут согласны подвергать свою движимую собственность риску, присущему предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве, если получение фиксированных денежных рент гарантировано им и без этого риска. Так обстоит бы дело даже в том случае, если бы изменения оставили фактическую фиксированность аренды, которой пользуется испольтщик, незыблемой и превратили испольтщика в крестьянина-собственника, платящего фиксированную ренту. Но если мы предположим, что испольтщик превращен в простого арендатора, которого землевладелец может согнать когда ему заблагорассудится и арендные платежи которого подвержены росту под влиянием конкуренции до любого размера, какой только сможет предложить или пообещать платить за занимаемую

арендатором землю какой-нибудь несчастный, ищущий средства к существованию, то исполнитель утратит все преимущества его нынешнего положения, которые предохранят его от ухудшений. Он будет лишен своего нынешнего положения, при котором он является наполовину собственником земли, и опустится до состояния арендатора-коттера.

К читателю	5
Вступительная статья	7
Предисловие (1848 г.)	75
Книга I. Производство	107
Глава I	
Об элементах производства	109
Глава II	
О труде как агенте производства	117
Глава III	
О непроизводительном труде	135
Глава IV	
О капитале	148
Глава V	
Основные положения о капитале	159
Глава VI	
Об оборотном и основном капитале	194
Глава VII	
От чего зависит степень производительности факторов производства	206
Глава VIII	
О кооперации или комбинировании труда	225
Глава IX	
О крупном и мелком производстве	245
Глава X	
О законе возрастания труда	275
Глава XI	
О законе возрастания капитала	285
Глава XII	
О законе возрастания продукта земли	303
Глава XIII	
Выводы из предыдущих законов	321

Книга II. Распределение	335
<i>Глава I</i>	
О собственности	337
<i>Глава II</i>	
Продолжение той же темы	362
<i>Глава III</i>	
О классах, между которыми распределяется продукт	389
<i>Глава IV</i>	
О конкуренции и обычае	394
<i>Глава V</i>	
О рабовладении	403
<i>Глава VI</i>	
О крестьянах-собственниках	412
<i>Глава VII</i>	
Продолжение той же темы	447
<i>Глава VIII</i>	
Об исполщниках	472

Дж. С. Милль

**ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ И НЕКОТОРЫЕ
АСПЕКТЫ ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ
К СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

ИБ № 7127

Редактор О. Г. Радынова
Художник В. И. Астафьев
Художественный редактор В. А. Пузанков
Технический редактор И. А. Юдина
Мл. редакторы Г. В. Иорданская, О. М. Фролова
Корректор Т. А. Шустова

Сдано в набор 10.4.80. Подписано в печать 6.11.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная-новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 26,97. Тираж 7000 экз. Заказ № 363. Цена 1 р. 90 к. Изд. № 28830.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская, 1

ДЖ.С.МИЛЛЬ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. I

1р. 90в.